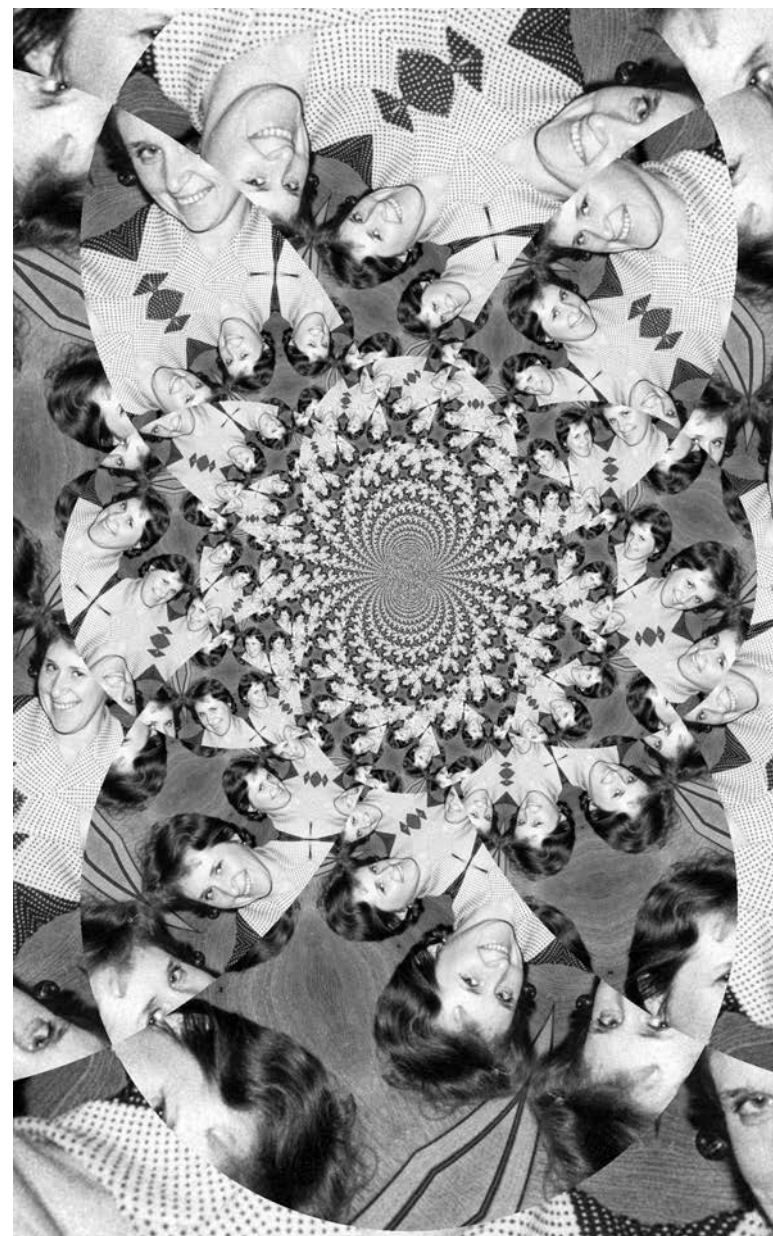

Когда-то в эпоху нашего детства
одной из любимых игрушек был калейдоскоп.
Трубочка длиной 10-15 сантиметров
сверху и снизу закрыта стеклышками,
между ними насыпаны фигурки разного цвета и формы.
Смотришь в калейдоскоп через верхнее стекло,
чуть потряхиваешь, и перед взором растут многоцветные узоры.
Иногда видишь очень красивую гармоничную фигуру;
иногда картинка проста и мало интересна,
но чуть дрогнет рука — и все изменилось.
Многие минуты заковано следила за игрой фигур и цвета.
Порой начинало казаться,
что я могу по своему желанию управлять преобразованиями, —
вот еще чуть-чуть, и получится задуманное.
Не тут-то было: в одно мгновение
почти подчинившийся процесс без моего ведома рушился,
каскадом выбрасывая мне в лицо неприятные картины.
Брошу игрушку в сторону, а отвлечься не могу,
почему-то заливает сердце грустью...

ГАЛИНА РЕПКИНА 8 МОЙ КАЛЕЙДОСКОП

ГАЛИНА РЕПКИНА
МОЙ КАЛЕЙДОСКОП

ГАЛИНА РЕПКИНА

МОЙ КАЛЕЙДОСКОП

Рассказы, воспоминания, размышления, письма, стихи

РЕПКИНА Галина Викторовна (1932 — 2017) — доцент, кандидат психологических наук, автор свыше 70 научных публикаций по психологии; 9 литературных публикаций из серии «Сказки бабушки Галины» и двух книг из популярной серии «Заметки психолога», работала в разные годы учителем, преподавателем и заведующей кафедрой в Харьковском университете и Харьковском институте искусств, старшим научным сотрудником Военной Академии Министерства ПВО СССР.

Более подробно на сайте www.skazkiplus.at.ua или www.facebook.com/skazkiplus/

Отзывы и предложения направлять по электронной почте: skazkiplus@gmail.com

Уважаемый читатель! Эта книга находится в свободном доступе. Любой желающий может скачивать, копировать или бесплатно распространять её с условием указания авторства, некоммерческого использования и без внесения изменений без соглашения с наследниками. CC Attribution — Noncommercial — No Derivative Works (сокращённо CC BY-NC-ND) Лицензия «С указанием авторства — Некоммерческая — Без производных»

Если вдруг у вас возникнет непреодолимое желание в качестве благодарности перевести некоторую сумму наследникам Галины Викторовны Репкиной, это можно сделать через PayPal на емейл oukleine@gmail.com с пометкой «Книги Г. Репкиной».

Если Вы издатель и хотите сделать бумажную версию книги на коммерческой основе, напишите Репкиной Наталье Владимировне на емейл nvrepkina@gmail.com или skazkiplus@gmail.com и мы Вам обязательно ответим. Большое спасибо!

Все права защищены.

© Галина Репкина, текст, 2020

Никакая часть этой публикации не может использоваться в коммерческих целях без предварительного согласия и письменного разрешения Репкиной Натальи Владимировны (nvrepkina@gmail.com).

Дизайн: Алексей Уклеин

www.immediator.ca

Copyright © 2020 by Galina Repkina: texts.

All rights reserved. No part of this publication may be used for commercial purposes without prior consent and written permission from Natalia Repkina (nvrepkina@gmail.com).

Designed by Alexei Oukleine

www.immediator.ca

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
Во имя добра и радости	7
ПРЕДИСЛОВИЕ	8
КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ — ДОЛГАЯ ПАМЯТЬ	11
Химик.	11
Родная душа	12
Приемная дочь армянской семьи	14
На краю света	16
В гостях у бабы Вари	19
Майкл, «наш» американец	20
Пронзенные стрелой Амура	23
Сандика.	24
Цыганка Маня.	26
«Рижский бальзам».	28
Конфетти.	30
Наталья-экстрасенс	36
Катерина	38
«Белая ворона»	40
Мой последний студент	41
«Разгоню облака»	45
ТАК ИЗ СЕРДЦА УХОДИЛА ВОЙНА	51
Введение	51
Школа.	52
Молоко для Леночки	56
Кусочек колбасы	58
Мародер из Сталинграда	60
Катя и Сева.	61
Поросенок	62
Бабушка	63
Наша «Зоя».	65
Марина Раскова.	66
Сын полка	69

Мои подруги.	72
Затмение солнца	77
Вальку продали!.	78
«Убийца»	79
Так из сердца уходила война	81
Братья.	85
ПЕРВЫЕ ТРУДОВЫЕ БАСТИОНЫ.	92
ДО ТРУДОВОЙ КНИЖКИ.	92
Пионерский лагерь	92
Лаборатория биофизики зрения.	98
Мой «сельский» труд.	108
ШКОЛА: САХАЛИН, ГОРНОЗАВОДСК.	123
Первый педагогический опыт	123
Средняя школа	133
ВНУТРЕННИЕ БАРЬЕРЫ	139
МОЙ КАЛЕЙДОСКОП	155
ПРОБУЖДЕНИЕ СПОСОБНОСТЕЙ	200
СЧАСТЬЕ ПРИКОСНОВЕНИЯ ВЕЛИКИХ ТАИН	209
ПОСЛЕСЛОВИЕ	221
ИЗ ДРУГИХ СБОРНИКОВ	223
СЛУЧАЙНОСТИ ИЛИ СУДЬБА?.	224
МИР ТЕСЕН.	225
ДЯДЯ ЛЕНЯ	231
ИТАЛИЯ	238
БОГИНЯ	264
ВЕРШИНА.	266
ВЗРОСЛЫЕ В МИРЕ ДЕТЕЙ.	271
Предисловие.	271
Короткие рассказы о маленьких проблемах.	272
Потешки	301
ЧУНЯ И ЛОТТА	314
ЗАБАВЫ	328
ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГАЛИНЫ РЕПКИНОЙ.	342

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Эта книга составлена из трёх. В самом начале 2009 года я собрал под одну обложку и издал тиражом 10 (десять) экземпляров то, что моя любимая тётушка Галина Викторовна Репкина (1932 — 2017) посылала своей сестре, моей маме. Тёте Гале идея понравилась, и в скором времени она издала переработанный вариант той книги под названием «Во имя добра и радости. Заметки психолога». К сожалению, окончательные файлы, ушедшие в типографию, утрачены. А книга очень интересная и не менее полезная, и заслуживает вторую — цифровую — жизнь. Можно было бы просто вооружиться сканером, но я пошёл другим путём — в первой части оставил всё в той же редакции, как и в её книге, просто увеличив количество фотографий (ведь все же любят разглядывать картинки!) и добавив во вторую часть не вошедшие в её издание тексты и стихи, а также фрагменты из сборника «Взрослые в мире детей», вернулся к своему названию — «Мой калейдоскоп».

Алексей Уклеин

ВО ИМЯ ДОБРА И РАДОСТИ

Многое вокруг не приемлю,
Многое серьезно волнует.
Но если бы все сначала,
То непременно хотела бы
Жизнь такую же.
Со всеми ее волнениями,
Со всеми ее ошибками,
Тяжелыми сомнениями,
Душевных мук ее пытками,
С прозрачной радостью светлую,
С любовью всепоглощающей,
Трудами большими и неприметными
И добротой, ошибки прощающей...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие, я думаю, обращали внимание на то, что наши воспоминания не представляют собой зеркальную картинку произошедших событий и чувств, которые сопровождали их. Более того, наша память, возвращая их нам, с каждым разом вносит в них изменения.

Самый простой вариант — потеря некоторых, а то и многих деталей. То затрудняемся сказать, когда это случилось; то мучительно вспоминаем имена хорошо знакомых людей; то не помним, что предшествовало событию, несомненно, важному. Нередко мучаемся, силясь восстановить утерянные детали, когда это по ряду причин вдруг оказывается просто необходимым. В большинстве случаев выпадения прошедшего из памяти нам кажутся естественными, и мы не задумываемся над этим. И это вопреки тому, что многие наверняка слышали о существовании закономерностей забывания. Ну, хотя бы немного знают о теории Зигмунда Фрейда, согласно наблюдениям которого, такие потери есть следствие нашего неосознаваемого упорного нежелания помнить конкретные факты, переживания, ошибки, особенно те, в которых мы выглядим не лучшим образом.

Как бы это ни было интересно, я, говоря о происходящих в памяти изменениях, имею в виду несколько иные процессы, которые происходят при отсутствии явных потерь. Кажется, событие или наши переживания сохранились прекрасно, но на деле нет простого их повторения. Возвращаясь к ним, мы видим в прошедшем новое, или они вызывают совсем разные оценки и чувства. Вот что-то вдруг поняли, увидели свою ошибку, открыли справедливость чьей-то обиды, испытали неведомое ранее радостное чувство, оценили чей-то поступок или отношение к нам. Такие оттенки многообразны, одно и то же событие при повторном воспоминании высвечивается разными гранями.

Не всегда такие изменения идут нам на пользу. В тех случаях, когда память возвращает нас к недавним событиям, мы редко оцениваем их объективно, причем «крен» идет чаще всего в нашу пользу: жалуем себя, оправдываем; перебираем снова кем-то сказанные слова или совершенные поступки, преувеличивая свои успехи, свою правоту, свое отношение. Это, так сказать, память неконструктивная, она ничему новому нас не учит, не помогает нашему духовному росту.

Есть иной вариант развития произошедшего. Проходит время, и новые поступки, переживания, знания, отношения к другим людям и к себе могут превратить наши воспоминания в великую созидательную силу. Мы мудреем, добреем, больше понимаем окружающих нас людей, легче прощаем им неудачи и недостатки. Одновременно лучше понимаем себя, свои поступки и чувства, видим иначе свои возможности в поисках и обретении счастья.

Именно эта тенденция растет с возрастом, помогая выйти за узкие границы своего бытия в широкий мир. В молодости мы остро чувствуем все, что в данный конкретный момент, в данный период жизни лично нам доставляет удовольствие или боль. С годами нередко возникает некоторое отстранение от сиюминутного, от настоящего. Можно сказать, акцент как бы переносится на прошлое, бывшее. При этом сила удовольствия и радости от воспоминаний растет, наполняя мудрым ощущением гармонии мира, радостным сознанием того, что вот эти впечатления были в нашей жизни, что нам выпало счастье знать много прекрасных людей, любить их и помнить. Мы бывали в замечательных городах и странах; учились и учили других, воспитывали

детей, смотрели в радостные любящие глаза.

Возможно, от того, что мне много лет, такие воспоминания посещают меня все чаще. Они дают мне силу преодолевать совсем не простые жизненные обстоятельства, метания собственной души в поиске ответов на вечные вопросы о таинстве обретения веры, о смысле жизни. Думать, вновь переживать, по-новому грустить и радоваться, — это особые состояния, особое бытие. В нем неизвестный ранее смысл. Я ищу его, хочу искать и разобраться, словно от этого зависит нечто важное.

Сначала я писала об этом для себя, потом читали близкие мне люди. Увидев, что им мои воспоминания, пронизанные добрыми размышлениями, не только интересны, но нужны для изменения их взгляда на жизнь, решила поделиться моими размышлениями с далекими неведомыми людьми. Мои читатели, не считите это за нескромность. Поверьте, дело не во мне и моих переживаниях. Мое Я на этих страницах скорее похоже на условный прием, который необходим в качестве катализатора ваших размышлений о перипетиях вашей жизни, о жизни близких им людей, о ваших надеждах и свершениях, о гармонии и красоте нашего бесконечно сложного мира.

Очень надеюсь, что то, о чем вам расскажу, всколыхнет и вашу память, и вы вновь переживете самые радостные минуты и дни, мудрее увидите свои горести и печали.

В моих воспоминаниях по мере того, как они писались, обдумывались и переживались, я все явственнее чувствовала своеобразное отражение своей профессии. В каждом рассказе, кроме рассказчика, есть и второй соавтор, который как бы выбирает событие, поворачивает его той или иной гранью. И все это для того, чтобы за деталями происходящего явственнее видеть внутренний мир человека. Именно потому я добавила к общему названию подзаголовок — «Заметки психолога». Этим я не претендую на какие-то исключительно профессиональные открытия, просто отмечаю, что тут вы встретите воспоминания человека, у которого его профессия психолога дает специфический ракурс рассказам.

Думаю, что такой же отзвук дает любая профессия. Актер, вспоминая события своей жизни, остается актером не столько потому, что вы найдете рассказы о его товарищах актерах, о театральных буднях и праздниках, о провалах и фантастических успехах на сцене. Нет, дело не в этом, а в том, что в каждой строке он остается актером. Так же точно и ученый не может уйти не только от своей профессии, но и от ее конкретного направления в науке. Сельский житель и мир видит глазами землепашца или животновода. И это неизбежно, если профессия стала образом жизни. Только и всего. Вот именно этот аспект и имейте в виду, не ожидая особого научного подхода, после прочтения того, что вам предлагают заметки психолога.

В первом цикле («Короткие встречи — долгая память») само название говорит о его содержании. Это очень простые истории о встречах с обыкновенными людьми, поступки которых рождают глубокие размышления, которые могут быть весьма индивидуальны. Потому содержание событий я мало обсуждаю, давая возможность осмыслить их своим читателям.

Второй цикл коротких рассказов («Так из сердца уходила война») посвящен воспоминаниям о детских годах в период Великой Отечественной войны. Там нет страшных картин того времени, поскольку жить мне пришлось в тылу, но и там детские сердца были наполнены тревогами, страданиями, переживаниями, пронизывающими каждый день и каждый час.

Следующий цикл рассказов («Первые трудовые бастионы») охватывает достаточно большой период жизни, когда я приобретала первый трудовой опыт и начальные профессиональные знания и качества личности. Мои первые радости и печали,

мои первые увлечения работой, самой разной, а порой — и неожиданной, — все то, что было важно впоследствии для формирования профессионализма, ответственности, упорства и самоотдачи в любом деле.

Рассказ «Внутренние барьеры» — скорее исповедь о проблемах характера, возникающих при столкновении с жизненными перипетиями, когда нет опыта преодолеть их разрушительную работу. О тех проблемах, которые возникают неосознанно, исподволь, а потом превращаются в постоянную помеху в отношениях с людьми, рожают ошибки и мешают их исправить, порой переходя в трагедии.

Цикл «Мой калейдоскоп» — пестрая смесь воспоминаний, возникающих по мере работы над сборником в самое разное время по ассоциации с происходящим в данный момент событиями. Потому тут нет, так сказать, исторической последовательности, нет никакой логики в динамике описываемых переживаний. Это, пожалуй, рассказ о том, как прекрасна жизнь, — жизнь, вовсе не легкая, в ней есть и подлинное горе. Да, порой нет сил преодолеть свалившуюся тяжесть несчастья. И все-таки вопреки всему многие и многие годы пронизаны оптимизмом, уходят страдания под влиянием работы, забот о близких людях. Надо жить, ибо есть обязанности и ответственность перед близкими.

И я ищу опору, как и раньше, в вере в Бога, в доброту и силу наших душ.

Рассказ «Пробуждение способностей» — наполненная светом любви история о том, как мы с внуками погрузились в тайны искусства. Увлекательные беседы, буйная фантазия вызвали у внуков желание сочинить свою сказку. И это стало мощным толчком для расцвета способностей, определивших последующие творческие профессии.

В следующем рассказе («Счастье прикосновения великих тайн») отражены мои переживания при встрече с искусством и религией. Это лишь слабая попытка описать таинственный мир переживания встречи с высшими ценностями духовной жизни человека.

Все воспоминания не связаны меж собой единым сюжетом и хронологией. Читать можно все подряд, но вполне допустимо читать в любой последовательности и даже просматривать фрагментарно. Ровно так и столько, сколько вам, дорогие читатели, необходимо, чтобы перейти к своим личным воспоминаниям и размышлениям. Об успехе легко судить. Если вы и в самом деле включились в процесс серьезных размышлений, вы непременно почувствуете новую радость к жизни. Желаю успеха.

КОРОТКИЕ ВСТРЕЧИ — ДОЛГАЯ ПАМЯТЬ

В течение жизни было немало совершенно удивительных встреч. Длиться они могли всего несколько дней, а то и часов, но было в них нечто, совершенно особенное, будто это иллюстрация к раздумьям о высших ценностях в бытии человеческой души. Можно даже сказать, они были похожи на притчи: событий немного, а смысл богат настолько, что потом многими часами раздумываешь над ним, и каждый раз находишь что-то новое.

Вот несколько наиболее памятных историй.

Химик

Мы ехали с Володей в Москву. Наш плацкартный вагон был по обыкновению грязен, неуютен, наполнен шумным людом. Почему-то в душе разлилась грусть, и мы молча смотрели в окно. На одной из промежуточных станций, теперь не помню, на какой именно (скорее всего, это был Харьков), одно из боковых мест занял человек, сразу привлечший наше внимание. Одет очень скромно, бледный, худой, но это само по себе не удивило бы в те годы — шло первое десятилетие после войны, и таких людей можно нередко встретить. Привлекла его особая нервность. Лицо было напряжено каким-то ожиданием скорых неприятностей. И, казалось, вот они и случаются едва ли не каждую минуту. Вот кто-то прошел мимо — и он, вздрогнув от скрытых страданий, ждет несколько секунд, а потом достает из кармана пиджака бутылочку, смачивает платок находящейся в ней жидкостью и протирает рукав пиджака, стараясь сделать это незаметно. Особенно нервничал, если кто-нибудь останавливался возле него, занятый разговором или разглядыванием пейзажа за окном. Он напрягался еще больше, бледнел так, что казалось, вот-вот с ним случится обморок.

Так прошло около двух часов.

И вот на одной из станций вышел пассажир, ехавший на нижнем месте в нашем купе. Мужчина, за которым мы исподволь все это время наблюдали, переговорил с проводницей и перешел на это место. Сел, не расстелил постель, хотя все пассажиры уже устраивались на ночь. Само по себе это тоже не удивило бы — в те времена не у каждого находились деньги на постель, да и ехать, возможно, ему было недолго.

Мы занялись своими делами, своими разговорами, но вскоре прервали это, пораженные новым поворотом событий. Девушка, лежавшая над нашим пассажиром, несомненно, заметила, как и мы, странности его поведения, явно не без умысла спустила со своей полки край одеяла. Сердце сжалось от безмерного страдания на лице соседа. Он втиснулся вглубь полки, достал свой пузырек и стал протирать чуть ли не всю свою одежду, лицо, руки. Мы все поняли и попросили девушку подобрать одеяло. Она явно неохотно сделала это. Мужчина благодарно улыбнулся, но улыбка его была столь же необычной, как и все его поведение (о таких говорят — мучительная).

Стремясь как-то сгладить ситуацию, понимая, что ему тяжело и неловко, мы начали разговор на нейтральную тему. Он вяло поддержал, а потом заговорил сам, извиняясь за свои манеры, грустно заключил, что прекрасно понимает, что это раздражает других, но поделать с собой ничего не может. Увидев наше искреннее сочувствие, объяснил подробнее.

Оказалось, он работает в одном из крупнейших московских химических институтов, ведет большую научную работу. Но вот пару лет тому назад с ним случилось

несчастье: у него началась странная болезнь, пока совершенно не поддающаяся лечению. Начало ее было, как он выразился, смешным. Читая один из научно-популярных журналов, он обратил внимание на заметку, в которой рассказывалось о том, сколько микробов вокруг нас. И в один день все перевернулось. Он стал панически их бояться. «Представляете, — говорил он, — разве я этого не знал? Я же химик с прекрасным образованием. Мало этого, воевал в пехоте, ползал на брюхе по земле, ел грязнейшими руками и никогда не думал о том, сколько при этом попадает микробов». А тут вдруг такая паника... Кто только не пытался его уговорить, пристыдить, отругать — все бесполезно. Наконец дома поняли: надо лечить — и он отправился к разным специалистам. Не дает результатов. Хуже и хуже с каждым днем. Однажды, придя утром на работу, увидел, как уборщица, встав на стул, вытирает сверху пыль. «И что вы думаете, — криво улыбнулся он, — я больше никогда не сяду на стулья на работе». Работа ежедневная, напряженная, многое просто очень неудобно делать стоя, и, тем не менее уговорить себя сесть он не может. Этого мало. К ним в институт приезжает много ученых из разных мест, в том числе и к нему, поскольку его работы очень известны. Все бы хорошо, рассказывать он готов часами, но есть одна беда — обычай здороваться и прощаться рукопожатием. А это выше его сил. Старается любыми хитростями избежать подачи руки, но это далеко не всегда удается. И вот тогда он уже не может ничего рассказывать, дятлом стучит в голове мысль одна-единственная: надо скорее протереть руки спиртом. Работать все труднее, перспективы все более мрачные.

Вот, в частности, сейчас он возвращается с юга, куда ездил к какому-то очень известному знахарю. Пока был там, вроде стало немного лучше. Но вот эта дорога... Все опять вернулось. Домашние его встретят, вещи возьмут сами, дома их перестелят, перестирают, да еще постараются подсунуть их потом так, чтобы он не узнал, что это те самые, что были с ним в поездке.

Что и говорить, до самой Москвы он не спал. Утром был совсем серый от усталости и переживаний. Родные, встретив его, не обнимали, не целовали, и нам это было так понятно. Но речи их были приветливы, взгляды ласковы. Мы распрощались с ним сердечно, от всей души выражали свои надежды на исцеление. В ответ он только грустно улыбался, ласково глядя на нас, благодарный за наше искреннее сочувствие.

Много раз мы вспоминали его, и все не могли исчерпать эту многомерную тему. Волновало все: и талант этого страдающего человека, и очень высокая вероятность последующего ухудшения, и многотерпение его родных, и безразличие и даже неприязнь многих. Каким причудливым образом сплелось в этой истории бесконечное число граней человеческих судеб и отношений. И вот, поди ж ты, какая несуразность: в войну землю грыз, не задумываясь, а сейчас руки подать на может, боясь малейшей пылинки. И почему-то нередко вспоминалась та милая девушка, злорадно свесившая на него пыльное вагонное одеяло. Думалось не только об этом ее поступке, а и о том, сможет ли она нормально общаться со своими родными, друзьями, будущими детьми, найдет ли в себе доброту, милосердие, терпение, способна ли она на любовь, научится ли понимать и уважать других.

Родная душа

Именно в поезде бывают неожиданные встречи. Ничего таинственного в этом нет, просто люди в поезде бывают более открыты общению и откровенны в своих рассказах о себе: встретились и разошлись, скорее всего, навсегда.

Нина Сергеевна села в поезд в Туле и ехала со мной в одном купе до Харькова. Правда, большая часть пути прошла ночью, но утром я успела и увидеть ее получше,

и поговорить. Это была женщина моих лет, очень милая, с удивительно приветливым взглядом, — короче говоря, одна из тех женщин, которые украшают собой весь мир (ну да, ну да, как в известном выражении о том, что человек красит место). Под статью ей была и одна из рассказанных ею историй.

Ехала она как-то раз, несколько лет тому назад, вот так же из Ленинграда. В одном купе с нею ехал юноша, студент одного из ленинградских вузов. Милый, симпатичный, но разговаривать с ним почти не пришлось: как и полагается нормальному студенту, он почти весь путь до своей станции проспал. Узнала лишь, что в последние дни каникул он едет проведать своих родственников после летней работы в стройотряде, — хочет, сказал с гордостью, поделиться заработанными деньгами. Еще бы — первый заработок! Этим он стал ей еще симпатичнее. Кому-то везет деньги вместо того, чтобы потратить на себя. Это было бы вполне оправданно: одет бедненько, но в те годы это было не диво, большинство жило очень скромно, тем более, студент. Узнала, что родителей у него нет, погибли в войну, а есть тетя на Украине, которая ему помочь может изредка продуктами, а денег у них практически нет.

Поговорили тепло, испытывая взаимную симпатию, потом уснули, а ночью на какой-то станции он вышел, а она и не помнила, говорил ли он ее название, знала только, что потом ему еще добираться до тетки машинами.

Готовясь позже к своему выходу, она открыла полку, чтобы взять свои вещи, и увидела там старый потрепанный бумажник. Открыла — и ахнула: там лежала куча денег. Скорее всего, это были его деньги. Но как поступить? Отдать проводнику бессмысленно, так как ни фамилии юноши, ни названия его института она не знала. Да и никакой уверенности, что даже при этих сведениях проводница вернет деньги. Не было смысла обратиться в милицию по тем же причинам. Так ничего не решив, сошла с поезда. Дома рассмотрела находку внимательнее. В ней оказалось больше трех тысяч рублей, по тем временам деньги немалые: она сама получала в месяц чуть больше семидесяти. Была в бумажнике и еще одна очень важная вещь — студенческий билет в библиотеку, конечно, с названием института, факультета и его фамилией. Опять пришлось поразмышлять, что делать. Рассказала обо всем дома. Ее муж и сын стали наперебой давать советы, самые разные и трудно реализуемые. Из всего обсуждения сделали единодушный вывод: надо дать телеграмму в его институт, хоть там сейчас его и нет, но, когда он вернется, ему ее отдадут. Конечно, хорошо бы самой отвезти, да нет ни денег на это, ни свободных дней, ибо отпуск ее закончился. Дала телеграмму, а послать деньги в институт не решилась: совершенно не известно, что за люди там работают в каникулы, — как-то очень ненадежно.

В ожидании ответа или новостей из Ленинграда шли дни. Время от времени ее сын просил достать бумажник, и они раскладывали деньги по кучкам, пересчитывая их многократно. «Вот бы нам столько!» — мечтали оба, не видевшие такой суммы ни разу. Иногда начинали планировать, что бы можно было сделать, будь у них такая сумма. Однако никто и никогда не высказал даже намек на то, что деньги эти свободно могла она взять себе, — во всяком случае, до того, как отправила телеграмму. К этим деньгам был интерес лишь как к толчку для игры фантазии.

Больше месяца не было ответа из Ленинграда. И вот, наконец, долгожданное письмо: юноша вернулся с каникул очень больной, и его положили в больницу с высокой температурой. В письме не было ни слова о деньгах, что немного их удивило. Впрочем, юноша, вероятно, не придумал, как об этом спросить. Вряд ли не был уверен в их целостности, скорее всего, не придумал, как заговорить о них.

Опять возобновились совещания семейного совета. Проще всего было бы отправить почтой, но был только адрес института. Если он еще в больнице, ему их не

получить. При этом, несомненно, он в деньгах очень нуждается. И тогда единодушно решили, что ей надо взять отпуск за свой счет, одолжить денег и ехать в Ленинград. Так она и сделала. Нечего и говорить, как обрадовался юноша и тому, что деньги вернулись, и тому, что она приехала. Он, оказывается, не зная еще ни о чем, все время ее вспоминал, мечтая о встрече и горя о том, что совсем не знает ее адреса.

— Ну, вот, заключила она, улыбаясь, теперь у меня есть еще один сын, — и добавила с гордостью, — старший. И знаете, он очень хороший человек и учится замечательно. Вот теперь иногда ездим к нему с мужем по очереди, Мужу проще: ему удастся совместить поездку с производственными делами. Он может взять командировку, и денег поэтому надо совсем мало, — главное помочь сыну. Помолчав немного, с улыбкой добавила: — А знаете, что в тот раз, когда мы встретились с ним в поезде, я ездила в Ленинград полюбоваться городом моей мечты. Полюбовалась всласть, но потом, когда возникли проблемы с этими деньгами, даже жалела об этом, — нет, не о том, что Ленинград повидала, а о том, что, как мне казалось, много денег потратила, — было бы легче тогда к нему съездить, меньше было бы занимать.

Вот в этой детали вся ее душа: не о том жалеет, что не взяла себе деньги, такие необходимые в ее небогатой семье, деньги, которые сами буквально свалились на нее, и ни один человек этого не видел. Жалела о том, что без этих расходов легче было помочь неизвестному юноше. Думать об этом можно много. То ли время было такое, когда испытания выпали на долю каждого. Но что говорить о времени, — ведь практически в это время жила и та девушка, которая намеренно травмировала больного человека, ничего плохого ей не сделавшего, ничем перед нею не виноватого. Конечно, в этой истории были конкретные люди, живущие по законам человечности. Такие люди есть всегда, их видно то больше, то меньше; так же точно, есть всегда и совершенно иные, и их видно сразу. А нам думать и думать, «кто более истории ценен», как по другому поводу писал Маяковский. И у разных людей на этот вроде бы нехитрый вопрос всегда разные ответы.

Приемная дочь армянской семьи

А вот еще одна «вагонная история».

В одну из своих поездок из Москвы я оказалась в поезде Москва-Ереван. Со мной в купе ехала приятная женщина, с которой мы легко разговорились. Сначала, естественно, обо всякой дорожной чепухе, потом, опять-таки естественно, учитывая возникшую обоюдную симпатию, о себе. И я услышала от Тамары, — так ее звали, — занятную историю.

Несколько лет назад в этом же поезде ехал юноша, нуждавшийся после фронтовых ранений в хорошем лечении. У него, как это бывало в те годы, практически не осталось родных. Где-то в Ереване до войны жил его дядька. Знал он его имя и фамилию, адреса не было, но зато, ему казалось, он хорошо помнил с детских лет его дом. Наивность такого рода тоже была данью времени, когда люди искренне рассчитывали на то, что раз нет войны, все остальные проблемы смогут решить, если и не самостоятельно, то с помощью добрых людей. Вот он и ехал, не имея ни адреса, ни денег, но зато — к родному человеку.

Рядом с ним в вагоне ехал такого же возраста армянин. Разговорились. Его нового товарища немного удивило то, что он едет фактически в никуда, но ничего не сказал, не стал его ни критиковать, ни отговаривать. Ехали долго. В какой-то момент армянин попросил у юноши занять ему 5 рублей. Деньги небольшие, но и эти для него были заметной суммой. Тем не менее, почти не колеблясь, он достал эти деньги. Когда

он отдавал их своему попутчику, тот видел, какими средствами располагал его русский товарищ. Узнав, что это все, пятерку не вернул, сказав, что в Ереване отдаст. На этом разговор о деньгах закончился.

Приехали в Ереван. Армянин предложил свою помощь в поисках дома дяди. Безусловно, детских воспоминаний для этого было весьма недостаточно. Проездив несколько часов по городу, армянин уговорил бывшего солдата ехать вместе с ним к его родне. Ехать пришлось далеко за пределы Еревана. Там, в горах, их встретили радушно. Юноша не смог отказать добрым хозяевам и провел у них весь свой отпуск. Много и охотно помогал трудолюбивым и добрым хозяевам. Они прекрасно общались, далеко не всегда понимая речи друг друга, но, смеясь, разбавляли их жестами, улыбками, показом того, что и как надо сделать. Когда пришло время отъезда, хозяева устроили настоящий пир, пригласив чуть ли не всех соседей проводить русского друга. Взяли с него твердое обещание приезжать к ним каждый год.

Два года юноша ездил сам, а потом привез и свою жену Тамару. Она очень боялась этой встречи, и совершенно напрасно. В армянском селе им устроили прямо-таки настоящую свадьбу. И вот в какой-то момент торжества друг-армянин достал из кармана сложенную пополам пятирублевку и рассказал ее историю, закончив тем, что это не просто такая же купюра, которую он одолжил, а та самая. Брал он ее, чтобы решить для себя, насколько этот человек может стать другом, и, убедившись, что «в разведку с ним идти можно», дал себе обещание сделать для друга все, что тому потребуется. Тамара была глубоко тронута, тем более что историю с этим долгом она слышала впервые.

Прикипела Тамара душой ко всем членам семьи их друга, и они ее полюбили и называли дочкой. Каждый год ездили в Армению, в том числе и тогда, когда у них родился сын. Однако, как хорошо известно, беда приходит неожиданной: Старые ранения дали знать: пуля, оставшаяся возле сердца, начала двигаться, и спасти парня не удалось. Горе не давало разогнуться Тамаре, и она даже подумать не могла о поездке. В Армении ее подождали, подождали и, не получив от нее весточки, почуяли беду и послали к ней одного из братьев их друга. Он, отругав ее на своем выразительном языке, не стал слушать никаких возражений. Сам отправился на ее работу, договорился об отпуске и увез ее с ребенком к себе в горы. Больше ее не отпустили, и теперь вот уже три года она живет в Армении, выезжая раз в год на могилку мужа. С ней обычно посылают кого-нибудь из родни. Так было и на этот раз, но ее спутник задержался по своим делам на день в Москве. Я сразу вспомнила обаятельного горца, который заботливо сажал ее в вагон, что-то наставительно говоря на армянском языке. Тамара улыбнулась: выучила, конечно, лишь иногда не понимает, но родственники следят за этим и терпеливо объясняют, о чем говорят.

Все в их селе полушутя называют ее приемной дочерью армянского народа. Тамара улыбнулась: — это что-то вроде «сын полка». И мы замолчали надолго, каждая думала о своем.

Много позже, попав в Армению, я вспомнила свою попутчицу, и с удовольствием узнавала черты тех людей, о которых она рассказывала, в своих новых знакомых в Ереване. Так, конечно, особое внимание обратила на армянского мальчика, который на вопрос, как найти музей Сарьяна, не только объяснил нам очень толково, где он находится, но и пошел с нами туда, сказав, что проводит нас с удовольствием, так как давно там не был. Не знаю, что в его шкале времени значило это «давно», но в залах он ориентировался уверенно и рассказал нам о Сарьяне немало интересного. А мальчику этому было лет 10-12.

Или вот другой штрих. Мы были на конференции в университете, и там сре-

ди многих педагогов нас познакомили с одной женщиной, муж которой миллионер в США. Она приехала сюда специально, чтобы ее сыновья кончили школу в Армении, сказав без особого пафоса, что им, где бы они ни жили, надо хорошо знать свою родную страну, ее народ, его историю и обычаи. Живут они тут на ее зарплату, мальчики немного подрабатывают, и лишь на каникулы уезжают к отцу, но и там ведут весьма скромную жизнь, несмотря на его миллионы.

Я с восхищением глядывалась во все, с чем нас знакомили хозяева конференции, — рассказывать об этих впечатлениях надо особо. Вспоминая Тамару, я от души радовалась за нее, теперь воочию видя, как ей уютно и надежно жить среди этих замечательных людей.

На краю света

После того, как я узнала, что существуют карты, и зачем они нужны, какие-то места разыскивала специально, но многие территории оставались лишь пятнами. Таким «просто цветным пятном» на моей физической карте Советского Союза был и Сахалин. Конкретной территорией, куда можно ехать, чтобы жить так, как мы жили возле своей Волги, он явился мне вскоре после войны. Начальника нашего летного училища направили туда работать. Это известие облетело наш городок, и уже само по себе стало из ряда вон выходящим событием на фоне других дел, чрезвычайно важных для всей детворы в эти первые послевоенные годы. Для меня же оно стало настоящим потрясением, так как дочь нашего генерала Элла была одной из моих подруг.

Подолгу мы сидели, стояли или лежали возле самых разных карт, разглядывая маленькое пятно почти на самом краю нашей огромной страны. Фантазии захлестывали нас: еще бы! После наших бескрайних степей, окруживших наш городок, оказывается, совсем по-настоящему есть земля, со всех сторон окруженная водой, и не просто водой, а — с одного бока морем, а с другого — океаном. Да, да, тем самым — Тихим океаном, который был огромным голубым пятном, который легко находили на карте и без ошибок показывали указкой даже самые ленивые ученики. И вот Элька собирает свои вещи, чтобы туда лететь и в самом деле увидеть океан. Как уж мы себе это представляли, сказать трудно, но осталась в памяти такая восторгом наполненная картинка: вот земля, на ней стоит Эля и смотрит на Океан.

Теперь же пришел день, когда мы, да, да, я и моя семья, стоим на перроне, все вещи наши, — чемоданы и узлы, уже в вагоне, и сейчас дадут звонок отправления нашего поезда под завораживающим названием Москва-Владивосток. Это значит нечто совершенно потрясающее: мы едем на Сахалин. Волнение бьет ключом, глаза сияют, рты растянуты в улыбках, и лишь где-то в самой серединке прячется тревожная мысль: куда это нас несет? Ехать до Владивостока поездом предстоит 9 дней, потом пароходом еще почти два дня, и снова поездом до областного города Южно-Сахалинска (слова-то какие!), и это еще не конец пути, но дальнейшее пока не известно, и таит в себе еще большее волнение.

И вот мы в вагоне, последние улыбки, взмахи рукой, попытки угадать по губам пожелания наших провожающих, нелепые старания кого-то успокоить, кому-то еще и еще раз обещать писать почаще. Наконец, поехали, медленно и неотвратимо набирая скорость. Вошли в свое купе, заулыбались нашим соседям и не сразу поняли, что ехать придется в теремке, причем, как скоро выяснится, до самого Комсомольска-на-Амуре. Нас четверо — я, Володя и две дочурки, трех с небольшим и около двух лет; и соседей трое — морской офицер (боюсь напутать его звание — капитан, — это точно, но ранг не помню), его жена и трехлетний сын. Арифметика простая: семеро в одном купе, на четырех полках!

*15.09.1957 — Москва, Ярославский вокзал, поезд на Сахалин
Слева направо: Тоня Ждан, тетушка Галина, мама, Володя с Тоней,
баба Капа с Наташей, я, мама Искры (а Искра с фотоаппаратом).*

Далеко не сразу мы почувствовали, что это такое. Однако настроение всю дорогу оставалось превосходным. Наши попутчики были очень славные люди, мы легко с ними общались, несмотря на заметные бытовые неудобства. Иметь лучшие условия им помешал недостаток средств в конце отпуска. Это нам было хорошо понятно, и удивление возникло позже, когда они сказали, что отпуск длился почти полгода, как это часто практиковалось в тех отдаленных местах. У нас была иная причина. Направляя на Сахалин, нас предупредили в Министерстве, что все дорожные расходы будут оплачены, так что затрат мы не должны были бояться. Нам помешала наша неопытность. Мы знали, что детям надо брать детские билеты, но никто не сказал, что можно, доплатив еще совсем немного, взять им отдельные полки. Как они будут сами спать, никого не касалось, но зато мы могли бы иметь отдельное купе.

Так или иначе, но ехали мы в одном купе всемером. Напомню, что в перспективе для нас речь шла о девяти сутках. Соседи наши должны были выйти раньше. Вскоре, разобравшись в маршрутах друг друга, моряк решительно стал нас отговаривать добираться через Владивосток, объяснив, что лучше ехать через их город, т.е. через Советскую Гавань (в быту — Совгавань). Там, кроме военного порта, есть гражданский — Ванино, откуда ежедневно ходит пароход на Сахалин в Холмск, и в дороге он не двое суток, а всего ночь. Преимущества были бесспорны, тем более что наши знакомые пригласили заночевать у них, пока будем разбираться, когда сможем плыть дальше. На том и порешили, и это еще больше нас сблизило, хотя, если честно, все мы и уставали немного от многолюдья. Наташа однажды, лежа на верхней полке, где она спала с Володей, жалобно и тихо проговорила: — Не хочу, чтобы тетя на меня смотрела (напротив нее на другой верхней полке в это время лежала Таня, жена моряка). К концу пути мы стали лучшими друзьями, друг о друге знали уже очень много, и эти знания нам говорили, что мы люди, весьма близкие по духу.

И вот, наконец, после странствия длиною чуть больше недели мы прибыли на конечную станцию этой части пути — в Совгавань.

Еще из окна вагона увидели, что нас встречает сильный дождь. Действительность, как говорится, превзошла все ожидания: не дождь, а ливень сплошной стеной. В таких случаях говорят, «как из ведра», но для нашего варианта — это слишком мягко сказано, — как в центре водопада, — это точнее. Судя по фильмам, так обрушиваются воды Ниагары. Мы наивно собрались переждать в здании вокзала, если уж не до

конца ливня, то хотя бы до того, как капитан найдет приемлемый способ добраться до их дома. Почему говорю о наивности наших расчетов, да потому, что здание вокзала заперли перед нашим носом, невежливо пояснив, что поезд наш последний, и никто не будет тут нас нянчить. Не смогли мы пробить эту железную логику призывами пожалеть наших промокших до ниточки малышей. Пришлось приютиться под скромным навесом, создававшим иллюзию некоторой защиты от потоков воды.

Юра (да, я еще не назвала имя нашего капитана) храбро высочил в водопад-ные струи, бросив на ходу с веселым смехом: «Эх, давненько не ходил под парусами на экватор!». Через несколько минут он влетел радостный, ловко подхватил вещи и мастерски побросал их в стоявший перед входом военный автомобиль, называемый «дод-жиком». Юра при этом все весело посвистывал и рассмешил всех, прикрикивая на нас: «А ну-ка, по-быстрому от мокрого дождика в сухой дождик!». Так же ловко Юра втолкнул, — точнее, покидал в кузов детей. Не успели мы опомниться, как все сидели под брезентовым верхом машины. И... нет, нельзя сказать: «поехали», потому что до самого кузова вокруг нас была жидкая грязь, и мы «поплыли» по этой «манной каше». Шофер почему-то радостно пояснил, что ливень этот длится не первый день, и он предполагает, что и дома у капитана тоже не сухо. Мы с Володей переглянулись встревожено, а наши гостеприимные хозяева спокойноотреагировали на такое предположение. Таня, как само собой разумеющееся, сказала: — Еще бы, нас ведь не было полгода.

И в самом деле, в двух комнатах их домика-развалюхи на кроватях, полу, мебели стояли лужи. Мне было очень неловко, ибо я не могла сообразить, чем же помочь, и чувствовала вину, что еще и о нас им надо беспокоиться. Однако Юра с Таней так весело принялись ликвидировать последствия стихии, что мы тоже восприняли это как веселое приключение. Всем нашлась работа, даже детям: кто-то нес тазы и подставлял их под капаящую с потолка воду; кто-то вытирал пол; кто-то нес дрова или мыл кастрюли и картошку, ну, и тому подобное.

Не прошло и полутора часов, как вокруг было относительно сухо и чисто, на столе дымилась сваренная картошка, а в открытых консервных банках (которых по полкам шкафа было множество) краснел лосось в собственном соку и крабы; аппетитными ломтями хлеба наполнена большая тарелка, а мы все семеро уплетаем изумительно вкусную еду.

А-а, я же забыла пикантную деталь. Как только мы отъехали от вокзала, матрос-шофер повернул голову к Юре: — «Товарищ капитан, впереди по курсу плавает ящик. Что прикажете делать?» — И после ответа капитана: «Посмотреть» — он высунулся из машины, подогнав ее поближе, и втянул в кузов ящик, в котором оказались маринованные огурцы в литровых банках. Их тут же перебрали: не разбившиеся банки Юра разделил между пассажирами нашего ковчега (по пути мы подобрали еще несколько человек), а из разбитых банок огурцы аккуратно освободили от специй и стекол и отдали шоферу, чему он был весьма рад. Так вот, теперь среди прелестного ассортимента съедобных продуктов на столе эти огурцы под общий радостный смех заняли самое почетное место.

Это был восхитительный ужин. На столе самая аппетитная еда в мире, самые красивые свечи (от сырости пропал в доме свет, и его починку Юра отложил до лучших времен), а вокруг сияли счастливые глаза детей и взрослых. Надо думать и думать, чтобы найти другой день в моей жизни, когда было бы так же радостно, весело, уютно, абсолютно беззаботно. И надо признать, что эту атмосферу создали наши хозяева, а теперь — и друзья. Когда Юра с присущим ему юмором произнес тост: «За морское братство!», мы дружно рассмеялись этому намеку на «морское плавание» по лужам, а в душе его восприняли как великое посвящение в магический орден.

На следующий день пришли простые будничные дела, но они не спустили нас с вечерних высот счастливого чувства крепкой дружбы. Радостное настроение сопровождало нас до Холмска, Южно-Сахалинска, а потом и Горнозаводска, и все вокруг радовало нас. Ко всему относились так, будто нас судьба осыпает подарками; не испугали весьма неприглядные условия быта, ожидавшие нас после прибытия на место нашей работы.

Нет цены настоящей сердечной атмосфере взаимоотношений с людьми, — она несет в себе таинственный заряд душевной стойкости, оптимизма и еще чего-то большого и важного в жизни.

В гостях у бабы Вари

С ней я встретилась в ту пору, когда у меня появился садовый участок под Харьковом. К нему можно было попасть, выйдя на любой из двух станций — Первомайское или 810-й километр, а потом углубиться в лес примерно на четыре километра и идти по холмам. Вскоре выяснилось, что дорога на станцию 810-й км немного ровнее. И вот однажды мы возвращались с дачного участка с Аленой именно этим путем.

Устали после целого дня работы и длинного перехода, а тут недалеко от станции на окраине малюсенькой деревеньки увидели скамейки, окружающие большой стол. Только сели, откуда-то сбоку появилась старушка. Легкая, быстрая, худая. Подошла к нам и очень приятным ласковым голосом спросила, кто мы и откуда. Узнав, что с садового кооператива, покачала головой: «Далеконько вам ходить», — и предложила зайти к ней отдохнуть, кивнув в сторону рядом стоящего дома. Мы отказались, поблагодарив и сославшись на то, что уже поздно, а нам далеко до дома добираться и в Харькове. Старуха выяснила наши имена, представилась бабой Варей, или, если нам удобнее, «по-городскому» — Варварой Степановной. На прощание пригласила нас к себе в другой раз отдохнуть с ночевкой, сказав, что живет одна, и будет нам очень рада.

Приветливость старушки покорила, и, обсудив предложенный ею вариант с Володей, я как-то поехала на свой участок вместе с Костицом, планируя переночевать у нее. Варвара Степановна искренне обрадовалась нам, быстро устроила нехитрый ужин, без ложной застенчивости взяла привезенные нами на этот случай продукты. Потом постелила нам в горнице, а себе в прихожей, сказав, что она там спит всегда в летнее время. Мы уложили Костю, и он мгновенно уснул, а мы с Варварой Степановной немного поговорили. Ее рассказы меня глубоко тронули.

Когда-то, еще до войны, она жила с мужем и детьми в другом селе недалеко от этого. Муж погиб на фронте, а потом и дети уехали в другие края, и осталась там совсем одна. В нынешней деревеньке жил кто-то из ее родственников, и она решила перенести сюда свою хату. Дело не простое. Ей посоветовали единоверцы обратиться в баптистский центр на Харьковщине в село Соколово. Оставила там записочку, и через некоторое время пришли рабочие, предложив свои услуги. Назвали ей цену всей работы, — что-то около тысячи рублей. Это было недорого, и она согласилась. Деньги им отдала сразу, но после окончания работы они ей вернули почти сто рублей, сказав, что работы оказалось меньше, чем они рассчитывали. Через несколько дней еще привезли ей почти столько же, объяснив тем, что материал, который потребовался для восстановления дома на новом месте, как они выяснили, обошелся им дешевле, чем договаривались с поставщиками вначале.

Конечно, меня удивила такая точность и честность. На это баба Варя ответила, что баптисты очень щепетильны, и грех на душу не берут. У них принято как можно больше помогать друг другу, и помогать по возможности без корысти.

В подтверждение этого привела еще одну историю из своей жизни.

Ей долго не удавалось узнать, где погиб ее муж. Наконец, ей сообщили, что где-то в Харьковской области. Более точных сведений в военкомате не дали. И опять ей посоветовали оставить записку в Соколово. Через некоторое время приезжают к ней два молодых человека, показывают фотографию обелиска на братском кладбище в Изюме, где среди других фамилий и имя ее мужа. Сказали, что они уже все уточнили в архиве военкомата, это, действительно ее муж, и предложили отвезти ее туда.

Переночевав, на другое же утро поехали. Помогали ей там во всем, что было нужно, и привезли обратно. Все это было за счет их единоверцев, собравших деньги, нашедших тех, кто все разузнал, уточнил, договорился и свозил ее к памятнику.

Когда мы, наговорившись, легли, она меня удивила еще одним. Перед тем, как окончательно устроиться в постели, она тихонько читала молитву. В ней она благодарила Бога за прекрасный день, за то, что он ей послал таких замечательных гостей, и просила его помочь в жизни мальчику и его бабушке, таким прекрасным людям.

Благородство старой женщины, ее непоказное достоинство, доброжелательность навели массу переживаний. Я долго не засыпала, думая о том, сколько настоящего в этой весьма немолодой женщине, сколько щедрости и естественности.

Не знаю, в самом ли деле так честны, дружны и заботливы баптисты. Меня не интересовало, насколько их вера истинна, Меня тронули ее истории, и я оценила ее веру, понимая, что лично у нее все подлинно. А тема веры и теперь для меня сложна. Да, считаю себя православной, пытаюсь войти в мир церковных правил и ритуалов. Но все время борются во мне разные думы. С одной стороны, твердо убеждена, что коли принадлежишь той или иной вере, следуй ее требованиям искренне, ответственно и ищи пути к глубокому погружению. Но, с другой стороны, я не могу отказаться от уважения к другим религиям. Нет достоверных критериев истинности той или иной. Для верующих любой из них достаточно оснований утверждать свою правоту. Мне важнее, насколько религиозное учение зовет к добру, милосердию, искренности, ответственности перед своей совестью и другими людьми. Если вижу корысть, агрессию, утверждение человеческого Я как высшей ценности, это не принимаю. Но я не имею для формирования своего мировоззрения необходимых знаний не только об этих вероисповеданиях, но и о православии. Ищу, думаю, но наталкиваюсь на массу препятствий, преодолевать которые не умею. Впрочем, все это, как говорится, все это совсем другая история.

К сожалению, больше мы с ней не встречались. Сначала помешало то, что мы приезжали «веселой компанией», то есть с Олегом и Нурулло. Потом по нашей оплошности случился в лесу возле дачного кооператива пожар, и в какой-то степени вынужденно я отказалась от участка. Несколько раз собиралась приехать к ней просто так, в гости, но суета оказалась сильнее этого желания.

Майкл, «наш» американец

Когда Майкл поступил в нашу аспирантуру к Александру Романовичу Лурии, мы уже закончили Университет, и работали на Сахалине.

Встреча состоялась, много лет спустя, во время моего пребывания на факультете психологии МГУ, когда приехала туда на курсы повышения квалификации. Увидела его впервые в коридоре факультета. Он привлек мое внимание какой-то непривычно свободной позой. Это трудно объяснить, но американцы стоят, сидят и ходят совсем иначе, чем мы: в любом общественном месте чувствуют себя раскованно. Боль-

шинство из нас, наверно, так и дома-то не умеют. Помню, на международном Конгрессе психологов в огромном зале Кремлевского Дворца Съездов пожилой американец искал что-то, — то ли удобное место, то ли своих знакомых, разгуливая по проходам с резиновым надувным кругом, накинутым на согнутую руку. На такой круг, объяснили мне, садятся люди, страдающие геморроем. Не представляю, чтобы кто-нибудь из моих соотечественников позволил себе такое, да еще в таком месте. Ничего, он чувствовал себя вполне комфортно.

Вот так свободно и независимо стоял и этот, привлечший мое внимание мужчина. Простая клетчатая рубашка с расстегнутым воротом, выцветшие брюки и совершенно ясный приветливый взгляд. Из соседней двери вышла Юлия Борисовна, профессор факультета, а для меня — просто Юля, так как мы были достаточно близко знакомы еще со студенческих лет. Она обняла меня за плечи, подвела к привлекательному мужчине и сказала: — Это Майкл, наш американец.

Она не успела ничего добавить к этому и повела нас обоих в большую аудиторию, где, как выяснилось, его уже ждали студенты и педагоги факультета. Я с интересом прослушала его лекцию, потом немного посидели вместе в лаборатории у Юли, а на следующий день мне довелось встретиться с Майклом еще раз, у нашего друга Василия Васильевича. Дальше я расскажу то, что узнала во время этих встреч, не разделяя, что и где слышала. Впечатления, полученные тогда, я еще долго осмысливала, а кое-что не раз вспоминала по разным поводам на своих лекциях.

Майкл, закончив у себя в Штатах университет, был оставлен в аспирантуре (у них, правда, это, кажется, называется иначе, но суть та же). В один из первых дней занятий прочитал объявление, что желающие могут поехать на год учиться в одну из зарубежных стран, и следовал список, в котором были Франция, Германия, Япония и в том числе — СССР. Во всех случаях, кроме Советского Союза, требовалось знание местного языка. Для поездки в СССР желающим предлагались предварительные полугодовые курсы русского языка. Майкл выбрал СССР, так как, по его шутливому выражению, из всех иностранных языков он знал только английский.

И вот через несколько месяцев он в Москве на факультете психологии готовится к сдаче вступительного экзамена. Ему казалось, что русский он выучил вполне прилично, но, приступив к занятиям, огорчился. Фактически для подготовки ему нужны были не несколько дней, а несколько месяцев. Читая каждую статью, не говоря о научных монографиях, он мог читать, отыскивая чуть ли не все слова подряд в словаре. (О, как это знакомо многим из нас!). Неожиданно для него свою помощь ему предложили русские девушки, готовящиеся к тем же экзаменам. Они писали для него «шпаргалки»; объясняли непонятное, делали выписки, схемы, обеспечивая этим возможность быстро ориентироваться во всех основных вопросах. Активность наших девушек его и обрадовала, и привела в трепет: он в ужасе пересматривал свой бюджет, с трудом представляя, как он сможет с ними расплатиться. И долго не мог взять в толк, почему они ничего не берут у него. Ага, — в испуге решил он, — они хотят меня завербовать в КГБ и сделать шпионом. Теперь-то он рассказывал это со смехом, а тогда ему было совсем не до шуток. В Америке подобное бескорыстие практически невозможно: они ведь конкуренты. Ему было известно, что для него нет отдельного места, он идет практически в том же конкурсном списке, и, тем не менее, они его выручали. В итоге он поступил к профессору Александру Романовичу Лурии. Правда, профессор добился для него дополнительного места, что очень успокоило совесть Майкла.

Помощь от однокурсников и однокурсниц получал во время всей своей учебы, то есть в течение года. Так, Александр Романович уже на одной из первых встреч с Майклом дал ему достаточно длинный список обязательных для изучения работ, в

числе которых были статьи и книги на разных языках. Майкл пришел в общежитие, недоуменно повторяя, что «профессор даже не спросил, какие языки я знаю». Ребята его утешили, познакомив с известными в аспирантской среде способами. Главными среди них были поиски соответствующих работ в реферативных журналах или заказ рефератов аспирантам из Института иностранных языков. Такие рефераты делали за смехотворную, по понятиям американца, плату. Ну, а рефераты в журналах на русском и даже английском языках для него не составляли проблемы.

В течение года Майкл изучал, а, наверно, точнее, — вгрызался в теории советских психологов и, прежде всего в те позиции, которые отстаивал Александр Романович. В частности, американца глубоко захватила одна из ранних работ Лурии, — та, в которой он изучал интеллект народов, населяющих глубинные территории Средней Азии. Получалось, что европейские тесты на интеллект не работают: логические компоненты мышления этих людей явно уступают практическому интеллекту. Так, одно из тестовых заданий «четвертый — лишний» требовало вычеркнуть из списка слово, не подходящее к трем другим, которые в соответствии с законами логики легко объединялись в одну группу. Зачитывали такой ряд слов: дерево — пила — топор — молоток. Любой европеец легко объединяет три слова из категории «инструменты», оставляя слово «дерево». Житель горных селений отбрасывает слово «молоток», аргументируя это тем, что, если есть дерево, пила и топор, можно работать, а молоток пока не нужен, так как нет гвоздя. Александр Романович начинал убеждать, что прав житель из города, вычеркнув слово «дерево». В ответ его испытываемые сердились: «не слушай его, он дела не знает, слушай меня, я хороший хозяин».

Рассказываю об этом эксперименте потому, что после возвращения Майкла в Америку его вскоре послали в Африку выяснить, что мешает местным детям усваивать математику и другие точные науки. Майкл говорит, что по обычным тестам, принятым у психологов на определение интеллекта, местные жители выглядели тупыми и упрямо-бестолковыми. Смеясь, добавлял в своей ироничной манере: «Пока я был в лаборатории и предлагал свои задачки, я мог ходить, задравши нос. Но как только я оказывался за пределами лаборатории, я становился игрушкой в их руках. Не замечая, как это получается, я делал то, что они хотели, шел туда, куда они хотели. Они же нагло посмеивались над моей глупостью, и раздели меня до рубашки.»

Если бы не теория советской психологии, можно было бы немедленно встать на защиту расистских позиций и утверждать, что африканцы имеют неизмеримо более низкий интеллект. «Но я — говорил Майкл, — хорошо усвоил, что есть разные типы интеллекта, — в частности, условно говоря, практический и логический. И каждый из них имеет свою шкалу, и свои высоты».

Лишь стоя на такой платформе, Майкл Коул сумел найти реальные методы обучения африканских детей. Его книга стала буквально бестселлером в американской психологии, совершив переворот в деле включения жителей глубинных районов африканских стран в сферы современной науки и практики.

Общаться с ним было невероятно увлекательно. Он покорял своей страстной увлеченностью нашими теориями, нашими людьми и искренней влюбленностью в нашу страну. В лекции для московских студентов он говорил, что они цены не знают тому, что имеют.

Я целиком согласилась со словами Юли: «наш американец». Он сделал неизмеримо много для знакомства Америки с советской психологией, вызвал не только интерес к нашим работам, но и безмерное уважение. Кстати, и сейчас там оно велико, а я готова повторить его слова даже теперь, что мы не ценили то, что имели.

Пронзенные стрелой Амура

В тот день мы с Володей должны были ехать в командировку в Москву. Билеты в купированный вагон куплены заранее, но накануне вечером Володя просит сдать его билет, так как ехать он не может, и утром я это сделала.

Надо сказать, что за некоторое время до этого меня познакомила Ольга Никитична с гаданием по китайской Книге Перемен. В этот день я, почти шутя, решила узнать, что ждет меня в этой поездке. Кинула, как положено, монетки и выпало, как сейчас помню, предсказание под номером 18. В нем на первом месте написано, что я, не по своему желанию, а случайно стану причиной бурных изменений в жизни других людей. Запомнила, с интересом ожидая, подтвердится ли это предсказание, как было сказано, в ближайшее время.

Вечером отправляюсь на вокзал, сажусь в вагон и занимаю свое место; другие три места пока свободны. Через несколько минут входит молодая женщина с девочкой лет пяти-шести. И женщина, и ее дочь весьма привлекательны: милые лица, приветливые взгляды, симпатичное отсутствие какой-либо суетливости, чем иногда досаждают с первой же минуты пассажирки с детьми, талантливо начинающие дергать замечаниями и приказами своих чересчур шаловливых чад.

Верхнее надо мной место оставалось пустым, и вот за минуту до отправления с шумом открывается дверь нашего купе, и в дверях появляется мужчина лет эдак под 35, яркой наружности: большие глаза, седоватая борода, — очень напоминал цыгана Будулая, популярного в те годы телесериала. На несколько мгновений он замирает в дверях, не спуская глаз с моей соседки, потом закидывает небольшой чемоданчик наверх и тут же начинает знакомиться, все так же не спуская глаз с молодой женщины. Между ними завязался разговор, у которого было начало, но фактически не было конца. Они проговорили не только весь вечер, но и всю ночь. Тихо переговариваясь на своих верхних полках, они сначала обсудили массу нейтральных тем, как это бывает в дороге, а потом их беседа стала более интимной и откровенной.

Я, лежа внизу, старалась как можно меньше напоминать о своем присутствии, потому что эти люди раскрывали друг перед другом все подробности своей жизни. Эти детали сейчас не важны, кроме, пожалуй, одной темы, — о неудачной семейной жизни Наташи (так ее звали) с мужем моряком Северного флота. Она говорила об этом все подробнее, встречая неподдельный интерес и сочувствие «Будулая» (его имя не помню).

И вот уже под утро слышу, что наш попутчик делает ей предложение выйти за него замуж, очень красиво и как-то особенно убедительно аргументируя это своей фантастической влюбленностью в нее с первого взгляда. И тут рассказывает, что его жена и дочь погибли несколько лет тому назад в автокатастрофе, — тогда-то он и поседел. Он очень любил их, жили замечательно, и после их гибели он даже подумать не мог о другой семье. Но вот увидел их, и будто сердце пронзило: это мои любимые люди, я их никуда не отпущу теперь. Наташа даже расплакалась. Он добавил, что имеет хорошую работу, прекрасное материальное обеспечение. Женщина призналась, что и ее сердце дрогнуло, когда он появился в проеме двери. Конечно, высказывала и какое-то недоверие к этим планам, и сомнение в их серьезности, и все это обсуждалось с таким тактом и умом с его стороны, что я стала его тайным союзником.

Утром в Москве они выходили вместе, договорившись о месте их скорой встречи и мерах, которые необходимо предпринять для решения вопроса об их дальнейшей жизни.

Я ничего не знаю о продолжении этой истории, но не раз ее вспоминала по

разным поводам: и в связи с обсуждением веры в предсказания; и в случаях дискуссий о возможности любви с первого взгляда; и при размышлениях о том, на чем строятся человеческие отношения. Светлое воспоминание, светлая надежда на самый лучший исход в их жизни, светлая вера в чудеса.

Сандика

Я находилась в глазной клинике им. Филатова в Одессе неделю, когда в нашу палату медсестра ввела новенькую. Это была женщина на вид лет 60, очень миниатюрная, почти игрушечная. Такое впечатление возникло не только от ее комплекции, но скорее от ее невероятно открытого, по-детски наивного взгляда.

Мы поздоровались и замолчали, давая ей возможность оглядеться и устроиться. Однако старушка, положив свою сумку возле тумбочки, не стала устраиваться, а немедленно заговорила. Больше она, мне помнится, ни разу не замолчала хотя бы на минуту, но, странное дело, в отличие от обычного моего отношения к несмолкаемой болтовне, ее разговоры совершенно не раздражали, как и ее не обижало, если я переставала слушать и занималась своими делами. В таких случаях она обращалась с речью к кому-то другому, а при отсутствии других слушателей могла разговаривать сама с собой

Нескольких минут ее нахождения в палате нам оказалось достаточно, чтобы узнать о ней не только то, что зовут ее Сандика. Что это так говорят по-гагаузски, а она именно гагаузка; по-русски ее имя — Александра, но так ее никто не зовет. Узнали и о составе ее семьи, и об ее нескончаемой, но, если бы можно так сказать, мирной войне с мужем, лодырем, неумехой и большим любителем выпить. Обычно женщины, рассказывая о муже такое, выплескивают новым знакомым всю накопившуюся обиду, яростное или безнадежное осуждение, подчеркивая свое терпение и беспредельную усталость. Ничего этого не было у Сандики. Рассказывала она об этом так, как могут говорить о шалостях милого ребенка, немного даже гордясь тем, какой он неумный. На наши попытки якобы встать на ее сторону и осудить его легко отмахивалась, спокойно отвечая, что вокруг все мужики такие, а он ее никогда не ругает, не бьет, иногда даже что-то делает, правда, не всегда доводит дело до конца, но ничего, или потом доделает она, или так и останется.

Сандика рано осталась сиротой. Одна из родственниц взяла ее к себе. Жила она точно по модели Козетты или Золушки. Вставать с шести лет приходилось на расвете и немедленно, не успев умыться, приниматься за дела: принести, точнее, — наносить воды из колодца в большие бочки возле хлева и в доме; напоить скотину, насыпать корм курам, подмести двор. Это ежедневно без напоминаний, а затем следовали бесчисленные поручения. Росла Сандика, и росли требования к ней: вскопать огород, прополоть, полить, собрать урожай, — короче все то, что нужно делать на огороде; а в доме — стирка, уборка. Десятилетней девчоночке родственница давала даже поручения, заведомо невыполнимые. Так, отправляла ее в соседнее село на рынок продать картошку. Село это от них на расстоянии почти десяти километров, а картошки два ведра в мешке. Транспорта никакого, идти пешком. Плюс строжайшее требование к цене. Например, продавать не дешевле двух рублей за килограмм. Если не получится, принести картошку назад. Цена на рынке не выше 90 копеек, и Сандика возвращается домой, преодолев весь путь обратно, заливаясь слезами и падая от усталости. Дома ее ждал, конечно, не отдых, а выговор за то, что не продала и долго ходила, когда дома ее ждет срочная работа.

Но Сандика и тогда уже была светлой душой: терпела молча, никому не жало-

валась. Вспоминает, что как-то после возвращения с рынка пришлось тут же бежать с каким-то поручением на дальний конец села. Еле добежала, сказала о поручении и легла на крыльце, дожидаясь хозяйку. Когда та вышла, Сандика спала, тут же вскочила с извинениями: — Извините, тетечка, я стала совсем лодурка. (Это ее словечко, — похоже, объединившее два русских слова — лодырь и дурочка). Соседка приласкала, звала поест чего-нибудь, но девочка отказалась и только взяла с собой предложенную горбушку хлеба. Но даже сейчас, вспоминая это, извиняется за плохие слова о своей покойной родственнице: «Нет, не думайте, она не была злая, просто у нее много дел, она сама не управлялась, а я такая быстрая была.»

Среди ее рассказов особое место занимали истории про ее сына, тоже, между нами говоря, хорошего балбеса, но безобидного и доброго человека. Ласки в ее голосе было при этом столько, что все невольно начинали радостно улыбаться. А когда она заговорила о женитьбе сына, мы почувствовали себя причастными к историческому событию. О его жене она говорила не иначе, как: «моя невесточка-украиночка». Была эта девушка из бедной семьи, Сандика ее одела к свадьбе, да так, чтоб все видели, как им повезло. После свадьбы Сандика поводила ее по дому, участку, службам, показала, где что находится, и закончила неожиданной для свекрови речью: «ты теперь тут озяюшка (Сандика именно так произносила это слово), делай все, что умеешь и захочешь, а я тебе помогать буду». Правда, как мы поняли, помощь эта была такая же, как и ее мужикам: радостно и неумолимо делала все, что требовалось, оберегая свою «невесточку-украиночку» от особенно грязной и тяжелой работы. Мы видели раз ее невестку и поняли, что та платит своей удивительной свекрови таким же нежным отношением.

Вслушиваясь в рассказы Сандики, мне показалось, что ее дом вообще не имеет замков. На мое недоумение она ответила, удивленно пожав плечом, — дескать, зачем же лишние хлопоты. Я возразила, что кто-нибудь залезть может, особенно если учесть, что прямо напротив ее дома находится сельский магазин. Ответ ее, как говорится, убил наповал: «Зачем же кто-то полезет? Если что-то надо, спросит — я и так дам. Да и почему ж ко мне полезут брать без спросу, — я же ни к кому не лазила никогда».

Железная логика, что и говорить, да не верится, что из нашего времени. Впрочем, может быть, у них сохранились еще патриархальные отношения. Ведь было и у нас так на Сахалине: дверь закрывали палочкой от ветра, заодно и пришедшим знак — нас нет дома.

Вспомнилось, уж коли речь зашла о Горнозаводске. Наш интернатский бухгалтер принимал у японского дела по кирпичному заводу, когда сразу после войны японцы передавали нам Южный Сахалин. В один из дней кассир выдавал зарплату рабочим в той же комнате, где они с японским бухгалтером разбирались с бумагами. Прозвучал гонг, сигнал к началу обеденного перерыва. Все японцы встали и вышли. Наш бухгалтер был человек медлительный, и пока он складывал свои бумаги, в комнате никого не осталось. Он уже подошел к двери, как увидел незакрытый ящик с деньгами в столе кассира. Он, конечно, остался, боясь, как и любой бы из нас, что вдруг кто-то войдет и возьмет деньги, а подумают на него, раз он оставался последним. Так и просидел весь перерыв без обеда. Прозвенел гонг, и японцы мгновенно вошли и заняли свои места. Бухгалтер удивился, что не увидел нашего за обедом, но еще больше удивился, узнав о причине. Тут его узкие глаза раскрылись во всю ширь, ибо он не понял, как это кто-то войдет, если перерыв, и тем более не понятно, как это он возьмет деньги из стола, раз нет кассира. Да...

Я понимаю, в Японии, видимо строгие законы и серьезные наказания, но этого мало, нужна еще и общественная атмосфера. Взять хотя бы цыган: воровать не грешно, и даже нужно, но только не у своих, а это уже так позорно, что и из табора могут

выгнать и следом соответствующую славу пошлют, так что далеко от этих мест уезжать нужно. Кстати, и у русских воровать у своих — большой позор, недаром крысятничеством называют. А вот что у гагаузов, не знаю, — закон, традиции или еще что, но очевидно, существуют нравственные ценности, — не одна же Сандика такая, хотя, конечно, вряд ли таких и там много.

Перед выпиской Сандика нас еще порадовала своей прелестной непосредственностью. Я узнала, что она, живя в больнице возле моря, его-то и не видела, хоть и мечтала побывать возле него поближе. Смутила ее высота лестницы, побоялась не суметь преодолеть ее. Тогда я рассказала о лифте в соседнем санатории, повела ее туда, и мы спустились к морю, пройдя до пляжа красивый длинный туннель.

Ее восторг был наградой бесценной: она чирикала, не замолкая о том, какую красоту увидела, как интересно спускаться на лифте, какой удивительный туннель, как замечательно шумит море. «Всю жизнь, — повторяла она, — буду вспоминать, видеть во сне и всем рассказывать».

Расставаться с ней было жаль. Между прочим, ее обаяние было так велико, что она устроила в наше отделение на работу свою дочь, хотя та безуспешно пыталась найти работу в Одессе не один месяц, да и в отделении, я слышала, несколькими женщинам отказали, ссылаясь на отсутствие мест. И вот, уезжая, она представила нам свою Сашу, наказав той нашу палату убирать наиболее тщательно, так как тут лечатся замечательные женщины.

Забавно: воцарившаяся после ее выписки тишина в палате, нас беспокоила некоторое время куда больше ее болтовни.

Цыганка Маня

Я лежала в ожоговом отделении не первый месяц, и в те дни, о которых рассказываю, после очередной операции еще не вставала. Однажды утром в палату ввели полноватую женщину средних лет, одетую несколько пестро, и было в ней нечто типичное для цыганок, — что именно — не сразу определишь: взгляд, которым окинула палату и нас; походка и даже движения, которыми она положила сумку на пол, а постельное белье — на кровать. Ее принадлежность к цыганам стала очевидной после первых ее слов приветствия, обращенного к нам. Представилась она нам как Маня. Ну, Маня так Маня, — никто не возразил. Лишь после ее ухода из палаты по вызову врача одна из моих соседок сказала, что живет с ней в одном районе Харькова, там ее все знают, и зовут ее иначе, — эта цыганка там всем управляет, ее слово для любого цыгана — закон. Имя цыганки мы уточнять не стали, раз она желает, чтобы ее звали Маней.

Ей предстояла какая-то операция, она об этом не очень распространялась, а мы любопытство не проявляли. Судя по тому, что она все время лежала только на животе, что-то надо было удалить на спине. Мы привыкли к тому, что наш профессор делает самые разные операции, и свои догадки не обсуждали.

Не успела Маня вернуться с консультации и лечь, пришла дежурная медсестра с просьбой погадать. Маня ушла, но после возвращения полежать ей не дали, посыпались просьбы от сестер и врачей. Маня никому не отказывала, без возражений поднималась и молча возвращалась. Нам было любопытно, хотя беспокоить ее никто не решился, — не думаю, от застенчивости, скорее в надежде, что лежать ей придется некоторое время, и мы еще успеем узнать немало интересного.

Весь следующий день Маню вызывали медсестры и санитарки; не стала исключением и жена нашего профессора. Маня была все так же неразговорчива в отношении этих походов, но в другие наши разговоры иногда включалась, производя впечатление

безусловно опытной и разумной женщины. Немного рассказала и о цыганской жизни, о некоторых проблемах их взаимоотношений с властями и местными жителями.

Так, мне было интересно узнать, что живут они без всякой прописки, а при покупке друг у друга квартиры или дома обходятся без обязательного для всех остальных оформления документов. Милиции, проявляющей к этому интерес, говорят категорично, что это никого не касается, кроме самих цыган. На мое удивление ответила, что сначала, когда поселились в наших краях первые цыгане, участковые ходили к ним, а потом отстали, привыкли.

Интересны были и ее рассказы об их работе. Резко отзывалась о мужчинах: все лодыри, — говорит. Раньше хоть коней воровали, следили за конями и кибитками при передвижениях табора, а сейчас, когда живут на одном месте, только курят, усевшись кружком, и сплетничают. На заработки, как она выразилась, женщинам приходится отправляться самим. Гадать, хитрить, обдуривать (это тоже ее словечко), даже тюки с товаром и дорожными вещами таскать тоже самим. При этом мужики едут с ними: считается, для охраны и защиты, но это только так считается, потому что любые проблемы с милицией или местными жителями в новых местах решают женщины.

Я вспомнила одну сценку возле большого рынка, свидетелем которой как-то оказалась. Цыганки сновали между рядами с разным товаром, а рядом молчаливой тенью передвигались их мужчины. Внезапно появился милиционер и повел двух цыганок в пункт милиции, расположенный поблизости. Обе цыганки подняли крик, но милиционер вел их спокойно, бросив на ходу пару фраз. Перед входом в дежурный пункт их встретил старший офицер. Одна из цыганок обратилась к нему, затараторив быстро-быстро о том, что они ничего плохого не делали, а вот он, — и жест в сторону задержавшего их сержанта, — придирается. Офицер усмехнулся, взял ее под локоть и отвел вглубь помещения. Прошло не более трех минут, и она вышла оттуда спокойная, поправляя на ходу шаль на бедрах. Кивнула цыганам, стоявшим все это время молча в сторонке, что-то быстро им сказала на цыганском языке, и снова вернулась на рынок.

Маня, выслушав эту историю, улыбнулась: «Откупились. Они стригут с нас, не стеснясь. И всем цыганам это хорошо известно. Шум женщины подняли для маскировки, чтобы окружающим стало ясно, следят милиционеры за порядком. Мужчины же стали бы вмешиваться лишь случае какой-то драки.»

Много интересного услышала я от нее, она охотно отвечала на любые вопросы, даже если они касались их способов обмана. Лишь иногда, посмеиваясь, отвечала, что это трудно коротко объяснить.

На третий день ее пребывания у нас в палату зашла старшая медсестра все с той же просьбой погадать. Маня неожиданно отказалась категорически. На уговоры медсестры отвечала, что болит голова, но от предложенных лекарств сердито отказалась. Медсестра еще несколько раз заходила, но Маня закрывала глаза, притворяясь спящей. Меня это удивило, — до сих пор она ни с кем так не разговаривала. Заметив мою реакцию, Маня пояснила: «Она очень плохой человек, обманывает больных и врачей, крадет дефицитные лекарства; вот и сейчас она сделала очень плохой поступок, ни одна цыганка такое не допустит».

У меня не было оснований отнести к ее словам серьезно, хотя мне самой старшая сестра была почему-то несимпатична. Задумалась я немного лишь о том, почему Маня так говорит, — ведь эта медсестра впервые появилась в отделении за эти дни, — почему-то ее не было. Спросила у Мани, не насплетничал ли кто из сестер, она резко повела плечом: «Незачем мне слухи собирать, я так вижу», — и замолчала.

В этот день Маня к вечеру вдруг загрустила, объяснила, что беду в доме своем чует. И в самом деле, вечером через черный ход ее вызвал муж, о чем-то взволнованно

поговорили. Вернувшись, она сходила в ординаторскую к дежурному врачу, потом собрала свои вещи, кратко попрощалась с нами, пожелала добра и ушла. Между прочим, через пару дней пошли слухи по отделению, что старшую медсестру уволили, уличив в крупной краже самых дефицитных лекарств и попытке подставить под наказание одну из лучших сестер. Лишь либерализм нашего профессора спас ее от более жесткой ответственности. Вот тебе и Маня с ее ясновидением и принципиальностью.

Больше я цыганку не видела и ничего о ней не слышала. Но вот прошло несколько лет, и однажды я, идя по кладбищу, где лежала наша дочь Тонечка, застала цыганские похороны. Немного задержалась в стороне, как бы отдавая дань кому-то из этого народа, к которому у меня после короткого знакомства с Маней возникло несколько иное отношение, чем раньше, и прошла мимо.

Прошло, наверно, чуть больше года, и на этом месте появился памятник. На большом гранитном камне было выгравировано два лица: Мани и ее мужа. Те же умные глаза много знающей и много повидавшей женщины, то же приятное лицо, только имя другое — Эсмеральда. Я сорвала несколько еловых веточек, отделила четыре цветка от своего букета и положила ей на плиту. Неожиданно откуда-то сбоку вышел молодой цыган: «Это мои родители. А вы их разве знали? Я не помню вас».

Рассказала о нашей короткой встрече, о своем отношении к ней. Он поблагодарил за светлую память, добавив, что она и в самом деле была мудрым хорошим человеком, так, как ее, никого не уважали в их районе. И сказал, что я права, считая, что среди цыган есть замечательные люди, они умеют быть добрыми, верными и, как это ни покажется странным, честными. Хорошего человека цыган видит сразу и никогда не обманет и не подведет. Не было у меня опыта убедиться в этом, но я ему поверила в память о Мане, верность своим принципам которой мне довелось увидеть.

Давно известна истина: нет плохих народов, нет хороших народов, есть хорошие и плохие люди у каждого народа. И каждый народ ищет высшие ценности, учится им следовать и ценит ум, честность, доброту, верность и многое другое, в конечном счете, у всех одинаковое.

«Рижский бальзам»

На этот раз я ехала в Ригу с тяжелым настроением. Бывала там не раз, начиная с 1949 года, когда там еще жила бабушка Муся у Галины. Ригу очень люблю, и в данном случае билет покупала, чтобы немного отойти после многочисленных операций в ожоговом центре. О том, что я туда собираюсь, знал мой профессор и, любя этот город, был за меня искренне рад.

И вот буквально за три — четыре дня до моего отъезда Давид Евсеевич звонит мне и говорит, что поездку придется отложить. Пришли результаты анализа, сделанного при последней операции, и он должен меня срочно показать онкологам. Уже договорился о консультации, но мне предварительно необходимо забрать у патологоанатомов соответствующий препарат. Забрала (об этом особый рассказ, ибо, разыскивая лабораторию, нечаянно попала в препараторскую, — б-р-р, — вспомнить и то неприятно), съездила на консультацию. Профессор сказал, нужна срочная операция на лимфоузлах. Я стала просить отсрочки, что-то жалобно говоря об усталости за полтора года операций. Ответил, что не может разрешить перерыв больше двух недель. Билеты сдавать не пришлось, но ехала я с огромной грустью и тревогой: опять впереди операция, да еще почему-то в онкологии.

И вот я в Риге. Остановилась у нашей хорошей знакомой, журналистки Риты. Конечно, мы с ней поговорили по душам. Женщина она замечательная, мы у нее уже

бывали вместе с Володей, в том числе и в доме ее сестры в центре Латвии на хуторе. Она когда-то писала о Володиной школе, и его состояние дел и было основной темой разговора. Конечно, я рассказала и о своих проблемах, услышала глубоко искренние слова и пожелания. Мои тревоги не улеглись, но, согретая теплом ее слов, уже немного спокойнее поехала в свою любимую Юрмалу. Добралась быстрее, чем обычно, так как Рита жила в Иманте, а это уже, считай, начало Юрмалы.

Ах, Юрмала, Юрмала, — кто же из повидавших ее не влюбился в этот песок, в эти сосны, в пропитанный йодом воздух, в аккуратные чистенькие улочки и дома? Я таких не знаю, и говорить, что я рада была оказаться там, бессовестно банально. Но я была рада, как ни крути. И в то же время очень грустно. Где-то на самом краешке сознания тоненькой жилкой билась мысль о том, что, вполне возможно, я не смогу сюда приехать еще раз. Да и вообще, что я смогу через две недели, месяц, год, — ответов не было.

Я села на скамейку в одном из укромных уголков, с трепетом оглядывая все вокруг, и на глаза навернулись слезы. Да не какие-нибудь скучные слезинки, а крупные, настоящие. Они висели, скатывались сами по себе, я их и не замечала, благо и скрывать-то было не от кого: вокруг ни души. Возможно, кто-нибудь и прошел мимо, не знаю, не видела. Я была совсем одна со своими невеселыми мыслями. Очнувшись от прикосновения: на ту же скамейку села миловидная женщина и положила мне свою руку на колено.

— Я понимаю, — со знакомым латышским акцентом сказала она негромко, — когда приходит беда, трудно поверить, что все пройдет, и снова будет хорошо.

Утирая слезы, которые я теперь заметила, я молча кивнула. Она не начала расспросов, — удивительный такт! Стала рассказывать сначала об истории этих мест, потом еще о чем-то нейтральном, но занимательном. Незаметно перешли к причине моей грусти. Женщина не стала ни ахать, ни уговаривать успокоиться, а опять-таки очень тактично сказала, что мы на самом деле хорошо умеем преодолевать трудности и решать проблемы, часто недооценивая свое мужество и стойкость.

Деталей разговора не передать, да и нет необходимости. Главное, что слова ее, можно сказать, привели меня в чувство. Ничего нового для меня в этих словах не было. Я знала, что многое умею терпеть, со многим справляться, — ведь вот только что около полутора лет мне приходилось многими неделями терпеть непрерывную сильную боль. Не плача, не жалуясь, умея не перекладывать на других свои проблемы. Далеко не каждый догадывался, как мне плохо. Однажды Давид Евсеевич вдруг замолчал во время какого-то разговора, положил свою руку мне на голову и дрогнувшим голосом сказал, глядя мне в глаза: «Бог мой, вам так больно? Вас зрочки выдают». Мне только оставалось пожать плечами: «А что, есть какой-то выход?» Он ничего не ответил, лишь ласково погладил мою руку.

Несколько часов мы бродили с Валентиной по улочкам Юрмалы, обедали в кафе, сидели у моря и болтали обо всем на свете. К вечеру мы знали очень много друг о друге: о семьях, проблемах в них, о характерах мужей и детей, о любимых книгах и артистах, об успехах и неудачах, — всего и не перечислить. Сами удивлялись, как много у нас общего в чем-то главном, несмотря на совершенно разные судьбы.

После этого виделись мы еще только раз, но теперь в Риге. Валентина показала самые любимые места, а я — дом, где жили мои родные тетя и бабушка, побродили по городу, постояли на набережной Даугавы. Уже затемно Валентина проводила меня в Иманту, и мы расстались навсегда. Несколько раз обменялись письмами, но жизнь закрутила нас и развела по разные стороны неисчислимых проблем. Одну из них Валентина вскоре решила: вышла замуж благодаря клубу «Для всех, кому за 30». Она мне о

нем рассказывала, включая истории удивительных встреч. Вот и ей улыбнулась удача; она радостно писала, какой это замечательный человек.

В конечном итоге эта встреча дала мне хороший заряд бодрости, терпения и надежды. После моего возвращения было много всякого. Профессор онколог, планируя операцию, назвал ее «небольшим вмешательством в лимфоузлы», — на деле это было полное удаление их с последующим швом в 32 см. и страшным отеком, державшемся не менее полугода.

Был и побег Алены, когда мы восемь месяцев не знали, где она. Были и неисчислимы «мелкие» проблемы в семье. Трудностей было немало, но на все хватило сил. И я до сих пор верю, что совсем не последнюю роль в этом сыграла моя поездка в Ригу, — так сказать, «балзам на душу», рижский балзам.

Конфетти

Однажды, разбирая старые бумаги, наткнулась на пожелтевший конверт. В нем лежала страничка из детского цветного журнала, нижний край которой был весь в дырочках от дырокола. Улыбнулась, узнав ее назначение: так с помощью дырокола делали конфетти для елки. В наши дни не представляет труда купить это популярное новогоднее украшение для елки, комнаты или новогодних костюмов. Самодельное конфетти отличалось от современных: кружочки были очень пестрыми, поскольку на одном кружочке, таком же крохотном, как и сейчас, могло оказаться несколько разных цветов в зависимости от картинки, из которой они получались с помощью дырокола. Могли быть не только зеленые, голубые, красные, но и полосатые, и серые, и даже черные.

Похожи на эти разноцветные кружочки и некоторые из моих воспоминаний. Это тоже очень короткие по времени события, отличающиеся своим эмоциональным зарядом, оставившим в памяти, так сказать, разный цвет. Одни истории светятся золотистыми полосками, другие ярко-голубые или нежно зеленые, но есть и серые и даже с какими-то черными крапинками.

Вот несколько таких воспоминаний.

* * *

Тбилиси. Мы в гостях у Отари, хирурга Института экспериментальной хирургии. Его жена, как и мы, психолог, пригласила нас в гости. Ей хотелось принять нас у себя, ибо мы были довольно заметными фигурами на конференции. Думаю, не последнюю роль играло и желание показать и своего известного в Грузии хирурга, и свою великолепную квартиру с передвижными стенами, и чудесным видом из окон на гору Мтацминду. Нас было несколько человек, в том числе и наш хороший знакомый, философ Эвальд Ильенков. За столом мы сидели с ним рядом, очень тихо разговаривали, делясь впечатлениями от докладов, организации конференции и великолепного города. В какой-то момент он спросил, удалось ли нам с Володией побывать в Мцхете, видели ли знаменитые руины монастыря, описанного Лермонтовым. На мой отрицательный ответ он покачал головой: — Считаю, что вообще не видели Грузию.

Я не обратила внимания на то, что в этот момент Отари встал, вышел и вскоре снова сел на свое место. Минут через 10-15 прозвучал звонок в дверь. Отари сказал, что придется прервать наше замечательное застолье, так как пришла машина, и мы поедем в Джвари смотреть монастырь. При этом с улыбкой добавил: «Не могу допустить, чтобы мои гости не увидели настоящую Грузию». — Оказывается, он слышал наш разговор.

Стоит ли говорить, как замечательна была поездка, насколько очаровал нас бывший монастырь, с каким удовольствием мы разглядывали то самое место, где сливаются «струи Арагви и Куры». Вид с вершины монастырского холма поистине восхитительный, — Эвальд был прав, он дает иное представление о Грузии. Один из тех вариантов, когда сам не веришь, что все это тебе дано наяву.

Не менее волнующие впечатления я получила и от наблюдений за Эвальдом. Он был настолько глубоко поглощен своими маршрутами осмотра развалин и окружающих красот, что стали понятны его слова, сказанные там, за столом. Что он думал, что вспоминал, что переживал, можно было только догадываться, зная его богатую философскую натуру. Наверно, в один момент слилось все в единую гармонию. Веяние старины, строки поэта, горы и лесные просторы, собственное видение мира, — все неотрывно связалось с извечным стремлением человека к свободе

* * *

Снова Тбилиси, но спустя несколько лет. Я на конференции в Тбилисской консерватории. Нас приглашают поехать в Мцхету. То же очарование, усиленное прошлыми воспоминаниями и чем-то новым в понимании душевных стремлений современного человека. Банально прозвучит, но иначе не скажешь: волшебные минуты.

После спуска с монастырского холма традиции грузинского гостеприимства требовали посетить ресторан в Мцхете. Так было и на этот раз. Человек 20-25 музыкантов из разных городов Советского Союза привезли в ресторан, где заранее было заказано щедрое угощение, и столы накрыли удивительно проворно. Все с удовольствием ужинали, и в какой-то момент застолья один из почтенных профессоров попросил наших столь доброжелательных, как казалось, хозяев спеть, искренне хваля грузинское многоголосье.

В ответ небольшое замешательство, разговор перевели на другую тему, песни так и не прозвучали. Причин тому могло быть много, но мне неожиданно открылась, вероятно, основная. Сидевший рядом со мною молодой музыкант из Тбилисской консерватории, тихо сказал своей соседке:

— Им еще и песни подавай.

Надо ли подчеркивать, как это резануло мой слух: ведь мы не просили во-зить нас бесплатно, даже пытались заплатить за ресторанный угощение. Эта щедрость создавала некую неловкость. Но, конечно, не удивились отказу, зная не понаслышке о местных традициях. И вдруг такое...

Следующий день добавил еще одно такое же печальное впечатление. Нас по-вели смотреть Старый Тбилиси, недавно отреставрированный с большой любовью. И вот мы на горе возле памятника святому Георгию. Накануне был большой праздник, и по древним традициям на площадке возле памятника прошли торжественные службы. После их окончания жарили на вертелах петухов и молодых баранов, угощая всех, кто оказывался в это время тут. Молодой человек, рассказывавший о прошедшем праздни-ке, вдруг добавил, — правда, негромко, но я, на беду, опять оказалась рядом: «Особен-но русские любят эту традицию».

Что тут можно сказать? Эти слова, как и в предыдущий вечер, меня не только больно ранили полнейшей несправедливостью этих скрытых обвинений, но и потря-сли совершенно незнакомым веянием каких-то подспудных процессов, идущих в мо-лодежной среде. Ближайшие события, захватившие Грузию, доказали обоснованность моей тревоги. Было очень больно видеть бои в Тбилиси, во время которых разрушали те самые прекрасные здания старого города, совсем недавно восстановленные, отрестав-

монтированные, обновленные. Казалось, с ними уничтожали и наши представления о щедрой и гостеприимной Грузии, о прекрасных культурных традициях великого народа.

Нет, это был не тот город, который я полюбила всей душой.

А «тот» — это вот какой.

В нем прекрасная гора Мтацминда, на которой с любовью много лет берегут могилу русского чиновника и поэта Грибоедова. В нем замечательный подвалчик Пиромани, легендарный дом «Воды Лагидзе». В нем живет Отари Давиташвили, который, лишь услышав тихий разговор, тут же отвез своих гостей в старый монастырь, чтобы они узнали прелесть Грузии. Это тот город, в котором каждая даже случайная встреча несла в себе запахи доброй гостеприимной страны.

Иду по улице Шота Руставели мимо газетного киоска. Женщина, сидящая в киоске, стучит в окно. Я, конечно, иду дальше, не обращая внимания, ибо знакомых у меня тут нет, но меня дергает за рукав другая грузинка, стоявшая на улице перед киоском: «Пожалуйста, подойдите, это зовут Вас».

Из окна высовывается улыбающееся приветливое лицо:

— Где Вы купили эту кофточку? — Речь идет о моей новой голубой с белым рисунком шерстяной кофте. Я отвечаю, что в Харькове.

— Давно?

— Нет, недели две-три тому назад.

— А еще будете там в ближайшее время?

— Да, конечно, я там живу, а в Тбилиси лишь в командировке.

— Я вам сейчас дам деньги, — сколько она стоит? Купите мне такую же, и размер у нас одинаковый.

Я, естественно, отказалась взять деньги, но не под предлогом, что мы не знакомы, а сославшись на слишком малую вероятность застать их в продаже (в те годы хорошие товары исчезали быстро). Этот аргумент ее убедил, но тогда она дала мне свой адрес, взяв с меня обещание купить ей такую кофту и сообщить об этом телеграммой, чтобы она тут же выслала деньги. На том и расстались. Кофт в Харькове не было, и история эта не имела продолжения, но осталась добрым светлым воспоминанием в моем сердце.

Или вот другой день, в другой приезд. Идем с Володей по улице, смотрим во круг, я спрашиваю, не платаны ли растут вдоль дороги. Володя тоже не знает. Смеясь, останавливаем грузина средних лет, идущего нам навстречу, и задаем ему этот же вопрос. Он почти горестно вскидывает руки:

— Вай-вай-вай! Какой позор! Я тоже не знаю, как они называются по-русски. Вот вам мой телефон, — и он протягивает визитку, — завтра позвоните утром, и мы сходим в ботанический сад.

— Спасибо, но мы рано утром уезжаем из Тбилиси.

— Тогда не теряйте телефон. Приедете в другой раз, позвоните, скажите: — Гоги, помнишь, тебя русские гости спросили, как называются деревья на бульваре, а ты не знал. К этому времени я буду знать непременно, и мы все-таки сходим в Ботанический сад

Когда мы в поезде описали эту симпатичную встречу, наша попутчица Дебора Марковна рассмеялась:

— Какое совпадение! У меня вчера тоже была история с Ботаническим садом. Я решила сходить туда, но немного заблудилась. Спросила дорогу у первых попавшихся мне навстречу молодых грузин, они не стали рассказывать, а взялись проводить туда. Однако в Ботаническом саду был выходной, юноши пригласили меня на экскурсию прийти завтра. Узнав, что это невозможно из-за моего отъезда, один из юношей

проник на территорию Ботсада, нашел там сторожа и, объяснив ситуацию, получил разрешение поводить меня по саду сейчас. Часа три они водили меня по самым интересным местам, много рассказывали, удивив меня не столько даже своими познаниями, а тем, что никакого отношения ни к Ботаническому саду, ни к биологии вообще они не имеют. Когда же я стала просить извинения за причиненные им неудобства и благодарить за их любезность, ответили, что показать родной Тбилиси приезжему гостю, тем более такой почтенной женщине — для них большое удовольствие.

* * *

Как-то вернулась из поездки по Москве моя соседка, слушательница ФПК, моя ровесница по возрасту (тоже порядка пятидесяти лет) и тоже доцент. Расстроенная, чуть ли не до дрожи в голосе. Спрашиваю, что случилось. И что вы думаете? Стояла в очередь в кассу в одном из московских магазинов. Как обычно для того времени, очередь длинная и движется не быстро. Терпение на исходе, а тут прямо перед носом пьяненький мужик сует в кассу деньги. Она ему почти вежливо делает замечание, что надо бы уважать остальных, на что он, естественно, отвечает крайне грубо. Она ему в ответ: «Кончайте!». И тут он с сальной ухмылочкой ей говорит, сгребая в кулак сдачу с кассового блюдечка: «С такими увядшими цветочками, как ты, я и не начинаю!».

И вот она, проехав пол-Москвы, пройдя от метро еще с километр, не может успокоиться. Нет, не его грубость задела, а суть оценки ее возраста. Вот ведь штука какая: мужичишка — пьянь дворовая, ни ума, ни мужской привлекательности, а, поди ж ты, обидно это ярое непризнание ее женских качеств. «Ишь ты, барахло, — не унижается соседка, — не начинает он с такими! Да кому ты сам-то нужен? И что ты обо мне знаешь? У меня поклонников еще и теперь хватает!».

Ах, женщины, женщины! Вот уж поистине: «Каждая женщина хочет быть Дульцинеей, хоть на час, хоть на миг».

* * *

Игорь Степанович был сотрудник КГБ и, как это называлось, курировал наш институт. Лично мне с ним приходилось встречаться очень мало и мельком, хотя наши студенты, особенно с театрального отделения, без работы его не оставляли. Потому я немало удивилась, когда после возвращения из командировки узнала, что он меня несколько раз спрашивал.

Позвонила по оставленному в отделе кадров телефону. Встретились в кабинете нашего партбюро. Первые же его слова меня ошеломили. Оказывается, речь пойдет не о наших студентах и даже не о педагогах, а о моей дочери. Начал он, по выражению любимого нашего научного руководителя Петра Ивановича, «за здоровье, а кончил — за упокой» Сказал, что наша Тонечка, безусловно, одаренный человек, и лично ему приятно наблюдать за ней. Мое сердце сжалось: я хорошо знала, о чем свидетельствуют «наблюдения» такого чиновника. Он слышан о ее вечерах в научно-исследовательских институтах, пару раз и сам бывал там, получая несомненное удовольствие. Особых замечаний у него нет, хотя... И он сделал многозначительную паузу.

— Впрочем, — прервал он свое вступление, — сейчас речь не об этом. В их отделе получили сведения, что ожидается приезд опальных (он, конечно, имел в виду — запрещенных) поэтов, и назвал известные имена. И встреча эта с нашей верхушкой интеллигенции должна состояться на одной из частных квартир. По их сведениям, именно у Тони. Нам, подчеркнул он, очень важно знать, когда именно эта встреча

состоится, и мы просим вас помочь нам. Предупредил, что говорить об этом ни с кем нельзя, — не только с Тоней, но и с Владимиром Владимировичем. Широко и доброжелательно улыбнулся, сказав, что испытывает к нему особое уважение. ОН слушал цикл его лекций. Еще раз настойчиво подчеркнул обязательность сохранения тайны этого разговора. Потом жестким ледяным голосом добавил, что это в интересах дочери, что у них есть и другие источники информации, но в данном случае важно, чтобы главные сведения шли через меня. «Иначе, — и он опять сделал многозначительную паузу, — Тониным детям долго придется жить без нее. Да и против вас есть эффективные средства».

Закончив свою ужасную речь, он снова мило улыбался, клянясь в глубочайшем уважении ко всему нашему семейству.

Чернее тучи пришла я домой и в течение нескольких дней пыталась решить, как поступать. Мое смятение не скрылось от Володи, и я рассказала ему о причинах. Поразмыслив, решили, что нельзя скрывать это от Тони. Проблемы КГБ — это их проблемы, а опасность для нас есть в обоих вариантах, — рассказать или смолчать. Надо быть самими собой, и рассказать, коли для нас такие «игры» в секретные слезки неприемлемы.

К нашему удивлению, она отреагировала очень спокойно. Уверяла нас, что ничего страшного не случится, тем более, что названная встреча, скорее всего, состоится не в Харькове. Пообещала быть осторожной.

С Игорем Степановичем мы увиделись примерно через месяц в институте, куда он пришел по своим делам. Вежливо поздоровался, ласково пожал руку и тихо сказал, что он знает о моих беседах с мужем и дочерью (были-таки осведомители среди ближайших ее друзей!). Прекрасно меня понимает. А потом, уже уходя, добавил, что встреча не состоялась, но нашей вины в том нет.

Думаю, никаких пояснений, комментариев, рассказов о моих (точнее — наших) переживаниях не требуется. Вспомним Аркадия Райкина: «время было жуткое, жутчайшее». Хоть и сказано это по другому поводу, но повторяли его фразу, имея в виду именно подобные обстоятельства тех лет.

* * *

Под конец надо что-то порадовать вспомнить.

Вот две истории на армянскую тему.

Наш коллега и товарищ Мушег пригласил нас в гости, когда мы были в Ереване. Он до этого нам щедро показал Армению. Свезил в Эчмиадзин, на Севан, показал знаменитейшие места в самом Ереване, короче говоря, сумел влюбить нас в свой город и свою страну. И вот теперь мы у него дома. Красиво, на кавказский манер украшены блюда с угощением. Его молодая красивая жена вышла к гостям в чудесном платье цвета морской волны из тех материй, какие у нас и не появлялись. Пожалуй, только в Армении их можно было найти благодаря широчайшим международным связям армян.

В какой-то момент праздника мы услышали нежное лепетание младенца за стеной. Оказалось, это их сынишка под наблюдением родственницы. По нашей просьбе, малыша принесли, и жена Мушега посадила ребенка на колени. Сначала он лопотал и радостно оглядывал нас, потом сосредоточил свой взгляд на столе, опасность чего мать не сразу оценила. Через мгновение малыш схватил рюмку с томатным соком и щедро полил им прекрасное платье. Все ахнули, а мать, улыбнувшись, извинилась и вышла с сыном, ласково журча ему что-то на ухо.

Вернулась она скоро в другом наряде, а на наше сочувствие отреагировала просто: «Ну, что же поделаешь, сама виновата». Женщины заволновались, спрашивая, есть ли возможность отстирать, в ответ она выразила сомнение и снова сказала, что сама виновата, надо было быть внимательнее.

Меня поразила ее спокойная мудрая реакция. Я, к сожалению, видела немало совершенно иного отношения матерей к своим малым детям в сходных ситуациях. Так, мне довелось видеть, как мать ударила по губам свою маленькую дочь. Девочку принесли в нашу палату после пластической операции, которую делали под общим наркозом. Операция прошла именно на этих губах, которые были изуродованы ожогом. В три года девочка обожглась паром из носика только что закипевшего чайника, который мать оставила прямо на полу. Рана зажила, но рот затянулся ужасным рубцом. Этот

рубец и удаляли в этот день.

Приходя в сознание, девочка застонала, заметалась, и ее стошнило прямо на платье нарядно одетой матери. Ужас, который нас объял, был усилен еще и тем, что мать была так нарядно одета для какого-то праздника, на который шла прямо из больницы. С дочерью она не собиралась оставаться не только на ночь, но даже на пару часов.

Позже мы долго обсуждали случай в гостях у Мушега. Кто-то говорил, что спокойствие женщины легко объяснить весьма хорошим материальным положением, — дескать, не столь уж велика для нее потеря этого платья. На это возразили те, кто знал национальные традиции армян. Оказывается, как в древней Греции, они детей в течение первых лет не ругают, не наказывают, справедливо считая, что все наши соображения им практически не доступны. Зато после того, как дети начинают понимать больше, требования к ним становятся строгими, но всегда наполненными любовью. Может быть, поэтому, добавил кто-то, в Армении высоко ценят достоинство, и армянин не позволит себе быть пьяным до бесчувствия. Одним из тормозов для них является уважение к родителям: нельзя своим поведением их позорить.

Я вспомнила об этом разговоре, спустя некоторое время, будучи в командировке во Львове. Мое внимание сразу привлекла пианистка из Еревана, приехавшая с пятилетней дочкой, которую ей не с кем было оставить дома. Девочка присутствовала на всех заседаниях в большом зале. Шли доклады студентов, иногда они сопровождались музыкой или пением, но в целом это было довольно нудное мероприятие. Девочка сидела, чем-то тихонько играла, иногда пересаживалась на другое место или подходила к сцене. Порой она скрипела стулом, явно развлекаясь этим звуком. Ни разу мать ей не сделала замечание. Я с интересом наблюдала за этим и думала, ведь ребенок на самом деле никому не мешает, несмотря на свою активность. Действительно, если вдуматься, мешают не дети. Гораздо больше мешают их матери, дергая детей, пытаясь удержать их на месте, делая выговор громко и сердито. Дескать, ты мешаешь, веди себя тихо, и нередко доводят ребенка до плача, а тогда уж точно работать другим невозможно.

Мудрый народ Армении, мудрые традиции. Как хочется верить, что они остаются неизменными.

Наталья-экстрасенс

Во время одной из длительных командировок в Москву мне пришлось лечить лазером свою бедолагу-ногу в ЦИТО. Это был тогда экспериментальный метод. Ездил достаточно долго и без особого эффекта, но не о том речь.

Среди посетителей кабинета было несколько таких же постоянных клиентов, как и я. Среди них мне особенно симпатичной стала балерина из Тбилиси Нателла (ах, фамилию сейчас не помню). Изящная, гибкая, она обладала завораживающей пластичностью и гармонией движений, поз, мимики. Возможно, в этом не было ничего удивительного, учитывая ее профессию, но для меня это была первая встреча с балериной, когда я могла говорить с ней, сидя рядом и глядя на нее во время нехитрого разговора. Позже, работая в Институте искусств, я многократно встречалась с ведущими балеринами оперного театра, но Нателла, казалось, превосходила их всех.

Я любовалась ею, стараясь не смущать откровенным восхищением. Впрочем, это было не трудно, так как Нателла вела себя очень просто, без кокетства рассказывая о своей любви к балету, музыке, магии сцены. В том числе и о проблемах, включая нередкие травмы. В данном случае она приехала в клинику на то же самое лазерное

лечение из-за совершенно непонятной по происхождению болезни. На правой ноге прямо возле нижней косточки была какая-то точка, в которой иногда во время танца внезапно возникала боль такой силы, что она падала, буквально обрушиваясь на пол сцены. Эта боль практически не возникала в обычной жизни, лишь на сцене, сделав ее выступления невозможными.

Встречались мы с ней несколько раз, связанные общим графиком, и мне кажется, это было приятно не только мне. Глаза при встрече светились и у нее.

И все же в данном случае речь не о балерине.

Как-то раз я не застала Нателлу. В обычное для нее время в коридор вошла симпатичная девушка, оглянула всех нас, села рядом со мной, благо по негласной традиции место это постоянные посетители не занимали, тактично сохраняя его для Нателлы. Подождав некоторое время, девушка обратилась ко мне с вопросом, что мне известно о том, придет ли Нателла на прием в ближайшее время. Ответить мне было нечего, девушка решила еще немного подождать, и мы разговорились. Она охотно рассказала, что Нателла — ее давняя подруга, что зовут ее почти так же, но по-русски — Наташа. Вскоре я знала о ней немало. Ее откровенность была так естественна, доброжелательна, что у меня даже возникло ощущение давнего знакомства. С любопытством узнала, что она экстрасенс и работает в «Звездном» у космонавтов. Ей приходится там заниматься «мелким ремонтом», как она выразилась, и консультациями летчиков и космонавтов по вопросам из серии «помоги себе сам». Узнав от Нателлы о ее лечении тут, она пришла познакомиться с этим методом поближе. Собиралась побывать на сеансе вместе с подругой, да вот неудача — нет ее. Я посоветовала ей попросить разрешения у нашего врача, очень обаятельного человека, и она тут же легко вскочила со стула и следующее мгновение зашла в кабинет. Пробыла там некоторое время, присутствуя на приеме двух больных, потом выпорхнула из кабинета, попрощалась со мной, сказав, что ей было очень интересно, и ушла.

Пришла моя очередь заходить на прием. Врач, с которым мы немало переговорами за время лечения, встретил меня вопросом, обратила ли я внимание на молодую женщину, которая только что вышла из кабинета. После того как мы обменялись общим впечатлением от обаятельной посетительницы, он мне рассказал, что ему довелось впервые увидеть реальные возможности экстрасенсов.

Когда Наташа зашла в кабинет, у него на приеме была женщина. У нее были, как и у меня, непонятные уплотнения в мышечной ткани, но на спине. Наташа попросила разрешения, еще ничего не зная о болезни этой женщины, посмотреть ее. Провела руками над грудью и спиной еще не раздевавшейся женщины и точно нашла уплотнения, точно очертила их границы. Еще Наташа сказала, что у нее есть проблемы с одной из почек и что-то еще, что именно, сейчас не помню. Со всем этим женщина согласилась, сказав, что эти болячки она знает. Но Наташа добавила, что той надо срочно заняться своими легкими. Женщина усмехнулась, что вот уж с чем у нее нет проблем, так это с легкими. Однако экстрасенс настоятельно посоветовала не откладывать посещение пульмонолога.

Мой врач был явно потрясен умениями необычной посетительницы. И мы почти весь этот сеанс моего лечения поговорили о ней. Я думала о ней и в следующие дни, очень надеясь на новую встречу. Однако Нателла, с которой мы увиделись через короткое время, огорчила меня тем, что подругу отправили на Байконур в командировку на неопределенное время. Немного рассказала о необычных качествах подруги, увеличив и мое любопытство и мое огорчение. Вскоре перестала я встречать и Нателлу.

Поколебавшись некоторое время, я спросила своего врача, почему не видно балерину. Ответил, что уехала домой в надежде, что сможет танцевать. Ему трудно

определить, насколько лечение эффективно: при ее поражении обычные критерии не работают, — время покажет. Зато он вспомнил Наташу и сказал, что она оказалась права, отправляя ту пациентку к пульмонологу: у нее действительно обнаружили в легких серьезное заболевание, и она сейчас находится на лечении в одной из специальных клиник.

Мы опять весь сеанс проговорили о том, как удивительны дела человеческие, как мало мы знаем о масштабах способностей, как велик круг таких проблем и в психологии, и в медицине, «куда не ступала нога человека».

Катерина

Подругами мы были с ее матерью, Татьяной, которую я нежно обожала, покоренная ее профессиональными качествами психолога «от бога», но не меньше — ее женскими достоинствами потомственной москвички. Никакой особой красоты в ней не было, но и оторвать взгляд от нее трудно. Удивительно естественная, искренняя, она умела общаться, как никто другой из всех моих знакомых. Приезжая в Москву, я счастлива была останавливаться у нее, от всей души наслаждаясь общением с ней на самые разнообразные темы. Часами говорили о психологии личности, о теоретических спорах вокруг главных проблем. Не менее увлеченно обсуждали профессиональные качества знакомых нам психологов, — нет, не сплетничали, а именно обсуждали, анализировали их преимущества, достижения и ошибки. Ну, и, конечно, делились своими домашними радостями и огорчениями.

Рассказывала Татьяна и о своей дочери Кате, которая жила у Таниных родителей. Ее описания Катиных особенностей внешности и характера были так точны и ярки, что, когда Катя впервые при мне появилась у Тани, показалось, что я знаю ее давно-давно, и так же давно ей симпатизирую. Да и было, от чего: миловидная девочка-подросток, с нежным голосом, богатейшими интонациями коренной москвички, без налета демонстративности, искренне доброжелательная.

Надо было видеть, с какой грацией, легкой иронией и достоинством Катя вышла из комнаты в ответ на Татьянино:

— Катерина, иди к себе, не принюхивайся, эта утка нам с тетей Галей.

Легко улыбаясь, (у нее была удивительная для подростка улыбка человека, все знающего, понимающего и ничему не удивляющемуся), Катя открыла дверь в другую комнату:

— Тетя Галя, Вы видите, как мне трудно с моей мамой?

Когда мы сели пировать, я ерзала на стуле, чувствуя непреодолимое желание поделиться этой вкуснотой с девочкой. Катя в это время уже оделась, заглянула к нам, почувствовала мое настроение и опять улыбнулась своей очаровательной улыбкой:

— До свиданья! Тетя Галя, не мучайтесь, она все равно мне не даст. Пусть Вас это не огорчает, я компенсирую свое недоедание у бабушки. — И выплыла из квартиры, как в той сказке, где царевна «выплывает, будто пава».

Меня очаровала девочка, не по годам наполненная доброй иронией. Татьяна, удовлетворяя мое любопытство, рассказала несколько типичных историй из области ее отношений с бабушкой и дедушкой, отцом (Таня с ним давно рассталась, причем по причинам своей неумейной тяги к независимости и творческой самостоятельности) и с нею самой. Это был увлекательный рассказ. Точных его деталей теперь, конечно, за давностью лет (прошло более тридцати) не вспомню. Боюсь, что заменю их знанием, приобретенным за последующие годы. Скажу только, что в этот день я полюбила Катю, и эта симпатия определила все мое последующее отношение к ней. Приезжая к

Татьяне, я всегда радовалась встрече с Катей, с нежностью наблюдала за ней, слушала ее, от всей души сочувствовала проблемам в ее жизни.

Надо сказать, что проблем у Кати всегда хватало. Были трудности в ее творческой биографии. Она получила прекрасное художественное образование. Ее творчество было востребовано, — она иллюстрировала несколько книг, роскошных календарей, было немало профессионально значимых работ. И все же постоянно что-то не ладились.

Не получалось найти покой и в семейной жизни. Ее муж был влюблен в нее буквально до сумасшествия (хм, понять его можно: женщина она удивительная), и взял ее своим нервным натиском. Но жизнь так и не сложилась, и после нескольких лет они расстались. Потом у нее был очень интересный, как теперь говорят, роман. От обоих мужчин у нее по дочке, но растить их ей пришлось многие годы самой, в спорах с Татьяной о принципах их воспитания. Хотя обе относятся к приверженцам предельно уважительного отношения к детской самостоятельности, в деталях они расходились.

Конечно, была и масса финансовых проблем. Но это совсем непростая история. О ней мне судить еще труднее, чем обо всем остальном, — ведь реально я виделась с Катей всего несколько раз за многие годы, да и дистанция в нашем возрасте не давала возможностей для глубокого откровения. Но то, что мне удавалось наблюдать, неизменно производило сильнейшее впечатление. Почти всегда я попадала на «полосу безденежья», хотя ее мужчины что-то вносили в ее бюджет, и подрабатывать удавалось, но вот ведь штука какая — исчезали эти деньги мгновенно. Банальная история, но я же говорю, что эта сторона ее жизни производила на меня огромное впечатление. Чем? Да тем, что она относилась к деньгам так, как они того заслуживают: умела радоваться им и совершенно не впадать в отчаяние при их отсутствии, легко переходя на режим экономии. Порой находила неожиданные решения вопроса, где бы раздобыть денег. Тратила их, — ах, как бы выразиться поточнее, — вкусно: либо покупалось нечто невероятное себе или девочкам, или устраивался необычайный пир, или еще что-то, но вовсе не из серии «надо экономить». Выглядело это очаровательно.

Допустим, такая картина. Катя утром (далеко не ранним) лежит на своем уютном диване, будто натурщица у знаменитого художника давних времен. Мягкие складки халата как-то особенно тепло охватывают со всех боков ее красивое тело, розовеет прелестная нежная кожа ее лица, движения грациозные, плавные, голос теплый, интонации богатейшие:

— Сашенька, возьми деньги в кошельке, позавтракай в школе.

— Мама, но тут совсем мало.

— Вот как? Странно... Значит, возьми немного, но оставь и Гуле.

— Но ей не хватит на ее любимые булочки.

— Ну, ничего не поделаешь, значит, купит одну, а не две. Или (грациозно потягиваясь) позавтракает дома.

— Мама, что ты говоришь? Не будет она завтракать кашу.

— Вот я потому и говорю: купит одну булочку. Сашенька, иди уже, а то опоздаешь, и не суши мозги ни себе, ни мне: что-нибудь придумаем.

Саша уходит, Катя грациозно потягивается:

— Кстати, пора позвонить Леве (это отец Саши, который собирался купить ей коньки).

Нет, не надо думать, что эти деньги, когда их получат, пойдут на питание или «латание дыр». О, нет, нет, на них будут куплены именно коньки, ну, а с питанием как-то устроится. Возможно, кто-нибудь закажет ей астрологический прогноз, в чем она большой специалист. Может быть, что-то неожиданно принесет кто-нибудь из гостей.

Принцип — «не может быть, чтобы никак не было» — соблюдался искренне с верой в лучшее.

Кстати, об ее астрологических знаниях. Мне довелось обращаться к ней раза три, и ее прогнозы были точны так, что потом пробирала дрожь. О сложнейших событиях с членами моей семьи она рассказывала, детально описывая истоки этих событий и их итог. Совпадали все обстоятельства, даты, причины, перспективы. Многое из того, что она говорила, мне на тот момент не было известно, и лишь позже появлялась возможность сравнить реальное с описанным ею. Ни одной ошибки в ее прогнозах не было. Конечно, это не могло не завораживать. И понятно, что, когда при мне начинают обсуждать отношение к астрологии, я в споры не включаюсь. Понимаю, что нельзя не учитывать уровень профессионализма, ибо лично я никогда не поставлю в один ряд газетные «предсказания» и характеристики такого специалиста, как Катерина. Ну, а о том, насколько можно серьезно относиться к самой астрологии, думаю, у нас еще явно маловато знаний о связи Земли с Космосом. К тому же примеров тьма, говорящих о том, что представления людей о степени научности воззрения менялись радикально. В данном контексте я эту тему и обсуждать не буду. Для меня интересно лишь наметить некоторые штрихи к психологическому портрету очень интересного человека.

Многое вспоминается, хотя, как я уже сказала, встреч с Катей было немного. Можно рассказывать и рассказывать, но главное — не конкретные события, а ее облик. Мне не приходилось встречать более гармоничного человека, чем она, более естественного, искреннего, лишенного позерства. Она как бы говорит: «Вот я такая. Вам будет хорошо, если вы меня примете именно такой. Не требуйте, чтобы я менялась под ваши критерии, и вы тоже будете свободны».

Парадоксально, что этот человек, умеющий быть свободным, тем не менее, все время попадает под давление обстоятельств. Этот человек может дать великое счастье другим, но они будто не умеют стать рядом и быть счастливыми. Почему? У меня слишком мало данных, чтобы ответить на эти вопросы. Сама Катюша, кажется, удовлетворяется тем, что видит в своем гороскопе космические причины. Впрочем, не знаю, хватило ли ей этого мудрого взгляда на жизнь, — я не видела ее много лет.

«Белая ворона»

Опять моя любимая Москва. На сей раз, эта долгая командировка была «глубоким погружением» в фантастический клубок противоречивых переживаний. На первом плане почти невероятная по своей насыщенности масса театральных встреч, размышлений, счастливых впечатлений. А в глубине не менее насыщенное эмоциями ощущение глубокой личной трагедии, сущность и истоки которой мне в те дни еще не ясны, хотя совершенно очевидно, что пришла большая беда. Не хочу верить, не пытаюсь понять, лишь по-страусиному прячу свое сердце в гущу прекрасного мира искусства. Иногда не помогает и это. Тогда брожу по университетским паркам на Ленинских горах или по тихим улочкам Арбата, Кропоткинской, прочим насыщенным доброй энергией переулкам и улицам старого города.

В тот зимний день я успела изрядно промерзнуть, так сказать, на поверхности и оттаять в глубине загрузившей до слез души, бродя по улице Неждановой, зайдя в любимую церковь, где, на счастье, была служба с волшебным пением. И вот я спускаюсь на Арбате в подземный переход. Слышу пение, оно привлекает сразу. Спешу на звуки, все более удивляясь. Нет, голос самый обыкновенный, хотя в нем есть искренность, теплота. Но мелодии и слова... Явно поет автор свои песни, и это, конечно, интересно.

Примерно посередине перехода стоит с гитарой женщина средних лет. Наружность под стать голосу, самая обыкновенная, одежда старенькая. Но поет она от всей души, не обращая внимания на то, что все спешат мимо, мимо, будто и нет ее. Останавливаюсь, кладу деньги в открытый ящичек, где что-то лежит, но явно всякая мелочь. Увидев мой неподдельный интерес, женщина обращает ко мне свой лучистый взгляд и с удовольствием затягивает новую песню. Мне нравится и мелодия, и слова, и манера исполнения. Спрашиваю, свои ли песни она поет, — да, все песни ее собственные, — и музыка, и слова.

Разговорились. Не помню сейчас, что она рассказала о своей жизни, она больше говорила о песнях, о желании их где-то исполнять, о трудностях на этом пути. Оказалось, она знает многих бардов, но и у них особых возможностей ей помочь нет. Я ей рассказала о передачах моего племянника Алеши в Калуге. Ее это заинтересовало, и она выразила желание съездить туда и поговорить с ним. На прощанье она подарила мне кассету с записями ее песен, извинившись за качество, поскольку записи производились в домашних условиях. На коробочке был ее портрет и надпись: «Белая ворона». Смущаясь, она пояснила, что так ее называют друзья. В коробочке был список песен, по поводу которого она опять извинилась, сказав, что это не лучшая подборка. Я на коробке написала ее имя: Татьяна Исаева (Каверина).

На том мы и расстались. Запись, действительно, оказалась невысокого качества, я ее тогда даже не прослушала толком, да и Алешу она тоже не заинтересовала. Дело в том, что на первой стороне была подборка песен для детей. Лишь спустя много лет я прослушала все и пожалела, что очень небрежно положила номер ее телефона и не искала встреч с ней. Я помнила ее как-то отдельно от нее самой, реальной. Думала о ней не раз, но так же могла бы я думать и о литературной героине, а не о реально живущем человеке.

Теперь в ее песнях мне нравится многое. Привлекает чисто русская манера пения, — как в известных наших песнях спокойно, душевно, искренне. Есть немало очень симпатичных мелодий. Но самое главное: это песни очень хорошего человека. Эта женщина умела любить, прощать, расставаться без обвинений и проклятий, жалеть, оставаясь нежной, независимой и гордой.

Странно, о сюжетах ее песен хочется думать так, как думают о реальных судьбах. В них бесхитростно отражается ее жизнь, видны ее переживания, совершенно конкретные поступки. Есть немало привлекательных стихотворных строк, очень четко выражающих глубинные истоки настроений.

И хочется верить, что среди тех, кто ее окружает, есть люди, понимающие ее, помогающие ей, те, с кем ей тепло. Не те, что шли мимо нее в подземном арбатском переходе. И не такие, как я, которые услышали, похвалили, проявили небольшой интерес и ушли, вспоминая ее лишь изредка и отстраненно.

Мой последний студент

Эта история — о краткой встрече с моим последним студентом в последний день моей последней сессии перед уходом на пенсию.

В начале заочной весенней сессии ко мне подошел Юрий Григорьевич, педагог с кафедры духовых инструментов. Он сказал, что ко мне придет сдавать экзамен один из его студентов, и он просит о снисхождении, так как тому надо много сдавать по специальным дисциплинам в связи с огромным пропуском занятий не по его вине. Желая меня убедить в обоснованности его просьбы, он добавил, что такого одаренного студента у него еще не было: абсолютная музыкальная память и слух, знание наизусть колоссального числа музыкальных произведений и оркестровых партитур, самостоятельность трактовок и т.п. Меня уговаривать не требовалось. Я недаром слыла большим либералом в данном институте. В отличие от Университета, где мои требования к психологам были высоки, так как я чувствовала ответственность за их настоящую профессиональную подготовку, тут я прекрасно понимала, что мой предмет у студентов далеко не на первом месте, а тем более у заочников. Им бы суметь в классе и оркестре отработать в течение сессии, а уж моя психология «с боку припеку». В последние годы это было особенно ярко выражено: более одаренные и подготовленные стремились к участию в конкурсах, а другие пыхтели изо всех сил, надеясь с хорошими оценками получше устроиться. Я никого не осуждала, но и работать в таких условиях стало совсем неинтересно.

Я быстро забыла о просьбе Юрия Григорьевича. Слишком хорошо знала, что в принципе не собираюсь с кого бы то ни было «спускать семь шкур», и помнить имя конкретного студента мне не нужно. И, когда на одной из первых лекций в этой группе подошел ко мне студент с извинением за то, что он вряд ли сможет посещать занятия, я ему разрешила пропуски, даже не спросив его фамилии. В день экзамена он пришел в аудиторию одним из первых с непривычной просьбой: разрешить сдавать последним, так как у него много вопросов ко мне. Хмыкнув про себя (Ха! Знаю эти «вопросы»), я, конечно, разрешила. Обычно все заявления о наличии вопросов ко мне из-за якобы непонятности изложения в учебниках означали только то, что эти студенты книг не читали, лекции пропускали, а учебник увидели впервые в день экзамена. Иронии на это у меня было достаточно.

Но мне пришлось искренне удивиться, когда началось общение с ним. Саша (его имя я прочла в зачетке) сразу ошеломил меня очень серьезным вопросом и очень серьезным вдумчивым отношением к моему объяснению. Вскоре у нас развернулась интересная для меня дискуссия. Такого профессионально интересного общения со студентом я не видела со времени моей работы с психологами. Оказалось, он читал не только учебник, но и научную литературу; знал многие психологические и философские работы разных лет, имел свое мнение по многим фундаментальным проблемам. Беседа наша затянулась почти на три часа. Я давно готова была поставить ему пятерку, но Саша говорил, что дело не в экзаменационной процедуре, — он просто рад нашему общению.

Наконец, я расписалась в зачетке и спросила, откуда у него такие познания, — может быть, его родители психологи. Нет, были музыкантами, но их нет, а для самообразования у него было много времени. Я почувствовала, сто за последними словами скрывается большая драма, и что-то сказала доброжелательное. В ответ на мое искреннее внимание и сочувствие он поведал мне поразительную историю, — из тех, которые в книге или фильме многим показались бы не очень удачной выдумкой.

Саша жил с родителями в Москве. Поступил на фортепианный факультет, был там одним из весьма перспективных студентов. Женился, имел сына, и, казалось, впереди было только благополучие, радость, счастье, хорошая карьера.

Жена его работала в МИДе, часто бывала за границей, а оттуда передавала посылки с разными вещами для знакомых или для продажи. В последнем случае к ним приходила одна и та же девушка и забирала присланные вещи. Вот и в тот день она

позвонила, сказав, что в 6 часов зайдет за вещами. Саша удивился, о ее приходе его не предупреждали, как это бывало обычно. Никакой посылочки от жены дома не было. Свое недоумение не высказал, решив, что кто-то привезет в течение дня.

Никто не приехал, девушка пришла в назначенное время, посидели, поболтали, а потом он ее проводил. Жила она в элитном доме с постоянным дежурным у входа. Саша провел ее до второго этажа, хотя жила она на третьем, и ушел, считая, что этого достаточно. А ночью его подняла милиция с ордером на арест. Девушку убили прямо в подъезде, на полпути к ее этажу. Сашу видела дежурная, когда он входил и выходил. Ее свидетельства оказалось достаточно, чтобы его обвинили в убийстве. Более того, говоря об убитой, называли совсем другое имя, и его не слушали, когда он утверждал, что провожал совсем иную девушку. Доказать свою невиновность не смог, суд завершился очень быстро, назначив высшую меру — расстрел.

Исполнение приговора по неизвестным ему причинам откладывалось. От гнетущего чувства беспомощности и несправедливости избавиться не удавалось. Стресс ожидания расстрела усилился и другими причинами. За короткое время он лишился всей семьи. Родители умерли, не выдержав такого горя. Жена официально от него отказалась, тут же оформили развод, и она с сыном уехала. Из института исключили.

Однако и в этой ужасной жизни появился просвет. Почему-то на некоторое время его перевели из одиночной камеры, как положено по его приговору, в двухместную. Там его соседом оказался профессор психиатрии. Профессор (конечно, диссидент) был замечательным человеком, добрым, умным, образованным. Саша ему многим обязан. Во-первых, он посоветовал заказывать много книг, и составил ему список, включая лучшие из запрещенных произведений. Учитывая его статью, ему не должны отказывать, и ему, действительно, приносили все из богатейшей библиотеки. Во-вторых, профессор и сам много занимался с юношей. Зная несколько иностранных языков, вызвал у него интерес к самостоятельному овладению ими. В-третьих, профессор сумел разбить в пух и прах отчаяние Саши, настаивая на том, что нельзя поддаваться никаким внешним обстоятельствам. Убеждал, что никакая борьба не бывает бессмысленной. Ссылаясь на исторические факты и высказывания разных людей, внушал мысль, что свобода и несвобода находятся внутри нас. Внешние силы владеть могут телом, но не душой. Человек, живущий на воле, часто оказывается менее свободным, чем человек в тюрьме. И, наконец, он познакомил Сашу со всем комплексом симптомов тех психических нарушений, при наличии которых его отправят на судебно—психиатрическую экспертизу. Симуляция болезни дает вероятность назначения принудительного лечения, зато исполнение смертного приговора откладывается на неопределенное время, а там, что Бог даст, — многое может измениться.

Юноша успешно усвоил уроки, изобразил болезнь, и все вышло так, как сказал профессор. В психиатрической клинике Саше отвели отдельную палату, обеспечили круглосуточную охрану. Ее осуществляли несколько постоянных солдат, сменявших друг друга. Охранники быстро сориентировались в обстановке, и, заступая на дежурство, исполняли свои обязанности не очень рьяно, уповая на бесчисленные клинические замки и профессиональную бдительность персонала.

В итоге юноша мог общаться с больными, большая часть которых на самом деле больными не были и находились в клинике по политическим основаниям. Под их влиянием он продолжал свое образование, уделяя теперь много времени и музыке. К инструменту у него доступа, естественно, не было, но зато он мог заказывать любые ноты, читать их, выучивать, причем не только фортепианные произведения, но самые разные. Благо, для этого не требовалось владеть тем или иным инструментом. Важно было знать особенности того или иного инструмента и его звучания. Среди его новых

товарищей были люди с музыкальным образованием, серьезно углубившие его теоретическую подготовку. Дискуссии с ними по вопросам интерпретации музыкальных произведений расширили его творческие возможности. Конечно, приложения этому потенциалу пока не было, но зато возникло то внутреннее чувство свободы, о котором говорил его первый тюремный учитель.

Шли годы. Казалось, жизнь замерла на этом уровне. Но в стране произошли немалые изменения, и, в частности, ожидался приезд президента США, который собирался посетить психиатрические клиники с целью выявления того, как в нашей стране соблюдаются международные законы о правах человека. Соседи по больнице научили Сашу обратиться к президенту с очень кратким заявлением, что ему вынесен неверный диагноз. При этом не упоминать о судебном приговоре. Поскольку такие вопросы американскую делегацию не интересовали.

Рейган клинику посетил, Саша сумел сказать о неверности диагноза, и президент США велел записать молодого человека на комиссию, составленную из ряда ведущих психиатров разных стран. На комиссии Саша ничего не изображал, вел себя максимально естественно. После окончания обследования председатель международной комиссии вызвал Сашу к себе и сказал, что после консилиума прежний диагноз не нашел подтверждения. Зная и о судебном приговоре, предложил ему выбор из двух вариантов. Первый: ему могут снять психиатрический диагноз полностью, но в этом случае, скорее всего, последует немедленное приведение судебного приговора в исполнение. Те, кто решают такие дела, не сможет уйти от того факта, что со времени вынесения приговора прошло почти шесть лет. При втором варианте сохраняется психиатрический диагноз, но более слабый, чем прежний, и он дает право обращаться в судебные органы с апелляцией. Правда, в новый диагноз останется на всю жизнь, поскольку его подпишут члены международной комиссии. Саша выбрал второй вариант.

Прошение о пересмотре дела приняли, и новый следователь в новые, перестроенные времена раскопал в этом деле такие факты, что у Саши дух замер. Едва хватило сил пережить новый стресс.

Что же выяснилось?

Убили ту самую девушку, которая приходила к нему, но при опознании полковник КГБ, живший в том же подъезде, заявил, что это его дочь. Да, у него была дочь, с которой он конфликтовал до бешенства. В одну из таких ссор он ее почти нечаянно убил. Для человека его положения это означало потерять все. И он спрятал труп, вывез за город, а в доме и на работе, а также среди всех родственников и знакомых объявил, что после ссоры она уехала навсегда. И, дескать, она перед ним так виновата, что знать ее не хочет, что его совершенно не интересует, где и как она живет.

Так бы все на этом и кончилось, но однажды он увидел в подъезде девушку, ту самую Сашину знакомую. Полковнику показалась, что она очень похожа на его покойную дочь. Уже давно его мучили опасения, что, как ни говори о вечной ссоре и разлуке, кто-нибудь начнет искать его дочь. А тут эта девушка... Замыслив недоброе, полковник позвал девушку к себе и отдал ей много всяких вещей, оставшихся после дочери. Нашел прекрасное объяснение. Вот, мол, примирение невозможно, дочь за ними вряд ли вернется, а если вернется позже, то она такая модница, что эти вещи носить не станет, выкинет.

Девушка от такого щедрого подарка не отказалась, стала носить понравившиеся ей наряды. Спустя всего несколько дней полковник ненароком сказал внизу вахтеру, что его дочь приехала. Вахтер, видевший его дочь раньше, сказал, что обратил внимание на ее появление и очень рад за них. Полковник с облегчением отметил, что его подмена не вызвала подозрений. Не дожидаясь того момента, когда неизменно любопытные вахтеры надумают с ней поговорить, заказал ее убийство. Ему не потребо-

валось много времени, чтобы выяснить, у кого она бывает и зачем. Судьба Саши была решена.

Дело пересмотрели. Доказательств вины полковника следователь добыл достаточно, даже нашли место захоронения дочери и провели полную экспертизу. Его судили (не помню меру наказания), а Сашу полностью реабилитировали. Но радоваться было нечему: семьи нет, профессии нет, здоровье загублено тюрьмой и клинкой, жить тоже негде. Надежды на восстановление в институте не было, да и для фортепиано время безнадежно потеряно. Тогда он решил ехать в Харьковский институт искусств, в котором когда-то учились его родители. Поступил на кафедру духовых инструментов, где он сразу всех очаровал своими умениями и познаниями. Вот так состоялась и наша встреча.

Потрясенная его судьбой, я не могла найти слов, хотя так хотелось чем-то ободрить. Говорю, теперь бы тебе найти добрую жену, и все уладится. На это он очень спокойно ответил, что здоровье его не позволит ему жить долго, вряд ли протянет хотя бы лет пять. Потому не имеет права отяготить собой жизнь другого человека, особенно — доброго, — добавил с грустной улыбкой. И столько в его словах было спокойного знания о бессмысленности всяких надежд, что я даже растерялась. Чем утешить, что сказать этому славному человеку? Даже сейчас навертываются слезы, как только вспомню его бледное лицо с огромными грустными глазами и почти бесстрастным голосом. Единственное, на что я решилась, — выразить свое восхищение его мужеством и веру в то, что с предстоящими проблемами он сумеет справиться.

Я еще долго не могла уйти из аудитории, машинально перекладывая свои бумаги и глядя в темные окна. Лишь закрывая дверь, вдруг с облегчением подумала, как хорошо, что больше не буду работать со студентами. После такой встречи мне было бы трудно иметь дело с бездельниками и весьма поверхностными молодыми людьми, сверх меры переполненными спесью и апломбом.

«Разгону облака»

Что же это такое? Я никак не могу вспомнить его имя, помню только фамилию, и это меня огорчает. Мы виделись всего несколько часов, но впечатлений хватило на многие годы.

Было это около двадцати лет тому назад. По приглашению нашего коллеги Бронислава мы с Володией приехали в Ригу. Грустно сказать — в последний раз, ибо теперь вероятность побывать там практически нулевая. Будто чувствуя, что пришла пора прощаться, я не могла налюбоваться, надышаться. Володя, по своему обыкновению, сидел в номере новой гостиницы, то перезваниваясь, то встречаясь с кем-то, и выходил оттуда в основном по делам, организованным Брониславом. Лишь изредка мы гуляли по прекрасным скверам, любуясь любимой Ригой.

Вот и в тот день, о котором хочу рассказать, Володя отказался от предложения Бронислава поехать в Юрмалу. Я не могла понять, как он мог назначить на этот день встречу с какой-то журналисткой, зная о поездке. Безрезультатно я зывала к нему:

— Володенька, но ведь это Юрмала! У нас не будет другого такого дня!

Он остался, а мы поехали. Уже в электричке Бронислав сказал, что хочет познакомить с весьма интересным человеком, и для этого начнем с Кемери, одного из самых отдаленных городков Юрмалы. Рассказывать об этом человеке ничего не стал, да я и не проявила особого любопытства: человек так человек, — подумаешь, великое дело, — важнее, что пробудем день в Юрмале. Меня не смущало, что день начинался дождливый, и легкая радость будоражила меня. Недаром Володя на выраженное Бро-

ниславом сожаление о погоде сказал, что для меня в Риге не бывает плохой погоды, а только хорошая и замечательная.

И вот мы в Кемери. На перроне нас встретил высокий темноволосый человек, весь облик которого сразу показался весьма приятным. По виду, как говорят, человек с востока. Горделивая осанка, голос мягкого тембра с богатыми интонациями, еще более симпатичными от небольшого акцента. Я про себя подумала, вспомнив Володины шутки по адресу знакомого таджика, — «бай!». Он галантно поцеловал мне руку, назвал свое имя (ах, ну как же его звали?). В ответ и я представилась сама, не задумываясь об этикете. Бронислав рассыпался в комплиментах, рассказав, какая я удивительная женщина, смутив меня так, что я, как в юности покраснела до корней волос.

Надо, пожалуй, для удобства рассказа придумать этому новому знакомому имя. Если так и не вспомню, буду звать его Рашид. Что-то смущает меня, — не та мелодия имени в памяти. Ну, ладно, пусть будет Рашид.

Рашид взял меня за руку, помог сойти с перрона и повел к автомобилю, стоявшему невдалеке. Я хотела раскрыть зонтик, но он остановил меня:

— Это вряд ли понадобится, я сейчас разгоню облака, и дождя не будет, пока я не посажу вас в поезд на Ригу.

Я улыбнулась, считая это галантной шуткой, но Бронислав, уловив мою реакцию, серьезно заметил, что это совсем не шутка, и Рашид действительно умеет разгонять облака. Я продолжала улыбаться, хотя, думаю не от шутки, а просто мне стало легко и весело. Рашид встал возле автомобиля, поднял высоко руки, стал делать движения, будто раздвигал в стороны облака, и что-то тихо говорил, — наверно, на своем языке, так как слова звучали, будто сказочные заклинания, что тем более соответствовало этой, как я считала, игре. Но нет, игра игрой, тем не менее, буквально через пару минут в облаках появился просвет, он быстро расширился, и вскоре вместо тяжелых серых туч поплыли кучевые облака. Они становились все светлее, легче, и, наконец, даже проглянуло солнышко. Эта фантастическая игра меня совсем развеселила, хотя я про себя подумала, что Рашид знал прогноз погоды. Впрочем, уж очень быстро все вокруг изменилось, и мне хотелось верить, что это и в самом деле сделал обаятельный молодой человек.

И началось прекрасное путешествие по Рижскому Взморью.

Проехав немного, мы выходили из машины, мои спутники по очереди рассказывали о местах, где мы были, о латышской истории, о местных достопримечательностях, и о прекрасных пустыках. Не помню, когда мне было так легко, беззаботно и весело. Что-то рассказывали они, что-то я, и всем было интересно.

Во время одной из остановок Рашид принес из машины чемоданчик-«дипломат», мы сели на скамейку в уютном месте, и он достал коньяк и разную редкую для того времени снедь. Я стала отказываться, почему-то сникнув немного, — это мне показалось лишним, мало соответствующим легкости предыдущего общения. Наверно, испугалась, что мужчины сейчас напьются, перейдут на язык «пьяной бессмыслицы», мне станет смертельно скучно, а деться будет некуда. Рашид быстро уловил изменение моего настроения, и сказал, пусть меня ничто не смущает: выпьем мы совсем немного, перекусить же не мешает, так как мы уже давно гуляем. Тем более, добавил с улыбкой, такой коньяк редко приходится пить. «Редко» — не то слово, это был настоящий французский коньяк, и я, конечно, не могла отказаться.

И в самом деле, наш «перекус» оказался таким же приятным мероприятием, как и все до этого. Более того, именно в это время я узнала о Рашиде немало интересного. Нашла объяснение и его выправка, и галантность, и лоск, и этот ассортимент для «перекуса».

Оказалось, что он имеет два высших образования, несколько лет был референтом у одного из известнейших деятелей. По тем временам должность весьма значимая. Она не только хорошо оплачивалась, но давала массу неучтенных никем подарков, доступ к так называемому дефициту, выгодные знакомства и безусловные возможности влияния на самых разных людей, облеченных властью. И в то же время — не на виду, что имело свои несомненные плюсы, — почти «серый кардинал». Что уж говорить о возможностях любого отдыха, различных поездок за границу, чего были практически лишены граждане страны. Дополнительные плюсы ему давало блестящее образование и, судя по всему, недюжинный ум. Я уж не говорю о невероятной популярности у женщин, — при его-то власти и его внешних данных.

И вдруг, — все беды приходят вдруг, — в одно раннее утро телефонный звонок. Кто-то из его влиятельных друзей измененным голосом быстро проговорил: «Немедленно поднимайся и, никуда не заходя, никому не звоня, — в аэропорт; билет — в самое неожиданное для тебя место. Никаких вопросов мне не задавай. Затаись. Потом все поймешь».

Ближайший рейс в аэропорту направлением на «самое неожиданное место» был на Ригу. Так он оказался в Латвии, без задержек проехал до Юрмалы, а, что делать дальше, пока не имел ни малейшего представления. Вещей нет, связями, судя по всему, воспользоваться нельзя. Правда, денег с ним было достаточно, — успел взять из сейфа. Есть деньги, есть документы, но вряд ли можно устраиваться в гостиницу. Ясно, над ним нависла опасность, но ее степень, ее перспективы пока совершенно не известны.

Сел в Кемери на скамеечку подумать. Купил свежую газету, и все стало ясно: начата крупная кампания против большой группы высших чиновников, к которым принадлежал и его начальник.

Работая в таких сферах, всегда надо быть готовым к любым поворотам, и Рашид внешне остался спокоен, да и в мыслях тоже не было паники. Было совершенно очевидно, что его лично будут искать, — слишком много знал. Даже свидетелем по делу проходить опасно, хотя очень сомнительно, чтобы ему отвели только такую роль. Значит, его будут искать, и ему категорически невозможно устраиваться ни на работу, ни в гостиницу. Усмехнулся: оказывается известное по истории нелегальное положение — очень непростая вещь, особенно в том случае, когда никакая организация тебя не подстраховывает.

Думать, думать, думать... Сказать-то легко, но даже назвать вероятные варианты проблематично. И потому, спокойно спрятав газету, направился в ближайший ресторан и потешил свою душу шикарным обедом. Это была судьба. Как только он немного утолил свой волчий аппетит, вдруг проснувшийся от долгой дороги, волнений и безвыходности положения, увидел за соседним столиком шикарную женщину. Вокруг нее вьюном вился официант, и это явно было для нее привычно. На его заинтересованный взгляд женщина ответила улыбкой, и он пересел к ней, вооружившись прекрасным дорогим вином. Дело сладилось, женщина оказалась той самой, какая именно сейчас ему была нужна. Дочь одного из рижских магнатов, спокойно приняла его версию о необходимости «раствориться» в дальней республике. Лишних вопросов не задавала, — в ее кругах понятие «раствориться» было известно хорошо. К моменту их встречи у нее не было ни мужа, ни серьезного любовника, и Рашид занял прочное место «альфонса» в ее доме. Ее отец не вмешивался, только категорично заявил, что фальшивых документов делать для него не будет. Вот так и живет он без прописки, работы, на весьма шатком положении, но прекрасно обеспеченный материально. Рассказывая об этом, Рашид гневно блеснул глазами:

— Позорно для любого мужчины, а для человека с Востока вдвойне.

Бронислав тактично сменил тему. Оказывается, есть у Рашида дело для души: у него хороший литературный слог. Он с явным удовольствием подхватил этот поворот разговора и признался, что написал роман. Тут он усмехнулся, — дескать, никогда не угадаете, о чем он. И, не дожидаясь моих вариантов, почти с гордостью сказал:

— Об американском президенте Рональде Рейгане.

И далее последовала история, не менее занятая, чем все предыдущие. Свой роман он, сопроводив его рефератом на английском языке (он им хорошо владел), отправил в американское посольство под псевдонимом. Его настоящая фамилия легко разложилась на два слова, напоминавшие английские имена. Ему это показалось хорошим знаком.

Вскоре из посольства пришел вежливый и благожелательный ответ. Ему сообщали, что при условии перевода романа на английский язык, они обещают личную встречу с президентом во время посещения им Советского Союза в скором будущем. Конечно, Рашид роман перевел и отправил и этот вариант в посольство.

За пару дней до приезда Рейгана его пригласили в Москву на собеседование. Почти ничем не рискуя, он предъявил им свой паспорт. Прошло несколько лет, все суды состоялись, наказанные отбывали свои сроки, а тут такой случай, и он рискнул: уж очень хотелось подарить свой роман американскому президенту. Думаю, он немного лукавил, когда говорил, что не имел корыстных мотивов, а просто хотел сделать приятное деятелю, которого уважал. То же он сказал и на собеседовании в посольстве. Ему назначили время, когда он сможет передать роман лично Рейгану.

Рашид, смеясь, живописно изложил, как он себе представлял эту встречу, планировал, что и как он скажет, воображал, что ответит президент. В действительности все выглядело совершенно иначе.

Пришел в назначенное ему время. Около часа ждал в пустой комнате, где за дверями стояла охрана. Сначала не мог решиться сесть, потом сел, потом стоял. Надоело ужасно, появилось легкое беспокойство: не таится ли за этим какая-то неприятность. Даже пожалел о своем рискованном поступке. Наконец, явилось двое полицейских или кто-то из охраны, осмотрели всю его одежду, выворачивая рукава и карманы, прощупывая все швы. Пришлось даже обувь снять, и ее рассмотрели со всех сторон. Про себя порадовался, что туфли и носки новые. Надо сказать, что эта процедура и обижала, и унижала, но, с другой стороны, он прекрасно понимал ее целесообразность. В некоторой степени даже стало немного весело, когда подумал, как об этом станет рассказывать после возвращения. Окончание осмотра он напрасно воспринял как знак скорой встречи с президентом. Его примерно на полчаса опять оставили одного. Перед уходом вручили текст романа, перелистав при нем по страничкам. Ощущение анекдотичности происходящего лишь слегка скрашивалось еще теплящимся любопытством.

Наконец, за ним пришел предупредительный молодой человек и сопроводил его в большой зал, находившийся от места его ожидания через несколько смежных комнат. Там ожидало встречи с президентом человек двадцать, если не больше. Стульев не было вообще, все стояли. Вот появились новые молодые люди, попросили всех встать вдоль стен и объяснили, что, когда Рейган будет проходить по образовавшемуся коридору, каждый может очень кратко сказать о цели своей встречи. Остальное будет решать президент.

Еще несколько минут ожидания, и в зал входит Рональд Рейган в сопровождении свиты. Он медленно идет вдоль рядов, останавливается перед каждым и вежливо выслушивает. Иногда что-то отвечает, иногда просит своих секретарей что-то записать. Вот черед Рашида. Он, немного путаясь от волнения, говорит о своем уважении

к миротворческой деятельности президента, о своем романе на эту тему. Рейган, вежливо улыбаясь, благодарит и кивает одному из секретарей. Тот берет из рук Рашида роман, и Рейган проходит к следующему посетителю. На этом встреча заканчивается. Строгий чиновник тоном, не допускающим никаких вопросов, говорит всем, что об итогах встречи каждый получит извещение на личный адрес. Их проводили к выходу.

Рашид покидал посольство со смешанным чувством. Вся процедура напомнила много раз виденные в кино встречи русского царя с послами или своими вельможами. Немало аналогичных мероприятий было и в его служебном арсенале. Теперь казалось, что все это только театральное действие. Возникло тоскливое чувство разочарования и досады на самого себя за эту явно глупую затею. А главное, не ясно, что же дальше. И тут он поймал себя на мысли, что его ожидания были иными.

Прошло много времени. Никаких сообщений из Америки нет. Иногда посмеивается над своей наивностью. Но чаще с горечью признается себе в бесплодности своей нынешней жизни.

Я, естественно, стала его обнадеживать, что он еще очень молод, и многое впереди; да и не так его жизнь плоха, все-таки главные беды и неприятности кончаются в мягком, так сказать, варианте. Надо ставить новые цели и добиваться их. У меня было смутное чувство, что Рашид несколько присочиняет в своих рассказах, да это и естественно: он прав, мужчине, особенно восточному, трудно оказаться в положении человека без прошлого и будущего. Как я понимала, его гложет и тоска по брошенной семье. Уже не один год он о ней ничего не знает и не представляет, как они живут все это время. А это уже фактически предательство. Одно его утешает, что они избежали самых больших неприятностей, которые по нашим порядкам доставались семьям в таких случаях.

При всем интересе и сочувствии к его судьбе, я отчасти в душе его осуждала. Казалось, что-то он должен был делать иначе, но высказываться по этому поводу не считала нужным, прекрасно понимая, что этот умный, опытный и образованный человек немало и сам казнит себя. В том числе, или — прежде всего, — за неумение выйти достойно из запутанного до предела существования. У меня, конечно, никаких конструктивных предложений не было и в помине.

Близился вечер. Пора уезжать, и мы отправляемся в Дзинтари к платформе. Тут я замечаю, что над нами собираются тучи, хочу пошутить по этому поводу, но Рашид грустен и явно взволнован. Мне жаль, что так пошла встреча, что ему пришлось многое вспомнить, и, возможно, он уже сожалеет о своей откровенности.

Мы с Брониславом пытаемся затеять разговор. Мы говорим о наших экспериментах в школе, об удивительных результатах. Рашид слушал, но практически в разговоре не принимает участия. Бронислав, стоя за его спиной, делал знаки, которые я поняла как предложение сменить тему. Зная о гуманитарных интересах нашего собеседника, стала рассказывать об интересных историях в моей педагогической деятельности. В ней было немало весьма занятого при работе и со школьниками, и со студентами (психологами, актерами, музыкантами). Бронислав активно участвовал в разговоре, весьма этим помогая мне снять неловкость от изменившегося тона общения. Рашид по-прежнему молчал, а по выражению его наряженного лица я не могла понять, надо ли продолжать мою болтовню, не допускаю ли какую-то бестактность. Замолчала и я, и в молчании доходим до платформы.

Вот и поезд слышно издали. Пытаюсь найти повод для последних слов. В этот момент Рашид вдруг берет мою руку, целует ее и, о, ужас, — встает передо мной на колени. Красною до самых кончиков волос от невероятного смущения. Тяну его за руку, умоляю встать. Он встает и с блеском в глазах (неужто — слезы?) говорит:

— Вы и представить не можете, как я благодарен вам за эту встречу. Вы совершенно иная женщина по сравнению с теми, кто меня всегда окружал и окружает. Все мои женщины были либо корыстны и порочны, либо пусты и глупы. Я жизнь прожил неправильно. Жаль, не знаю, как ее изменить теперь. Спасибо вам. Я не забуду вас никогда.

Я в невероятном смятении молчу. Да и что тут можно сказать? Ведь и в самом деле жизнь его нескладная, несмотря и даже вопреки тому, что имел многое.

Подошла электричка. Мы с Брониславом садимся в вагон, Рашид, держа меня за руку, извиняется, что не может нас отвезти, так как машина не его, и пора ехать за хозяйкой. В закрывающиеся двери кричит на английском языке:

— Ай лав ю! Буду помнить вас всегда! Буду жить иначе.

Поезд трогается. За окном начинается дождь. Стирая капли с лица, Рашид продолжает что-то кричать, но мы этого уже не слышим. Некоторое время молчим. Я в полной растерянности, не представляю, что можно сказать, хотя и молчать после услышанного неловко. Молчание нарушает Бронислав. Говорит, что он придумал, как помочь Рашиду: он устроит его к себе в школу вести занятия. Платить он может из родительских средств без оформления, а там, возможно, что-то получится, так как у него много влиятельных родителей. Эту тему я поддерживаю охотно.

Вернувшись в гостиницу, мы рассказываем вкратце об интересной и насыщенной прогулке, Бронислав с доброй улыбкой добавляет, что не меньше впечатлений осталось и у его друга, выразительно глядя на меня. Володя за нас рад, говорит, что и его день был насыщенным и интересным.

Конечно, я долго не могла забыть эту встречу, — тем для размышлений она дала много. Досадно, как это я сумела забыть его имя. И все же, по-видимому, произошла сублимация по Фрейду: я вытеснила это имя.

Что касается дальнейшей судьбы Рашида, Бронислав выполнил свой план. Он привлек его к учебному процессу, тот не только вел разнообразные занятия, но даже сделал экспериментальное пособие для детей.

На этом рассказе я, пожалуй, закончу свои воспоминания о коротких встречах. Конечно, были и другие истории, но, коли эти вспомнились сами, значит, в них для меня есть что-то неисчерпанное, что-то очень важное. Надеюсь, не только личное. Но комментировать и обсуждать не буду. С легкой шутливой ноткой закончу: «Имеющий уши, да слышит», а точнее — имеющий ум, пусть думает сам.

ТАК ИЗ СЕРДЦА УХОДИЛА ВОЙНА

Введение

В моих воспоминаниях нет тех ужасов войны, от которых и сегодня замирают сердца. Нашу семью обошло все самое страшное, о чем знают и помнят все, с чем вполне оправданно и связываются представления о Второй Мировой войне. Но, может быть, именно поэтому в моих воспоминаниях в скрытой форме содержатся пути к пониманию источников единения народа и его мужества. В насыщенной страданиями и потерями обстановке, мы интуитивно находили способы уйти от этого: то в воображаемом мире видели тайны победы и будущие радостные годы; то в реальных поступках, — добрых к страдающим от войны, и жестоких — к тем, кого мы винили в этих бедах. Дни для нас были наполнены надеждами и мечтами, простыми действиями и сложными поступками, в святую необходимость которых мы искренне верили.

В жизни самых разных людей тех лет война была центром, источником, откуда истекали все горести, радости, планы, надежды, поступки и отношения. Всегда и везде, даже в тех случаях, когда она, казалось бы, обошла стороной. Мы, например, жили в тылу. Мои сверстники были малы для реального участия в боях или работах для фронта. В семье никто не погиб, к тому же отец всю войну был с нами. Однако у всех нас болела душа, ненавистью горело сердце, и мы жили надеждой на победу и верой в то, что, когда война уйдет из нашей жизни, все будет прекрасно. Тогда мы еще не знали, что из наших сердец война не уйдет никогда, и в памяти навек останутся и горе, и отчаяние, и жестокость, и мужество, и радости, и надежды, и многое-многое, что невозможно описать словами. Для многих из нас всегда наполнено особым смыслом простое выражение: мы — дети войны.

Картины воспоминаний всплывают в моей душе, отзываясь до сих пор мгновенно на малейший повод. Это была моя жизнь, поэтому мои ассоциации всегда сложны и многомерны. В них отражается столько всего, что, начав говорить о чем-то конкретном, попадаешь в клубок проблем и противоречий, из которых трудно выбраться, как только пытаешься их хотя бы назвать, а тем более описать. Трудно уйти от стремления добавить сегодняшние оценки и сегодняшнее понимание происходившего, но это, как говорится, совсем другая история. По этой причине я пишу коротко, стараясь только наметить самые основные отношения и переживания. Мне самой лишние слова не нужны: душа вспыхивает от одного намека. Постараюсь не дополнять воспоминания ничем, что стало мне известно позже описываемых событий. Тем более постараюсь не анализировать, не комментировать, не объяснять. Пусть будет все так, как видится в памяти. В этом есть своя глубокая правда. Надеюсь, главное будет близко и душе тех, кто прочтет эти строки. Я писала в основном для себя, чтобы воспоминания дали мне возможность почувствовать сущность той жизни и взглянуть на нее сегодняшними глазами. Однако, если найдется читатель, которого заинтересуют эти истории, пусть определит свое отношение к вполне конкретным ситуациям, сделает свои выводы о счастье и несчастье, о добре и зле, о любви и верности, — в общем, обо всем, что, с его точки зрения, важно в его жизни. С этой точки зрения, мне кажется, мои формулировки, обобщающие сущность событий, и не нужны, ибо сами события многомерны, а их оценки подвижны, наполнены многими оттенками. Потому я стараюсь по возможности уходить от них, предоставляя свободу всем.

Школа

В нашем военном городке школа была чуть ли не главным культурным центром, соперничая с ДКА (Домом Красной Армии, как он назывался в начале войны). Во всяком случае, для нас. Все основные события не только детской жизни происходили там.

Начало войны было отмечено бесконечными митингами и, как теперь сказали бы, неформальными встречами в сквере перед школой. Там мы, школьники всех классов, без различия в возрасте, горячо доказывали друг другу теорию быстрого окончания войны, планируя наше непереносимое участие в обеспечении победы: поимку Гитлера, взрыв Рейхстага, освобождение Киева, защиту Москвы и многое другое. В основе всех дискуссий лежало горячее стремление к действию. Вне этой активности мы не мыслили свое существование.

К зиме пыл поутих. Направление нашей активности изменилось. Мы сплотились в отряды тимуровцев. Сейчас многие плохо представляют содержание и масштабы этого движения, вызванного к жизни самой любимой книгой того времени — «Тимур и его команда». Дети всей страны зачитывались книгой Аркадия Гайдара и стремились подражать во всем ее добрым, активным, дружным героям. Вот и мы занялись самой различной помощью детям фронтовиков и семьям погибших летчиков.

Одной из них была семья Героя Советского Союза Владимира Землянского. Он был штурманом на одном из тех бомбардировщиков, которые бомбили Берлин в самом начале войны. Его дочка Мила училась в нашем классе, и мы по очереди опекали ее. При этом одним из основных правил тимуровцев была тайна, в том числе и тайна нашей помощи. Дело надо было делать так, чтобы никто не догадывался, чьих рук это дело, ибо совершались поступки не ради слов благодарности. Искреннее бескорыстие, — вот признак достойного поступка тимуровца. Так было и с Милой. Она училась вместе с нами и не должна была подозревать, что мы взяли над ней шефство. Эта опека была наивной и бесхитростной. Не умея найти задачи, мы по очереди провожали ее до дома, делились то карандашом, то ручкой, а порой просто стояли с ней рядом, искренне веря в нужность такого внимания. Для нашей группы, которой было поручена эта тайная забота, все было настолько серьезно, что мы даже время от времени подводили итоги прошедших дней, критиковали свои ошибки и одобряли удачные поступки. Брат ее, Алик, был старше, и я совсем не помню его в эти годы. Впрочем, вскоре он стал воспитанником Суворовского училища и появлялся в нашем городке редко.

По мере того, как таких детей становилось больше, мы находили новые формы, соблюдая неизменный принцип: для них все — в первую очередь. Но и этому пришлось на смену некое обобщенное стремление делать как можно больше для маленьких детей, стариков и больных. Помню, например, было введено дежурство возле одного из подъездов нашего дома. Там жила пожилая женщина, больная малярией. В знойное лето она садилась на солнышке, кутаясь в шаль. Дежурный садился или играл где-то рядом, радостно выполняя любую ее просьбу. Ничего особенного, однако, нам это казалось вполне серьезным и важным делом.

Изменились формы планирования нашего участия в обеспечении победы. Теперь мы не столько обсуждали, а действовали, — правда, опять-таки не в реальности, а в воображаемом мире: ставили спектакли все по тем же сюжетам, сочиняя свои тексты. На представления приглашались все, кто, по нашим понятиям, был свободен в это время: от старых бабушек до дошколят, включая мою двухлетнюю сестренку. О, сколько эмоций эти бесхитростные сценки вызывали у нас и наших зрителей! Думаю, их роль в поддержании надежды была бесценна.

Постепенно наш быт заметно суровел. Нашей главной формой деятельности стало посещение госпиталя. Мы старались всеми способами найти свободное время, чтобы сходить туда. Это было совсем не просто. Госпиталь находился от городка в полтора километрах. Идти надо было через заболоченное поле, то отбиваясь от мошек, то изнывая от жары и суховея, то намокая в жидкой засасывающей грязи, а то и завязая в сугробах и закутывая лицо от колючего заволжского ветра.

Зимой было особенно трудно выбрать время в обычные дни, — уж очень быстро темнело. И, что греха таить, даже группой идти по темноте через бескрайнее поле было страшно. Ходили только в воскресенье. Истинным подарком судьбы были морозы в 25 градусов и ниже, когда занятия в школе отменялись. Смешно: школа стояла внутри городка, и до нее всем было близко, а госпиталь в несколько раз дальше. Это никого не пугало. Мы закутывались потеплее и не отказывались от походов, несмотря на то, что порой все же успевали отморозить щеки и носы. Родители, смазывая подмороженные места, слегка поругивали нас, но мероприятие не запрещали.

В госпитале мы рассказывали сказки, читали свои любимые книги, писали под диктовку раненых письма, отвечали на вопросы об учебе и даже показывали свои тетрадки. Не стеснясь, пели, кто как умел, а то и ставили свои любимые спектакли про уничтожение Гитлера. Раненые нас ждали, делились своими воспоминаниями о семьях, детях, работе в мирные дни. Подлечившись, многие снова уходили на фронт и писали нам письма. Их читал весь класс, независимо от того, кому они были написаны. Многие годы затем мы с подругами хранили открытки от раненых, снова ушедших на фронт. Одна из них есть у меня до сих пор.

В числе объектов нашего шефства был один наш одноклассник, немного странный ученик. Он появился у нас, кажется, в третьем классе среди учебного года, — молчаливый, бледный, одетый в старую блеклую одежду явно с чужого плеча. На это никто не обращал особого внимания: многие одевались тоже в самые невероятные одежды, взятые у кого-то из старших, а то и вообще у взрослых. Нас притягивала и завораживала его походка. Ходил он почти неслышно, несмотря на большую, не по ноге обувь; при этом голова его была слегка выдвинута вперед, подчеркивая сильно вытянутый профиль. К нему сразу прилипло прозвище «крокодил», и оно так срослось с ним, что даже, помнится, учителя звали его так же во время общения с нами на переменах.

Со временем многие его странности нашли объяснение. Оказалось, долгое время он был в партизанском отряде где-то в Белоруссии. Там приходилось пробираться тайком с разными поручениями в села, прислушиваясь ко всему и стараясь самому не производить шума. Там же его обули и одели. То ли из-за жизни в отряде, то ли по другой причине, но по нашей школьной программе он не знал ничего. На всех уроках уныло чертил что-то на газете, подложенной под тетрадку, и вздыхал, когда его вызывали отвечать. Нас забавляло его произношение. Мы не очень понимали, что на самом деле ничего потешного в его речи не было, просто в ней часто мелькали белорусские слова и выражения. Естественно, тетради по русскому языку у него пестрели красными пометками и исправлениями. Не лучше обстояли дела и по другим предметам. Из всего арсенала отметок у него в журнале однообразными рядами стояли единицы.

Узнав о его партизанском прошлом, мы, не сговариваясь, сразу перестали над ним подшучивать и взяли над ним шефство. Пересказывали ему тексты из учебников, подолгу добываясь хоть какого-то изложения только что прочитанного или услышанного материала. Учили правилам по русскому языку и помогали выполнить упражнения. В результате достаточно скоро за некоторые ответы у него появлялись тройки.

Но математика... Долго никаких результатов добиться не удавалось. И вот однажды, выйдя к доске, он вдруг начал правильно решать задачку, правда, потом запутался. Мы сидели, затаив дыхание, и все громко крикнули «Ура!», когда учительница, помолчав, торжественно сказала: «Молодец! Два!». Наша радость была искренней. Это была победа. После нее мы стали ласково звать его «Кока».

Конечно, учился он по-прежнему хуже всех, но это нисколько не умаляло его достоинство в наших глазах, так как одно только пребывание в партизанском отряде значило много. А тут еще выяснилось, что он лучше всех рубил дрова для нашей печки-«буржуйки». Быстро и ловко он разбивал любое полено на одинаковые доли, и смотреть на эту работу мы могли долго. А еще он плел веревочки. Поражало, что умел он плести их не только в три «косички», но и в четыре, в пять и даже в шесть. Его «косички» стали чуть ли не самым главным украшением на кисетах, которые мы шили и вышивали на уроках труда для посылок на фронт. Он охотно вошел в наш тимуровский отряд и во многих делах был просто незаменим.

Уважение к Коке росло, и нередко к нему обращались и за помощью, и за советом. Как-то мы взялись вышивать аппликацией коврик на стену. Довольные своей работой, пришивали цветные лоскуточки на наш дивный рисунок с лягушками и мышатами. Приносили все новые лоскутки, находя для них применение в виде то стрекоз, то бабочек, а то и каких-то экзотических растений. Придумали, как использовать искусство Коки: длинной витой веревочкой обрамили коврик. И только одно нас слегка беспокоило: зачем этот коврик нужен на фронте. Когда кто-то высказал свое сомнение, Кока нас тут же успокоил, сказав, что бойцы, освободив какое-нибудь село, подарят его детям, у которых после оккупации в домах пусто. Его слова прозвучали как высшая оценка, более значимая, чем слова взрослых, которые и до этого утверждали, что мы делаем полезное дело.

Я так много говорила о тимуровских делах, спектаклях и прочем, что может сложиться искаженное представление о нас как о детях из какого-то сказочного мира, населенного добрыми, послушными ребятами. Не стоит думать, что наша сознательность не имела пределов, — мы же были еще детьми, учащимися младших классов. При этом не надо забывать, что в те годы в школу принимали с восьми лет. Так что в разгар войны мы были вполне обычными подростками, умели и шалить, и даже безобразничать.

Все классы с самого начала войны отапливались, как я уже сказала, печками-«буржуйками». Дежурные нередко на перемене отодвигали трубу, наполняя класс дымом. Это обеспечивало нам вольную жизнь хотя бы на один урок. Учителя не всегда догадывались, что причиной дыма были вовсе не сырые дрова, как уверяли их дежурные, лукаво отводя глаза в сторону.

Порой поступки наши были не столь безобидными. Так, с детским максимализмом мы возненавидели учительницу немецкого языка, безжалостно отнеся ее к «фашистам». Она была скромна, немногословна и терпелива. Прекрасно понимая наше отношение к своему предмету, прощала и невыученные уроки, и подчеркнуто отвратительное произношение. Но не видела от нас не только благодарности, но даже элементарного уважения. Не раз перед тем, как ей войти в класс, мгновенно опускали маскировочные шторы на окнах. Как только она закрывала дверь, кто-то тут же гасил свет, к двери придвигали пару парт, а в несчастную учительницу летели с ложек куски каши, которую нам давали на завтрак. Когда «немка» с трудом вырывалась из темного класса и через несколько минут возвращалась с директором, в классе был уже наведен порядок. Парты стояли на своих местах, шторы подняты, комки каш подобра-

ны не только с парт и учительского стола, но и с пола. И... съедены. Потупившись, в очередной раз выслушивали соответствующие выговоры и нравоучения, со скрытым ехидством поглядывая исподтишка на «немку». Совершенно не могу вспомнить, что кому-то из нас стало стыдно, понимая, насколько это было несправедливо и жестоко.

Один из поводов для наших безобразий был связан с получением хлеба по карточкам. Привозили хлеб в самое разное время, в основном вечерами, и ждать его приходилось по несколько часов, порой до 10 вечера. Уходить никуда нельзя, ибо потом не пускали в очередь. Потому мы, заняв после школы очередь (наши классы учились во вторую смену), толклись в магазине, умудряясь всех запутать, кто же за кем стоит. В основе этого лежала не наша забывчивость, а «шитая белыми нитками» хитрость. Такой метод позволял пускать в очередь своих друзей, приходивших намного позже (некоторые классы занимались в третью смену). Естественно, у взрослых возникало вполне закономерное возмущение, но поделаться с нами ничего не могли. Стоило кому-то потерять терпение и сделать замечание, как хор голосов на самых высоких тонах заполнял все пространство магазина бурной защитой правоты товарища. Редкие взрослые рисковали связываться с нами.

Иногда вечером приходили солдаты, предлагая купить у них пайку хлеба. Это считалось серьезным дисциплинарным нарушением, которое, если обнаружит комендант, влекло за собой карцер и штрафные работы. Комендант Боков появлялся в магазине в сопровождении двух солдат в разное время и уводил каждого, кто оказывался в магазине.

Мы жалели солдат, и иногда мальчишкам удавалось их выручить. Помню, однажды комендант поставил по стойке «смирно» солдата, которого все знали: у него был хороший голос, и его часто включали в концерты. Пока Боков задавал вопросы, что тот делает в магазине, один из шустрых мальчишек незаметно сунул солдату в кулак тоненький пакет с марками. Тогда марками увлекались даже девочки, и обмен был весьма распространен. Солдат сразу сообразил, что ему сунули, и сказал, что договорился тут встретиться с мальчишками, чтобы поменяться марками. Комендант потребовал показать марки, и солдат протянул пакетик. На нем, на беду, была надпись, сделанная детской рукой. «Что это?» — зло спросил офицер. Тут же выскочил другой мальчишка: «Это он у меня сменял прошлый раз!». Возразить на это было нечего, — обмен марками не был занесен в разряд дисциплинарных нарушений, и комендант ушел. Солдат от радости тут же отдал свою пайку мальчишкам. Они, постоянно голодные, не отказались, и, не медля ни минуты, поделили ее по неписанным мальчишеским законам, дав кусочек и хозяину. Он не отказался, так как менял он совсем не от сытости, а ради нескольких папирос.

Естественно, все наши сердца были на стороне солдат. Нас совершенно не интересовали те законы воинской чести, за нарушение которых наказывались солдаты, и мы яростно ненавидели коменданта, считая его злым и жестоким. Свой протест фиксировали мелом, а еще чаще — углем на стенах жилых корпусов, учебной части и столовой, ядовито используя выражение в стиле того времени: «Если ты не убьешь Бокова, он убьет тебя!» Мел искали поярче и покрепче, но надписи смывали те же солдаты, что сидели «на губе». В конце концов сам Боков стал нас выслеживать. И не одному мальчишке надрал уши, грозя показать эту загадочную и страшную «губу». Такая перспектива пугала не на шутку, поскольку наши представления о гауптвахте были страшнее реальности.

Была еще и такая популярная среди ребят шалость. На свалке вездесущие мальчишки находили детали от самолетов, а среди них — какие-то капсулы, заполненные натрием. Их называли «клапана». С некоторым усилием отбивали тоненький

кончик, и содержимое становилось доступным. В лучшем случае, открытые капсулы пускали по лужам. Из них вскоре выскакивали пляшущие огненные комочки, которые веселили нас. Отъявленные шалуны выковыривали натрий со дна клапана через тоненький стержень, в маленьких коробках из-под ваксы приносили в класс и бросали кусочки натрия в чернильницы-непроливайки во время урока. Чернила бурно пенились и выплескивались оттуда, забрызгивая парты, лица, школьную форму и тетради. Неотвратимость наказания производила впечатление только на самых тихих девочек и мальчиков. Но именно им и попадало больше всех. Легко представить, на кого мы были похожи после такого фейерверка! Дома нас ругали, наказывали, не разбираясь, кто виноват. Мы ежедневно приводили себя в порядок, докрасна терли лбы и щеки, отглаживали формы, утюжили брюки и складки на юбочках. А на следующий день или с небольшой паузой снова приходили в чернильных кляксах. С приходом морозов доступ к клапанам затруднялся, и до весны наши мамы успокаивались, искренне поверив в силу своих воспитательных мер.

Увлеченные серьезными делами и шалостями, мы не подозревали, что впереди нас ждало суровое, наполненное трагедиями, время. Но это уже совсем другие истории.

Молоко для Леночки

Сестренка родилась перед войной. В то время, когда ее нужно было прикармливать, уже шла война, появились проблемы, сначала казавшиеся временными. Молоко купить стало трудно. Оно стоило все дороже и дороже, а идти за ним на рынок нужно было километра три. Естественно, городского транспорта не было. Лишь изредка удавалось купить молоко прямо за воротами КПП нашего военного городка.

Когда мама приносила этот драгоценный литр молока, то, само собой, тратить его надо было очень экономно, и только для маленькой сестрички. В этом убеждать меня не приходилось. Я и сама бы не смогла выпить даже глоточек. Переливала я молоко очень старательно, боясь уронить хотя бы каплю. Но если капелька попадала на стол, она мгновенно исчезала, слизанная моим языком. Только иногда, не в силах удержаться, я макала кончик пальца в молоко. Облизывая этот палец, я долго ощущала во рту его вкус и запах. Не верилось, что еще не так давно я могла его пить целыми стаканами, да еще и без особого желания, а теперь ничего вкуснее этой капельки и быть не могло.

Как-то соседка сказала, что за воротами городка, прямо возле проходной, продают молоко. Мама тут же послала меня. Женщина разливала молоко из бидона по нашим банкам. Мне досталось самое последнее. Выливая мне весь остаток, она увидела, что со стенок бидона на дно стекло еще немного молока. Наклонив бидон, она кивнула мне: «Подставляй язык!» — и вылила мне прямо в рот. Это было удивительно вкусно и почему-то радостно. Наверно, от сознания, что я не сделала ничего плохого: не отпила

тайком у сестренки, а вот так, неожиданно, получила подарок! Когда я рассказала об этом маме, она грустно улыбнулась, погладила меня по голове и ... налила немножко в чашку. Мне! Не Лене. И это тоже была радость! Я тут же принялась фантазировать на любимую тему: «А вот, когда кончится война...»

Но молоко было все меньше и стоило оно баснословно дорого. Что говорить о молоке, когда уже с трудом покупали овощи; все меньше и тоньше становились кусочки хлеба, отрезаемые к обеду. Тарелки после еды перед мытьем тщательно вылизывались, — за этим занятием я иногда заставляла и маму.

Она смущенно улыбалась: «Тебя не было, не смывать же это».

Но все эти проблемы вскоре отошли на второй план. Главным стало — враг у наших ворот.

Да, в планах немецкого командования наши края еще не попали в разряд первоочередных. Шло сражение под Сталинградом. С осени 42 года в небе над нами стали появляться самолеты-разведчики. Прилетали они чаще затемно, Несколько раз прилетали бомбардировщики, сбросили несколько бомб, но явно без четкого плана. Иначе нас сравнивали бы с землей: наше училище готовило военных летчиков бомбардировочной авиации. И у нас на аэродроме стояли настоящие боевые самолеты. Но, видимо, маскировка была превосходная. Недаром нас всех гоняли, чтобы нигде точки света не было видно. Ежедневно патруль проходил по городку несколько раз в ночные часы. Нельзя было даже спичку зажечь. Об аэродроме и говорить нечего.

Жизнь быстрыми темпами пропитывалась постоянной тревогой. Мы, школьники, уже могли в этом разбираться, а вот малышам вроде моей сестренки, понять, что происходит, было сложно.

Вечерами вся семья собиралась в одной небольшой комнате, освещенной еле горящим фитилем «коптилки». Этот «осветительный прибор» делали из сплющенного сверху снаряда и заполняли керосином. Естественно, окна были плотно завешены толстой тканью, и мама каждый вечер с улицы смотрела, нет ли где-то малейшей щелочки. Толстое одеяло висело и в соседней смежной комнате, чтобы в момент открывания двери не блеснул через окно слабенький свет. При объявлении воздушной тревоги быстро тушили коптилку и убегали на поле перед домом прятаться в «щель», — узкий окоп с земляной насыпью сверху.

Сестренку плотно заворачивали в одеяло. Она сопротивлялась, но мама держала ее крепко. Теперь мне кажется, не от холода она ее берегла, а боялась бомб и наивно пыталась так ее уберечь. Мне было жаль сестренку, потому что мама прятала ее в одеяло с головой. Я потихоньку раскрывала одеяло и начинала ее развлекать. Леночка смеялась, это радовало меня. Но вот слышался гул подлетающих самолетов. Общий сдерживаемый страх передавался и малышке, она начинала плакать. Мы с мамой изобретали разные способы, чтобы быстрее ее успокоить, хотя все понимали, что плача за пределами нашего убежища, тем более, в летящем самолете никто не услышит. Мама придумала странную, на первый взгляд, но очень действенную форму успокоения: «Не бойся, Леночка, это наш папа полетел на охоту за утками». Надо сказать, что до войны охота среди офицеров нашего училища была весьма популярна, — едва ли не больше, чем рыбалка. Странно, почему-то эта нелепая фраза успокаивала не только сестренку. Дети постарше оживлялись и затевали обсуждение своих прежних впечатлений о том, как их отцы возвращались с охоты. Кто-то вспоминал забавные истории, в ответ многие сдержанно смеялись. Женщины улыались, о чем-то тихонько переговаривались и ожидали отбоя уже не так напряженно.

Тревога не была напрасной. Несколько раз бомбили совсем недалеко от нашего городка. Когда это произошло впервые, Леночка испугалась, а потом сказала: «Стреляет мой папа. Он привезет утром много уток». Никто не засмеялся. Было очень страшно. Почему-то шепотом женщины обсуждали, насколько далеко от нас взрывы, и куда именно могли сбросить бомбы. Девчурка замолкла. Ее маленькое сердечко почувствовало серьезность произошедшего. После этого она никогда про охоту она не говорила.

Кусочек колбасы

Основной едой были — каши. Папа шутил: «щи, да каша — пища наша, да вот вместо щей опять же каша. Что-то не по старым русским традициям». Конечно, без молока и масла. И лишь изредка мама зажаривала туда лук на подсолнечном масле. Тогда, доев до последней крошки, ложку долго и тщательно облизывали. И сковородку мыть я бралась с охотой. Если не было лишней корочки хлеба, оттирала остатки масла пальцем, да так тщательно, что потом можно было и не мыть. И это тоже было плюсом, поскольку моющих средств не было никаких, кроме каустической соды. Она очень опасна, и ею мама пользовалась сама, но и то в исключительных случаях. Любая капелька воды с этой содой выжигала дыру на одежде. В те годы немало детей попадало в больницы с тяжелейшими ожогами. Особенно ужасные случаи — ожоги пищевода, после того, как по ошибке ребенок выпивал воду с разведенной в ней каустической содой. Такой раствор практически бесцветный, и отличить его от воды сложно.

Иногда посуду перед мытьем обтирали кусочком газеты или старыми тетрадными листочками. Но и эти средства экономили для растопки печки. Промасленная бумага была редкостью, и ее берегли. Те клочки бумаги, которые использовали для растопки, требовали мастерства. В этом отношении отец был настоящим виртуозом. Мне доставляло истинное удовольствие следить, как он мог разжечь огонь, имея в своем распоряжении просто крохотный клочок и одну спичку.

Деликатесом была печеная на углях тыква. Некоторые тыквы нам не нравились: они имели после выпечки бледно-желтый цвет, слоистую структуру и пресный вкус. Но попадались тыквы яркого оранжевого цвета, который при выпекании приобретал коричневатый оттенок. Сами ломтики становились маслянистыми, сладкими, как мед (вкус которого мы, конечно, на самом деле почти не знали). Вот это было лакомство. В предвкушении его мы с Леной садились перед печкой и, глотая слюни, дожидались того момента, когда сковорода вынималась, наполняя комнату аппетитным ароматом, и мы, наконец, получали долгожданные кусочки.

Тыква главным образом использовалась для приготовления пшенной каши. Конечно, в каше не было ни молока, ни масла. Варили ее часто, и хотя другой еды почти не было, а есть хотелось всегда, кашу встречали без особого энтузиазма, — просто как неизбежность. Правда, однажды мне довелось есть настоящую кашу на молоке. Это была изумительно желтая пшенная каша с потрясающим ароматом. Я зашла к своей подружке Элле, дочке начальника училища. Обрадовавшись моему приходу, она сказала: «Быстро ешь эту кашу, а то меня не пускают гулять!» Было жаль есть ее так торопливо, едва успевая насладиться ее вкусом. Жаль было и то, что нельзя отнести хоть немного сестричке. Я не думала о том, почему Элла отказывается от такой вкусноты, просто наслаждалась.

Голодными, кажется, мы ходили всегда. Зимой было совсем туго, а вот с начала весны — немного легче. Гуляя по улице, мы съедали несметное количество всяких растений, среди которых любимым лакомством были цветы желтой акации и так называемые «калачики». Калачики росли на траве, название которой нас не интересовало. Было ее много, но в нашем представлении калачики имели в разных местах городка разный вкус, и мы, не жалея времени, отыскивали те, которые считали первосортными. Не помню, имели они внешние отличия или нет, только помню, что пока найдем искомое, успевали перепробовать немало. Найдем, и радостно созываем товарищей к нашему месту.

Другое лакомство — «шоколад». Разумеется, не из какао, а из сланца. Тщательно искали наилучшие места, ибо лишь некоторые сланцы считались пригодными для

шоколадных плиток. Выкопав кусок глины, смачивали водой, тщательно месили до пластичной мягкости, потом выравнивали поверхность и прорисовывали кубики, как это было у настоящего шоколада. Сейчас кажется забавным, что, делая эти бороздки, мы старательно облизывали сланец, прилипавший к палочкам. Сколько съели сланца под видом «шоколада»! Самое интересное, что до войны мы почти не видели настоящего шоколада. Почему, — не знаю, у родителей не спрашивала. То ли это был редкий товар в нашем гарнизонном магазине, то ли наш бюджет не позволял это излишество. Справедливости ради надо признаться, что когда-то в последние годы войны довелось попробовать американский шоколад. Но впечатления он не произвел: толстый, почти не сладкий, с непривлекательной горчинкой. Впрочем, не исключая, что достались нам слишком малюсенькие кусочки, на которые, согласно нашему кодексу, «по-честному» был аккуратно разделен довольно большой, как нам показалось, бесформенный кусок. Его привез с фронта отец одного из наших товарищей, и мы с открытыми ртами слушали завораживающую воображение историю о том, что американцы всем летчикам ежедневно выдают большие плитки или куски шоколада. Наш товарищ щедро поделился с нами, но то ли нас было слишком много, то ли шоколада маловато, но вкус его едва успели почувствовать.

Жевали мы в теплое время года непрерывно. Большой популярностью пользовался вар, — особая смола для ремонтных работ. Рабочие, точнее — солдаты, которые что-то им заливали, ставили большую бочку на огонь, засыпали туда куски смолы и варили до тех пор, пока смола не расплавлялась. Так вот, для нас ценность представлял исходный продукт, так сказать, полуфабрикат, то есть сухие блестящие куски смолы, которые всегда валялись вокруг бочки. В поисках вара регулярно обходили городок и, найдя его, набирали блестящих кусков столько, сколько могло поместиться в руках. Карманы берегли, так как отстирать потом было практически невозможно. Ну, а никаких кулчков, мешочков, баночек и коробочек в нашем распоряжении не водилось.

Жевать вар надо было долго и тщательно, чтобы из остроугольных рассыпающихся кусков он превратился в мягкое черное месиво. Чем привлекало это занятие, сейчас сказать сложно. Скорее всего, самим фактом бесконечного жевания, отвлекающего от ощущения голода. Случались и драматические ситуации. Порой путали его с другим видом смолы, которую точно так же плавили в бочках. В отличие от вара она при первых же попытках разжевывания намертво прилипала к зубам, пачкала их и склеивала надолго. Отодрать ее, и отчистить зубы было чрезвычайно трудной задачей. Впоследствии подрастающая сестренка со своими сверстниками подражали нам. Понимая, что делали мы это от голода, наша строгая мама только качала головой и, видимо, в воспитательных целях заставляла именно меня отчищать ей зубы. Занятие это было еще сложнее, чем чистить свой рот, и я, что греха таить, исподтишка давала ей по шее, если она начинала скулить.

Но однажды произошло чудо. Как-то под утро, часа в четыре, меня разбудил папа и сунул в руку тоненький кусочек сырокопченой колбасы! Тихо сказал: «Галочка, ешь!» Ее волшебный запах ошеломил, и я села, стараясь рассмотреть, что же у меня было в руке.

В ту ночь отец был дежурным по училищу и сопровождал приехавшего из Штаба военного округа генерала. Чем кормили генерала с его сопровождающими, не знаю, но нашим дежурным офицерам за ужином дали по бутерброду с парой тонюсеньких кусочков колбасы. Конечно, отец хлеб

съел, а эти кусочки незаметно припрятал и, как только появилась возможность, принес домой мне и маме.

Этот кусочек я сосала очень долго. Сейчас кажется, что едва ли не до рассвета, пока он не превратился в почти бумажный листочек, не теряя чудесного запаха. Ничего более вкусного я не ела, — в этом я была убеждена много лет.

Мародер из Сталинграда

Как-то осенью 1942-го года мы в очередной раз шли в госпиталь. Недалеко от него стояли бараки, населенные в это время эвакуированными семьями. Из дверей часто выбегали грязные детишки. Бабы в замызганных передниках звали их домой или давали какие-то поручения. Из солидарности мы нередко им помогали принести дрова или воды, выбросить на свалку мусор. Иногда умудрялись прихватить кусочек хлеба. Разговаривали с ними мало. Младшие дети дичились, старших мы почти не видели, поскольку они куда-то ходили на работу. Лишь наши ровесники ходили в школу по очереди из-за нехватки обуви и теплой одежды. Первые же их скупые рассказы о том, что пришлось пережить, вызвали у нас шок. В документальных киножурналах мы постоянно видели жуткие картины войны. Но и на этом фоне бесхитростные рассказы сверстников производили разрывающее наши сердца впечатление. Расспрашивать о подробностях у нас не хватало духу, — так грустнели и темнели их лица, а наши глаза наполнялись слезами. Были в этих рассказах особые детали, подмечаемые только детьми. Так, один мальчик примерно моего возраста однажды вынес небольшую старенькую куклу с разломаченными волосами из пакли. Протянул мне: «Подержи немного». Голос его дрожал. Я прижала куклу к себе, пригладила свалывшиеся волосы, расправила потрепанное платье. Когда возвращала куклу ему, он тихо сказал: «Она обещала за ней вернуться». Я знала эту историю. У него на глазах сестренка погибла во время обстрела. Свою единственную куклу малышка постоянно носила с собой. Так

и упала, прижимая ее слабеющими ручками. Брат обхватил ее плечи, пытался помочь встать, но жизнь уже покидала крохотное тельце. И в этот миг малышка протянула куклу брату с этими словами: «Возьми. Я вернусь за ней». Мальчик, конечно, знал, что сестра погибла, что ее похоронили перед их отъездом, что она не может вернуться. И все-таки ждал. В этом странном, бессмысленном ожидании он, как узнала я позже, едва заведя кого-то из девочек, выносил им куклу немного подержать. Мне это не показалось странным, ненормальным, ибо и в наших сердцах жила вера в любые чудеса.

Одна из медсестер в госпитале сказал нам, что у этих детей из барака максимум одна пара обуви на двоих, а то и на троих, поэтому в школу они ходят по очереди. Нам их было очень жаль, так как, живя в военном городке, мы были, так или иначе, обуты и одеты. В тот же день мы с подружкой обошли несколько квартир нашего дома, и нам дали для них какие-то вещи. Так же поступила и наши товарищи. На следующий день после уроков мы помчались к бараку, хотя шел дождь и идти около полутора километров по слякоти. Нас эти препятствия тревожили лишь в одном отношении: старались укрыть от дождя вещи. Насколько помню, встретили нас в бараке спокойно, принесенную одежду взяли без особых благодарностей, как само собой разумеющееся. Всем была очевидна наша искренность. Все это было вполне естественно для того времени. И мы вернулись в городок, промокшие, но довольные. Узнав о причине нашего вида, нас ругали за проявленную инициативу. Лишь моя мама сказала, что такие дела надо все-таки делать вместе со взрослыми, — тогда и вещей могли собрать побольше, да и вполне возможно, что в один из ближайших дней нам дали бы машину, чтобы их отвезти.

Прошло немного времени, и мы опять по пути в госпиталь застряли перед бараками. На это раз задержались, засмотревшись, как разгружают машину — пяти-тонку. Удивились ее размеру, поскольку чаще видели полуторки или трехтонки. Еще большее изумление вызвало разнообразие разгружаемых вещей. Мы искренне думали, что сейчас он позовет из барака людей и будет раздавать им привезенные вещи. Но все занесли в одну квартиру, заперли ее, и мы не дождались прекрасного зрелища раздачи подарков.

В госпиталь пришли позже обычного и объяснили свое опоздание. Наша всезнающая медсестра сказала, что это — беженец из Сталинграда.

Мы не могли взять в толк, — какой же это беженец, если у него столько вещей. На мой рассказ папа резко бросил: «Какой беженец? Мародер!»

Весть о «беженце» мгновенно облетела школу, и в течение одной-двух недель все наши ребята, идя в госпиталь, камнями обстреливали его окна. Разбитые окна заклеивали картоном, потом появлялись новые стекла. Вскоре эта квартира опустела. Мы не видели отъезда ее хозяина, но гордо решили, что это наша победа. Не задумываясь, куда он мог деться, мы решили, что он испугался нашего презрения.

Это было время, когда уважали тех, кто делился последним. И не прощали, как мы говорили, богатства. В нашем представлении оно непременно связывалось с безмерной жадностью, а это не имело оправдания.

Катя и Сева

В нашем доме жила семья, в которой в течение войны стало шестеро детей, и все из детского дома. Мы очень уважали мать этого семейства и любили смотреть на нее, сидеть или играть поблизости. Особенно после того, как появились Катя и Сева.

Первой они взяли девочку, потом еще одну. Когда женщина (ах, как же ее зва-

ли?) с мужем приехали в детдом снова, решили взять мальчика. Они сразу выделили Севу. Он был худощивый, бледный, казалось, что на лице одни глаза. Стали договариваться об усыновлении. А он вдруг решительно заявил: «Без Кати не пойду!» Ему тогда было не больше четырех лет, а Катеньке, наверно, на год-полтора меньше.

Взяли обоих. И вот то, что Сева не ушел без сестры; хотя это было вполне возможно, и то, что они взяли обоих, а не выбрали другого мальчика, создало особый ореол вокруг всей семьи.

Мы играли со всеми детьми, взятыми из детского дома не только этой семьей, но Катю и Севу опекали особенно. Если кто-то обижал Севу, мы взрывались: «Это же Сева!» И это было весомым аргументом и особым обвинением обидчику.

Для меня в такой позиции был и свой, личный смысл. У моей подруги Инны был брат Слава, почти такого же возраста, как Сева. Его тоже взяли из детдома, но, как поговаривали в городке, мачеха Инны имела одну причину: освобождение от общественных работ, к которым не привлекали женщин с маленькими детьми. Инна и обретенный ею брат не видели радости в семье. Инна, как и я, родилась задолго до войны, рано потеряла мать, а для мачехи навсегда стала тяжелой обузой. Тем более Слава, ровесник и друг моей Ленки, которым, как и Севе, было около четырех лет.

Печальное и бледное лицо Славы казалось еще более грустным от больших, торчащих в стороны ушей. Глядя на него, мне казалось, что уши-то у него были такие от несчастной жизни. Впрочем, я, как выяснилось, была недалеко от истины. Сестренка видела, как мачеха за любую провинность била его и с остервенением таскала за уши. Встречая их мачеху, я замыкалась, строптиво не отвечала на ее вопросы. Она платила мне такой же неприязнью и с ехидством говорила соседкам, что меня переоценивают в школе, расхваливая на всех собраниях. И не умна-то, и не добра, — ей даже жаль, что Инна дружит со мной. Как она выражалась: «Ничему хорошему она у Гали не наберется».

Тем нежнее я относилась к маме Севы и Кати, Тем с большей радостью играла с ними, видя их сияющие глаза.

Поросенок

Осенью 43-го года родители купили вместе со знакомыми, как говорили, «вскладчину», поросенка. У нас был хороший сарай, и поросенка оставили на попечении мамы. Поначалу не видели проблем. Но постепенно они заявили о себе в полный голос. Ухаживать мама не умела, да и плохо знала вообще что-либо об уходе за животными. Ошибки следовали за ошибками. Однажды она оставила его под осенним ливнем, искренне считая, что побыть ему под дождем и поваляться в грязи — истинное удовольствие. Бедный поросенок так громко верещал, что выбежала соседка и пояснила, для чего вымазываются свиньи в грязи. Хорошо, что поросенок не заболел.

Проблемы усложнялись день ото дня. Поначалу кормить его можно было очистками с кое-какими добавками. Конечно, говорить об остатках еды с нашего стола не приходилось. В лучшем случае можно было выделить для него немного печеной тыквы. Надеялись на то, что какие-то остатки разрешат брать в курсантской столовой. Наивные надежды! В столовой таких желающих хватало, а еды почти ничего не оставалось, как и у нас. Поросенок не столько рос, сколько вытягивался в тощую фигурку. Отец подшучивал: «По-моему, это не поросенок, а неведомая зверушка. Если бы не пятачок, можно подумать, что он редкой собачьей породы».

Едва дождались декабря. Перед Новым Годом закололи, разделили с теми, кто участвовал в его покупке, и нашу долю положили в сарай. К несчастью именно этой

ночью воры вскрыли все сараи, хорошо их опустошили, в том числе унесли и наши кусочки. Осталась лишь пара голяшек, которые лежали отдельно в посылочном ящике на дровах. Из них к Новому Году мама сделала маленькую тарелку холодца. Правда, еще в тот день, когда поросенка закололи, она из небольшого куска мякоти наметила котлет, положила их на холодной, неоттапливаемой в то время кухне, и по одной крохотной котлетке оставила к праздничному столу. О том, как это было вкусно, и говорить нечего!

Мне надолго хватило воспоминаний о сказочной еде. Немало было и размышлений. Во-первых, меня не оставляло возмущение и удивление: как же это можно было украсть?! Это же у своих! В такое время! А второе — все-таки мы празднуем Новый год и едим такую вкуснятину!!! А это значит, что война непременно скоро кончится. И в этом была своя детская логика. Мне было важно то, что ОНИ украли, а У НАС все-таки что-то осталось. Как дети часто говорят: «Вот вам назло!». Это означало какую-то высшую справедливость, ибо верили, что добро всегда должно побеждать зло. Совсем ярко представлялись слова соседки: «Да пусть они подавятся!». И завершала радостная мысль: скоро кончится война и придет Победа! Ну, а дальше — вольный неудержимый взлет фантазии.

Кстати, в этих переживаниях билось еще одно яркое чувство. В Новый Год за нашим столом сидела моя подруга Клара Дробышева. Не в том дело, что это моя подруга. Там был иной оттенок. Клара приехала к тете, нашей соседке из блокадного Ленинграда, пережив там и голод, и смерть матери, и опасный путь по ледяной «дороге жизни». Я вообще очень гордилась ее дружбой, испытывала к ней особые нежные чувства, где удивительным образом смешивалось восхищение ее красотой, взрослой серьезностью и мужественно перенесенными страданиями. А тут еще такая возможность от всей души ее угощать.

Бабушка

В семье как-то мало говорили о том, где в это время находятся наши родственники. Хотя я и знала, что у меня есть дедушки, бабушка, тети и дяди. Очень скоро из редких разговоров взрослых я узнала, что лучше не интересоваться этим, так как они могли оказаться на оккупированной территории, в плену или лагерях, что влекло за собой серьезные последствия для всех остальных членов семьи.

Но вот однажды летом 1944 года, прибежав домой, я остановилась в недоумении. На моей кровати сидела незнакомая изможденная женщина. На ней мешком висела старенькая одежда. В следующее мгновение мое смущение прошло, потому что ее глаза засветились радостью и любовью. Меня пронзила догадка: бабушка!

Потом были долгие разговоры с этой доброй веселой старушкой. Однако, когда она отдохнула и переделалась в какое-то мамино платье, она уже не казалась такой старой. К тому же категорически не хотела, чтобы ее называли бабушкой, а только Мусей (ее имя было Мария). Так потом и мы, и наши дети звали ее всю жизнь.

Я готова была снова и снова слушать рассказы о том, как она не попала в Воронеж в эшелон при эвакуации, и немцы вывезли на запад, как долго и мучительно они ехали без пищи и воды.

Путь их завершился в Польше. Она попала к хозяевам, о которых вспоминала без осуждения и даже с теплотой. Работать у них приходилось много, но ее не нака-

зывали и даже не ругали за промахи. Впрочем, прощалось ей многое не столько от их доброты, как я теперь понимаю, а из-за ее личных качеств. Она была хороша собой, добрая и веселая; в любых условиях могла петь и танцевать. Хозяйева иногда приглашали ее спеть гостям русские романсы. Немецкие офицеры, рассказывала она нам, были сентиментальны и при ее пении иногда могли и прослезиться.

Правда, позже стало ясно, что не все ее рассказы заслуживали доверия. Бабушка была большая фантазерка. Она артистично описывала свои отношения с поляками, уверяя, что ей хозяйева прощали даже то, что она ночами шила телогрейки партизанам. В те дни я, конечно, свято верила в это и очень гордилась своей героической бабушкой. Но что происходило в действительности, а что присочинила, совершенно не имело значения: я ее обожала.

А как-то появилась и реальная причина гордиться ею.

За аэродромом офицерам училища выделили небольшие участки под огороды. Мама взялась за дело с энтузиазмом. Но вопреки ее обычной деятельности, где она старалась выполнять все по правилам с предельной аккуратностью, за это дело взялась, не имея никаких знаний. Так же, примерно, как с выращиванием поросенка. Она, привыкшая к чистоте и порядку, тщательно промывала перед посадкой все семена, пропалывала всходы, с трудом отличая культурные растения от сорняков. И все делала в том же духе. В итоге, несмотря на наш героический труд, у нас почти ничего не уродилось. Мамин энтузиазм испарился, она перепоручила весь уход за огородом нам с бабушкой, которая тоже не отличалась осведомленностью в этом деле.

И вот как-то мы с бабушкой в очередной раз пошли на огород, окрыленные надеждой накормить семью арбузами. У нас они были посажены, но мы сравнительно давно их видели. В то же время наши соседи принесли с того же поля несколько штук. Всю дорогу до нашего участка мы поглядывали на арбузы у других людей и, перебивая друг друга, мечтали, сколько таких арбузов мы сможем принести домой. При этом нас

больше всего волновало не то, выросли они у нас или нет, а на сколько штук хватит наших сил.

Что я могу сказать? Нас ждало ужасное разочарование: наши арбузы были чуть больше кулака. И это в то самое время, когда на соседнем участке поле было буквально усыпано достаточно большими, а на наш ревнивый взгляд — огромными, красавцами. Обходя в грустном молчании свой огород, одновременно остановились: с соседнего участка на нашу территорию вторглась плеть с красовавшимся на ней арбузом величиной с футбольный мяч. Можно представить, с какой завистью смотрели мы на него. Несколько секунд молчали, грустно вздыхая. И тут бабушка решительно предложила его сорвать, поскольку лежит-то он на нашем участке. Недолго поколебавшись, мы сорвали его и понесли домой. Всю дорогу придумывали, что же мы скажем маме, давно не ходившей на огород, и как она удивится и обрадуется. Однако тут же возникло опасе-

ние: ведь ей захочется пойти порадоваться прекрасному урожаю, а таких арбузов там и в помине нет. Но ведь, уговаривали мы себя, к следующему посещению и наши тоже подрастут. Не верилось. По мере приближения к дому нам становилось все грустнее.

Мамы дома не оказалось. Мы водрузили арбуз на самое видное место и, любуясь им, снова принялись обсуждать наши версии бодрыми голосами, заглушая таящуюся в глубине души неуверенность в правильности нашего поступка.

Неожиданно бабушка сгребла арбуз в сетку и решительно заявила, что его надо отнести обратно и положить на место. С энтузиазмом мы проделали обратный и совсем не близкий путь. Старательно уложили арбуз на его родную плеть, сдвинув ее с нашего участка, немного поправили листья и легко вздохнули, почувствовав радость облегчения совести.

Весь обратный путь мы непрерывно смеялись над собой, громко пели какие-то песни и что-то бодро говорили друг другу. Дома, конечно, не сказали о нашем приключении, но удивили маму тем, что весь вечер хихикали, переглядываясь. Наша веселость казалась подозрительной. Мамина проницательность привела к мысли, что мы что-то натворили, но ничего криминального она так и не смогла обнаружить.

Я много лет вспоминала эту историю. Уже тогда, в детстве, я почувствовала ее великий смысл. Дело было не в том, чтобы не нарушать какие-то правила и принципы, а в том, чтобы, проявив слабину, суметь все вовремя исправить. Это дает удивительное чувство гармонии и какой-то особой гордости от преодоления соблазна.

Наша «Зоя»

Шел 1943 год. Военные действия уже отодвинулись от Волги, и летом на территории центрального парка в городе открыли дневной пионерский лагерь. За отличную учебу и активную пионерскую работу нам с подружкой Ингой дали туда путевки. Мы радовались от души, и бегали туда с восторгом, несмотря на отдаленность от городка, где мы жили. Городского транспорта в те годы не было, и около трех километров мы преодолевали дважды в день, невзирая ни на какую погоду. В основном, как обычно в Заволжье, стояли очень жаркие дни.

О жизни в лагере помню мало. Правда, хорошо представляю его центр с высокой стойкой посередине, на которую торжественно подняли флаг в начале смены, а потом под барабанный бой его опустили. Вспоминается, сколько стараний мы приложили, обучаясь красиво отдавать салют. И в школе это строго требовалось от нас, но почему-то не помню, чтобы там возникали проблемы. А в лагере, видимо, четкости салюта придавалось особое значение. Так же, как ежедневной тренировке ходить стройными рядами, распевая звонкими голосами пионерские песни. Чем занимались еще? Помню, как подметали дорожки в городском парке или в сквере в центре города. Кажется, это было основным трудовым делом. Было у нас и свое тайное занятие. Во время дневного сна, закрывшись с головой одеялом в одной постели, тишайшим шепотом делились девчачьими секретами. И ... с интересом рассматривали щупленькие тела друг друга. Худенькая изящная Инга, старше меня на год, в свои 12 лет имела достаточно выраженные признаки девичьих форм, и нас занимало сравнение.

Но, как всегда и везде, в центре всех наших переживаний была война. Но тут, в пионерском лагере, возникла и специфическая тема. О чем бы ни заговорили, неизменно возвращались к ней. Что ОНА сказала, как ОНА поступила, какое у НЕЕ настроение, понравилась ли ЕЙ наша работа. Кто эта ОНА? Пионервожатая нашего отряда, которую мы все между собой звали — «наша Зоя». Нет, на самом деле ее звали иначе. А это имя возникло произвольно, так как ее прическа полностью воспроиз-

водила прическу с известной всем фотографии партизанки Зои Космодемьянской, да и лицо нам казалось точно таким же. Вся страна знала о подвиге комсомолки Зои, и многие девчонки, комсомолки и пионерки, старались подражать ей в обычной жизни, мечтая о своих подвигах. Наверно, и она поступала, как и многие другие, но для нас она была единственной, почти настоящей Зоей

Не скажу сейчас, какие мероприятия в отряде проводила наша пионервожатая. Думаю, вполне типичные, ничем не примечательные. Но хорошо помню, что авторитет ее был непререкаем. Ее распоряжения выполнялись быстро, четко, без каких-либо возражений: ОНА сказала, — и все тут!

Ее настоящее имя я потом забыла, но какая-то особая струночка в душе ее помнила и отзывалась на любую ассоциацию. И вдруг, весной 50-го года, когда мы заканчивали школу, на встрече с бывшими выпускниками я увидела и услышала ЕЕ! Узнала сразу и от радости вздрогнула: ОНА есть!!!

Оказалось, что ее звали Надя. Это не огорчило, а напротив, меня буквально открыли открытие прелести звучания ее имени: Надя, Надежда! Вспыхнула целая буря воспоминаний, наполненная новыми эмоциями. И я без размышлений попала под власть ее авторитета вновь: все ясно, буду психологом! Только психологом, как Надя! А сердце сладко замирало от звучащего в нем ее имени. Но самым большим потрясением, как это ни парадоксально, было то, что она жива! Наверно, это трудно объяснить. Ну, почему бы ей не жить? Конечно, тогда еще шла война, и она могла бы уйти на фронт. Но дело было не в этом, а в том фантастическом объединении ее с Зоей. И вот, расставшись тогда с ней после окончания смены в лагере, поселилось во мне тревожное ощущение потери навек. Будто, как Зоя, она могла погибнуть.

Психологом я стала. И Надю встречала в Москве, но ничего ей не рассказала, словно боясь потерять нечто очень дорогое. Спустя несколько лет, я поделилась своими воспоминаниями с одним из психологов, хорошо знавшим ее. Он пожурил меня за молчание, сказав, что узнать о таком отношении ей было бы очень приятно. К этому времени Нади в Москве уже не было, и наша восторженная влюбленность осталась для нее тайной.

Марина Раскова

Я росла в семье летчика, да еще в военном городке, где вся жизнь сосредотачивалась вокруг самолетов. Потому имя знаменитых летчиц — Марины Расковой, Валентины Гризодубовой и Полины Осипенко были святыми с детства. Я знала во всех подробностях все, что случилось с их самолетом «Родина» во время их героического полета над территорией страны. Да, у них не получилось полностью реализовать поставленную перед экипажем задачу, но для нас они были настоящими героями. Особенное волнение вызывали рассказы о неудачном приземлении на парашюте штурмана Марины Расковой. С поврежденной ногой она десять дней добиралась по безлюдной тайге к поселку. Еды не было, и голод удаляла таежными ягодами и единственной плиткой шоколада, скупо разделенного на маленькие кусочки.

С самого начала войны появились новые рассказы о героических летчицах. Были сформированы два женских полка, во главе которых встали Валентина Гризодубова и Марина Раскова. Для нас главными источниками информации стали журнал «Пионер» и газета «Пионерская правда». На маленьких самолетах, чудесными руками инженеров превращенных в бомбардировщики, они совершали ночные вылеты и успешно бомбили места расположения немецких частей. Читая эти статьи, я восторженно пересказывала удивительные истории о летчицах, которых даже немцы уважали и называли «ночными ведьмами». Почему — «ночными», — мне отец объяснил сразу:

те самолеты, которые имели эти полки, были совершенно не приспособлены к боевым действиям, и ночью был хоть маленький шанс вернуться на свой аэродром. Я не могла согласиться со скептическим отношением к их, как он считал, неоправданному героизму. Говорил он об этом очень сдержанно, ибо нельзя же критиковать высшее командование, отправляющее женщин на почти безнадежные задания. Он был профессионал, служил в бомбардировочной авиации и мог вполне судить, что за «бомбардировщики» были те самолеты, на которых летали летчицы этих полков. Мне же казалось, он не верит в их смелость и способность на героические дела. Из понятной осторожности она не настаивал на своем мнении, необдуманно вырвавшимся однажды, и лишь немного хмурился, когда я вновь и вновь возвращалась к рассказам об их вылетах.

Конечно, со мной были солидарны все мои подруги. Правда, у мальчиков были свои герои, и их подвиги, как иногда подчеркивал кто-то в споре, настоящие. Но дань уважения нашим кумирам отдавали сполна. Мы порой, получив очередную весточку, восторженно мечтали, что как только вырастем, непременно станем летчицами. В наши мечты вторгалось и нечто вообще невообразимое: а что, если бы кто-то из летчиц появится в нашем училище. Сами себя тут же одергивали: дескать, придумается же такая нелепица, — ведь идет война, их место там, а не в тихом городке, пусть и летном училище.

И ... вдруг — такое! Весь полк Марины расквартировывают на отдых у нас в городке. А сама Раскова живет в нашем доме! В соседнем подъезде! Это ли не воплощение мечты?

Мы ежедневно дежурили возле ее подъезда, а потом шли в сторонку, проводя до штаба. Чаше она не обращала на нас внимания, занятая своими мыслями, но иногда слегка сердилась: «Что вам неймется? На мне что-то нарисовано?» Мы разбегались и переходили к обожанию на расстоянии. Иногда она кого-нибудь гладила по голове, и это было особой наградой, вызывавшей откровенную зависть.

Прошло совсем немного дней, и однажды городок содрогнулся от страшного сообщения: Марина разбилась! Как?! Разве такое может быть?! В тайге не погибла, на фронте не погибла, а погибла у нас, в тылу! Ни выстрелов, ни взрывов, ни налетов... Врезалась в гору у Саратова? Да какие там горы?! День за днем мы горевали, вновь и вновь обсуждая, как же теперь армия обойдется без нашей героини.

В душе осталось какое-то сложное чувство, состоящее из сплава обожания, гордости, боли и веры... в самих себя. Мечтая о ней, искали и обретали свои идеалы, свою верность им, свою целеустремленность и самостоятельность.

Многие годы, когда приходилось рассказывать об этой трагедии, меня охватывало волнение и гордость, что наше училище было названо именем Марины Расковой. Ее имя неизменно сохранялось как символ нашего духовного развития, обретения гордости за свое отечество. Но вдруг в этот пласт мировоззрения резко и даже грубо вторглась современность с ее почти неоспоримыми фактами, разрушающими идеалы тех лет. Не избежали развенчания многие имена: Николай Гастелло, Александр Матросов, комсомольцы Краснодона и многие другие, среди которых и Марина Раскова.

За фактами, которые обсуждаются, судя по всему, стоит правда. Если бы они были известны тогда, в то время, эти люди не стали бы нашими героями. Но ведь они были для огромного числа людей и нас, детей, в том числе, примерами истинного человеческого достоинства, чести, героизма. И это тоже правда. Две правды об одном и том же явлении в истории? Но этого не может быть.

Я не хочу приводить те аргументы, которые разрушают наши иллюзии, не хочу их анализировать. Душа моя протестует не против фактов, а против того, что нет в этом мудрого диалектического подхода, не видно настоящей любви к истории отечества. С грубым торжеством открывателей истины рушатся реально сложившиеся общественные устои.

Я убеждена, что нельзя отмахнуться от того еще более бесспорного факта, что та страничка была в нашей жизни, и была она яркая, вдохновляющая. Та история полета отважных летчиц значила для детей много, а встреча с одной из них дала нам безусловно положительный толчок к становлению личности. Независимо от того, были ли в биографии Марины Расковой недостойные ее славы поступки, летчицы ее полка совершали подвиги, они на своих почти игрушечных самолетах наносили сокрушительные удары по врагу, дошли до Берлина. Они служили вдохновляющим примером для всей военной авиации. И в этом главная правда.

Нет прямолинейных характеров, нет однозначных поступков, в любом из нас все соткано из тысячи противоречий. Уж коли мы не умеем видеть и оценивать явление во всей его диалектичной многозначности, наверно, наиболее правильно сохранять тот ракурс, который в свое время оказал огромное влияние на современников. Правда тех лет — это глубокая вера широких масс в истинность героизма и Зои Космодемьянской, и Александра Матросова, и Николая Гастелло, и Марины Расковой, и многих других. Даже если потом мы узнавали, что многое было внесено пропагандой ради решения пропагандистских задач. Безусловно, от негативных обстоятельств, когда они вскрыты, нельзя уходить, но и так же точно нельзя все сводить к этому.

Легенды тех лет дожились кирпичиками в основу нашего патриотизма, безграничного уважения к великому народу и искреннего стремления стать верными сынами и дочерьми своего Отечества. Разве это не нужно? Мы ведь и в самом деле жители великой страны, наследники великой истории. Какой? При поиске ответа на этот вопрос нужна мудрая осторожность, которая не позволит отбирать факты в угоду узкой сиюминутной политической концепции.

Простите мне этот всплеск эмоций. Я хотела при воспоминаниях оставаться в рамках того времени, о котором говорю. Не получилось.

Я не сумела найти нужные слова. Подумайте над проблемой, о которой я говорю. Возможно, вы найдете свой подход. Нет простого пути, если стоит задача обрести высшие ценности в качестве основ своей жизни.

Сын полка

Он был у нас в классе недолго. Точно не помню, но, наверно, даже не полный учебный год. Появился в военной форме, как чудо, как легенда: тоненький, стройный, даже, казалось, хрупкий. Военная форма, явно сшитая по его фигуре, сидела на нем ладно. Мы еле дождались момента для расспросов. То, что узнали, бесповоротно приковало к нему наши сердца.

До войны Женя жил в Ленинграде с отцом и матерью. Отец был военным, служил в артиллерийском училище. С первых же дней войны их перевели на так называемый режим номер один, то есть на постоянную боевую готовность, и они в сверхнапряженном режиме готовили артиллеристов. После начала блокады часть офицерского состава вместе с курсантами последнего этапа обучения направили на фронт под Ленинград. Женя с матерью остались, и на их долю выпали все трудности блокадного времени. В конце зимы мать умерла, и мальчик, одевшись потеплее, отправился на передовую линию искать отца, сам едва живой от голода. Он не знал номера полевой почты отца, но был уверен, что, попав к артиллеристам, сразу его найдет. Однако поиски затягивались. В первой же воинской части, куда Женя добрался, выяснив его положение, по разрешению командира части временно оставили, — до того момента, когда найдут отца. Обули и одели, — в их полку служил бывший портной, и мальчик очень недолго ходил в том, что нашлось. Сведения об отце не поступали, и Женю собрались отправить в тыл. За него дружно вступились артиллеристы той батареи, к которой его прикрепили, и он остался. Более того, специальным приказом командира полка его произвели, как говорили его опекуны, в чин сына полка. Почти год он находился в этой части, принимая участие в боях.

Отца, в конце концов, нашли, — он лежал в госпитале после ранения. На какое-то время там же находился и Женя. Рассказал нам, что и там был издан специальный приказ начальника госпиталя, согласно которому он был зачислен в штат, поставлен на довольствие с одновременным указанием его обязанностей. Началась новая жизнь в тылу, но легкой ее назвать было нельзя. Его обязанности были вполне серьезные, требовали и сил, и времени, и умений, и чисто военной готовности браться за любую работу по первому же требованию.

После выписки из госпиталя отец был направлен в артучилище, где служил до войны. Оно в это время находилось рядом с нашим, и так Женя оказался в нашем классе. Был он старше нас, — из-за блокады и фронта пропустил два года, но, в отличие от Коки, легко влился и в коллектив, и в учебу.

Посадили Женю за парту, стоявшую прямо передо мной. Сидел он там один, слегка повернувшись в нашу сторону. На уроках был всегда собран и внимателен, по всем предметам получал хорошие отметки. Правда, многие пробелы в знаниях ему прощались. Учителя снисходительно старались не замечать, как он иногда поворачивался ко мне, сверяя ответы или правописание. Делал он это не часто и совершенно открыто, не хитря и не таясь. Скорее всего, не считал это нарушением правил. И я подсказывала ему так же открыто, как само собой разумеющееся, будто так и нужно. И ученики, и учителя смотрели на это так, будто заключили негласное соглашение, что

надо любимыми способами помочь этому мужественному мальчику наверстать упущенное. Кстати, в любых подсказках Женя всегда разбирался дотошно; пустое бездумное списывание было исключено абсолютно, — как говорится, по определению.

Всегда одетый в военную форму, он был подтянут, сдержан и немногословен. После первого краткого рассказа о себе, он больше не возвращался к этой, как мы понимали, нелегкой для него теме, а мы тактично не показывали своего неутоленного любопытства. Дети командиров и военного времени, мы умели молчать.

Между нашим городком и артиллерийским училищем практически не было пустого пространства, — обе территории были весьма условно разделены колючей проволокой. В ней, естественно, были ворота с дежурными солдатами, но ими пользовались лишь военные, да пожилые женщины. Для остальных в заборе сияли достаточно большие дыры. Их время от времени латали колючей проволокой, но вскоре появлялись новые, и зияли до очередного обхода начальства.

Дом, в котором я жила, стоял примерно в 150 — 200 метрах от этого разделявшего нас забора. Пространство это занимало поле, служившее зимой катком, да один жилой четырехэтажный корпус. Сразу же за забором на небольшом расстоянии стоял дом, в котором жил Женя. Получалось, что из моего окна я могла видеть весь его путь до дома.

Я изредка бывала у Жени дома, но больше этих посещений любила смотреть, как он идет домой. Особенно зимой, когда он переходил каток. В своих изящных сапогах, с развевающимися полами шинели он скользил необыкновенно красиво и легко. Вообще, наверно, именно это и поразило меня. Невероятное сочетание, казалось бы, несовместимого: изящество во всем его облике (лицо, фигура, редкая среди мальчиков грация) — и война, смерть матери в Ленинграде от голода, долгие поиски отца, участие в боях. Жизнь во всей ее красоте в сочетании с ужасами войны! Конечно, не понимая еще этого, я была впервые влюблена. Мое сердечко замирало, когда я смотрела на его грациозный бег через каток: жив, жив этот прелестный мальчик! Это чувство сливалось с верой: войне, конечно, скоро конец!

Как-то мама сказала, чтобы я пригласила Женю к нам. Мне не хотелось этого делать, зная его сдержанность, переходящую в замкнутость. Тем более, я хорошо знала свою маму, которая очень любила засыпать вопросами моих подруг. Но и послушаться ее не рискнула, нашла какой-то удобный повод после уроков зайти ко мне на минутку. Наш дом был рядом со школой, это Женя всегда шел мимо нас. Я не напрасно волновалась, мама рассматривала его без особого стеснения, задала немало вопросов. Женя отвечал коротко, четко, но с явным напряжением. Пришлось срочно находить повод отпустить его домой. Я его проводила до выхода, немного поболтали, и он ушел. Мама сказала, что мальчик ей очень понравился, одобряет нашу дружбу. Расспросила про его отца, про то, что из себя представляет их быт. И с этого дня не возражала против того, чтобы я бывала у них. Я ликовала: значит, она не будет настаивать на том, чтобы уроки мы учили у нас. Пристальное внимание мамы ко всем нашим делам отпугивало и моих подруг. Они у меня бывали намного реже, чем я у них. Ну, а Женя — это, как говорится, особая статья. Поставить его в неловкое положение, вызвать смущение — этого я допустить не могла.

Истинным подарком для меня стало одно простое событие. Обычно, приходя к другу, мы погружались в подготовку уроков или совместное чтение чудом доставаемых на очень короткое время книг. Но в тот день я застала их обоих с отцом за стиркой. Тут же предложила свою помощь, и уже встала к корыту, но отец Жени взял мои руки, повертел ладони и улыбнулся: «Тонковаты!» Ведь стирать надо было толстые и грубые гимнастерки и брюки. И все же мое желание помочь не отвергли и доверили

вытереть пыль, вымыть полы и нехитрую посуду. Даже помогла доварить все ту же незаменимую пшеничную кашу.

Казалось бы, что тут особенного, но меня переполняло чувство невероятной радости. Это теперь я понимаю, что стояло за ним — покой, мир, жизнь и влюбленность в этих прекрасных людей. Так важно, что все, что они делали, было так буднично, так спокойно, хотя еще недавно оба были под взрывами снарядов, в грохоте, грязи и крови...

Ощущение покоя в семье было взорвано вопросом Жени:

— Как ты думаешь, какая зимой в окопе самая надежная защита от пуль?

— Ну, конечно, мешки с песком! — Со знанием дела, как дитя войны, ответила я.

— Какой же зимой песок?! Это годится только летом и к тому же на постоянном месте расположении полка. А при регулярной передислокации, да еще в зимнее время? Не угадаешь. Трупы. Замерзшие трупы.

Вполне возможно, это он видел всего однажды. Но это было, вполне реально было в жизни 12-летнего мальчика, такого хрупкого, с нежным открытым взглядом и добрым сердцем. Вспомнилась ему такая ужасная картина по нечаянной ассоциации: в углу лежали кучкой несколько вещевых мешков с разнообразным скарбом, брошенных туда на время уборки.

Отец, услышав наш разговор, замер, потом ласково дал мальчику по шее со словами:

— Тебе пора уже эти мешки убрать на другое место, а то Галя уже подбирается в угол со своей тряпкой.

Потом занялся своими делами, поглядывая с тревожной нежностью на сына. Сдерживая волнение, в каком-то порыве такой же нежности, я прижалась к его плечу, и он гладил меня по голове, шутливо дергая за косы. Лишь, когда Женя перенес мешки на другое место, слегка подтолкнул:

— Ну-ка, помощница наша, заканчивай свою грязную работу.

Возвращаясь от них через каток, я не могла сдержать застывающие на морозе слезы и, вытирая их кулаками, горячо шептала какие-то слова о том, чтобы ушла, наконец, война из нашей жизни.

Нежную привязанность к этому мальчику подпитывало и восторженное отношение всего класса к его пению. У него был высокий и чистый голос, слушать который мы могли ежедневно. Правда, пел он не так часто, как нам бы хотелось, и мы с нетерпением ждали любого, так сказать, официального повода, чтобы он должен был петь. К праздничным концертам в школе, тем более — в Доме офицеров мы готовились с неизменным волнением, которому особый оттенок придавало радостное ожидание неизменного успеха выступлений школьного хора, где главная роль принадлежала, конечно, Жене. Его пение вызывало бурю аплодисментов. Иногда удавалось его уговорить спеть и нам во время уборки территории школьного двора. Ему наш восторг явно льстил, и, тем не менее, нередко обрывал песню на полуслове. Мы замолкали, тревожно переглядываясь, и старались не демонстрировать свое огорчение. Слишком было очевидно, что в душе его зазвенела какая-то болезненная струночка. Женя никогда ничего не объяснял, будто и не замечал неоконченной песни. Быть тактичными нас научила война, — мы достаточно много знали о душевных ранах, живущих в сердцах людей и рвущих их на части в ответ на незаметные другим поводы.

Наша дружба была короткой. Вскоре отца Жени куда-то перевели, и они уехали, наделив меня жгучей горечью прощания. Я хорошо понимала, что навсегда теряла нечто очень дорогое.

Мои подруги

После того, как началось наступательное движение нашей армии, освобождающей территории, занятые немцами, в школе стали появляться новые ученики. Одной из первых была дочка полковника, жившего в нашем подъезде, Инна. Ее посадили рядом со мной, и это ускорило наше сближение.

К ней у меня сразу возникло очень теплое чувство. Ее жизнь казалась удивительной и необыкновенной. Инна приехала из Тихорецка, то есть с территории, еще недавно занятой немцами. Я не уставала слушать о ее жизни в оккупации. С неизменным волнением слушала много раз повторенную историю, как она приехала к бабушке на лето, а тут война. Не успели ничего предпринять, как в городе уже расположились немецкие части. Особенно меня удивило, что среди немецких солдат были добрые люди. Они подкармливали местных детей, угощали шоколадом. На фоне общего отношения к немецким оккупантам это выглядело странно. Моя мама советовала мне помалкивать об ее рассказах, считая, что, скорее всего, она далеко не все знала, и такие факты — исключение, потому нечего об этом зря болтать.

Тем удивительнее, что ее жизнь в собственной семье после возвращения вызывала большое сочувствие, поддерживаемое ее воспоминаниями о добрейшей бабушке. Отец был сух и суров, с ней он почти не разговаривал. Существование девочки в доме делала невыносимым мачеха, женщина недобрая, властная высокомерная. Инне, ученице третьего класса, а потом и чуть старше, надо было вставать в 6 часов утра, чтобы покормить отца перед уходом на работу. Потом вымыть посуду и полы в кухне и коридоре. Едва закончив перед школой домашние дела, она не всегда успевала расчесать и заплести свои длинные густые косы и только впереди слегка проводила расческой. Сзади они были сбиты в густой свалявшийся комок, в котором при санитарном осмотре постоянно находили вшей. Помочь я ей могла только тем, что иногда вырезала пучки волос. Не представляю, когда и как она их мыла. Знаю только, что мачеха ей не помогала. Когда врач обнаружила у нее вшей, дома ее мачеха побила, а отец сурово наказал. Я, сочувствуя ей, плакала, возмущенная такой несправедливостью, и про себя придумывала всякие несчастья ее мачехе.

После школы Инну ждала новая работа: убрать остальную часть квартиры, опять помыть посуду, что-то постирать, почистить, выбить ковры. Мачеха очень любила чистоту. Если Инна что-то делала не так, та изо всех сил таскала девочку за косы, норовя ударить головой о стенку, не стесняясь даже моего присутствия. Более того, оно давало ей повод стыдить и оскорблять девочку. Я не могла вымолвить ни слова не только от застенчивости, а и от потрясения происходящим. Моя мама тоже стремилась обеспечить идеальную чистоту, но основную работу выполняла сама. Мне давала отдельные поручения, строго следила за тщательностью их выполнения, иногда поругивала за небрежность. Но никогда не наказывала и, тем более, ни разу не била.

Когда родители Инны взяли из детского дома мальчика, ровесника моей сестренки, я радовалась за подругу, надеясь, что теперь у нее будет маленький друг. Но радость моя была преждевременной. Славик оказался тихим и ласковым мальчиком, но жизнь Инны стала еще невыносимее. У нее добавились не только новые обязанности и наказания, но и горькая жалость к маленькому братику, которому тоже немало доставалось. Ни теплой заботы, ни ласки, ни внимания к их проблемам дети не видели. Это так отличалось от моего дома. Мама вникала во все наши дела, мы видели и ласку, и заботу, и гордость за нас. Отец, который в те суровые годы уходил на работу на рассвете и возвращался затемно, находил краткие минуты, чтобы расспросить, пошутить, что-то рассказать.

И что удивляться, когда на одном из пионерских сборов во время беседы о войне и зверстве фашистов, я, обычно сидевшая тихо, вдруг громко сказала: «Не только фашисты бывают жестокими!» Взрослые, похоже, не поняли, что я имею в виду, а Инна горько заплакала.

Короткое время спустя у меня появились в нашем подъезде еще две подруги. Они, независимо друг от друга, приехали после снятия Ленинградской блокады. Правда, обе были старше меня, но общались охотно, и мне это льстило. Одноклассницам с гордостью пересказывала все наши встречи и содержание бесед.

Одна девочка была грузинкой. Звали ее Нина Чавчавадзе, и она с гордостью подчеркивала, что так же звали известную грузинскую княжну. Именно от нее я впервые услышала о поэте Грибоедове и его прекрасной жене. Волнующие впечатления оставили след надолго, и когда в старших классах мы изучали творчество Грибоедова, возникло чувство встречи со старым знакомым, и даже больше было — некой причастности к истории его жизни.

Среди тем, которые Нина обсуждала со мной, была уникальная, — больше мне не приходилось слышать об этом. Из Ленинграда она привезла с собой две книги дореволюционной писательницы Чарской о жизни девочек из дворянских семей. Они учились в специальных заведениях (не помню, шла ли речь об Институте благородных девиц). Описание их отношений так отличалось от всего нашего стиля жизни и всех традиций, что я слушала ее пересказы как сказку о неведомых мирах. По-видимому, Нину особенно занимали описания романтических отношений между воспитанницами, — она готова была говорить об этом бесконечно. Кажется, среди наиболее популярных воспитанниц была и грузинка, и это явно имело особое значение для моей новой знакомой. Чувства, которые я испытывала во время ее рассказов, были для меня новыми, волнующими, и потом по ночам, засыпая, я думала о Нине, уверенная, что я ее так же люблю, как героини ее любимой книги.

Редкой темой разговоров с ней была блокада. Уже известные картины, будоражили, как впервые услышанные. Запомнилось на все годы два случая.

Нина рассказала, что мама ее уехала со своим заводом, а она со старшей се-

строй должна были уезжать другим поездом. Но почему-то этого не произошло, они остались одни в коммунальной квартире, где за стенкой жила старушка. Сестра попала под обстрел, и Нина перебралась к соседке. Жили, как все, очень трудно, особенно ужасной была зима. Первую зиму они кое-как пережили, потому что им, как она сказала, повезло: не сразу отметили гибель сестры, и они еще некоторое время получали на нее карточки. Потом разобрались, соседку отругали, но она сумела убедить, что ничего не знала, и Нина сама получала продукты, а так как девочка маловата, не знала, что нарушает закон. Карточку больше не дали, и следующую зиму им пришлось совсем невыносимо. Соседка постепенно поменяла на продукты все, что имело хотя бы крохотную ценность. Нина лишь спасла от продажи книги Чарской. Сначала ее привлекли прекрасные иллюстрации, а потом и удивительная жизнь тех девочек, так непохожая на все, что творилось в их реальной жизни, давала Нине малюсенькую надежду и силы все терпеть.

Однажды старушка не проснулась, и девочка осталась с ней одна. Она не представляла, как похоронить бабушку; не знала, к кому обратиться, и покойница продолжала лежать в ледяной комнате. На мой наполненный ужасом вопрос, как же она это выдержала, почти равнодушно ответила, что это было недолго, всего несколько дней. Спокойствие, с которым это было сказано, на меня подействовало, и я радостно согласилась, что это просто замечательно, что через несколько дней кто-то из специальных служб увез старушку, а Нину определили в детский дом. Спустя некоторое время нашли ее родственников у нас в училище, и ее привезли к ним. Впрочем, не знаю, занимались ли этим официальные органы или ее родственники ездили за ней.

Жила Нина у нас недолго, пока не нашли какие-то родственники в Грузии. Она ждала этого переезда со всем присущим ей темпераментом. Засыпала меня воспоминаниями о прежних поездках туда, о горах фруктов, о покрытых лесами горах, о красивых грузинах и их замечательных песнях. И все боялась, что не успеет уехать до начала нашей зимы, о морозах которой была наслышана.

Но впереди нас обоих ждала замечательная страна Грузия, — такая прекрасная, такая наполненная дарами природы, что даже рядом с ней не могло быть войны. Когда нам кто-то говорил, что и там были бои, мы тут же начинали весело фантазировать, как красивые усатые грузины сбрасывают немцев в горные ущелья, а потом внизу на цветущих полянах поют прекрасные песни, а женщины плывут по поляне, изящно поводя в воздухе руками. (Нина изображала этот танец, — на мой взгляд, превосходно). Для Нины это был восхитительный край ее воспоминаний, а для меня — страна вечного солнца, цветущих садов и песен, страна без войны. И мы не просто верили, а знали совершенно точно: так скоро, очень скоро будет везде.

После отъезда Нины поздней осенью в нашем подъезде поселилась еще одна девочка из Ленинграда. У нее было редкое имя — Клара. Папа сказал: «революционное», но не объяснил, и я искренне считала, что она имела какое-то отношение к революции. В своем воображении я так и представляла ее тоненькую фигурку возле Зимнего или Смольного. И меня в моих фантазиях не останавливало то, что хотя она и была заметно старше меня, но в революции никак не могла участвовать. Эти реальные детали для меня не имели никакого значения, и совсем не потому, что я не понимала этого. Не так уж я была мала. Просто так мне хотелось ее видеть, и этот образ был важнее даже того факта, что она, как и Нина, пережила блокаду.

Возможно, что для моих фантазий главным было не то, что она старше меня, а то, что во всем ее облике была особая взрослость, суровая сдержанность, необычное немногословие. Долгие минуты я в полном молчании следила за ней, когда она шила,

чинила одежду, вязала, и я не могла оторвать взгляд от ее лица. Ее грустные глаза были так выразительны, что я иногда в пылу нежного сочувствия целовала их, вызывая у нее смущение. Клара прижимала меня к себе, гладила по голове, ласково говорила какие-то добрые слова.

То ли из-за этой ее неизбывной грусти, то ли от большой разницы в возрасте, я не расспрашивала Клару про ее жизнь в Ленинграде. Кратких слов о том, что это было невыносимое время, было вполне достаточно.

Но было в наших отношениях и нечто такое, что давало мне повод считать ее подругой. Она, при всей ее обычной немногословности, иногда рассказывала мне о прочитанных книгах, о дальних странах, неведомых растениях и животных. Все рассказы сопровождалось доверительным описанием своих планов, своей большой мечты о путешествии. И даже о том, как она вместе с каким-то отважным капитаном будет колесить по морям и океанам, открывая неизвестные острова. И это была тайна, которую я не рассказывала никому, — ни подругам, ни родителям. Отделялась ничего не значащими фразами даже тогда, когда моя мама пыталась выяснить, о чем же мы говорим с Klarой так подолгу.

В начале следующего лета моя удивительная подруга уехала. Теперь совсем не помню, куда, с кем, зачем. Помню только, что не раз поднималась на этаж, где она жила, и несколько минут стояла возле ее двери, не пытаясь зайти и что-то узнать о ней. Вспоминала ее лицо, умелые руки, увлекательные рассказы. Сила этих впечатлений, наверно, была еще и в том, что они уводили от страшных реалий войны в мир светлых надежд.

Незадолго до окончания войны мы переехали в другой корпус (так назывались в городке жилые дома). Там у меня появилась новая подруга с редким именем Инга. Необычной она была во всем. Худенькая и удивительно гибкая, с постоянно смуглой кожей, — все вызывало у меня искренний интерес. Вполне естественно, ибо я не была ни тоненькой, ни гибкой и ловкой, а кожа моя светилась розоватыми оттенками, и тоже круглый год. Истинный восторг вызывали ее исключительные умения: игра на пианино и танцы, — истинное чудо в нашем военном детстве. Мало того. Мы тоже танцевали и пели, но танцы наши не отличались виртуозностью, а Инга исполняла настоящие балетные танцы. На каждом празднике она восхищала всех своими сложными представлениями под волшебную музыку. Она казалась мне настоящей принцессой в самодельной пачке из марли, густо накрахмаленной и украшенной елочной мишурой.

Дома Инга показала мне большой альбом о Ленинградском балете. А как-то даже достала новенькие пуанты, которые в то время были ей еще велики. Все это подарила ей перед самой войной тетя из Ленинграда, работавшая в мастерских Мариинского театра.

Инга горячо мечтала учиться в балетной школе. Мы иногда доставали пуанты, нежно поглаживая их атлас, взахлеб обсуждали, как прекрасно будет в них танцевать, когда еще немного подрастет нога. Мечтали, что первыми зрителями будут раненные. Пока же на концерт к ним мы носили завернутую в простыню ее накрахмаленную пачку. В госпитале пианино не было, поэтому танцевала она под свое «там-там-там». Никому это не мешало, раненные были в восторге, бурно аплодировали и кричали: «Талант!». Этим поддерживалась мечта о настоящей сцене.

И вот пришло время, когда пуанты оказались ей впору. Инга их надела, уверенная, что сразу начнет танцевать. До этого она танцевала на цыпочках, и думала, что с той же легкостью двинется по полу. Но, сделав первое движение, рухнула, больно ударившись о край стола.

И начались тренировки. Разбивая пальцы в кровь, напевая себе мелодию сквозь стиснутые зубы, она танцевала. Это были импровизации по картинкам из альбома. Учить-то ее было некому! И в балете она была всего один или два раза еще до войны. Не было тогда и кинофильмов о балете, лишь позже довелось видеть фильм «Балерина». Я восхищалась подругой от души и очень ее жалела, хорошо зная, что такое боль.

Фантазия и художественная направленность распространялись на все области ее жизни. Даже в обычные детские игры непременно, так или иначе, включалось искусство. Вот мы катаемся с детской горки. И с первого раза она превращает это в особую тренировку грации. Надо было скатиться с горки так, чтобы не попасть в лужу на песке под горкой. У нее, конечно, это получалось. Юркая, как угорь, она снова и снова красиво скатывалась и вскакивала перед самой лужей. Я же после возвращения домой, вызывала искреннее удивление мамы: каким образом можно так вымазаться?

Но были дела и покрупнее. Инга ставила пьесу про царевну Несмеяну, Ивана-царевича и Кощея Бессмертного, произвольно объединяя известные сказочные сюжеты. Каждая репетиция была импровизацией, зависящей от того, кого удавалось на нее привлечь, а также и от наличия на данный момент определенного реквизита. Чаще всего актеров было двое — она и я. Поневоле каждой приходилось исполнять несколько ролей. Инга, естественно, была и царевной, и царицей. Мне же доставались роли служанки, Иванушки-дурачка, Кощея Бессмертного, солдата, и значительно реже — принца или царя.

Репетиции проходили за школой на раскаленном от солнца крыльце запасного выхода, где я, обливаясь потом, сражалась за прекрасную царевну со своей тенью. Важная деталь: Инга-принцесса исполняла свою роль в накидке из тюля, тогда как я была одета в шерстяные рейтузы и свитер, имитирующие солдатскую форму. В качестве головного убора на меня надевалось что-то немислимое: старая панама, густо вы-

мазанная в грязи, высушенная и вывернутая наизнанку, что должно было изображать шлем. И смысл наших костюмов был понятен всем, кроме моей мамы. Она никак не могла взять в толк, откуда у меня частенько к вечеру в волосах столько грязи.

Инга даже пыталась учить меня игре на пианино. Но не долго. То ли не хватило энтузиазма, то ли педагогических способностей, то ли моих данных. Мешало не столько отсутствие у меня таланта, сколько то, что занятия требовали от Инги усидчивости. Представить ее на одном месте больше полутора минут было невозможно. Даже, когда она сама играла на фортепьяно под руководством своей мамы, после нескольких тактов она соскакивала со стула и делала по комнате немислимые танцевальные па.

Шло время, и, наконец, наступил день, когда мама повезла взволнованную дочь в балетную студию при оперном театре в Саратов. Узнав об открытии студии, Инга тщательно готовилась к показу своих возможностей. Она подолгу репетировала, привела в порядок уже заметно потрепавшиеся пуанты и марлевую пачку.

Я провожала ее торжественно, как на гастроли. Ждала допоздна, пока они с мамой вернутся. Все поняла сразу, и мы обе тут же начали реветь. При этом Инга горько повторяла: «Не приняли! Не приняли!» Мама мне объяснила: «Поздно, ей уже много лет» (ей в то время было около 13 лет). Если бы не война...

Только ее папа, молча сидевший за столом с паяльником за своими нескончаемыми поделками, спокойно бросил: «Не плачь! Представляешь, если бы ты стала балериной, а на афишах писали: Солистка Инга Мошкина?! Не звучит».

Странно, но этот аргумент сначала рассмешил нас, а потом совершенно ее успокоил. Но я не ушла, и мы долго перелистывали страницы старого альбома, продолжая обсуждать, как бы она станцевала ту или другую партию.

Если бы не война.

Затмение солнца

Когда вскоре после окончания войны в нашем городке появились пленные немцы, мы были разочарованы. Ожидали увидеть людей мощного телосложения, с искаженными злобой лицами, громкими голосами, то есть такими, какими мы их изображали в своих спектаклях, вскрикивая «Хайль, Гитлер!» и «Хэнде хох!» Но это были молчаливые, даже тихие люди, явно не знающие, как себя вести в нашем окружении. Слегка заискивая, они улыбались нам. Некоторые во время отдыха играли на невиданном раньше нами инструменте — губной гармошке. И это — те самые враги? Те, которые, вторгшись на дальней западной границе, жесточайшие бои вели, чуть ли не у нашего дома? Мы недоумевали: это — те самые? Мы были разочарованы.

Однажды группа немцев под охраной двух часовых рыла канаву возле нашего дома. Тот день был исключительным: ожидалось полное затмение солнца. Мы закоптели сажей стеклышки и задолго до начала затмения уже успели ею перемазаться. Домой никто не уходил, боясь пропустить начало этого невиданного явления.

В самый разгар затмения, когда городок погрузился в необычный сумрак, и смолкли даже птицы, сначала часовой, а потом и один из пленных попросили у нас стеклышко. Кто-то из ребят протянул его часовому. Тот, немного посмотрев, передал его немцу. И в это мгновение один мальчишка ударил по стеклу палкой. Оно разбилось прямо на лице пленного. Посыпались осколки, а по щеке потекли струйки крови. Почему-то виновато улыбаясь, немец протянул нам остаток стекла, зажатого в руке. Глаза его были наполнены слезами. Мы замерли. Было ясно, что слезы его не от боли, а совсем по другой причине: то ли от обиды, то ли от стыда, а, скорее всего, от бессилия и унижения.

Трудно описать мое состояние в тот момент. Конечно, всем ясно, что немцы — наши злейшие враги. Мы их люто ненавидели и желали зла, когда шла война. Долгожданная и выстраданная победа за нами! Враг полностью разбит. И было что-то отвратительное в этом поступке. Я тогда не могла найти нужных слов, но детское сердце чувствовало: стыдно, как говорят в нашем народе, бить лежащего. Это роняет достоинство победителя, который должен быть гордым, сильным и щедрым. Короче говоря, — самым лучшим!

Вальку продали!

Валька была красавица, старше нас, но не настолько, чтобы хоть иногда не поболтать или не поиграть с нами. Жили они вдвоем с матерью, отец был на фронте.

В конце осени 45-го года появился отец. Он привез домой целый вагон всяких вещей, так называемые «трофеи». Не знаю, на самом ли деле был вагон или нет, но так говорили в нашем доме взрослые. Последнее время он был комендантом какого-то немецкого города, что и объясняло такое количество трофейных вещей.

Мы взирали на ящики, мешки и чемоданы, которые носили солдаты в дом из грузовика, сначала с любопытством, потом со смешками и язвительными шуточками, сменившимися откровенной брезгливостью. Это напомнило нам машину того мужчины из Сталинграда, которого с презрением и ненавистью прозвали мародером. Понять было трудно и тогда, и сейчас, как можно в ТАКОЕ время заниматься вещами вообще, а тем более — не купленными, а просто взятыми у кого-то, то есть не ЕГО вещи, а взятые в квартирах соседей. Даже если они уже ничьи, остались после бомбежки, для наших нехитрых размышлений они слишком тесно связаны с людьми, которым они раньше принадлежали. Допустим, их хозяевам пришлось срочно уехать в эвакуацию, как жителям этого барака, а потом они вернутся. Куда? В пустой дом? Слишком похоже на воровство. В случае с Валькиным отцом появилось нечто новое, не менее гнусное. Мы пытались разобраться в том, как можно взять себе вещи немцев, фашистов. Будто на них стоит клеймо.

Вот он отъезжает от нашего дома на мотоцикле, обдав нас запахом бензина и пылью. Но это — фашистский мотоцикл, — такой точно, как мы видели в киножурналах перед началом сеанса. И пылкое воображение тут же придает сидящему на нем советскому офицеру черты фашиста. Мы зло смотрим ему вслед. А вот эти вещи на матери Вали или на ней, — они — чьи? Немецкая девочка и ее мать их носили, а он... отнял? Как это может быть? Так точно, как отбирали у наших людей в оккупированных районах? Так он же советский офицер, — офицер самой справедливой армии мира! Да, мы победили, и все правильно, фашисты должны понести наказание за свои злодеяния. Но не таким же способом. И сквозь зубы вслед нашим соседям несло: «Шмоток награбили! Понюхайте, чем они пахнут.»

На Вальке появились платя и туфли немислимой красоты, украшения и прочее. И она сразу отдалилась от нас. Не то, чтобы зазналась, а повзрослела. Была, по-видимому, и еще одна причина: мы презирали ее отца, и привезенное им «богатство», и ее радостное «выпендривание», как говорили мы. Наша пионерская совесть осуждала это яростно и бескомпромиссно.

Отец пробыл с ними недолго, разбился на мотоцикле. Это восприняли как возмездие. Соседи поговаривали: «за все надо платить». Мало кто проявлял жалость к матери, хотя пытались изобразить положенное по обычаям сочувствие. Искреннее и душевное встречали Вальку. Но и эти признаки соболезнования вскоре сменились новой волной осуждения. У матери появился любовник — молоденький офицер. Сам

по себе он был вполне симпатичный человек, но его «суженая» намного старше, под стать ее дочери. Его корысть очевидна, — дом полон дорогими вещам. На радость «кумушкам», «офицеришка», — иначе о нем не говорили, — тут же начал ухаживать за Валькой.

Стремительно пролетали дни, события нахлестывались одно на другое, а мы были их пристрастными свидетелями и участниками. Возмущенные тем, что с моралью в этом доме что-то явно не так, подбросили им несколько записок якобы от доброжелателя с советами беречь «добро», которое у них, как нам будто бы точно известно, собираются украсть. Мы были уверены, что это «сработало»: на окна поставили решетки, чего в наших жилых домах не делал никто. Мы ликовали: «Поверила тетка!»

С Валей демонстративно не разговаривали, хотя она иногда пыталась проявить внимание к нашим беседам. Понимала наше отношение и хотела как-то его сгладить.

И вдруг прошел слух: «Вальку продали!». В действительности ее, несмотря на то, что ей не было еще шестнадцати лет, отдали замуж за выпускника училища, которого мы отвергли сразу же. Меж собой прозвали его «сморчком», — возможно, вполне заслуженно, — этого я не скажу. По метким оценкам наших женщин, на фоне нашей красавицы он выглядел «помятым».

От взрослых мы слышали непонятные нам обрывки разговоров: «сама подложила...», «пропила...», «чтобы убрать подальше от своего хахалы...» Сообразив, что это плохо для Вальки, мы люто возненавидели ее мать, а к самой Вальке почувствовали жалость и быстро забыли недавнее осуждение.

Посоветались и, приняв решение мстить за Вальку, стали систематически бить у них стекла. По этой ли причине или по другой, но сначала увезли Вальку, а потом исчезла и ее мать.

Мы долго обсуждали все эти события и очень переживали, пытаюсь осмыслить то, что сочли подлостью и несправедливостью.

«Убийца»

Он жил в нашем доме, в том же подъезде, где Инга. Помню: маленький, какой-то вертлявый и пакостный, хотя конкретно ничего плохого не вспоминается. Впрочем, был такой случай. Рядом с катком стояла колонка с водой. Там всегда была вода, в отличие от домов, где даже и не пробовали открывать краны. И все из соседних домов ходили туда за водой. Конечно, как ни старались, набегала лужа, а в зимнее время превращалась в лед. Набирать воду нам, детям, становилось особенно трудно: ноги скользили по ледяному наплыву, вода плескалась, и мы с трудом выбирались на безопасное место. И вот однажды он, прибежав к нам с отдаленного дома, накачал воды столько, что подойти к колонке просто невозможно. Кто-то из взрослых надрал ему уши, он орал на весь городок. Тем и запомнился мне тогда, и я без особого удовольствия встретилась с ним после переезда в новую для нас квартиру.

Был он моложе нас с Ингой, наверно, года на два, то есть было ему примерно лет десять. Имени его я не помню. Все его звали Щука. Возможно из-за внешности, но, вероятнее всего, это было связано с его фамилией.

Началось все с того, что он вытащил у отца пистолет. Его отец был в этот день дежурным по училищу, выбрал свободные полчаса, пришел домой и прилег отдохнуть. Дежурному по училищу выдавалось оружие, он, придя домой пистолет положил в ящик письменного стола.

Какой мальчишка не мечтал о пистолете? Ребята вырезали их из дерева, даже

делали их сланца, и носились с ними, играя в войну. Отцы у многих время от времени получали оружие на время дежурства, но детвора его не видела: строгие военные законы категорически запрещали без особой необходимости вынимать его из кобуры, тем паче — оставлять хоть на несколько минут. А тут такая удача. Щука подсмотрел, куда отец положил пистолет, потихоньку вытянул, выскочил на улицу и, картинно демонстрируя свою вооруженность, мгновенно собрал вокруг себя всех мальчишек нашего и соседнего дома. Надо ли описывать восторг тех, кому Щука дал подержать настоящий пистолет.

За сараями началась «война». По всем правилам разделились на «наших» и «немцев», соблюдая справедливость такого распределения с помощью жребия. Ему предшествовало никем не оспариваемое заявление Щуки — «Чур, я советский командир!». Вскоре поймали «немца», — еврейского мальчика Леву, — и повели «на расстрел». Удовлетворение от «удачной операции» усиливалось тем, что «пленный» так худ и слаб. Это весьма соответствовало представлениям детей о том, как выглядят плененные немцы.

Игра набирала силу.

Но вдруг в одно мгновение все изменилось. Щука толкнул мальчика очень больно, с яростью. И с перекошенным от злобы лицом направил на товарища пистолет.

Лева, потирая плечо и глядя с нешуточным испугом на свирепое лицо Щуки, тихо попросил: «Не нажимай курок!» Но Щука, упиваясь своей властью, зло кричал: «Ах ты, гадина фашистская, смерти боишься?!» Казалось, воздух пропитался неоправданной ненавистью. Это уже не было похоже на игру. Мы замерли. Щука неумело прицелился и выстрелил. Все ждали легкого щелчка (не могло же быть, что пистолет заряжен), и от громкого звука выстрела испуганно замерли. Лева рухнул на землю, на рубашке расплывалось алое пятно. Все участники игры вскрикнули в едином порыве: «Убийца! Левушку убил!»

На выстрел первыми прибежали солдаты, дежурившие рядом с нашим домом на КПП. Следом за ними со всех сторон спешили взрослые, мчались дети, игравшие в стороне, поднялся крик. Мгновенно примчалась наша гарнизонная машина «скорой помощи». И, конечно, отец Щуки. Не помню, как вел себя его отец, а мальчишка растерянно повторял: «Я думал, он не заряжен». Нас возмутило это оправдание, все слишком хорошо запомнили тот краткий миг, те считанные мгновения, когда Щука с неподдельной злобой смотрел на своего товарища. Помню оцепенение, охватившее нас за секунду до выстрела, жуткое ощущение мороза по коже и предчувствие: это уже не игра. Но мы еще не верили, что расстрел будет настоящим: не мог у него в руках быть заряженный боевыми пулями пистолет.

Леву спасли. Он остался жив. После госпиталя появился более обычного бледный, грустный и тихий, светящийся какой-то необычной прозрачностью. Говорили, он потерял много крови, и ему в госпитале отдавали свою кровь и медики, и выздоравливающие раненые.

Щуку все дети отвергли сразу же. По бескомпромиссным законам военного времени, ему был вынесен наш приговор: с ним в разведку никто бы не пошел. Это выражение означало многое, суммируя абсолютное презрение и полное недоверие, а когда прошел слух, что семья Щуки куда-то уезжает навсегда, мы восприняли это как справедливое возмездие. Такому человеку, как Щука, нет места среди нас. Мы разделяли и мнение взрослых, резко обвинявших его отца за халатность и потерю бдительности. Поговаривали, что он понес суровое наказание, но мы не вникали в это. Когда их семья покидала наш дом, никто не вышел их провожать, вопреки неписанным законам нашего городка.

В этой истории, пожалуй, особенно важно было для нас то, что Лева после такого тяжелого ранения остался жив. Его спасение приобрело глубочайший смысл. Это усиливало очевидность того, что война кончилась, а значит, считали мы, больше никто не будет умирать.

Так из сердца уходила война

Как звали эту девушку с аккордеоном, я не помню. Но до сих пор хорошо представляю ее лицо — круглое с лучающимися глазами, в которых все время волнами взмывала грусть. Она вела уроки пения, а точнее руководила хором в старших классах.

Да, при первой попытке записать воспоминания до самого конца рассказа не могла вспомнить ее имя. Долго подбирая разные имена, но ни одно ничего не говорило о ней. Смутно всплывало ощущение необычности ее имени, но разве мало необычных имен. И вдруг в какой-то ничем не примечательный день, я произнесла привычное имя — Вася. И вспыхнуло: ну, да, конечно, конечно, ее звали — Вася, — так к ней обращались учителя. А для нас она была Васса. Сейчас странно, почему, например, при просмотре фильма «Васса Железнова», я не вспоминала ее. Наверно, потому, что облик их был так различен: суровая, жестокая Железнова и наша грустная нежная Вася.

Ее, воспитанницу детского дома, в 15 или 16 лет взял на работу в Дом Офицеров наш заведующий клубом. Это был очень деловой, неутомимый организатор, умевший превратить наш клуб в настоящий рассадник культуры. Не без его боевого духа у нас была прекрасная самодеятельность, которая даже в самые тяжелые годы войны грела сердца жителей городка концертами, вечерами поэзии, даже спектаклями. У меня до сих пор хранятся фотографии моей мамы, очень выразительно исполнившей какую-то роль в одной из пьес Островского. Мы далеко не сразу узнали, что он, этот человек в годах вскоре после того, как Вася стала работать у нас, женился на ней. Как только нам стало известно, что наша любимая учительница — его жена, наше отношение к нему резко изменилось. С жестокостью пылкой юности мы сбросили со счета всего деловые заслуги. Наверно, ему было лет 40. Она — молодая, красивая, а он — в нашем восприятии был просто старый и некрасивый (нам с подругой он казался уродливым).

Мы очень любили ее, ценили то, как она трепетала, разучивая с нами песни. В одной из них были слова:

Солнце в дом скорей войди
И мне любимого найди!

Как она ее разучивала! Сколько красок зажигалось в ее глазах, сколько в голове появлялось новых интонаций!

Мы с Милой знали ее мужа и всем одноклассникам о нем рассказывали. Поэтому для всех девочек эта песня наполнялась особым многослойным смыслом, включая и наше представление о том, как она ждет своего счастья. Было тут и многое другое. Конечно, прежде всего, то, что война, только недавно ушедшая, оставила подобных ей девочек сиротами, и вынудила прятаться под защиту таких, как он. При этом важно, что она из детского дома, и у нее вообще никого не было. У Милы отец погиб в первые месяцы войны, но у нее была мать, брат, тетя. В нашем отношении к песне работали и иные мотивы. Собственное ожидание счастья, какое-то обобщенное представление радости и тому подобные девичьи ощущения не соответствовали тому, что мы со сто-

роны видели в этой паре.

Позже узнали, как много он сделал для нее, помогая ей во всем. Но его безумная любовь и нежность в его сознании приходили в столкновение с пониманием реального положения, и рождалась ревность. Мы не видели его заботы, зато безжалостно осуждали, например, такие случаи. Так, в городке передавали из уст в уста, почему он в Новогоднюю ночь отморозил себе уши. Как полагалось работнику клуба, он в эту ночь имел массу дел, начиная с утра и до утра. Его жена праздновала в какой-то компании, куда он ее сам проводил. Но, говорили, всю ночь бегал под этими окнами, заглядывал туда, и отморозил уши. Отмороженные уши видели все, но была ли тому именно такая причина, сказать сложно. В ту ночь мороз был большой, а перемещаться ему требовалось по всей территории городка немало. Ехидные недоброжелатели могли и придумать такую пикантную историю. Мы-то ей, конечно, поверили, над ним издевались, а Васю жалели, назвав ее в эти дни Василисой Прекрасной.

Со временем стала очевидной несправедливость отношения к этому славному человеку. Однажды довелось нам идти с ней из школы вместе. Обычно она после занятий с хором торопливо убегала в соседнюю школу. На этот раз занятий там не было, и наши мальчики встречали нас на пути. Надо сказать, что это были годы, когда мальчики и девочки учились в разных школах. Мы с Милой ходили из городка в женскую школу, а два наших мальчика, которые жили в нашем же доме в другом подъезде, — в мужскую. Их школа была немного ближе к городку, и мальчишки нередко дожидались нас, если знали, когда мы освободимся. Так было и в этот день. Увидев нас троих, от неожиданности буквально бросились нам навстречу, взяли ее аккордеон, несли его весь путь, а в городке проводили Вассу до ее дома.

Всю дорогу болтали. Один из наших товарищей, — кстати, тоже Вася, — был веселым, легко находил контакт со всеми, и умел вызвать на откровенность. С Вассой они ходили не раз. Хотя и не посещали у себя хор, знали ее хорошо. С ней не раз болтали на разные темы, правда, не касаясь ее замужества. Теперь же представился случай расспросить ее об этом. Было, что слушать, чему удивляться. Оказалось, что она совсем не несчастна, уважала его и ценила их отношения даже больше, чем некоторые женщины в нашем городке ценили своих мужей. Был он добр и терпелив, тактично решал разные проблемы в ее жизни, учил жить в новых для нее условиях. Известно, что дети из детдома мало знают о том, как распоряжаться деньгами, как рассчитывать расход продуктов, да и вообще, — как вести самостоятельно хозяйство. Он ласково

учил ее всему, что обычно прекрасно знают девочки ее возраста; нежно журил за нелепые промахи и не уставал повторять вновь и вновь давно сказанное. Мы с удивлением отмечали восторженные нотки в ее рассказе про его безмерное терпение ко всем промахам и неопытности в житейских делах. Легко с шутками прощал девичью забывчивость, сам многое делал дома по хозяйству, давая ей возможность тщательно готовиться к музыкальным занятиям. Говорила и говорила, что он для нее все — и отец, и мать, и брат, и замечательный муж. Смущаясь, поведала, что он нередко носит ее на руках и поет песни, если она устала, плохо спала или загрустит. А уж если заболит, трудно представить более заботливую и неутомимую няньку.

Один из наших товарищей спросил, тайком подмигнув, как это получилось, что муж ее после новогодней ночи ходил с отмороженными ушами. История этого обморожения была совсем иной, чем передавали «досужие кумушки», как в таких случаях говаривала моя мама.

В праздничную морозную ночь произошла авария водопровода, идущего к курсантским казармам. Вода хлестала фонтаном и заливала дорогу к клубу. Вскоре должны были зрители новогоднего концерта расходиться по домам, а на пути их ждали медленно застывающие лужи. В те годы зимой все ходили в валенках. Можно представить, как промочили бы ноги, пока переберутся через дымящийся паром выход. Конечно, вызвали курсантов, принесли снаряжение для устранения потопа. И без него, несомненно, вполне могли обойтись. Но не тот это был человек. Для него не было выбора: это же ЕГО клуб, это же ЕГО зрители, и их ожидает такое препятствие. Он и бегал за помощью, и сам рыл канавки для быстрого оттока воды, и приносил ведра с песком, чтобы тут же посыпать мгновенно схватывающуюся ледком дорогу. Жители городка, покидая под утро клуб, слегка удивлялись неожиданному песочку, сквозь который просвечивал не менее странного происхождения ледок.

Вот так. Все было иначе, чем в сплетнях, рожденных не очень добрыми людьми, которым мы легко поверили и превратили в легенду о прекрасной принцессе, почти заточенной злым колдуном в неприступном замке.

А что, так-таки никаких несбывшихся надежд, никакой заветной мечты у нее не было? Не знаю. Но в песнях взвивалась ее душа ввысь. Возможно, в ней говорила безмерная любовь к музыке. Именно эту ее одухотворенность мы чувствовали, поэтому нежно обожали нашу «Василису».

Незаметно хор стал для нас чуть ли не самым важным делом нашей школьной жизни. Но помимо этого, по стечению обстоятельств, он стал для нас и неким учителем в деле понимания людей и их отношений. Когда нам удалось узнать о нашем педагоге больше, наш завклубом стал симпатичнее, его легкая хромота сразу была воспринята как знак героического военного прошлого, а его женитьба на сироте — как яркий пример настоящего человека, милого, доброго.

И, что особенно важно, любимая ее песня перестала быть символом несбыточной мечты. Она обрела значение огромной радости от ожидания всего, что несет с собой мир после окончания жестокой войны. Когда звенели наши голоса, поднимая ввысь прекрасную мелодию, то это был гимн миру, надежде, любви.

Так от нас уходила война, отпуская на волю наши сердца. Отпускала, чтобы навсегда остаться в них тревожной памятью...

Братья

Моя дружба с отцом началась до войны (эта точка отсчета только из-за общей темы цикла). Помню какие-то простые события с раннего детства, — порой это лишь разрозненные картинки. Вот он стоит у двери, снимает свой летный шлем, и дает его мне. Я радостно трогаю, глажу мех внутри, надеваю себе на голову и замираю от восторга. Наверно, мой смех звенит на всю комнату. Вот он наклонился ко мне, а я крепко вцепляюсь в ремень с надеждой, что он не уйдет. Я помню это чувство, — вот уже и слезы навертываются, как бы подкрепляя жгучее желание малышки побыть с отцом еще немного. Вот в небе летит самолет, а отец называет фамилию летчика из его эскадрильи. Его имя я помнила всегда, до самой встречи с ним, спустя много лет. А вот я, тяжело больная, лежу в каком-то кресле в саду больницы. Мне очень больно, а отец, стремясь отвлечь меня, вскакивает на соседнюю скамейку, приседает, хлопает себя руками по бокам и громко кукарекает, — мне смешно. И боль стихает. А его нисколько не смущает, как при строгих правилах армии того времени выглядит кукарекающий во весь голос летчик в полной военной форме (гражданской одежды у него, как мне кажется, почти никогда не было).

А вот я сижу рядом с ним и его отцом, моим дедом, на крыльце в Ашхабаде. Очень жарко, но это не имеет никакого значения, потому что вокруг все замечательно: огромный орех, раскинувший ветви на полнеба; кусты с помидорами размером с тарелку; огромные кисти винограда, спрятанные в белые мешочки, то ли от всяких насекомых, то ли от птиц. Папа очень похож на дедушку, и я держу их обоих за руки. Хочется сидеть так долго-долго. Это счастье.

Дед замечательный — добрый, веселый, ласковый. Водит меня, нежно держа за ручку, то по крошечному саду, то по улице. Мне все в диковинку. В саду растут немислимой красоты помидоры, огромные как большие яблоки, — больше мне их сравнить не с чем, — апельсинов в ту пору не видела. Рядом виноград. Кисти тоже огромные и на каждую надет мешочек, чтобы защитить от ос и птиц. Забавно. Пытаюсь заглянуть в мешочек, — дел срезает одну из кистей. Ягоды блестящие, густого темного цвета. Рот заполняет удивительный неведомый мне ранее вкус. Сок течет по подбородку, мы все смеемся.

Скрывая страх, стою недалеко от верблюда и прячусь за деда, когда он говорит, что верблюд плюется густой слюной, если его дразнят. С восторгом бегаю по арыку, фонтаном разбрызгивая воду. Отец с дедом смеются от души. Я их люблю, они любят меня, и я не сомневаюсь, что так будет всегда.

Во время войны отца я видела мало. Уходил он на рассвете, приходил затемно серый от усталости: летчиков надо было обучать в самые сжатые сроки. Времени на полноценную подготовку не было, и отец как-то раз с горечью сказал: «Зачем им теория полета (он преподавал именно это), когда их надо научить только взлетать? С этим любой инструктор за неделю справится». Немного позже я узнала: в этот день в училище получили сообщение, что вся последняя группа летчиков погибла в первых же вылетах.

Изредка выпадали прекрасные часы, когда мы что-то вместе делали, обсуждали, он чему-то меня учил, что-то рассказывал. Я любила его рассказы о морской службе на линкоре «Марат», об учебе в летной школе, о друзьях, о разных приключениях. Особенно было интересно слушать о его детских годах, обычных мальчишеских шалостях, о дружбе с братьями, о нежной любви к сестрам. В его семье росло восемь детей, красивых, умных, добрых.

Иногда приходили письма от сестер и деда. От братьев не было ничего, а я не спрашивала, услышав однажды от него в ответ на мой вопрос только короткое слово: «война». И это вроде все объяснило. Я уже догадывалась, что во время войны может случиться нечто такое, о чем лучше не знать и не расспрашивать.

Однажды пришло письмо с известием о смерти деда. До сих пор помню, как отец читает его, стоя посреди комнаты. Руки его дрожат, голос срывается, когда он безо всяких подробностей коротко сказал, что умер дедушка, и утешал меня, заливающуюся горькими слезами. Я мало его видела, но так много осталось от этой встречи радостной памяти.

Позже, подрастая, я стала переписываться с сестрами отца, а с одной из двоюродных сестер мы даже, можно сказать, подружились. У меня до сих пор хранится ее давняя открытка с поздравлением меня в связи с тем, что первый раз пойду голосовать на выборы в Верховный Совет СССР. То было такое время, когда это переживалось совершенно искренне.

Сорок лет ушло на то, чтобы постепенно узнать историю жизни обоих братьев отца.

Сначала выяснилось, что оба они, инженеры высшей квалификации, в годы войны были осуждены как «враги народа» по печально знаменитой 58-й статье на 10 лет без права переписки. Основания теперь кажутся, по меньшей мере, странными. Дядю Колю осудили за то, что он, руководя восстановлением разрушенных во время военных операций мостов, однажды сердито сказал по поводу нашей неистребимой халатности, неразберихи и бесхозяйственности, что нам надо бы поучиться у немцев, которые в таких же условиях делают все быстро и качественно. Все. Этого оказалось достаточно. И в итоге — ГУЛАГ на Печоре, лесозаготовки со всеми атрибутами: голод, холод, измывательства охранников.

Дядя Леня был осужден по доносу одного сослуживца, утверждавшего, что он был рад нападению Германии и радостно встречал вести об успехах немецкого наступления. От последствий клеветы не спасло даже то, что он был инженером-железнодорожником, а они имели бронь по категории особо ценных кадров. И — ГУЛАГ под

Семипалатинском.

Об условиях существования там трудно говорить и сейчас. Голод был постоянным, сильным до такой степени, что пропадало чувство самосохранения. Случайно раздобыв корочку хлеба, съедали ее быстро и защищали не себя, а эту корочку от избивавших их охранников. Холод или жара были невыносимы. Укрыться негде и нечем. В короткие минуты перерыва в работе могли спрятаться от дождя в карьере под глыбу породы, готовую в любую минуту обвалиться. Так было в лагере у дяди Лени, а у дяди Коли почти все то же, только в условиях лесоповала, когда без особого соблюдения техники безопасности обрушивали огромные таежные стволы деревьев. Потом, спустя годы после освобождения, сами удивлялись полнейшему равнодушию к опасности. Конечно, к этому добавлялись цинга, болезни и эмоциональное напряжение от изощренного унижения.

Оба были помещены в лагеря вместе с уголовниками. Такая форма унижения для интеллигентов с ярлыком «враги народа», видимо, развлекала охрану, усиливая гнет наказания.

Полную меру горя хлебнули и ближайшие их родственники. Тетю Олю, жену дяди Лени, сразу же после ареста мужа заставляли подписать заявление о том, что все в доносе соответствует действительности, и в связи с этим требовали отказаться от мужа. Не подписала. Тогда ей было дано распоряжение в 24 часа покинуть город и поселиться не ближе восьмидесяти километров от него. Нелепо: почему именно восемьдесят? Не пятьдесят, не сто. При этом не выдали разрешения на проезд, без чего было невозможно воспользоваться каким-либо транспортом. Ей пришлось уходить из города пешком (а это был Ашхабад со всеми его условиями пустыни), почти без денег и вещей, с полугодовой дочкой на руках. На новом месте ее ждали мытарства как жены врага народа: трудности с жильем, работой, и жизнь отверженных с клубком проблем. С унижениями пришлось столкнуться немного позже и ее дочери, — горечь от тех лет осталась на все последующие годы.

И, вопреки всему, встречали, если можно так выразиться, прикосновение высшей защиты. Это позволило им не только выжить, но и духовно возвыситься над всей намеренно создаваемой властями мерзостью. Оказалось, что и в этом пекле были прекрасные люди, бескорыстно помогавшие, невзирая на опасность для себя.

Так, Николай берегли уголовники из его бригады. Они брали на себя самую тяжелую работу, поскольку он был невелик ростом, худ, слаб, изморожен цингой и дистрофией. Такова была их благодарность за его справедливость, честность и заботу о них, которую он проявлял, используя все возможности своего поста бригадира.

Тете Оле начальник помог навестить мужа, когда пришла случайная весточка о месте заключения. Он выдал командировку на ее имя, лишь попросил никому ее не показывать без крайней необходимости. Права командировать ее, куда бы то ни было, он не имел. С другой стороны, и без документа ехать было трудно, — вставала масса проблем при пользовании транспортом. Тетя Оля обещала постараться обойтись без государственного транспорта. Он только сочувственно пожал плечами, хорошо зная и расстояние, и условия, которые ей предстояло преодолеть.

Вместе с ней отправился и мой дед, ее свекор. Более трехсот километров преодолели они, то на попутных машинах, а то и вовсе пешком. Не раз ночевали в степи, дежуря по очереди у костра и отгоняя окружавших волков огнем и стуком в железный бидон.

Экономя на самом необходимом, чтобы сохранить с трудом собранные для свидания продукты, они, наконец, добрались до лагеря.

Жители поселка устроили им встречу с одним из охранников. В первые же

минуты разговора выяснилось, он знал Леню. В это трудно поверить, но это была его бригада! За часть привезенных продуктов он взялся устроить им встречу. Продуктов взял совсем немного, да и не в том дело: никакой платой не объяснить того, что он сделал. Как он сам пояснял, что рискует только ради Леонида, про которого сказал: «божий человек».

В первый день охранник повел их на окраину поселка, где за высоким забором строился дом, на втором этаже которого они увидели Леню. Волнуясь до слез, они смотрели, как он размещивает в огромном помятом ведре глину. Окликнуть его охранник категорически запретил. Но вот Леня почувствовал их взгляд, обернулся, и от неожиданной радости чуть не свалился вниз. Конечно, все произошло без единого слова или жеста. Цена риска, можно сказать без преувеличения, — жизнь.

На следующий день около четырех часов утра охранник привел с собой одну из заключенных, которая работала посудомойкой в лагерной столовой. Они с Ольгой поменялись одеждой, и охранник отвел Олю на кухню. Замену объяснил без особых хитростей: это новенькая, поработает один день вместо заболевшей работницы. И вот первое испытание — завтрак. Оля разносила тарелки, быстро нашла мужа, и, бегая по столовой, норовила незаметно взглянуть на Леню. Он в свою очередь, старался не замечать ее. Смешные люди! Разве дело в том, сколько раз посмотрят друг на друга? Куда важнее, как смотреть. И дрожь в руках, и дрогнувшие губы, и сиянье глаз выдали их с головой. Хорошо, что заметили это только его соседи за столом и стали слегка подшучивать. Дескать, новенькая, видно, сердобольная, что положила глаз на заморыша. Леня, зная доброе отношение товарищей, ничего не отвечал и смущенно улыбался, не умея скрыть радость от такой сказочной встречи.

Переполненные мечтами, дождались следующей «встречи». Работали в эти часы, буквально летая на крыльях. Искренне удивились товарищи Лени, которые привыкли видеть его, едва двигающимся из последних сил. Никто не шутил, терялись в догадках и размышлениях о том, как удивительна жизнь, и сколько, оказывается, силы скрыто в человеке. Стоило симпатичной женщине приметить их товарища, и он расцвел на глазах. Впрочем, кое-кто догадался о реальной причине, но предпочитал молчать. Легко представить последствия, если нечаянно или намеренно кто-то доложит начальству.

После ужина их ждал фантастический подарок. Под предлогом уборки бани, охранник увел Леню, где его уже ждала Ольга. Стремительно пронеслось время. Перед рассветом им пришлось расстаться, и опять на несколько лет.

Оглушенная счастьем Ольга, меняясь одеждой с заключенной, не придавала значения тому, что женщина протянула ее паспорт со словами: «Скажи спасибо!» — «Спасибо», — машинально отозвалась она. Правда, тут же спохватилась и горячо поблагодарила за предоставленную ей возможность побывать внутри лагеря. О цели, конечно, прямо не говорили, но догадаться было легко. Охранник рисковал больше всех, но, видимо, знал, что этой женщине можно доверить такое опасное дело. Чуть позже, рассказывая обо всем отцу, наконец, поняла смысл всего произошедшего. Оля оставила в кармане свой паспорт. Имея его, да еще и ее одежду, заключенная вполне могла совершить побег. Независимо от успешности этого, и Оле, и охраннику грозило жестокое наказание. Обсуждая это с отцом, оба пришли к мысли, что женщина не сделала этого не из страха, не от неуверенности в успехе побега, а от настоящего человеческого сочувствия, а еще, возможно, из уважения к смелой затее.

Что там говорить: два хрупких человека встали в полный рост перед безжалостной системой, коверкающей их жизнь. Так и хочется сказать: «Склоните головы перед мужеством любви». И я верю, никому не покажутся эти слова напыщенными.

По условиям приговора, оба брата, и Николай, и Леонид, не имели права писать письма родным. И все же обоим удалось передать по одному письму старшему брату, то есть моему отцу. Я не знаю, как это удалось, да еще и обоим; не представляю, как они выглядели, и кто их передал. Это были коротенькие записочки с одинаковой просьбой: переслать им хоть какой-то еды. Ответа не получили. Потом оба говорили, что писать не следовало, но в этот момент думалось лишь о том, что таким же чудом, как эта возможность передать записку, может прийти и посылка. Оба очень скоро осознали всю безнадежность и даже огромную опасность предпринятого шага. Последствия и для них, и для брата, если обнаружат письма, были бы не только тяжелыми, а истинно трагическими. Дядя Леня потом говорил мне, что от голода ничего не соображал. Примерно те же слова сказал и Николай при встрече со мной после освобождения. Какая посылка?! Кто ее передаст? Кто допустит, чтобы она попала ему в руки? А чем это грозит Виктору, военному летчику, да еще в столь суровое время?

Не получив никакого ответа, они все понимали и лишь утешали себя надеждой, что эта безрассудная затея не имеет последствий для брата. С обоими мы в разное время встречались после их освобождения. Николай приезжал к старшему брату, долго и тепло разговаривали. Потом, возвращаясь домой через Москву, заехал и ко мне (я в это время там училась). С дядей Леней встретились иначе: сначала мои родители ездили к нему в Тарту, а потом и я побывала там. Есть формальные привычные слова: «незабываемые встречи». Но именно так и есть. Эти впечатления — тема отдельного рассказа. Пока же добавлю только вот что. Тетя Оля, как и Леонид, не таила никакой обиды и, более того, в ответ на мои переживания от всего, что произошло с братьями, меня успокаивала, уверяя, что Витя поступил правильно. И она прекрасно понимает, чего это ему стоило. А вот жена дяди Коли ничего понять и простить не смогла. Она запретила ему переписываться с братом, и он не только отцу, но и мне не отвечал. Дядя Леня предположил, что она и писем наших Коле не передавала, поскольку и он от него получил всего один ответ. И сказал в заключение лишь два слова: «Жестокое время».

У меня и сегодня нет однозначного ответа на вопрос, что, как и когда мог сделать отец для братьев. Очень сложный клубок проблем. Как бы он ни любил раньше братьев, что бы ни помнил об их дружбе в детстве, ручаться за них в те годы, когда узнал о приговоре, он не мог. Тогда только и слышали о перерождении людей, о том, что война обнаруживала во многих нечто враждебное. Кроме того, связь с заключенными по статье «враги народа» сурово каралась, и потому требовалось думать о последствиях не только для себя, но и для своей семьи. Наконец, ответ братьям мог и им принести серьезные наказания. Содержимое посылок получить в любом случае не пришлось бы, — не передали бы ничего. А с другой стороны, — это же те самые Ленка и Колька, с которыми прошли когда-то столь счастливые годы детства. Видимо, из-за таких же внутренних противоречий отец и рассказывал мне о них впоследствии, не

подозревая, как это ему самому важно, — понять все, найти объяснение и для себя, и для меня. Жестокая трагедия в жизни, страшная незаживающая рана в душе.

Отец много рассказывал о детстве и отрочестве в прекрасной большой семье, где у добрых умных родителей росло восемь детей. Детально описывал их игры, увлечения, особенности характера, с огромной теплотой вспоминал отца. О военных перипетиях судьбы большого семейства говорил сдержанно, скупое с тщательно скрытым страданием. Я понимала, что тема эта для него, человека глубоко порядочного, мучительна.

Не раз возвращалась к размышлениям обо всех братьях, испытывая бесконечную нежность к этим замечательным людям. Переживания смешивались с чувством боли и горечи. Для меня, воспитанной пионерской и комсомольской легендой о том, что мы живем в самой прекрасной стране, истинной трагедией стала встреча с такой бесчеловечностью и чудовищной несправедливостью.

Не стало проще и тогда, когда со временем я узнала, что у отца и его братьев в конечном итоге сложилось разное отношение к жизни. Отец стал резок, критично и непримиримо относился ко всему, что происходило в стране, и с годами это усиливалось. А Леонид смотрел на мир гораздо спокойнее, к людям относился с искренним желанием понять и простить их поступки. И что меня особенно взволновало, — это мудрое умение не ставить знак равенства между народом и режимом, в котором он существовал. Дядя Леня мне сказал, что, несмотря на все невзгоды, они с Олей прожили счастливую жизнь, так как знали, что такое настоящая любовь, верность и взаимопомощь. Им важнее то, что встретили немало замечательных людей, не сломленных, не боявшихся быть гордыми. Все это, а еще и вера в неизменное торжество добра, помогли им выдержать все трудности. За это они благодарны Богу, открывшему им свет истинных ценностей. Познав многое, как это ни парадоксально, они, фактически, оказались более свободными, чем мой отец. По-видимому, его мучило чувство вины, беспомощности, зависимости от многого и многих, вовсе не несущих свет истины и справедливости. Развенчивание культа личности воспринял как предательство по отношению к нему самому. У братьев отношение к власти сложилось в бесчеловечных условиях ГУЛАГа. У них быстро исчезли какие бы то ни было иллюзии и это спасло от разочарований, когда правда стала общеизвестной. Отец же, искренне веривший в могучую силу наших официальных идей, был внутренне раздавлен после их крушения.

Трагически сложились судьбы этих людей, живших в одну эпоху, в одной стране и воспитанных в одной семье, но смысл событий столь различен. Но так, видимо, бывает всегда. Судьба приносит испытания, а с ними дает каждому шанс их преодолеть. А вот суметь воспользоваться этим шансом и возвыситься над обстоятельствами может не каждый. В этом главная роль принадлежит не столько действиям и поступкам, сколько содержанию и силе внутренней борьбы, работе души. Люди, в первую очередь, нуждаются не в благах мира, а в духовной близости. Только тогда, когда они любят других, идут навстречу, протягивая руку помощи, они обретают свободу, ибо перестают зависеть от внешних обстоятельств.

Обретая внутреннюю свободу, они становятся прекрасны.

ПЕРВЫЕ ТРУДОВЫЕ БАСТИОНЫ

Есть несколько тем, которые я часто мысленно проигрываю, вспоминая прошлое. Одна из них — моя работа. Точнее, ее виды и формы в разное время, имевшие разный смысл в зависимости от моих умений, знаний, способностей, ответственности, переживаний и тому подобного, то есть всего, что составляло мою жизнь в работе. Именно все это, что проявляет ее личностный СМЫСЛ, мне сейчас интереснее всего. Ну, а содержание далеко не на первом месте, хотя его трудно отделить от всей гаммы переживаний, отношений, радостей, открытий и потерь. При этом важно, что-то вспоминая, увидеть детали иначе, чем воспринимались тогда, — будто не все доделано, понято, и это «что-то» мне совершенно необходимо сделать теперь. Зачем? Нет ни этого места, ни этих людей, ни этих профессиональных задач. Я же вновь и вновь возвращаюсь к прежним делам, и этот взгляд назад своеобразен: не размышления, не анализ, не развернутые образы и картины, а тревожные или светлые сны, легкие ассоциации (порой некстати) радостное чувство — «это ведь было!». Нередко узнаю отголоски тех лет в нынешней жизни, — в поступках, оценках, чувствах.

Жизнь моя подошла к тому краю, который «горизонтом» не назовешь, и, стоя перед этой чертой, хочется нечто важное пережить заново. Именно — «заново», а не «еще раз». Взглянуть и понять с позиций сегодняшних, то есть с другой точки зрения.

ДО ТРУДОВОЙ КНИЖКИ

Пионерский лагерь

Первая моя работа пришлась на конец первого курса студенческого бытия и длилась один месяц летом 1951 года (поразительно, сколько «первого», — будто это придумано нарочно, как шутка).

На первом курсе Саратовского университета у нас как-то сразу, практически в первые же дни, сложилась очень дружная группа. Ее состав: юноши — Вася Шилин, фронтовик, Игорь Орлов и Витька Абросимов, только что окончившие школу; и девчонки — я, Ирка Половинкина, Люда Федюнина и, кажется, Рита (так и не вспомнила ее фамилию). Ах, нет, кое-что вспомнила и немного позже вернулась к этой записи: звали ее Элла, но фамилия пока не всплывает. Наверно, это и не удивительно, если вспомнить Фрейда. В Эллу отчаянно влюбился Игорь. Он непрестанно делился со мной своими страданиями, потому что Элла была к нему снисходительно-равнодушна. Я, как настоящий друг, выслушивала, сочувствовала, но, думаю, в глубине души предпочитала, чтобы он был влюблен в меня. Во всяком случае, его выбор не одобряла, так как Элла была вяловатой, скучноватой и без полета фантазии, в отличие от всех других членов нашего «боевого отряда».

Немного надо описать и остальных. Ну, о Васе все ясно: фронтовик, человек очень организованный, ответственный, инициативный. Каскад его планов и задач был неисчерпаем. Ходил постоянно в военной форме (воинское звание забыла). Родных не осталось, стипендия крохотная, приходилось подрабатывать ночами на «железке» или пристанях погрузкой или разгрузкой разнообразных грузов. Теперь я плохо помню, как он прошел войну, — то ли он не очень откровенничал, то ли мы были излишне

тактичны, а, скорее всего, и он, и мы неосознанно отгораживались от болезненных воспоминаний о войне.

Витька Абросимов был легкий, смешлив, безответственен. Позже я вспоминала его не раз, глядя в кино на героев Андрея Миронова. Зато его никогда не приходилось уговаривать принять участие в любом деле. Он был готов идти с нами, когда и куда угодно, лишь бы вместе: на лекцию, на концерт, в музыкальную школу, кино или в подшефное училище. Порой он спрашивал о цели вызова уже по пути: «А, собственно говоря, куда это мы топаем?». Правда, с такой же легкостью он мог испариться с любого мероприятия, неизвестно почему, куда и когда. Потом с небрежностью бросал в ответ на наши упреки: «Ой, ребята, вы даже представить не можете, где я был (или аналоги: что видел; кого встретил)!»

Ирка была весьма неординарным созданием: маленького роста, в огромных очках, с огромным лягушачьим ртом, практически всегда что-то говорившим, с феноменальной способностью опаздывать всегда и всюду. На лекциях она, как правило, лежала на руке, мечтательно рисуя удивительно вычурным шрифтом отдельные слова, среди которых чаще всего было слово «огонь», обрамленное витиеватой рамкой. На планы наши она реагировала без споров, но никогда нельзя было поручиться, что она придет, что она выполнит обещанное. Но, в то же время, если уж она делала что-то, можно было не сомневаться в качестве.

Люда отличалась ото всех девочек нашей группы, как бы это сказать, своей сугубо домашней сущностью. Приятные, мягкие черты лица хорошо сочетались с певучими интонациями ее негромкого голоса. Не помню почему, но все заботы о нашем питании были под ее неусыпным контролем. Стоило кому-то вздохнуть по поводу долгого отсутствия обеда, через несколько минут появлялась гора пирожков. Они продавались регулярно прямо перед входом на факультет, но никому из нас не приходило в голову сбегать за ними. Мы тут же с ликованием отдавали ей стоимость лакомства, громко и искренне нахваливали ее «спасательный круг», как говаривал Витька. Со временем ее забота о нашем благополучии стала такой естественной, что даже организовали в день стипендии сбор средств на «общественные нужды», и само собой разумеется, деньги эти хранились у нее. Никто не спрашивал отчета, но и не интересовался,

хватает ли их. Как-то раз Люда призналась, что ей иногда приходится добавлять свои. Я, конечно, рассказала друзьям, мы потребовали от нее обещание своевременно говорить о «благополучной кончине закровов родины» (конечно, Витькина формулировка), а мне поручили «благородный донос» (его же термин).

Про Эллу я уже немного сказала. Тоненькая, бледная, ходила неповторимым «мигающим», как выразился все тот Витька, шагом. Она слегка покачивалась, что создавало впечатление неустойчивости, — будто вот-вот споткнется. Выражение ее лица контрастировало с остальными лицами нашей группы легкой отрешенностью. Наверно, со стороны казалось, она не с нами, а просто подошла на минуточку, — это случайная встреча. Тем не менее, ходила с нами всегда, не отказываясь ни от одного предложения, но и не проявляя инициативы. Обнаружить на ее лице интерес к происходящему удавалось изредка; почти постоянно блуждала легкая, скорее — прозрачная улыбка, одинаковая и а лекции, и в кино, и на любом из наших мероприятий.

Вместе мы сидели на лекциях, ходили в читалку, бродили по городу, посещали кино и театр. Многие из этих походов проходили под девизом, сформулированным Васей: «Психологи должны хорошо знать жизнь».

Этот призыв вел нас и в общественных делах. Так, мы по своей инициативе стали посещать профтехучилище, где обучались сапожному мастерству парни-инвалиды, прошедшие войну. Мы устраивали им лекции, концерты, оказывали индивидуальную помощь тем, кто учился в вечерней школе. Впрочем, надолго нашего энтузиазма не хватило. Юноши начали довольно активно преследовать девочек ухаживаниями, и мы стали избегать походов к ним в одиночку. Наши «рыцари» это быстро заметили и регулярно сопровождали любую из нас, даже когда мы шли на индивидуальные консультации. Ребята из училища стали бросать горькие реплики, кому, дескать, интересны инвалиды. Обижать бывших фронтовиков никто не хотел, потому мы посещали их все реже и реже, а вскоре и вообще забросили эту работу. Впрочем, угрызения совести нас не заели, — то ли от нашего легкомыслия, то ли от ощущения надуманности самого мероприятия.

Используя тот же лозунг, мы всей компанией посещали концерты в музыкальной школе при Консерватории с целью «психологических наблюдений». Выглядело это солидно, однако совершенно непрофессионально. Интуитивно формулировали проблему. Например: сегодня будем наблюдать отношения детей между собой. Или: главная задача на период отчетных концертов пианистов — проследить внешние проявления волнения детей перед выступлением. Весь концерт старались что-то заметить, выделить, и даже вели записи, а после концерта, чаще всего в тот же день, обсуждали увиденное. Даже пытались сделать обобщающие выводы. Все это нигде, кроме нашей группы, не обсуждалось, ни с кем из педагогов ни в университете, ни в музыкальной школе не консультировались. Не имея ни алейшего понятия о построении наблюдений, были убеждены, что так и поступают настоящие исследователи.

К концу весеннего семестра нам этого показалось мало, и мы, все так же ради расширения опыта психологических исследований, оформились на лето в пионерский лагерь вожатыми. Лишь Элла и Люда не смогли отправиться с нами, — причины забыла.

Я плохо помню, чем мы там занимались. Несомненно, по требованию руководства лагеря и общего инструктажа старшей пионервожатой обеспечивали построение своих отрядов на ежедневной линейке, организовывали подготовку и проведение пионерских сборов и спортивных соревнований. Понятно, что необходимые для этого знания и умения у нас практически отсутствовали. Никого это не смущало: все видели и в школе, и в кино многочисленные пионерские мероприятия, да и сами участвовали в свое время в них. Искренне считали, этого вполне достаточно. Только Вася, как бывший фронтовик, легко нашел себе настоящее занятие, организовав из самых отчаянных мальчишек «разведроту». Они бродили по лесу вокруг лагеря, а нам было смешно, потому что их все время видели, куда бы они ни направлялись. Дело в том, что начальство лагеря далеко ходить им запрещало, а поблизости спрятаться было негде. Вокруг лагеря рос лес, но в тот год на него напали гусеницы, и все хорошо просматривалось сквозь кружевную листву. Но разве это могло быть препятствием для детей, маскиру-

ющихся под руководством настоящего фронтовика? Главное, прикрыв себя почти прозрачной веткой, представить, что тебя ни один враг не заметит. А потом, возвращаясь из «похода» громко и четко петь пионерские и фронтовые песни.

На период работы в лагере падает одно знаменательное событие в моей личной жизни: неожиданное по содержанию письмо от курсанта албанца Кемалья Мёрти-рая. Мы были знакомы около года. Вместе с подругой Милой и его товарищем-югославом (его имя забыла) ходили в кино, гуляли по парку, — короче говоря, дружили. Оба много рассказывали о своих странах. Это было очень любопытно. С особым интересом рассматривали югославские газеты. В те годы их печатали подпольно на папиросной бумаге, тайно перевозили через границу для югославов, которые учились у нас, кажется, тоже нелегально. Газеты, которые показывал наш товарищ, печатались на сербском языке, и мы при известном внимании могла немало понимать, о чем там пишут. Кемаль привез с собой массу открыток и фотографий своей страны. Это была экзотика. О других странах, особенно балканских, мы знали очень мало: не было ни фильмов, ни книг. Оба наших товарища с особой гордостью относились к своим вождям и подарили нам с Милой их портреты. Иосифа Броз Тито — в газетном варианте (эта фотография быстро помялась), а Энвера Ходжу — на маленьком зеркальце (оно хранилось у меня несколько лет).

Весной того же года, когда я поступила в университет, Кемаль закончил летное училище и уехал к себе в Албанию, в Тирану. Изредка я получала от него письма, и пару раз передавала ответ через одного из его товарищей, еще обучавшегося в нашем училище. Писать официально мне папа не советовал: в те годы любые связи с заграницей весьма не приветствовались. Но все же я рассказала ему о поступлении в университет, и об интересной учебе там. Кемаль высоко ценил это, считая очень престижным получить высшее образование. И вот из очередного моего письма он узнал, что я летом работаю в пионерском лагере. Полученное сейчас письмо было его реакцией на это. Письмо было наполнено взволнованными фразами. Я-то гордилась этой работой, а Кемаль огорчился, так как решил, что я пошла работать из-за трудного материального положения. Он с извинениями писал, что в соответствии с условиями того времени не может послать деньги, но вот собрал посылочку с сушеными фруктами. Обещал

хотя бы так помогать и впредь для улучшения моего питания.

Письмо произвело огромное впечатление искренностью, заботой и особой нежностью. Я прекрасно понимала, что все это бесперспективно, но, несомненно, глубоко тронуло мое девичье сердце.

Посылка, действительно, вскоре пришла. Папа был явно недоволен, а мама не видела ничего в том особенного, считая, что раз ее приняли и доставили, значит, это законно. Тогда я впервые увидела инжир, о котором он написал особо, подчеркнув его лечебные свойства. Кстати, в ту зиму я в этом убедилась, вылечившись по его рецепту от кашля.

Остальные воспоминания о той поре относятся ко всяким пустякам: то этот кружевной лес, то палатки наших ребят, где мы прятались во время «мертвого часа» от старшей пионервожатой. Вот Витька носится по лагерю, воображая себя деловым и очень озабоченным человеком, а его красный галстук развеивается вокруг шеи. Беготня эта на самом деле бестолковая, но, как в детских играх, ему самому кажется делом важнейшим, от которого зависит нечто весьма серьезное. Мы посмеиваемся над его важностью, но он отмахивается, — дескать, что с вас взять, — мне некогда обращать на вас внимание. Но в свободное время веселил нас так, что мы его просто обожали.

Между прочим, для меня тоже вся эта работа была скорее игрой, вряд ли, чему-то научив меня. И все же, несмотря на наш непрофессионализм, все шло хорошо, и дети нас слушали. Мы же, в свою очередь, шалили не меньше их, поэтому время прошло интересно для всех.

Для себя из всех «приобретений» от этой работы могу выделить одно: реальное ощущение, что ты отвечаешь за того, кем руководишь, и это совсем нешуточная ответственность. Думаю, что я сразу стала старше, и мои самостоятельные шаги на

следующий год, наверно, потому и состоялись, несмотря на решительные возражения родителей.

Я имею в виду то, что, не закончив два курса Саратовского университета, уехала в Москву и поступила на первый курс отделения психологии философского факультета. Учиться там было моей мечтой, и я два года тому назад пробовала поступить в МГУ, но меня не приняли. Однако сам факт этой попытки оказался полезен, когда я приехала в Саратов. О попытке поступить в МГУ я писала в анкете, и меня освободили от предусмотренного правилами собеседования и зачислили на отделение логики, психологии и русского языка филологического факультета.

Чем больше я занималась, тем все меньше меня устраивал этот «коктейль». Нас пичкали чем угодно, — древнерусской литературой, диалектологией, латынью и многими другими предметами учебного плана филологов. А вот психологии не было. К тому же и эти предметы нам давали в сокращенном виде, вследствие чего я поняла, что будем в итоге дилетантами во всех предписанных нам специальностях. Поняв это, я даже не стала сдавать весной экзамены и вновь поехала в Москву. Родители отговаривали, но я настояла на своем. Единственное, в чем они оказались в итоге правы, это в том, что я совершенно напрасно не сдала весеннюю сессию за второй курс. Мне не надо было бы в МГУ начинать снова с первого курса, да и многие предметы тоже не пришлось бы сдавать.

Впрочем, вопреки прагматичной логике, вышло все правильно, ибо тогда бы мы не учились вместе с Володей, и жизнь была бы иной, о чем сейчас и подумать страшно.

Лаборатория биофизики зрения

Вторая моя работа была поначалу простой «подработкой», зато очень яркой, с далеко идущими последствиями. И тут уже воспоминаний масса.

После рождения Наташи в 1951 году мы стали испытывать заметные материальные трудности. Володя пытался найти работу. Возник вариант работы воспитателем в хоре мальчиков. Но для этой работы требовалось много времени, что ставило под удар его учебу. Это нас не устраивало еще и потому, что я из-за того, что первые месяцы малышку не с кем было оставить, систематически пропускала занятия. Володя компенсировал это своей учебой и тем самым мог серьезно помогать мне. Кстати, я всю зимнюю сессию после рождения дочки сдавала, практически ничего не читая, а лишь с его слов: он мне коротко рассказывал все, что требовалось знать, а я запоминала. Во всяком случае, задолженности не осталось, и даже троек не было. Потом все уладилось, и за все время учебы это была единственная сессия с четверками. Эти четверки помешали мне получить «красный диплом». Но по такому поводу, пожалуй, больше переживали наши педагоги, а мы искренне радовались тому, что учебу я не бросила, как боялась моя мама. Конечно, легким учение назвать я не могла, тем более, что на четвертом курсе появилась у нас и вторая дочь. Но все трудности преодолели, и в том была немалая заслуга Володи.

Однако, становились все более заметными проблемы материальные, и вот тут и подвернулся совершенно уникальный вариант для меня — быть испытуемой в лаборатории биофизики зрения при Институте Биофизики АН СССР. Работа привлекла по следующим причинам. Помимо того, что лаборатория находилась недалеко от нашего факультета, была хорошая оплата при очень удобном расписании моих посещений.

Радуюсь заманчивым перспективам, я даже подумать не могла, что это станет вехой в моей жизни и отложится в памяти и душе многими пластами.

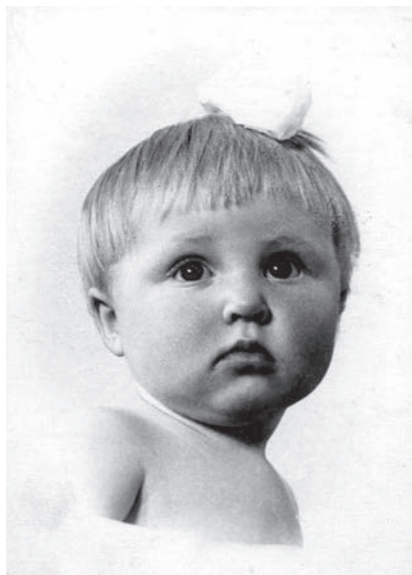
Сама лаборатория оказалась крохотным помещением, номинально состоящим из четырех комнат. На самом деле это изначально была, видимо, одна большая комната, позже разделенная фанерными перегородками на почти игрушечные комнатухи.

Зато люди... О! Это из серии «до чего же мне повезло» или, точнее, «мне выпало счастье»...

Заведующий лабораторией — профессор Николай Дмитриевич Ньюберг, ученый с мировой известностью, внешне очень напоминал Эйнштейна. Первое формальное знакомство с ним через год переросло в своеобразное сотрудничество.

Мы с Володей получили тему курсовой, а потом и дипломной работы по константности цветового зрения. Это совершенно неизученное явление вызвало особый интерес у нашего руководителя профессора Алексея Николаевича Леонтьева. Ему казалось, что это очень хороший объект для проверки его фундаментальной гипотезы, над которой он работал.

Для того, чтобы немного пояснить связь этой темы с профессором Ньюбергом, надо сделать небольшое пояснение. Широко известен такой факт: мы видим цвет предметов достаточно постоянным. Иными словами, при любом, и даже при цветном освещении, глаз человека без усилий отделяет его от цвета освещения, идущего от специальных источников цвета или от окружающих предметов. С точки зрения физики это трудно объяснить. Дело в том, что цвет предмета — это его собственный цвет, который определяется постоянными отражательными свойствами его поверхности, плюс меняющийся в широких пределах цвет освещения (естественный или искусственный). Таким образом, цвет предмета в действительности является всегда смешанным цветом. Мы же цвет предмета и цвет освещения видим раздельно. Например, белую скатерть ясно видим как белую, даже если на нее падает красный (желтый, синий или другой) луч. И так же безошибочно определяем цвет этого луча. Возникает вопрос: каким же образом из смешанного отраженного луча выделяются два источника — постоянные свойства поверхности предмета и переменная характеристика конкретного освещения?

Ко времени начала нашего исследования в науке сложилось по данному вопросу несколько гипотез. Одной из наиболее признанных была гипотеза о наличии врожденной способности мозга делать, так сказать, поправку на освещение. Алексей Николаевич, в отличие от такого объяснения, выдвинул предположение, что этому глаз «учится» при жизни. Вот доказать или опровергнуть эту гипотезу и стало нашей задачей. Но, когда я шла на работу в лабораторию биофизики зрения, я и не предполагала, что это место, где данный вопрос тоже является актуальным. Однако, любые, имевшиеся к тому времени работы, у них не вызывали доверия.

Стоило мне появиться в лаборатории, Николай Дмитриевич с легким ехидством поинтересовался, чем студенты-психологи занимаются. Его ирония объяснялась тем, что все исследования психологов ему казались пустяками, построенными на домыслах. Наша проблема его сразу задела за живое, ибо оказалось, что в свое время Николай Дмитриевич уже пытался раскрыть тайну данного явления. И, начав с ироничной беседы с молодой студенткой об «играх» психологов, он заинтересовался нашей работой, и вскоре фактически стал добровольным научным консультантом, а затем через полтора года уже вполне официально принял участие на защите нашей дипломной работы.

Теоретически наши позиции принципиально расходились, но это не мешало интереснейшему общению. Позже он сказал, что свою позицию не меняет, но наши изыскания его очень привлекают, так как в них много убедительных экспериментов, да и в теории есть некий смысл.

Человек он был обаятельный, добрый, жизнерадостный и ироничный. Любое общение с ним доставляло удовольствие, порой удивляя неожиданными поворотами его мысли или поступков. Однажды мы присутствовали с ним на какой-то очень скучной конференции. Сначала он явно дремал, затем вдруг оживился, вырвал страничку из блокнота, сложил его несколько раз, легкими движениями что-то поотрывал и дал мне. Я с восторгом увидела изумительную собачку, которая могла стоять, а при легком надавливании пальцами шевелить хвостом и поднимать ушки по одному или оба вместе. Отдавая ее мне, улыбнулся:

— «Теперь нам не будет скучно». В этот момент он сделал подчеркнуто умное лицо, изображая серьезнейшего человека, целиком поглощенного докладом. Собачка долго хранилась у нас в альбоме, и время от времени доставая ее, веселили маленькую Наташу.

У Николая Дмитриевича работали не менее прекрасные сотрудники. Пока буду говорить только о тех, которые не имели отношения к моей подработке.

Первый из них — Миша Бонгард. Он тоже когда-то занимался цветовым зрением и поэтому не раз участвовал в наших беседах с Н.Д. Высокий, красивый, умный и веселый, он заполнял собою все помещение, как только появлялся. Потом он надолго исчез, отправившись, кажется, на Памир для восхождения на какую-то знаменитую вершину. Почему его не было долго, сейчас не помню, но хорошо помню, что без него было пусто. Нередко казалось, что за дверью раздается его голос, и вот сейчас он войдет. Много лет спустя с каким-то странным чувством причастности узнала о его поистине мировой известности. Это было не просто приятно, меня затопило гордое чувство: «знай наших!»

Его коллега, Леша Бызов, был полной противоположностью Миши: тихий, тактичный, немногословный. Его присутствие создавало удивительную атмосферу всеобщей доброжелательности. Даже сейчас помню ощущение покоя и нежности, рождавшие у всех вокруг тихие добрые улыбки.

Говорю «Миша» и «Леша» потому, что так я к ним тогда обращалась, хотя их имена уже были известны в ученом мире. Их простота и естественность во всем, их молодость создавали прекрасный фон для общения, и никакой неловкости у меня не возникало. К тому же и я по своей молодости вряд ли воспринимала их как корифеев науки. Надо особо отметить, что для всего коллектива лаборатории было свойственно общение без снобизма, без демонстрации значительности того, чем они занимались. Будни. Но будни, щедро насыщенные искренней увлеченностью настоящим делом. Мне не было известно, над чем тогда они работали, но я не сомневалась, что их исследования шли на передовых рубежах науки.

Беседы в малюсеньком кабинете были захватывающе интересными. По сути, Николай Дмитриевич в какой-то степени стал нашим руководителем. Полноценных встреч с А.Н. Леонтьевым было очень мало. Помимо занятости административными обязанностями на факультете, у него была масса дел в Обществе психологов. Мало этого: он был вице-президентом общества «Франция — СССР», и это было сопряжено и с массой разнообразных мероприятий и частыми отъездами в Париж.

Но и те редкие встречи, которые у нас происходили с ним по вопросам нашего исследования, не были консультациями в обычном студенческом понимании. Он не делал никаких скидок на нашу слабую компетентность в тех сложнейших теоретических проблемах, в которые он нас погружал. Он говорил скорее для себя, просто размышлял в нашем присутствии, и мы порой уходили от него в полном недоумении. Мне было особенно трудно, так как стиль строгого научного анализа не был мне присущ. Моя стихия — эксперимент и реальные факты. Их осмысливать я умела, но рассуждать в отрыве от них в области высоких абстракций мне было весьма сложно. У Володи с присущим ему четким логическим мышлением было меньше проблем, но и он иногда пожимал плечами, не в силах объяснить мне, что Алексей Николаевич имел в виду. Один из таких разговоров о туркменских коврах остался загадкой навсегда. Так и не поняли, какое отношение он имел к проблеме константности цветового зрения или к теории функциональных органов. В логике нашего руководителя «туркменским коврам» отводилась важная роль. Не знаю, чем объяснить то, что Леонтьев не делал никаких скидок на нашу неопытность, неподготовленность в ряде теоретических проблем. Плохо поняв, что он хочет от нас, уходили с пошатнувшимися надеждами на успех исследования. Справедливости ради надо все же сказать, что его теоретические позиции нас покорили, мы верили ему безусловно, и, что греха таить, были чрезвычайно горды его верой в наши возможности. Более того, со временем мы стали его верными последователями, разобравшись, наконец, в теории деятельности, основным автором которой в психологии он был, и чем прославился в мировой науке. Но это было позже, а в начале нашей работы на фоне увлеченности заманчивой проблемой царила некоторая растерянность. Признаться же в этом Леонтьеву мешало многое. Дистанция между нами сохранялась все время, и даже в случаях его особого внимания к нам я, например, смущалась, боясь поверить, что он уважает нас. Лишь перед самой защитой дипломной работы мы поняли, что ошибались. Он сумел ради нас добиться невероятного исключения из правил. Ученый Совет университета разрешил нам защищать одну дипломную работу на двоих. Именно он убедил членов Совета в том, что мы оба достойно проявили себя в работе над ней. А после защиты никто иной, как Алексей Николаевич, представил ее на Ломоносовскую премию, о присуждении которой мы узнали уже на Сахалине, получив денежное вознаграждение. Были и еще свидетельства его оценки работы: он хотел оставить Володю в аспирантуре и весьма огорчился, когда это сорвалось, и мы уехали на Сахалин.

Не совсем по теме данного рассказа: мне хочется вспомнить саму процедуру

защиты дипломной работы. Мало того, что текст был один на двоих, и выходили мы на трибуну по очереди. Я делала основной доклад, а Володя отвечал на вопросы, поскольку его теоретическая подготовка была, несомненно, выше моей. Принять участие в представлении работы мы должны были оба, — скорее, для выполнения формальных требований — показать, что мы, действительно, оба работали над дипломом. И в этом плане основной доклад, хоть и выглядел эффектно (я не могла оставаться в пределах написанного текста, и делала немало отступлений), был менее опасен для меня, чем ответы на вопросы. И единодушно именно эту часть защиты мы отдали Володе.

Необычность защиты была и в другом обстоятельстве. Алексей Николаевич придавал работе принципиальное значение, отведя ей весомое место в доказательстве своих теоретических изысканий. Он был убежден в том, что его гипотеза нашла аргументированное экспериментальными данными подтверждение. Потому позаботился и о соответствующем «антураже». В обсуждении приняли участие ведущие профессора психологии: С.Л. Рубинштейн, П.Я. Гальперин, Е.Н. Соколов, ну, и в качестве официально утвержденного научного консультанта — Н.Д. Нюберг. Дискуссия развернулась мощная. Надо сказать, что Володя проявил себя в ней как весьма незаурядный теоретик. Но, конечно, основные споры пошли между профессурой, да так, что Петр Яковлевич Гальперин в шутку напомнил, что речь все-таки идет о конкретной работе студентов.

Впечатления остались на всю жизнь. Мы, увлеченные азартом исследования, при отъезде на Сахалин, взяли с собой даже светофильтры, которыми пользовались в экспериментах. Наивные, мы думали продолжить исследование нерешенных проблем, но, конечно, ничего не делали, поглощенные буднями работы. Правда, Володя в школе вернулся на исследовательскую тропу, но по иной тематике: искал методы совершенствования преподавания русского языка в русле теории Гальперина. Но именно это привело его позже к отрицанию ее практической и теоретической значимости для внедрения в систематическое школьное обучение.

Однако, пора вернуться в лабораторию. Я говорила о напряженной работе с Алексеем Николаевичем. Так вот, почему-то с профессором Нюбергом нам было проще. Я уже сказала, что он придерживался совершенно другой теории, но к нашему исследованию относился внимательно и даже уважительно. Своими сомнениями наталкивал меня на поиск новых экспериментальных шагов, которые могли бы подтвердить нашу правоту. Кстати, немало помог и в поиске технических условий проведения экспериментов. И при разработке теоретической аргументации сомнения, вопросы и возражения Николая Дмитриевича тоже сыграли заметную роль.

Прочитав эти воспоминания, можно подумать, что я с ним общалась непрерывно. Нет, реально было всего несколько встреч, правда, долгих и основательных.

Думаю, что для формирования моего профессионального лица Николай Дмитриевич сделал немало. В значительной степени он помог мне превратить давние детские уроки моего отца в реальные позиции исследователя. Им обоим я обязана своим за ряд очень важных для профессионала качеств, а ему особенно за терпимость к иному, не совпадающим с моими, точкам зрения, за стремление понять позицию другого человека. Такие качества я видела у всех сотрудников его лаборатории и искренне стремилась к присвоению их, хотя, может быть, не всегда осознанно.

И еще я хорошо усвоила несколько его уроков. Вот, например, первый. Если твоя точка зрения вызывает возражения, то надо постараться сделать все для более четкого ее обоснования. Правда, если говорить откровенно, для ее воплощения в жизнь у меня далеко не всегда хватало смелости и характера. Порой, я не столько дока-

зывала свою правоту, сколько исподтишка упрямо шла своим путем, отыскивая скорее для самой себя необходимые обоснования.

И вот другой совет. Если то, что для тебя принципиально важно и интересно, не привлекает других, значит, делай «в свое удовольствие, а не для других». Этот его совет был очень близок мне, и его я, пожалуй, приняла и не раз воплотила в жизнь.

Подводя итог сказанному, считаю, что в лаборатории биофизики зрения я имела, так сказать, индивидуальные дополнительные уроки, весьма полезные для становления моего характера и отношения к любой, не только научной, работе. Конечно, настоящей школой был Московский университет с его тогдашними традициями фундаментальной науки и высоких требований к студентам. Несомненно, счастьем для меня была совместная учеба и работа с Володией, обладавшим бескомпромиссной требовательностью к теоретической и логической завершенности знаний и исследований, на них опирающихся. Это было, если можно так выразиться, специально организованное формирование меня как специалиста. А в лаборатории было скорее неформальное влияние, незаметное, неосознаваемое, идущее через слои эмоционального отклика. Так влияют на человека факторы, относящиеся к категориям: улица, друзья, герои, авторитеты.

А теперь, — невольно волнуюсь, хотя прошли десятки лет с тех пор, — о главном, то есть о самой работе в этой лаборатории, той, которую я в начале рассказа назвала несколько неуважительно «подработкой». Да что я лукавлю, — речь пойдет не о работе, а о романтике работы с Альфредом Лукьяновичем Ярбусом.

К нему меня направил однокурсник Женя Богданов, который пытался туда устроиться с целью пополнения своего скудного бюджета. Но его не взяли. Как, впрочем, не прошел «тестирование» и Володя. Альфред Лукьянович не вредничал, отказывая им, просто по чисто физическим параметрам не годились их глаза. У Жени они были глубоковато посажены, а Володя во время подготовки глаз к эксперименту напряженно зажимал веки. Это являлось безусловной помехой. Дело в том, что главной целью исследования было развернутое наблюдение движений глаз во время восприятия предметов. Для регистрации движений глаз использовалась специальная присоска с зеркальцем. Перед установкой присоски в глаз закапывали для обезболивания дикаин, после этого веки закреплялись лейкопластырем, чтобы исключить моргание. Затем на открытую поверхность глазного яблока ставилась присоска. Присоска находилась сбоку от роговицы или прямо на ней, в зависимости от задач исследования. Испытуемому надо было смотреть на находящийся перед ним экран с изображением разных предметов. В одних случаях пристально смотреть в одну точку. В других случаях требовалось тщательно разглядывать детали изображения. Глаз, независимо от намерений человека, совершал сложные движения в обоих заданиях. Характер этих движений оказался различным, и описание этих различий позволило Альфреду Лукьяновичу впервые в науке раскрыть немало поразительных особенностей зрительного восприятия.

Эксперименты находились под контролем глазного института имени Гельмгольца и считались безопасными для зрения. Но это не означало, что они были легкими для испытуемого. Одна проба длилась не более полутора минут, а за день их могло быть не более шести, так как из-за деформации глазного яблока после проведенного эксперимента некоторое время нарушалась четкость видения. Мир в поле зрения становился искривленным, и ориентироваться было сложно, особенно на улице. Конечно, Альфред Лукьянович меня в таких случаях задерживал на некоторое время, строго контролируя наличие неровностей на поверхности глазного яблока. Иногда я торопилась и пыталась схитрить. Провести его удавалось редко. Но я хитрила редко, ибо

такие минуты вынужденной задержки проходили в беседах «на вольные темы»

Я работала у него до окончания университета. Отчасти этому способствовал заработок: от 300 до 900 рублей в месяц. Сравним со стипендией: обычная была меньше 300, а так как мы с Володией были отличниками, то получали повышенную стипендию в размере 500 рублей на старших курсах. Однако всех наших проблем даже повышенная

стипендия не решала, особенно после рождения Тони на четвертом курсе. Понемногу помогали родители, но из долгов мы не вылезали вплоть до окончания учебы. Все это я говорю к тому, что был мотив для поступления в лабораторию, отчасти и потом он сохранял свою силу. Но вскоре он сменился трепетным отношением к исследованию, дополненному сердечной привязанностью к Ярбусу... Нет, не так — к «Зверычу», как его прозвал Володя после своего знакомства с его методикой исследования движений глаз.

Альфред Лукьянович был, как он сам любил говорить при случае, «хитрый и умный польский еврей» со всеми типичными внешними особенностями. Невысокий, округлый, хоть совсем не толстый, а именно — округлый, плотный, лысоватый, а еще точнее — почти лысый. На первый взгляд, вроде ничем не примечательная внешность. Но какого обаяния человек! Чем именно он покорял, и сказать сложно. Скорее всего, это были те качества, которые проявляются у настоящих интеллигентов, когда человек разносторонне образован и прекрасно воспитан, доброжелателен, тактичен, ко всему и всем внимателен, умеет понять, услышать и, в то же время, занять свою позицию в любом вопросе. Так, по крайней мере, мне казалось. Со временем я поняла, что он так же интеллигентно умеет и скрыть свое мнение, уходя от ненужных конфликтов.

Общались мы с ним в основном во время проведения экспериментов, и лишь считанные минуты сверх этого. Но поскольку эксперименты проходили с паузами по вышеуказанным причинам, мы успевали о многом поговорить. И опять-таки показательно: тем для разговоров было много. Все, что успевали обговорить, оставляло большое впечатление. Я ждала каждого рабочего дня. Иногда эксперименты шли ежедневно, иногда раз или два в неделю. Сказать, что ждала с трепетом, — это не так, ибо какого-то особого волнения не было. А была спокойная, но глубокая радость ожи-

дания — та самая, какая бывает в любимом деле. Кроме того, во мне жило ощущение важности моего участия в его работе. Как-то он сказал, что я у него самый надежный испытуемый (нас было несколько человек). Потому, естественно, я не пропускала работу без чрезвычайных причин.

Постепенно мы узнали друг о друге многое, и, несмотря на большую разницу в возрасте, почувствовали себя друзьями. Наверняка для меня он, конечно, значил куда больше, чем я для него. Мне было лестно, что он очень ценил мои качества как испытуемой, доверяя моим показаниям и комментариям больше, чем другим. Иногда даже переделывал всю схему эксперимента или его трактовку.

Кстати, когда мы уезжали на Сахалин, Альфред Лукьянович взял с меня слово, что я непременно напишу, как мы там устроились. Вышло забавно. Я написала, живописно рассказав о пышной растительности острова, в частности, о том, как длинные плети травы стоят выше крыши нашего домишки. Альфред Лукьянович в ответ тут же прислал нам кварцевую лампу. В письме к ней пояснил, что я зря радуюсь, ибо такие размеры обычных растений означают острый дефицит ультрафиолета, и я должна непременно облучать этой лампой маленьких дочек. По дороге лампа разбилась. Я поблагодарила его за заботу, сообщив о невезении. Он прислал вторую. Ее я отдала в детский сад, куда к этому времени стали ходить мои девочки.

Однако вернусь снова в лабораторию. В работе Зверыча покоряли кропотливость, тщательность, педантизм и бесконечное терпение. Увидеть такую «кухню» исследования — большое везение. Он делился результатами, радовался случаям подтверждения своих гипотез. При несовпадении фактических данных с ожидаемыми упорно отыскивал, в чем причина — в методике, гипотезах или в особенностях свойств изучаемого явления, не поддающихся ему. В этих случаях он становился молчалив, и обсуждать мог только сиюминутные обстоятельства эксперимента.

Если все проходило гладко, то наши паузы заполнялись массой интересных тем. В частности, он хорошо разбирался в искусстве, особенно в живописи, и нередко говорил, что, как только закончит этот цикл исследований, бросит все и займется эстетикой. Кончался цикл экспериментов, обрабатывались результаты, писалась статья и... «Знаете, Галя, — говорил он тогда, — я вот, когда описал это, понял, что главное где-то прячется от меня. Я думаю, что надо попробовать еще вот это...» И шел рассказ о новой схеме эксперимента, новой методике, планах и задачах.

Однажды я застала его за оформлением стенгазеты по случаю какого-то приближающегося праздника. В те времена такие газеты были непременным атрибутом любого учреждения. И не газета меня удивила, а ее качество. Подойдя поближе, я пришла в восторг: Альфред Лукьянович со смехом махнул рукой, назвав это «мазней», и стал рассказывать о своей дочери, которая посещала художественную школу.

С психологической точки зрения его рассказ представлял для меня особый интерес. В нем было немало деталей, раскрывающих глубинные свойства его личности. Взять хотя бы ее имя. Я его восприняла сквозь призму романтики классической литературы. Его дочь носила необычное для нас имя — Франческа. В ответ на мое радостное удивление он сказал: «Не забывайте, я поляк. Но вы правы, дело не только в этом, а и в моем неравнодушии к искусству. Ведь была Франческа да Римини в литературе и музыке. Я, в частности, очень люблю Чайковского. Правда, дома мы дочку зовем по-детски коротко: просто Ляля».

Еще до ее рождения он мечтал, чтобы его ребенок вырос художником, и во имя этой мечты начал свою подготовку. Первое его, между прочим, интуитивно правильное дело — введение произведений живописи через восприятие произведений искусства глазами жены, ждущей ребенка. Он развесил в комнате несколько хороших

репродукций, чтобы жена смотрела на них; водил ее в музеи. Со временем ее энтузиазм угас, но не из-за отсутствия интереса, а от физической усталости при хождении по залам. Альфред Лукьянович это понимал, но считал, что можно и потерпеть ради «великой цели». Родилась дочь, и он, в буквальном смысле с пеленок, взялся за ее эстетическое воспитание. Ляле не было и года, когда, посадив ее на руки, увез из города на дачу. Проводил с ней долгие часы в лесу среди деревьев или на полянке. Тщательно выбирал красивые места для прогулок. Сажал малютку на полянке, на опушке леса или возле клумбы, на одеяльце сыпал листья или цветы, раскладывая их разнообразным рисунком. Радовался, видя ее восторг. Вскоре с удовлетворением заметил, что и без его специальных мер она сама может подолгу играть цветами или листиками, стараясь сложить из них узор. Ей нравились затеваемые отцом игры. Это были необычные, если взглянуть со стороны, занятия. Они, например, меняли фон у какого-нибудь предмета, перекладывая его с места на место, при этом стимулировал проявление ее впечатления. Если понравится, они вдвоем хлопали в ладоши. Девочка стремилась ему подражать и тоже перекладывала предметы на иные места. Если Ляля делала хороший выбор, отец громко хлопал, если похуже, — хлопал тихонько. Если ему не нравилось, он гудел. Ответом ему был радостный смех. Вскоре и она на его варианты стала реагировать вполне определенно, давая ему понять, что ей нравится, а что — нет. Была и такая игра. Посреди положенного на траву полотенца, как бы в центр «картины», клал любимую игрушку или ставил вазу с цветами, а вокруг раскладывал мелкие игрушки, листья, цветы, шишки. Потом картинка менялась, и отец очень одобрял любые попытки дочки сделать свои изменения. Конечно, при этом было много хаотичного, случайного, и он, то, смеясь, сметал все в кучу, то вносил свои поправки, похваливая обоих. Все игры сопровождались веселыми разговорами на тему, что мы сейчас сделаем, как будем потом радоваться или смеяться над нашей картиной. И так же обсуждалось, почему нам нравится или не нравится то, что получилось. Конечно, это были доступные для крохи слова и действия, а сами игры проводились тогда и столько времени, когда он видел ее интерес.

Рассказывая, Альфред Лукьянович особо подчеркивал, что с самого начала понимал: мечтая, чтобы она росла художником, он не мог и не должен был учить ее рисовать, когда она подрастет. Свою задачу для себя обозначил так: научить ее уметь видеть и радоваться гармонии и красоте мира. И эту работу надо начинать с первых же месяцев ее жизни, меняя ее формы и содержание по мере ее взросления и эмоционального отношения.

К этому времени, когда он рассказал мне о дочке, Франческа уже имела признание в своей школе. Он с гордостью говорил, что хвалят ее в первую очередь за композицию. И, хитро посмеиваясь, сказал:

— Не буду изображать скромность, признаю мою вину.

Через несколько лет, приехав в отпуск с Сахалина, я нашла Альфреда Лукьяновича в ином месте, так как институт переехал. Мы не могли наговориться, оба соскучились. Столько произошло событий! Как и в прежние годы, было интересно все. Конечно, я спросила о судьбе Франчески. Дочь с успехом закончила институт, у нее было несколько выставок, в том числе и в Италии, и везде особенно ценили ее композицию. Она — мультипликатор, сделала несколько замечательных фильмов. Замужем за Юрием Норштейном, который уже получил признание как талантливый режиссер мультипликатор. Они весьма успешно работают вместе.

Надо ли говорить, с каким волнением я после этого встречаю эти два имени — Франческа Ярбусова и Юрий Норштейн. Смешно, но мне они будто лично знакомы.

В те давние годы, когда я приходила на эксперименты, бывали у нас беседы и

на политические темы. Тогда это, конечно, было небезопасно. Думаю, что в стенах этой лаборатории особенно опасаться было некого. Хотя сейчас вспомнила: если поблизости была их лаборантка, Альфред Лукьянович резко замолкал, меняя тему, делая при этом предостерегающие движения глазами в сторону тоненькой перегородки.

Как-то раз зашла речь о политике партии относительно интеллигенции. Он с горечью говорил, что совершена непоправимая ошибка, когда ей отвели роль «прослойки» между рабочим классом и крестьянством. Он горячо отстаивал позицию, что именно интеллигенция является интеллектуальным и нравственным потенциалом общества, и ее активность несет ничем не заменяемую силу как двигатель развития. Как он был прав! Тогда мне, твердо усвоившей формулировки официальной доктрины партии, трудно было принять его логику, хотя его доводы привлекали. В памяти осталось его предупреждение: мы еще наткнемся на тяжелейшие последствия этой теории и соответствующей политики. Его слова были сказаны за несколько лет до того, как созрели условия для серьезного анализа нашей истории и ее открытого обсуждения.

Около 3-х лет я проработала в этой лаборатории. Мы с Володией сделали курсовую и дипломную работы не без их помощи не только в прямом смысле, но и под влиянием всей атмосферы. Счастливое время. Счастливая работа. Светлые воспоминания обо всем и обо всех.

В уже упомянутый приезд с Сахалина Альфред Лукьянович подарил мне свою монографию. Подписывая ее почти официальными словами, хитро мне подмигнул: «Все ласковые слова прячу за каждую букву. Из всех психологов я люблю только Вас, а тем более уважать, кроме Вас, мне больше некого».

Потом объяснил причину таких слов. После нашего отъезда через некоторое время к нему приходили с факультета психологии за помощью в организации исследований с применением его методики регистрации движений глаз. Он помог и советом, и детальными консультациями, познакомил с технологией изготовления присосок, даже сам сделал специально для них несколько штук и подарил им. А они даже не упомянули его имя в своих публикациях о проведенных по его методике исследованиях.

Слушать это было грустно и стыдно, будто тут есть моя часть вины. Психологов, о которых он говорил, я знала хорошо и относилась к ним с симпатией и уважением. Трудно представить, чем оправдать такой поступок. Впрочем, на факультете такое случалось и раньше. Помню, сильно обидели нашу однокурсницу и подругу Риту. Она перевела массу иностранных работ, а ее реферат отдали другому, и он на основе этих материалов опубликовал свою статью, не упомянув ее имени. Рита пошла за объяснениями и получила обескураживающий ответ: такова была производственная необходимость, и ее возмущение отвергли, поскольку за свою работу она получала зарплату.

В следующий мой приезд я уже не застала Альфреда Лукьяновича в живых. Плакала, горюя искренне, но слез никому не показывала, хотя Володе это было бы понятно. Он тоже очень огорчился, узнав о смерти Зверыча, и все же... Всю гамму чувств, из которых складывалось мое отношение к Альфреду Лукьяновичу, не объяснить. Обсудить это я хотела бы только с Франческой. Между прочим, я даже как-то через много лет написала ей письмо, желая поделиться с ней тем, каким был для меня ее отец. Но письмо я так и не отправила. Возможно, напрасно.

Мой «сельский» труд

Когда-то на меня произвело впечатление высказывание, что рай и ад — не где-то там, а у каждого в душе. Сегодня вспомнила это потому, что сейчас я в раю.

Сию в деревне под навесом. Вытянула уставшие ноги, они сладко ноют после

нескольких часов работы в огороде и саду. Руки лежат так, будто их не придется поднимать. Душевная благодать, вот и все. Глаза... ах, это особенно прекрасное состояние! Они не просто смотрят, а дышат всем, что вокруг — зеленью деревьев, причудливой неряшливостью каких-то трав, растущих под деревьями; нежной голубизной неба, приглушенного ажурной тканью легких облаков. Столь же прекрасны и неповторимы звуки: вот где-то недалеко родился ветерок, поиграл листьями, потом усилился, и, зашумев вершинами деревьев, улетел куда-то. По пути перекинулся репликой с птичкой, молчавшей до этого момента. В соседнем дворе о чем-то своим задумчиво прокукарекал петух. Ему коротко ответил другой петушок, и опять все стихло.

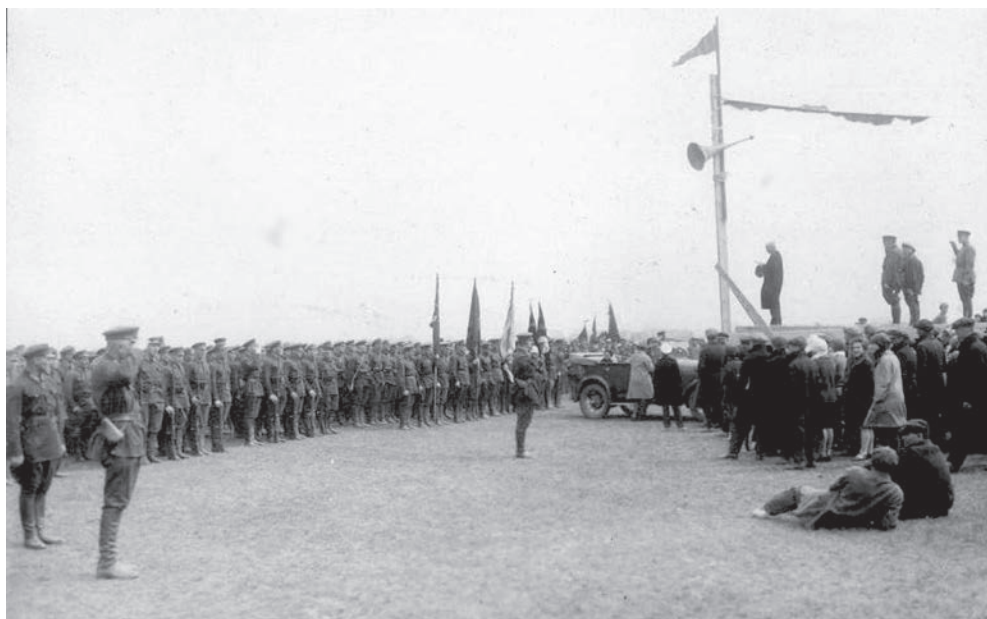
Вокруг меня замечательный хоровод из пеньков различной величины, хаотично обступивших кирпичную кладку для костра. Рядом стоит раскоряка — «козел» для распиливания дров, полусгнивший и кривой. С обеих сторон невысокие кучи веток. Старая, никому не нужная калитка грустно прислонилась к покосившемуся забору.

Боже мой, сколько тут валяется прекрасного в своей ненужности и безусловной гармоничности! Все это, если сказать совсем банально, дышит таким покоем и счастьем, что мои ощущения можно передать только так, как я сказала в начале: я в раю. Ощущение это усиливается тем, что никуда не нужно идти, можно ничего не делать, — я никому ничего не должна. Можно просто сидеть, слушать, смотреть и дышать.

И вот от этого «ничегонеделанья» в один из прекрасных блаженных дней и стали вспоминаться мои «труды» на земле. В них немало занятого.

* * *

Насколько помню, первый опыт был летом 1943 года. Война, жилось всем туго. Начальство нашего училища всем семьям офицеров выделило за аэродромом небольшие участки земли под огороды. Мама деловито организовала наш труд. Не помню, кто вскапывал эту «целину», но что-то мы посадили. Потом в эту даль я носила из дома ведра, чтобы это «что-то» поливать. Воду набирала у водонапорной башни, находив-

шейся поблизости от общего массива огородов, но далеко от нашего участка. Я была еще сравнительно маленькой — всего 11 лет, поэтому носить воду было тяжело. Да еще надо учесть, что летом в Саратовской области всегда стояла невыносимая жара. Легко понять, что я воду экономила, плеская под каждое растение по кружке вместо положенных двух-трех литров. Благо, мама навещала в эти края изредка. Зато, когда приходила, удивлялась, почему у нас самые хилые растения по сравнению с соседскими. Никакого урожая, кроме тоненьких морковок, картошки размером с грецкий орех и нескольких арбузов чуть больше апельсина, мы не увидели.

На следующий год нам достался участок недалеко от дома, за сараями. На нем мы посадили огурцы и помидоры. Но и здесь мне приходилось издалека приносить воду, хотя колонка находилась ближе, чем водонапорная башня в прошлом году. Зато была иная проблема. Возле нее нередко стояла очередь, и для того, чтобы быстрее освободиться, я частенько бегала за водой домой, на третий этаж, обходя сарай и часть огородов. Естественно, воду я опять экономила, поливала явно недостаточно, и у нас снова ничего толком не выросло, вновь вызывая огорчение и недоумение мамы. Думаю, что, кроме моей недобросовестности, повлияло еще и неумение обрабатывать землю и ухаживать за посаженными растениями. Сама мама к этому делу почти не имела никакого отношения, кроме руководства на расстоянии и «инспекции». Все доверила мне, и в этом была ее ошибка. Халтурщицей я вроде не была, но и настоящей добросовестности было маловато. Все-таки подросток.

Как во мне уживалось стремление подражать Тимуре, Ваську Трубочеву и другим героям с некоторой небрежностью в выполнении домашних дел, объяснить сложно. Наверно, потому, что эти обязанности мерили иными мерками, — так, дескать, пустяки, личное. Даже подумать не могли поставить личное на одну доску с общественным.

Вот один такой пример.

Осенью 1944 года жен офицеров мобилизовали на уборку картофеля. Мама, узнав, что поехать может любой член семьи, отправила меня. Таким же образом там оказалась моя лучшая подруга Инна.

Ехали мы с ней полные пионерского энтузиазма, который сопровождал нас весь рабочий день. Нам выделили участок, находившийся в отдалении от мест работы взрослых, но это нас не смущало. Мы не сомневались, что сумеем справиться без контроля и помощи. Копали мы без передышки, стремясь не только выполнить, но и перевыполнить норму. При этом, как и положено истинным пионеркам, тщательно выбирали картофель до тех пор, пока не убеждались, что под выкопанным кустом не осталось ни одной, даже крохотной картофелинки. В конце дня мы, переполненные восторженным ожиданием, нетерпеливо поглядывали на тропу, откуда должны были прийти для измерения обработанной нами площади.

Нам не удалось скрыть слезы от огорчения, когда оказалось, что в результате наших, как мы считали, героических усилий мы вдвоем (!) выполнили меньше одной нормы. То ли мы были еще малы и слабосильны, то ли слишком тщательно рылись в ямках под каждым кустом. Не знаю. Скорее всего, сработали оба фактора. Помню, огорчение от неудачи долго жило в наших сердцах. Это было настоящее дело, не какой-то там личный огородик, и мы старались до изнеможения. Папа пытался утешить, и немного успокоил один его аргумент: главное, что мы работали честно, и то, что мы сумели сделать, очень важно. Спросил, сколько мы выкопали, и прикинул, сколько курсантов этим можно накормить. Думаю, он немного слукавил и преувеличил наш вклад, но его педагогический прием сработал. В школе мы рассказывали, как нам было трудно, и все-таки мы работали до конца дня. Покраснели от смущения, когда наша

учительница похвалила нас и подчеркнула, что благодаря нашему труду немало летчиков получают сытный обед. Наши товарищи немного позавидовали и просили, чтобы их тоже взяли на уборку картофеля.

Что там говорить: мы только в пятый класс перешли, и на самом деле наш труд взрослые еще в реальные планы не включали. На следующий год завидовали до слез тем, кто перешел в седьмой: их посылали в настоящий колхоз на прополку или другие летние работы. Мы хорошо усвоили, что труд — это почетно, это дело доблести.

* * *

Следующее «общение» с землей состоялось через несколько лет, когда я училась в Саратовском университете. Нас послали сажать деревья и кусты на знаменитые для тех лет лесополосы. Это была мощная кампания озеленения «лысых» степей Заволжья. Уверена, что наши руководители отчитались за блестяще проделанную работу. Помню, было очень жарко, ветрено, но весело, как и положено студентам.

Такого же рода был труд чуть позже в Москве. Наш факультет послали сажать деревья на Ленинских горах, где шло строительство нового здания Московского Университета. Наши деревья успешно растут на Университетском проспекте. От той работы в памяти остался все тот же веселый энтузиазм, смешанный с чувством восторга и гордости от осознания нашего участия в этом грандиозном проекте. Строительство шло к концу, и мы планировали свое переселение на Ленинские горы. На деле все вышло иначе: лишь немногим дали там комнаты на пятом курсе. Если бы мы это знали тогда, наш энтузиазм не стал бы меньше, ибо тогда молодые охотно включались в дела на пользу Родине, мало рассчитывая свою выгоду.

Сейчас уже кажется, что Ленинские горы с их постройками стоят века, но мы-то были свидетелями, как начиналась эта стройка. Много раз потом, бывая в этих местах, я вспоминаю, как выглядел этот район тогда: где-то стоят гигантские краны, ездят по грязи грузовики. Совсем рядом с местом, где мы сажали деревья, земля была сплошь покрыта высоким бурьяном, а невдалеке паслись козы. И во все стороны раскинулся необъятный и удивительный по красоте простор над рекой. За ней далеко внизу простираются до самого горизонта улицы любимой Москвы. Это похоже на сказку, на волшебное чудо. Конечно, стоя над обрывом, мы во весь голос распевали песни о Москве, отыскивали знакомые места, ориентируясь по гордо выделявшемуся на этом фоне Кремлю. Наш восторг был глубок и искренен.

* * *

Уже на следующий год мой трудовой сельскохозяйственный опыт обогатился: я попала в Майкоп к родителям Володи. У них был потрясающе огромный и образцово-ухоженный сад-огород. Такой красоты, обилия разнообразных огородных и садовых культур мне до сих пор не довелось видеть. Айва, алыча, абрикосы, виноград, —

даже слова эти были для меня экзотикой. Многие годы мы приезжали туда, и каждый раз я с превеликим удовольствием работала на участке.

Впрочем, было одно «но»: мама поручала мне выдергивать крапиву. Это поручение я ждала с замиранием сердца, каждый раз надеясь, что «эта чаша минует меня». Я нисколько не обижалась на нее, прекрасно понимая, что работу эту делать необходимо, а на самом огороде мне немного можно было доверить: и знаний и опыта маловато, да и мамины критерии качества работы были высочайшими. Сама она работала так, что земля в прямом смысле становилась пушистой, и не оставалось ни одной лишней травинки.

Отец доверял мне больше. Его заботы были направлены на виноград, насчиты-

вавший в лучшие времена до 900 кустов самых разнообразных сортов, отличавшихся по срокам созревания, цвету, форме ягод и кистей. Он с удовольствием объяснял и показывал все эти отличия и учил способам сезонной обработке. Вскоре поручил мне и самостоятельную операцию — пасынкование, то есть обламывание молодых побегов. Прошло немного времени, и я чуть ли не с закрытыми глазами могла отличить один сорт от другого. Я знала те кусты, на которых раньше созревал виноград, и нередко ночью вылезала через окно, чтобы не помешать спавшим родителям. При лунном свете легко находила созревшие кисти и возвращалась тем же путем. И отцу, и Володе эти мои вылазки доставляли явное удовольствие.

О моем ощущении блаженства и счастья говорить не приходится. Вылезешь в окно и попадешь в сказку. Напротив окна яблони и кусты фундука; слева плантация винограда, а дальше клубника, снова фруктовые деревья, и все залито волшебным лунным светом. Он и сам по себе способен вызывать восторженное чувство, а в таком саду тем более. Не надо забывать, что выросла я в военном городке, да еще к тому же в бедном Заволжье, а часть детских лет пришлось на военную пору. Даже сал моего деда в Ашхабаде не мог соперничать с этим фруктовым праздником изобилия.

* * *

Был у меня забавный огородный опыт на Сахалине. Возле дома на клочке около 20 квадратных метров я попыталась вырастить огурцы, что само по себе было большим риском: солнца мало, ночами холодно, а по утрам густой туман.

Семена посадила по разрекламированной технологии в торфо-перегнойные горшочки и ежедневно заносила их на ночь с улицы домой, пока не появилось на каждом ростке несколько листиков. Потом согласно сахалинским традициям, на грядках вырыла ямки, заполнила их навозом в смеси с торфом и перегноем и высадила росточки. На ночь накрывала их стеклом до тех пор, пока не вытянулись плети. Этот метод принят на острове из-за частых туманов по утрам, которые буквально сжирали нежные ростки. Благо, поливать было легко: рядом с домом бежал ручей, да и без дождей не скучали.

Легко представить наш восторг, когда появились первые нежно-зеленые огурчики, а в конечном итоге я собрала три ведра огурцов! Красивых, тугих, колюченьких — вкуснейших!

Впрочем, скажу без ложной скромности, что позже у меня был уникальный вариант сельских работ. В этот период я вела в средней школе уроки истории, но в связи с уходом в отпуск учительницы биологии мне поручили вести летом сельхозпрактику на школьном участке.

Начинать пришлось с «нуля». Под торжественным названием «школьный опытный участок» в моем распоряжении оказался пустырь возле школы, заросший бурьяном и сплошь покрытый камнями. Не было ни сельхозорудий, ни семян. Нет, все-таки надо быть справедливой: завхоз выделил лопату с пожарного щита, но она оказалась сделана из мягкого железа. Пришлось организовать приобретение лопат,

грабель, тяпок, ведер и леек, купить семена, а главное — обзавестись литературой. Мой «опыт» в области выращивания культур я уже описала раньше.

За работу взялась, как всегда, с энтузиазмом. Раз участок опытный, значит и работа должна быть соответствующей. Посадили и посеяли мы с моими подопечными массу разных растений, включая пшеницу, овес и даже лен. Дети работали, не считаясь с расписанием. Бывали даже ссоры из-за того, чья очередь рыхлить, полоть, поливать и подкармливать. Мне не приходилось напоминать вести дневники с наблюдениями за ростом и созреванием посаженных культур. Все это они делали с удовольствием.

Наш труд был вознагражден. В середине лета появились ягоды клубники, и мы с восторгом увидели: собирались созреть! Радость радостью, но на созревание нужно время, а это значило, что у нас возникла немалая проблема: ягоды надо было спасать от набегов болтающихся по улицам мальчишек-балбесов. Я не имею в виду мальчишек, которые принимали участие в наших работах. Разговор шел о настоящих хулиганистых подростках. Во главе этой шпаны стоял знаменитый в школе мальчишка с кличкой Чапа. Это был маленький, юркий и вредный человечек. Наш участок с самого начала наших работ притягивал его. Он постоянно крутился вокруг со своей верной командой, угрожал все вырвать и вытоптать. В глубине души я правильно оценивала свое бессилие в борьбе с ним и его не отгоняла. Мне показалось, что в его глазах таится интерес ко всем нашим манипуляциям.

Однажды он, бегая по участку, увидел белеющие ягоды клубники и замер возле грядки. Я подошла. Встала рядом и, удивляясь самой себе, сказала, что ягоды кто-то может оборвать, а мы собираемся устроить для всех школьников, никуда не уехавших на лето, пир. Спасти эти ягоды может только он со своей командой. И что же? Почти как в кино тех лет, Чапа организовал охрану, заставив своих сорванцов дежурить, как говорится, от зари до зари. В частности, они очень старательно носили навоз и воду. Им не приходило в голову, что охрана была нужна именно от них, и бдительность их была почти карикатурной. Зато искренне верили, что, если бы не их мужественный труд, не видать нам клубники, как и многого другого.

А пир был, и не один. Первый раз после созревания клубники организовали чай, доверив Чапе пригласить кого-то из не работавших у нас ребят. Клубники было, конечно, маловато, но зато печенья и конфет хватило всем (купленных, естественно, на мои деньги). Первого сентября, когда директор школы похвалил нас за работу на пришкольном участке, именно Чапа выкрикнул, что наш участок лучший во всей области. Мы с ним были согласны. Устроили второй пир. В те классы, где была практика, раздали овощи, дети приготовили из них нехитрые блюда, красиво оформили классы цветами и колосьями, выросшими на участке, и весело отпраздновали начало учебного года.

Дети очень гордились своими угощениями, бегали по школе с серьезной озабоченностью, приносили из дома скатерти, посуду, вазочки. Был для них еще один источник гордости: выставка в спортивном зале выращенных нами растений. Восторгов было много, особенно по поводу нашей свеклы. Это и в самом деле было нечто уникальное: многие из экземпляров имели размер больше человеческой головы, и это при том, что считалось невозможным вырастить на Сахалине свеклу. Нам удалось, опираясь на рекомендации, почерпнутые в моих пособиях. Большую часть выращенной нами свеклы у нас купил ресторан. Директор ресторана прислал за ней подводу, которую загрузили доверху. За эту свеклу школе заплатили, и дети решили подарить эти средства в пионерскую комнату. Посовещавшись по поводу подарка, отправили делегацию в соседний город, районный центр, и привезли оттуда горн, барабан и флажки.

Осенью в Южно-Сахалинске была выставка даров со школьных участков. Мы из своего Горнозаводска послали туда образцы своего урожая и фотографии. Но, к со-

жалению, нас не допустили к конкурсу, выразив нам искреннее сочувствие. Оказалось, что мы не в срок подали заявку на конкурс и не учли какие-то формальные требования, в частности, по площади опытных грядок. Я старалась утешить детей тем, что на следующее лето ими будет руководить учитель-биолог, которая знает эти требования, и тогда школа примет участие в конкурсе. Кто-то из моих детей в ответ на это уныло заметил: «Ага! Если только будет выставка сорняков с пустырей!» К сожалению, они оказались правы: участок уже на следующее лето снова зарос бурьяном. Благо, для его роста влажный климат создавал идеальные условия. Я ничем не могла помочь: даже если бы не уехала в то лето, я не имела права вмешиваться в работу специалиста.

* * *

Таких «героических» подвигов в сельском хозяйстве больше у меня не было. Но кое-что несколько иного плана можно присоединить к данной теме из последующей жизни в Харькове. Правда, это больше подошло бы к рубрике: «Мое участие в общественно- (бес)полезной деятельности».

Университет в те времена, как, впрочем, и все другие учреждения, каждую осень направлял в колхоз студентов и педагогов. Самая настоящая, как шутили в те годы, «Артель напрасный труд».

Наши студенты впервые после открытия отделения психологии поехали в конце сентября. Холод «собачий», а их поселили в дырявом, продуваемом насквозь, сарае. Расположились по принципу: «мальчики — на левой стороне, девочки — на правой». Но, конечно, замерзая ночью, они перебирались друг к другу под бочок в надежде согреться. (Между прочим, никаких нравственных проблем не возникало, что сейчас даже представить трудно). Днем собирали помидоры, за которыми приезжали машины. Ребята загружали в кузова ящики. Вскоре выяснилось, что за эту работу им засчитали лишь частично, так как, оказалось, что большая часть ящиков ушла «налево». Ребята были возмущены: ведь забирали все ящики люди из нашего колхоза. Пришлось объясняться в правлении колхоза и в нашей администрации. Денег мы так и не получили, но, по крайней мере, перед нами извинились, обещая разобраться. А вот этому никто из нас не поверил: уж очень спокойно и привычно совершались все операции по «приему» урожая.

Немного отвлекусь. Вспомнила рассказ сестры, как их однажды в Воронеже возили в колхоз на один день для уборки мака. Тогда его еще сеяли, и предполагалось, что это ради использования на кондитерские цели. На самом деле было уже известно иное назначение, но только не наивным интеллигентам. Никто из сотрудников института не придавал значения тому, что еще в пути какой-то чиновник, отвечавший за мероприятие, строго-настрого запретил брать мак для себя. Предупреждал, но, скорее всего, пугали, что приезжают из Обкома партии с проверками. И, дескать, если найдут у кого-то в сумках хоть немного мака, то к нарушителям будут приняты строгие меры. Выслушали с показной серьезностью, посмеиваясь меж собой: «Тайная операция «Мак» под контролем высших партийных органов». Посмеиваясь, не догадывались, что волновались наши начальники вовсе не из-за зерен мака. Никто не возражал: не брать, так не брать. Мак есть в каждом магазине, и цена ему — копейки.

На двух автобусах сотрудников везли довольно долго. Огромное поле оказалось далеко от города. Выгрузили. И тут обнаружили, что сотрудники, ответственные за уборку, не взяли мешки для упаковки коробочек мака. Автобусы, развернувшись,

уехали, с ними отправился и кто-то из руководителей; пообещали вскоре привезти тару. Сотрудники научно-исследовательского института в ожидании тары разбрелись по полю. Кто-то решил попробовать мак, и некоторые вслед за ним тоже стали есть мак, высыпая его из коробочек в рот. Коробочки бросали на землю. Кто-то сказал, что, если настоять коробочки в кипятке или водке, этим настоем хорошо снимать зубную боль. Рецепт вызвал интерес, и многие взяли по несколько коробочек, оправдываясь друг перед другом, — что это на медицинские цели. Дескать, особого криминала в этом нет, — подумаешь, несколько штук всего-то. Вряд ли проверяющие будут возражать.

Вскоре вынужденное безделье надоело. Наиболее предприимчивые решили собирать мак в свои сумки, придумав объяснение для начальников, которые будут проверять сумки. Дескать, собирали в свои сумки для того, чтобы, не теряя времени на ожидание обещанной тары, начать заготовку. Те, у кого не нашлось подходящих сумок, сыпали в газетные пакеты, а то и просто в карманы.

Время шло, и появилось ощущение, что машин ждать придется долго, и мак может так и остаться у них. Тогда решили, что выгоднее собирать мак без коробочек (не имели в виду иной цели, кроме пирогов). Но разламывать каждую коробочку — дело долгое, и для ускорения процесса (а вдруг вот-вот приедут машины с мешками) один из сотрудников решил усовершенствовать работу. Собрал маковые коробочки в сумку из плотной ткани, завязал ее, бросил на землю и под хохот товарищей стал по ней прыгать. Способ известный. Разбитые таким образом головки выбросил, а мак высыпал себе. Всем понравилось, и вскоре набили маком все, что только нашлось подходящего. Но и это надоело, так как много ли надо на пироги с маком? Иной корысти никто не искал.

Машин не было. Высказали предложение добираться самостоятельно, и после долгих часов ожидания гуськом двинулись в сторону города. Минут через 20 увидели рейсовый автобус, который подобрал всех и отвез в город. Им так и не объяснили, что же все-таки случилось, почему не привезли мешки и не приехали за сотрудниками. Еще долго в отделах института обсуждали бессмысленность мероприятия, завершившегося срывом работы в институте безо всякой пользы.

А вот подобная картинка из истории наших харьковских «Артелей». Привезли в выходной 400 преподавателей из Университета убирать морковь. Высадили в поле, приехал трактор. По нашему «непрофессиональному» мнению, трактор должен ехать по междурядью, выкапывая морковь. Ничуть не бывало, — тракторист быстро помчался по грядкам, нещадно разрезая и давя морковь. Несколько сотрудников университета побежали за ним, кричали. Наконец, остановили. Он был очень недоволен нашим вмешательством, но, бурча себе под нос нечто нечленораздельное, съехал в междурядье.

Энтузиазм бил через край, собирали активно, быстро наполнив оставленные нам ящики. Никого из колхозных руководителей с нами не оставалось. Работу прекратили, начали оглядывать огромное поле, и кто-то увидел штабеля ящиков на другом его конце. Предложение подождать распоряжений от начальства отвергли. Тут же нашлись охотники смотаться за ящиками, чтобы пораньше закончить работу. Вернулись мрачные: те ящики были заполнены уже увядшей морковью. Видимо, ее собрали наши «предшественники» в прошлое воскресенье, если не раньше. Так и болтались в ожидании машин, занимаясь обедом, баловством, пока и это не наскучило.

Пошли к трассе в надежде сесть на рейсовые автобусы. Недалеко от трассы увидели тетку с весами и свежими овощами в ящиках. Радостно выстроились в очередь за ними, увидев очень маленькую стоимость. Женщина без возражений взвешивала все, что просили. Продолжалось это недолго. Оказывается, вслед за нами кинулся один из представителей колхоза, возмущенный тем, что мы его не дождались. Нет, ящиков он нам не привез, а неудовольствие проявлял из-за того, что мы не подписали какие-то акты. Наш руководитель хотел их подписать тут же, у дороги, но, начав чтение, пришел в ярость: в актах зафиксированы явно неправильные цифры, — мы собрали больше даже в те ящики, которыми располагали. Это преуменьшение было обидно для нас: нам ведь предстояло отчитаться перед своим начальством за «ударный» труд. Тогда рассердился колхозный бригадир: нам в отместку велел высыпать купленные овощи обратно в ящики, так как их, якобы покупать можно только по выписанным в колхозе документам. Кто-то начал яростно спорить, кто-то молча пошел к остановке, за ними двинулись остальные, садясь в подошедший городской автобус под вычурный мат бригадира.

В автобусе мы со смехом обсуждали все детали произошедшего. Пришли к выводу, что колхозу вся эта неразбериха выгодна, то есть колхозу, конечно, вредна, а его отдельным членом выгодна. В акте отмечается заведомо меньший сбор, отчитываются за него, а излишки продают проезжающим у дороги. А про якобы обязательные накладные он просто врал, лишь бы отобрать у нас овощи и хоть этим «насыпать соли на хвост». Посмеялись над теми, кто ему подчинился, выясняли, сколько им вернули денег. Еще более дружным смехом встретили ответ: «мы ничего не взяли из принципа».

Был и другой вариант с уборкой моркови. Привезли студентов в колхоз после того, как случилось нежданное бедствие: намного раньше обычного ударил мороз и пошел снег. К этому времени морковь еще не была вывезена, а лежала большими кучами по полю. Велели морковь перекладывать из куч в ящики. Конечно, верхние слои уже промерзли. Ребята наполняли ящики, разгребая ее мокрыми замерзшими руками и стоя на холодном месиве из земли и снега. Перчатки быстро промокли, пропитались грязью и превратились в нечто тяжелое и несгибаемое. Шутники время от времени затевали ими «боксерские бои». Для того, чтобы согреться, бежали по рыхлому мокрому полю. Ели на ходу. Присесть для отдыха можно было только на мокрых грязных ящиках. Мне трудно становилось «делать хорошую мину при плохой игре». В конце дня пришел прораб (или как там звали работника колхоза) и отпустил ребят. На вопрос

кого-то из студентов, когда же ящики заберут, тот уныло ответил: «Нет машин!» А мороз явно усиливался.

Естественно, многие простудились. Но еще важнее, что все испытали психологический шок: зачем нужна был этот «мартышкин труд»?! Со злыми смешками студенты потом носили университетскую газету, где описывался в восторженных тонах, без тени шуток наш ударный труд. И с нарочито возмущенным видом спрашивали у секретаря комсомольской организации, когда же им выдадут премию.

Подобным историям нет числа. Когда я работала в Институте Искусств, послали нас на заготовку сена. На месте выяснилось, что травы фактически нет, разве что немного на заболоченном участке. Нескольким мужчинам выдали косы, и они полезли косить, прямо в туфлях погружая ноги в болотистую слякоть. Кстати, только один из них умел управляться с косой. Веселя всех вокруг, он организовал «краткосрочные курсы», назвав «бешеные цены» за уроки, добавив, что с оплатой подождет до получения учениками премии с колхоза.

Остальным дали задание: ломать с деревьев вдоль дороги годичные ветки. Пояснили, что какая-то машина их порубит и загрузит в компостные ямы. Ну да, задание не хитрое, понятно местным жителям, даже детям, но не музыкантам. Они не только косить не умеют, но и не знают, как отличить эти самые «годичные ветки». Наломали кучи веток, дружно распевая веселые песни, радуясь «коллективному труду на благо Родины». Когда отвезли первые же партии, примчался какой-то мужик из колхоза, и, красный от ярости, виртуозно обматерил нас. Оказалось, что многие ветки были старые и толстые, сортировать их там было некому, и машина сломалась. На ее починку нужен мастер, а у него выходной. Естественно, нашей работе пришел конец. Без сожаления принялись обедать под веселые песни, — все же музыканты! И, не скучая в прекрасную погоду, легко дождались, когда нас увезут домой.

Есть еще важная деталь. Когда мы уже возвращались из колхоза, ко мне подошел пианист с моей кафедры, где я была заведующей, Витя Журавлев (кстати, племянник знаменитого в свое время чтеца Дмитрия Николаевича Журавлева). Он протянул мне руки и показал кровавые мозоли. Смущенно улыбаясь, будто это его вина, сказал, что теперь не сможет принять участие в ближайшем конкурсе пианистов. Я очень огорчилась, хотя не могла его освободить, даже зная все это заранее. И никто бы в институте не стал этого делать, так как из Райкома партии была четкая разнарядка: посылать в колхоз определенное число сотрудников с указанием обязательного количества мужчин. Их на нашем факультете было ровно столько, сколько указано в распоряжении. Наверняка, инструкторы Райкома заранее высчитали по спискам в отделе кадров.

Коллективных поездок в колхозы у меня больше не было. Но пища для размышлений осталась. Подобные истории не раз ставили в тупик, и в шутку многие задавали себе вопрос, что же это такое — «закрома Родины», о которых постоянно писали газеты, обсуждая успехи в сельском хозяйстве и помощь города — селу. Как видно, ответа на него искать было бессмысленно. Недаром часто слышалось шутивное восклицание: «До какой же степени богата наша страна, если эти «порядки» не разрушают в ней все до основания?» Среди моих знакомых не встречалось тех, кто бурно возмущался тем, что происходит.

Одни, как и я, верили в истинность самих идей и считали, что явления, вызывающие искреннее неприятие, есть результат чьей-то глупости, непонимания, корысти. Иными словами, не дело заслуживает отрицания, а его исполнители. И там, где видели смысл в высказывании своего мнения, формулировали его более или ме-

нее корректно. Чаще же исходили из позиции, что наш честный труд непременно даст свои результаты, за которые не будет стыдно. Надеялись, он приведет организаторов к пониманию ими ошибок, они увидят сами абсурдность такой организации. Наивно полагали, что наши усилия сметут все отрицательные явления.

Другие просто отворачивались от всего конфликтного из принципа «моя хата с краю». Кто-то «носил дуло в кармане», давая выход своему возмущению там, где это ничем не грозило. И были борцы «с ветряными мельницами», — так, как воспринималось чье-то открытое противостояние.

И вот пришло время, когда в моем сознании столкнулись все старые и новые вопросы, недоумения, возмущения, сомнения и откровенное неверие. Подпитанные новыми для нас фактами, открывающими нашим «подслеповатым» глазам истину, все душевные противоречия дали взрыв. Для меня это были трудные времена. Размышления, сомнения, разочарования... Однажды приняла твердое решение: я — не с ними, то есть не с теми, кто непрерывно галдит о том, что мы идем верным курсом. Я не борец, я не из тех, кто строит баррикады. Но из тех, кто пойдет на баррикады, если примет идею. Идей на самом деле не было, их подменили трескотней и разрушительными кампаниями. Я не могу быть в этих рядах. Моя душа не принимает неконструктивной разрушительной работы. Принцип — «до основания мир разрушим» мне не был близок даже в годы самой искренней веры в то, что мы строим самое справедливое общество.

Я в своем рассказе очень отклонилась от темы «сельхозтруда». Впрочем, в самом начале я говорила почти шутя о моем участии в «общественно-(бес)полезной» деятельности. Тогда все правильно, и я могу оставить этот взрыв эмоций, поставив на данном месте точку. Я решительно ушла от этого вида деятельности.

* * *

Но физический труд на земле привлекал по-прежнему. И так же по-прежнему без особой пользы.

Однажды в начале весны я увидела в институте объявление, что желающие могут получить участок в садово-огородном кооперативе, принадлежавшем одному из крупных научно-исследовательских институтов. Побывав там, узнала детали и поехала в указанное место, где уже началось освоение выделенной институту территории. Пришла в восторг. Оказалось, что расположена база кооператива в сказочном лесу с прудом. Лес живописно окружал поле, отведенное под садовые участки, постепенно спускающиеся к пруду. Пока там не было ни одного домика, лишь некоторые участки начали засаживать деревьями. Председатель кооператива обещала на выходные дни обеспечивать транспортом и договориться с бригадой строителей о постройке домиков «под ключ». Что тут говорить, — подарок судьбы. Правда, это место было далеко от станции электрички — около четырех километров. Но есть перспектива на будущий транспорт. Да и пройти пешком по лесу изумительной красоты, полному цветов и птиц, было для меня беспредельным удовольствием.

Уже через неделю я поехала туда с десятилетним внуком Олегом. Вскопали часть участка, посадили клубнику, немного картошки, лука и даже редиски. Размечтались, как будем, приезжая сюда, устраивать пир. Недалеко от нашего участка увидели шикарные заросли васильков, аккуратно выкопали большими пучками и так же тщательно вкопали длинной дорожкой вдоль края участка, радостно назвав это «васильковой аллеей». Этой идеей хвастались после возвращения домой. Нас не смутила

насмешка бабушки Марии Григорьевны, вполне обоснованно критиковавшей нас за разведение сорняков. Мы, переглядываясь с Олегом, отвечали на это, что еще неизвестно, как справимся с выращиванием культурных растений, а тут готовая красота, да еще и неприхотливая.

И начались наши прекрасные поездки в сказочный лес. Вскоре к нам приехал Нурулло, гость из Таджикистана, и два-три раза ездил с нами в «наш сад», как гордо мы называли маленький клочок земли, покрытый остатками прошлогодней травы и скошенных злаков. Нурулло сделал нам из валявшихся в лесу веток и стволов деревьев стол, две скамейки и опору для навеса. Меня забавляло, как с ним работал Олег, в обычное время не очень-то ретивый помощник. Он бегал за ним собачонкой, мгновенно исполняя все распоряжения нашего гостя. Только скажет Нурулло с доброй улыбкой: «Организм, пошли!» — Олег уже бежит. Организмом Нурулло его прозвал в шутку из-за того, что Олег очень плохо ел и на все уговоры отвечал, что его организму это не требуется.

Несмотря на нашу бурную деятельность, мои радостные ожидания прекрасно-го отдыха понемногу стали тускнеть. Я поняла, что об обещанном транспорте пока и речи нет, а ходить туда регулярно достаточно далеко, да еще по буграм и холмам. Кроме того, каждый раз с собой надо было нести инструмент, еду, питье и саженцы. А если что-то вырастет, за этим надо ухаживать: пропалывать, окучивать и поливать, спускаясь в овражек к ручью или еще дальше к пруду. Купаться в нем неплохо, но перспектива таскать оттуда воду ведрами, преодолевая пусть небольшой, но все же — подъем, не вдохновляла. Обещала председатель кооператива протянуть водопровод, но когда еще дойдет до него очередь, не известно. А выросший урожай? Его тоже надо дотащить до дома. Это были немного грустные размышления. Даже в этот начальный период, когда у меня хоть в некоторые дни были помощники, я за день заметно уставала. В недалекой перспективе мне предстояло работать одной. Теперь, когда реальность предстала в полный рост, оптимизм слегка уменьшился. Я-то представляла, что уже к осени на участке будет стоять милое сооружение, почти дворец, где будет меня дожидаться все самое необходимое: постель, посуда, садовый инструмент и даже нечто, наполняющее домик нежной музыкой. Теперь прокралась гнусенькая мыслишка: «Размечталась, подружка? А ведь не справишься!»

И вдруг, в один день, несомненно, прекрасно начавшийся, произошла истинная трагедия, навсегда закрывшая эту проблему. Мы с Олежкой готовили землю под очередную посадку. Так как нам мешала оставшаяся от колхозных времен стерня, нам посоветовали ее поджечь. Пояснили, что это и быстро, и удобрение будет. Убедили, говоря, что почти все так делают. Подожгли. Обгорел небольшой клочок, и огонь погас. Подожгли еще несколько раз с тем же результатом.

Неожиданно в одно мгновение с одного едва тлеющего клочка огонь рванул по дорожке, на которой валялась трухлявая солома; с нее перекинулся на прошлогоднюю траву, стеной стоявшую перед лесом. Огонь мчался с фантастической скоростью. Мы кинулись в овражек, где протекал тощенький ручеек. Олег кружкой набирал воду в ведро, ибо зачерпнуть ведром было невозможно, а я бегом поднималась по склону вверх. Уже через несколько минут я увидела полную бессмысленность наших усилий: огонь охватывал ближайшие деревья.

Положение осложнялось почти полным отсутствием людей на поле: это был понедельник. Попытка обратиться за помощью к двум соседям не дала результата. Один сослался на недавно проведенную операцию, а другой зло посоветовал самим расхлебывать заваренную дурной головой кашу. Я послала Олега посмотреть, нет ли за бугром людей, хотя надежда на это была слабая: уж очень тихо было вокруг.

Сама же в это время продолжала бегать за водой. И силы, и вода подходили к концу. Несколько раз я от усталости падала на землю, обливаясь потом и умирая от ужаса: среди деревьев во всю силу бушевал огонь. Искры летели «до неба», стоял внушающий животный страх треск. А тут еще сосед, подозрительно быстро собирая свои вещи и уходя с участка, бросил мне «оптимистично», что за это меня наверняка будут судить. Дадут не меньше трех лет, да и штраф наложат немалый.

Олег вернулся с председателем нашего кооператива. Она сказала, что сейчас придет сюда рабочих, которые только что привезли блоки для ограды. Им надо быстро разгрузить и отпустить машину. А она тем временем вызовет пожарников. Вскоре пришли трое рабочих с топорами и лопатами. Они быстро и умело принялись сбивать сухую траву и срубать кусты в некотором отдалении от бушующего пламени. Я бес- сильно опустилась на землю, увидев, что моя помощь не нужна. Рабочие за несколько минут заблокировали огонь и ушли. Кое-где огненные всполохи захватывали новые стебли травы, горели ветки деревьев, но огонь не выходил за пределы той полосы, которую они прорубили и прокопали. Рабочие, подшучивая над моей грязной и испуганной физиономией, бросили осуждающе вслед ушедшим мужикам что-то о том, что крысы всегда бегут с тонущего корабля. Прекрасной музыкой впервые в жизни для меня прозвучал их крутой мат по поводу того, что два здоровых мужика бросили женщину воевать со стихией. Меня успокоили тем, что весенние деревья полны движущихся соков, гореть не будут, а горят старые сухие ветки и трава. Это уже догорает и скоро все уляжется. Они еще раз обошли горевший участок леса, убедились, что за преграду огонь не пошел, дружески помахали мне и исчезли за бугром, советуя подождать совсем немного и собираться домой. Тем более, с минуты на минуту придут пожарники. Мне стало спокойнее, хотя пожар пока еще имел внушительный вид.

В надежде поглядывала в сторону деревни, ожидая пожарников. Но пожарной машины все не было. Пришла председатель и сказала, что машина была, но уехала, пока ребята тут делали спасательную борозду. Дело в том, что по пути к нам она при переезде через мост недалеко от пруда провалилась, застряв между досками. Председатель на своей машине съездила в поселок и вызвала трактор для спасения пожарной машины. Затем с усмешкой добавила, что от этой машины все равно толку не было бы, потому что шофер — он же и пожарник, больше никого с ним не было. Мало того, машина шла без воды. Предполагалось брать воду из пруда, но шланг, как сказал вяло шофер, до воды бы не достал.

Перед уходом наш энергичный председатель сама осмотрела со всех сторон горящий участок леса и успокоила, что пожар локализован и скоро затухнет. И ушла, сказав на прощание, что мы тоже можем уходить.

Тревога не дала нам воспользоваться советами идти домой, и мы с Олегом оставались на поле до темноты, пока не убедились, что огонь погас, и даже дымка нет. Еще раз обошли весь обгоревший участок леса, подивились его солидной величине. С грустью увидели тлеющий муравейник, возле которого кое-где бегали муравьи, унося яички. Затемно добрались до электрички. Домой приехали усталые и понурые.

В ближайшие дни я выбралась в лес. Никто меня не искал для наказания, хотя повреждено было, на мой неопытный взгляд, около полгектара леса. Муравьи полностью восстановили свой муравейник. И только обгоревшие ветви и почерневшие кусты напоминали о недавней беде. Я собрала спрятанные под столом лопаты и грабли, посидела на скамейке, внутренне прощаясь с мечтой о красивом отдыхе в лесу, оглядела еще раз прекрасную панораму и ушла, выкопав молодую картошку как символ заманчивой перспективы.

То ли из-за этого события, то ли от осознания трудностей содержания сада-огорода, я вскоре поехала в НИИ и отказалась от участка. Было очень жаль эту, как говаривал наш научный руководитель Петр Иванович, «мечту идиота». Для меня во все времена было невероятным блаженством находиться одной в тихом безлюдном месте, наполненном волшебным запахом трав, деревьев и земли, пением птиц и дуновением ветерка. Вот и показалось, что такое счастье меня ждет тут на многие годы.

* * *

Вот, кажется, я и рассказала обо всех приключениях, связанных с сельскохозяйственными работами. Хотя, пожалуй, рассказ не будет полным, если не вспомнить об одном событии, не состоявшемся в моей жизни.

В пятидесятые годы страну охватил призыв — ехать в Казахстан поднимать целину. Мы в это время были студентами Московского Университета. В МГУ начался ажиотаж записи в летние отряды. Я загорелась желанием тоже внести вклад на благо Отечества, — это было так понятно. Но у нас росли две маленькие дочки. Их не удалось устроить на это время к родителям. Горевала я глубоко, ощущая себя буквально выброшенной за борт настоящей кипучей жизни. Как это без меня пройдет такое событие, о котором только мечтать и мечтать?

С нашего курса поехало несколько человек, в том числе наша близкая подруга Искра. Однако вернулась она без ожидаемого мной восторга и вдохновения, утомленная и даже расстроенная. О целине рассказывала скупой и неохотно. Из ее немногословных рассказов стало очевидно, что организовали труд, по крайней мере, на их участке плохо, много времени тратилось впустую, условия для проживания студентов создали отвратительные. В итоге не довелось почувствовать ожидаемого счастья от того, что «мой труд вливается в труд моей республики», как у Маяковского. Такие же впечатления были и у других однокурсников, хотя и не столь мрачные, как у Искры. Они больше говорили не о плохой организации труда, а о веселых вечерах у костра, — с песнями, стихами, шутками. В конечном счете, другие ребята совершенно не жалели о поездке.

Как ни странно, эти рассказы не сняли с моего сердца остатки огорчения. Мне очень хотелось побывать там вместе со всеми, пусть даже в таких трудных условиях, но зато в неповторимых событиях принять настоящее полноценное участие. Эта тяга «к романтике трудных дорог» была в нас сильна, и я была воспитана как органичная часть поколения «комсомольцев-добровольцев».

* * *

Ну, что тут скажешь? Не получилось самой возделывать землю. Тем не менее тяга к земле позволила найти замену. Когда мы поселились на окраине Харькова, в микрорайоне под названием Рогань, у меня появилась отдушина под названием «мой поля». Это были участки возделанной земли, расположенные сразу за нашими домами. На этих полях то сеяли «веники», то даже росла гречиха или кукуруза. В конце этого большого поля, окаймляя его, стояли, как богатыри на охране границы, роскошные деревья. Вот туда я выходила, сбросив с уставшей души все хлопоты и неприятности. Чаще всего я бродила там одна, лишь иногда со мной там бывали то внуки, то Володя, еще реже — сестра. Прогулки всем нравились, несмотря на практически полное отсутствие развлечений.

Нет, ошибаюсь, однажды произошло чрезвычайное происшествие. Со мной

были внуки Костя и Вова. На краю дорожки, пересекавшей поле, мы разожгли маленький костер. Мальчики подбрасывали травинки, редко попадавшие веточки, и этим его удавалось поддерживать, — эдакий малыш-костерчик. И вдруг в нескольких метрах от него поднялся в воздух небольшой столбик вихря. Мальчики дружно захлопали в ладоши: «Ура! Смерч идет на нас!» Костик отскочил в сторону, а мы с Вовой остались поблизости от костра. Через несколько секунд вихревой столбик приблизился к костру, я успела только охнуть, как он уже прошел через центр костра, разметал его, обсыпав горячим пеплом Вову, который стоял ближе всех к огню. «Смерч» после этого продвинулся еще на несколько сантиметров и плавно опустился невдалеке, будто выдохнув всю свою силу. Вовка отряхнул пепел с себя, немного нервно засмеялся, выдыхая уходящий испуг. И мы все втроем начали радостно прыгать вокруг потухшего костра, явно взволнованные почти невероятным приключением.

Мне уже не суждено добиться на поприще возделывания культур успехов, которыми можно гордиться хотя бы в шутку. Лет все больше, сил все меньше, умений и знаний не прибавляется. Теперь впору вернуться к моим первым «серьезным» видам сельского труда: выдергивать крапиву и, не очень обнадеживая результатами, обламывать пасынки на винограде. Благо условия для этого есть. В небольшом селе Ново-Павловка у нас есть, хоть и старенький, но настоящий деревенский дом с хозяйственными постройками, садом, огородом, дровами и углем, колодцем с чистой водой. Что еще надо для моей радости? Только возможность туда поехать. К сожалению, и она почему-то не увеличивается, а все сокращается и сокращается.

ШКОЛА: САХАЛИН, ГОРНОЗАВОДСК

Первый педагогический опыт

Работа на Сахалине — это удивительно своеобразная полоса нашей жизни. Конечно, все периоды насыщены делами, эмоциями, яркими проблемами. Тут особенно причудливо переплелось многое: романтика, трудности, увлеченность, стрессы, отчаяние, богатый опыт и большие потери. А в целом — все то, что запало в душу на всю жизнь глубокой сердечной привязанностью и к самому острову с его богатейшей природой, и к его жителям, и к нашей жизни и работе там.

Даже то, как мы оказались «на краю земли» всей нашей семьей, история не банальная. Совсем коротко это выглядит так. Наш научный руководитель Алексей Николаевич Леонтьев хотел оставить Володю в аспирантуре. Для двоих в то время вакансии не было, но и с выделением места для него тоже возникли проблемы. Ждать их разрешения с двумя маленькими дочерьми мы не могли. Алексей Николаевич договорился в Министерстве Просвещения о временном трудоустройстве Володи, но на деле все оказалось сложнее, чем думал наш руководитель (он в это время был за границей). Володя стал искать варианты сам, но единственно приемлемым вариантом оказалось направление нас обоих в распоряжение отдела образования Сахалинской области.

Такой поворот событий не столько удивил, сколько показался смешным, так как все последние месяцы учебы в Университете мы знали, что направление на работу получают лишь единицы. Поэтому шутили, что нет проблем — поедem на Сахалин. Почему именно туда? Да ни почему, просто привлекала явная нелепость для психологов, окончивших Московский Университет. И в центральных-то городах России психологи

не требовались, а Сахалину-то зачем? Да к тому же с образованием самого высшего уровня. Было смешно, что именно эта нелепость оказалась самым что ни на есть реальным фактом. Молодость есть молодость, и нас охватило чувство романтики: «Ого, Сахалин, «край света!»

Почти месяц ушел на решение всяких бытовых вопросов и оформление документов: пограничная зона, и поэтому оформление шло долго. Последние дни сентября заняла дорога, полная романтических деталей. Вот краткий их перечень. Ехали всемером в одном купе; дружба с соседями по купе, офицерской семьей из Советской Гавани; трудности дальней дороги с малышами; невиданный ливень в Советской Гавани; красоты сахалинских сопок и почти сказочная дорога к месту работы. Рассказывать об этом всерьез нужно долго и детально. Может быть, в другой раз.

Не меньшее потрясение испытали, прибыв на место назначения, в Горнозаводск: жидкая грязь по колено; крошечный домишко за городом в окружении ранее невиданных растений; неправдоподобная неустроенность быта и, в то же время, экзотическая красота вокруг в сочетании с причудами климата.

* * *

Так началась наша работа. Моя — завучем в школе-интернате для умственно-отсталых детей (так он официально назывался), а Володина — директором детского дома. У Володи уже был опыт работы в школе, а для меня это назначение было карикатурно-нелепым. В чем мои обязанности, как руководить коллективом, в чем специфика работы с такого рода детьми, а также многое другое для меня было «тайной за семью печатями». Да и к такой должности я была смехотворно молода — мне было в то время 25 лет. В те годы завуч такого возраста — редкость невероятная.

Стоит ли удивляться, что мой начальник, директор интерната Василий Васильевич Белый, при встрече не смог удержать ироничный блеск в глазах и лукавую усмешку. С этой же лукавинкой на лице он представил меня коллективу педагогов. Я, правда, его иронию приняла без обиды, ибо сама в глубине души замирала от паниче-

ского страха, не зная, что делать и что говорить во время этого знакомства. Но не один страх сидел во мне. В подсознании теплилась надежда на то, что коли я окончила Московский Университет, да еще к тому же под руководством крупнейших ученых нашей науки, значит, мое образование — моя сила. И вот это самое противоречие породило и мои последующие достижения в работе, и мои провалы; рождало счастливый восторг, увлеченность и глубокое отчаяние. Попробую рассказать об этом подробнее.

Итак, первая встреча с вверенным мне коллективом. Типичная для жителей Сахалина доброжелательность проявилась незамедлительно. Василий Васильевич тактично очертил мне первоочередные задачи, мягко подчеркнув, что с новым высококлассным специалистом их школа может достичь многого. Затем познакомил меня с документацией и формальной стороной моих обязанностей. Это сразу сделало мои задачи понятными, обозримыми и совсем не страшными. Учителя и воспитатели, кто во время встречи, а кто чуть позже, тоже довольно тактично и конкретно ввели меня в курс текущих дел, задач, трудностей и найденных в коллективе способов их преодоления. Такое начало меня вполне успокоило и даже вселило, я бы сказала, несколько завышенный оптимизм. К сожалению, этот опасный крен я в тот момент не осознала и ринулась «заворачивать пространство»: начала энергично придумывать мало разумные и слабо реализуемые мероприятия. Конечно, ничего сверх естественного не предлагала, и все-таки... Педагоги выслушивали мои почти фантастические рекомендации, тактично высказывали свои предложения, опуская меня с небесных высот в реальность. Иногда же слушали без комментариев, будто принимая мои прожекты, но делали по-своему. Как я теперь понимаю, иногда они говорили мне что-то очень ценное, но с моим тогдашним опытом я не всегда умела это оценить. Многое мне стало ясно позже, когда исправить ошибки уже было невозможно.

Пожалуй, самое памятное замечание я получила от наиболее опытной воспитательницы Федосии Ивановны Уваровой. В один из первых дней, тактично дождавшись окончания беседы с педагогами, она сказала мне, что не надо думать, будто с этими детьми можно работать, как в обычной школе. Иногда начинает казаться, что ты достиг чего-то значительного, а на завтра все рушится. Никаких гигантских задач, говорила она, ставить нельзя, и двигаться надо очень медленно и осторожно. При этом нередко срыв у одного ребенка может лавиной обрушиться на весь коллектив детей. И еще: их необходимо жалеть и любить, но с оглядкой — наши привязанности нередко оборачиваются против нас и против них. Я слушала ее внимательно и, как мне казалось, все понимала. Однако в действительности уловила только слова, а не суть. Совершенно напрасно.

Я вспомню эти советы позже. А пока я с огромным энтузиазмом принялась за работу, не считаясь со временем. И это при том, что дома оставляла двух маленьких дочерей. Володя тоже не вылезал из детдома, и девочки нередко оставались одни. Не без труда уговорила одну из соседок приглядывать за девочками. У нее было большое хозяйство, но я уверила, что особых проблем с ними не будет. Они, действительно, были послушны, легко находили себе занятие, не ссорились, не капризничали. Чего еще желать? И соседка стала оставлять их одних, уходя по своим хозяйственным делам.

Но однажды я выбрала минутку заглянуть, чем заняты мои девочки и была неприятно поражена. Хозяйки дома нет, девочки играют одни возле горячей печки, на которой кипят огромные кастрюли с едой для свиней. Ничего плохого не случилось, но мы с Володией решили, что лучше я буду оставлять их дома. По крайней мере, не будет гореть печь с кипящими кастрюлями. Предприняли усилия для того, чтобы устроить детей в детский сад, и вскоре эта проблема была решена: их приняли в так называемый недельный садик, то есть они там могли находиться круглосуточно. Это было очень

удобно, так как при желании я могла их забирать в любой день, но могла и оставить. Особенно мы оценили это с приходом зимы, когда начались знаменитые сахалинские снегопады.

Теперь я могла с головой погрузиться в работу, перестав метаться между домом и школой.

* * *

Центром моей деятельности, а точнее — ее смыслом, вопреки моим официальным обязанностям, была работа не с педагогическим коллективом, а с детьми. Конечно, немало времени и сил уходило на непосредственную работу с учителями и воспитателями: планирование деятельности педколлектива, составление расписания и графика дежурств, проведение различных совещаний, бесед, посещение занятий, доклады и консультации и многое, вплоть до обязанностей по контролю над обеспечением детей питанием и одеждой. Потому расскажу немного о педагогах школы.

Наш директор Василий Васильевич был хорошим руководителем, требовательным, последовательным, к тому же уравновешенным и доброжелательным. Никаких сверхзадач педагогам не ставил, но всего, что он считал необходимым, добивался упорно и терпеливо. Был обаятельным, аккуратным, ходил каким-то равномерным шагом, — наверно, для проверки ритма его движений можно было бы включать метроном. Направив меня в первые дни моего пребывания в школе «на путь истинный», не знаю почему, фактически предоставил мне полную самостоятельность. То ли эта сторона дела его не волновала, то ли ничего особенного от моей работы он не ждал, — делаю что-то и ладно. Вряд ли считал, что я действительно справлюсь, скорее, его устраивали формальные показатели моей довольно бурной активности. Было, чем отчитаться перед начальством. Возможно, именно с его подачи меня доброжелательно встречали в соответствующих инстанциях в Южно-Сахалинске.

О Федосии Ивановне я уже немного сказала. Женщина она была немолодая, без особого налета образования, эдакая «клуша». Работала воспитательницей с самыми младшими детьми самоотверженно, возилась с ними по-матерински, но строго. Семьи своей у нее не было, и школе она отдавала все свое время. Ни с кем не дружила, но

и напряженных отношений ни с кем не было, даже с учительницей ее детей. А это, надо сказать, было анекдотичное создание.

Звали ее Роза Яковлевна. С легкой руки одной из воспитанниц Вали Бачул, говорившей невнятно, ее прозвали Розяка. Называли ее так и дети, и педагоги, но «Розяка» не обращала на это никакого внимания. Была она подслеповата, носила очки с толстенькими стеклами, которые постоянно были в подтеках то ли клея, то ли каши, что отвлекало внимание собеседников, но, кажется, не мешало ей самой. Ходила она, ставя ступни носками внутрь, смешно и нелепо подгребая все, что попадалось под ноги: землю, траву, камушки, обрезки бумажек от детских поделок, карандаши и все то, что валялось на полу. Возможно, причиной была какая-то болезнь, но об этом никто не думал, и втихаря над ней подтрунивали. Одевалась, мягко говоря, небрежно. Из подола платья торчали нитки, карманы пристегнуты булавками, как и ворот у платья. Эта картина дополнялась тем, что вся одежда и обувь изобиловали жирными пятнами, грязными брызгами, перемежаясь с выразительными мазками засохшей каши. Как я потом узнала, дома у нее были куры и свиньи, за которыми она ухаживала, видимо, далеко не всегда успевая переодеться. Видела она плохо, а все свои дела выполняла в спешке. Василий Васильевич иногда говорил ей в своей ироничной манере: «Роза Яковлевна, если Вы не успеваете переодеться дома, принесите сюда сменную одежду и обувь». На пару дней этих намеков ей хватало: она приходила в чистом платье, в вычищенной наспех обуви, но потом все возвращалось в привычную колею.

Я замечаний ей не делала, стеснялась, поскольку она была намного старше меня, да и вообще было очень неловко ставить такой вопрос перед учительницей. Ее расхлябанность отражалась и в работе. Тетради детей, которые она брала домой для проверки или заполнения какими-либо заданиями, были густо покрыты масляными пятнами, углы закручены трубочкой. Надо было видеть, как она несла их из здания школы в помещение интерната, рассыпая по дороге то отдельные листочки, то промокاشки, то закладки, а то и сами тетрадки.

Так вот, несмотря на все это, Федосия Ивановна, сама очень аккуратная, с ней не воевала. Она пыталась своими силами исправить эту ситуацию: мятые тетради учеников проглаживала утюгом или клала под пресс, а самые измочаленные заменяла новыми. Благо, для этого у нее были все возможности, поскольку дети учили уроки в помещении интерната под ее руководством. Глядя на это, я тоже не тратила лишние силы и нервы на Розяку, хотя мне это было не просто — мне приходилось проверять и подписывать ее планы, где, естественно, был такой же кавардак.

В группе Федосии Ивановны и Розяки было несколько препотешных детей, среди которых особо выделялась уже упомянутая Валя Бачул. Училась она с огромным трудом. Лучше всего у нее получалось раскладывать вещи по своим местам, что ей поручалось и в классе, и в группе, и она делала это с огромным удовольствием. В случае каких-либо затруднений девочка нервничала, разбрасывала все, что попадало под руку, и выбегала в коридор с криком: «Издеватели, швыроножки, ква-ква-ква!» Ее успокаивали. Тогда она прижималась, улыбалась и нежно гладила утешавшего ее взрослого, отгоняя других детей. Однажды она устроила свое «представление» в кабинете зубного врача в поликлинике, выкрикивая свое фирменное про «швыроножек». На крик сбежались врачи из соседних кабинетов, в том числе хирург-стоматолог. Он сразу понял, что вылечить ей зуб — задача не реальная, не растерялся, скрутил ее, вырвал зуб и протянул Вале, говоря, что эти «издеватели-швыроножки» хотели забрать ее зуб. Валя мгновенно успокоилась и уже тихо сказала свое «ква-ква-ква». Она несколько дней не расставалась с зубом, перекладывая его из кармана в ладошки. Все снова и снова выслушивали историю о том, как доктор не дал украсть у нее зуб.

В этом же классе был мальчик, значительно старше остальных, но с весьма низкими возможностями усвоения знаний. Зато охотно выполнял простые трудовые операции. Его обычно посылали работники кухни за углем. Эту работу он мог делать часами. Правда, надо было следить за ним: насыпав ведро, он редко кончал эту операцию, продолжал насыпать, не обращая внимания на то, что уголь давно сыплется через верх. Его остановят, он спокойно положит лопату, отнесет ведро и снова принимается за свою неспешную методичную работу. Никаких дисциплинарных проблем с ним не возникало, и его все любили.

Обо всех, конечно, не расскажешь. Но вот стоит упомянуть о педагогах, работавших со средней по возрасту группой детей. Лариса Борисовна и Нина Васильевна отличались прямо противоположными методами воспитания. Нина Васильевна умела организовать детей так, что во время занятий в группе всегда царил покой и тишина. Всякие работы по уборке дети выполняли без споров и скандалов. Со стороны многим казалось, что она чересчур строга, и требования ее излишне формальны. Лариса Борисовна детей обнимала, ласкала, звала уменьшительными именами, но шуму и споров в группе во время ее дежурства было много. Впрочем, дети ее любили и висели на ней гроздьями. Между этими педагогами постоянно шла скрытая война. Каждая из них периодически жаловалась, что после напарницы с трудом удается «взять детей в руки». Мне приходилось вникать в их споры, но, честно говоря, я совершенно не знала, как вести себя с ними, что советовать, тем более я не понимала, кто из них прав. С одной стороны, было приятно видеть улыбающуюся и ласковую Ларису Борисовну, а с другой стороны, шум из ее комнаты, где дети что-то мастерили, играли или учили уроки, конечно, вызывал претензии. Нина Васильевна редко улыбалась, но зато у нее был порядок, и самые сложные задания для детей этой группы старались дать в ее смену.

Наибольшие сложности всех педагогов ожидали в старшей группе, то есть с детьми подросткового возраста. И мальчики, и девочки этой группы были главной рабочей силой: принести воды на кухню, нарубить дров, перетащить какие-то ящики и коробки. Однако именно они были основной бунтарской массой, затевавшей ссоры, даже драки и поднимавшей шум. Они частенько отказывались подчиняться кому-либо из преподавателей, лишь Василия Васильевича всегда беспрекословно слушали. К сожалению, он нередко отсутствовал именно в критические моменты. Более или менее успешно с ними работала и их ведущая воспитательница Анна Михайловна. Она была несколько инертный человек, без особого воображения, при ней царила скука, но, вполне возможно, в этом крылась и причина более спокойного, чем с другими педагогами, поведения детей. Кстати, и Василий Васильевич с ними был спокоен, уравновешен, говорил даже в конфликтных ситуациях негромко и без особых эмоций.

Сейчас я уже не помню, как получилось, что вся группа «бунтарей» стала крутиться вокруг меня. Поводом скорее всего явилась библиотека, которую я из-за отсутствия в штатном расписании ставки библиотекаря взяла на свое попечение. Как только я принялась разбираться в ее фонде, дети оказались рядом, помогая перетаскивать стеллажи и сортировать книги. Между делом я рассказывала о некоторых из этих книг или читала отрывки из наиболее интересных произведений. Кстати, хороших книг было немало. Наведя порядок в книгах и составив картотеку, я приступила к собственно библиотечной работе: выдавала книги, беседовала с учениками, читала им и рассказывала всякие истории и сказки. Забавно, что тут мне весьма пригодились многие из книг, прочитанных для сдачи экзаменов на филологическом факультете.

Пока я беседовала с малышами, старшие что-то мастерили, чинили, сидя в сторонке. Они с удовольствием помогали приводить в порядок потрепанные книги, и я

им показывала разные виды ремонта книг. По моему заказу нам сделали и станок для переплетных работ, и мальчишки с энтузиазмом принялись восстанавливать самые потрепанные книги. Постепенно я стала уделять этой группе ребят все больше времени. Беседовать с ними мне было, конечно, интереснее, чем с малышами. Несколько мальчиков превратились в завсегдатаев библиотеки, проводя в ней почти все то время, когда я там работала. Воспитатели встретили наши занятия одобрительно, так как проблем у них стало заметно меньше.

Центром группы старших детей был Толик Раскопин. Когда я начала работать в интернате, ему шел двенадцатый год. Был он хорош собой, достаточно умен, учитывая особенности школьного контингента, любил и умел мастерить. Как водится среди подростковых «авторитетов», он постоянно находился в

окружении свиты, выполнявшей все, что он велел. Эти ситуации доходили до смешного. Например, Толя починит утюг, а включить в розетку и опробовать, греется ли он, поручал кому-нибудь из своих «верноподданных». Если того ударяло током, и он вскрикивал, Толя снисходительно бросал: «Обойдется!» и искал неточность своего ремонта. И все повторялось до положительной реакции его помощников. Легко понять, что те учителя и воспитатели, которые вызывали его уважение, приобретали бесспорный авторитет среди всей группы мальчиков. Я не искала его уважение намеренно, однако мою деятельность он оценил сразу и, так сказать, «прилип» ко мне.

Ребята любили мои рассказы, и это придавало мне особый вес. Вскоре мой авторитет возрос еще больше. В детском доме мне дали на один раз винтовку, пять патронов и мишень. Детдомовский военрук проинструктировал меня, где и как можно пострелять. Взяв с собой нескольких старших мальчиков, мы пошли в сопки. Я закрепила мишень, объяснила и показала, как надо целиться и стрелять, и сделала демонстрационный выстрел. Не знаю, как это получилось, но, впервые взяв в руки винтовку, я попала в девятку. На этот результат я, конечно, не рассчитывала, и выстрел свой делала почти небрежно, — дескать, я-то умею, но сейчас не моя точность важна, а просто показ всех операций. Под предлогом, что патронов у нас мало, я больше не стреляла. Но мой результат оказался для мальчиков недостижимым, высоко подняв мой авторитет. Несколько дней дети жили этими впечатлениями, а меня встречали с неизменно светящимися от восторга глазами.

Надо ли объяснять, каким счастьем стало для меня общение с детьми. Вскоре я знала их семейные обстоятельства, характеры, и все легче находила приемы воздействия на детей в сложных ситуациях. Я даже не задумывалась над ними, все получалось естественно, ибо я была с ними искренней.

Однажды я заменяла одну из заболевших учительниц во втором классе. Среди этих детей был очень проблемный мальчик по имени Костя. Он хвостиком ходил за Толей, и в интернате только Толя мог управлять им. Но в школе все было иначе. Костик учился в другом классе и не хотел никого слушать. Учителя мучились с ним: на уроках он отказывался писать, забивался под парту и оттуда кричал или кукарекал. Делать ему замечания, ругать или что-то требовать не имело смысла. Для него было

главным, чтобы занимались только им, и не имело значения, хвалят его или ругают, — неудовольствие учителя было для него даже важнее, поскольку длилось дольше. Зная об этом, я вела урок, не обращая внимания на громкие звуки из-под парты. Мое спокойствие дало хороший результат: остальные дети нормально работали. Но через несколько минут после начала урока мне все же надоел этот фон. Не подавая виду, что мое терпение пошатнулось, я сказала детям: «А теперь положите ручки, тетрадки и учебники на край парты. Посмотрите, как это аккуратно сделал Костя». Конечно, он еще и не начинал работать с книгой и тетрадкой, эту аккуратность обеспечила я перед началом урока, раскладывая всем учебные пособия, хранившиеся в классном шкафу. За время урока все ученики не раз брали в руки то книгу, то тетрадь, и в данный момент на партах царил некоторый беспорядок. Ученики об этом не догадались и привстали, чтобы лучше разглядеть, что особенного на парте у Кости. Костя вылез и тоже с искренним любопытством стал рассматривать, как «хорошо он положил все на своей парте». Результат ему понравился и после этого он весь урок прилежно занимался наравне со всеми. Когда в интернате похвалила его воспитательница, он слушал, краснея от смущения. Более того, он готов был бежать исполнять любое мое поручение.

Все вышесказанное привело к тому, что среди всех моих обязанностей не нашлось ничего, что мне стало бы так дорого и интересно, как работа с детьми. Я в полном соответствии с формальными обязанностями завуча, посещала уроки в школе и занятия в интернате, проводила совещания и беседы с педагогами, вела документацию, составляла расписание работы педагогов и даже проверяла правильность закладки продуктов на кухне. Но при всей моей добросовестности, эти многочисленные обязанности я выполняла относительно формально, именно — как обязанности. И только дети с их проблемами полностью владели моими думами и сердцем. Особенно я это почувствовала после возвращения из отпуска.

Я привезла с материка книгу «Сделай сам» с описанием огромного числа всяких поделок из ткани, бумаги, картона, фанеры и прочих материалов. Из всего этого многообразия меня самую больше всего привлекало выпиливание лобзиком. При первой же возможности я накупила массу пилок, лобзиков и прибор для выжигания по дереву. Научившись выпиливать и выжигать сама, я, конечно, стала учить этому мастерству и некоторых детей. Оборудовала соответствующие места в библиотеке.

Все, чем я занималась с детьми, было интересно и мне самой. Я настолько увлеклась своими, как мне казалось, успехами обучения и воспитания детей, что не обратила внимания, как сначала едва-едва, а потом и пышным цветом расцвели отрицательные последствия моей деятельности, явно недостаточно квалифицированной в профессиональном отношении. Я долго не замечала, что не я, а Толя со своей «командой» стали определять, чем мы будем заниматься, кого из детей мы допустим к нам, какие и кому достанутся книги или поделки. Получилось так, что мне, психологу по образованию, не хватило ни знаний, ни опыта, ни интуиции, чтобы вовремя определить значение некоторых методов моего общения с подростками. У моих мальчиков, радующих своими успехами, сформировались, как говорят психологи, завышенные притязания и неадекватная самооценка. Походка Толи и его двух ближайших друзей изменилась, приобретя черты некой демонстративности. Появились жалобы от воспитателей: частенько «мои» мальчики стали отказываться от неинтересных или неприятных им поручений. На соответствующие замечания могли ответить грубостью. Проходя мимо малышей, давали им щелчок, а потом толкали, а то и били, наказывая за

писк. Короче говоря, появились демонстрации своей исключительности.

В ответ на это не замедлила появиться реакция учителей и воспитателей: росли претензии и жалобы на «мою команду». Иногда они высказывали это мне, но чаще — директору. Правда, без особых обобщений, а просто «высыпая» новые факты: «Толя мне нагрубил», «Сеня довел до слез», «Коля категорически отказался», перемежая это высказываниями типа: «Мы говорили Галине Викторовне, но она...» Лично у меня с детьми такие проблемы не возникали, поэтому я не обращала на эти замечания особого внимания, оправдывая периодические срывы в поведении детей тем, что ребята вступают в трудный возраст. Мне казалось, в соответствии с прочитанной мной когда-то литературой, что, с одной стороны, это явления временные, а, с другой, думала я про себя, взрослые сами виноваты.

Да, несомненно, с подростками всякое бывает, — недаром этот возраст называют «трудным», но в данном случае мы имели дело не с обычными детьми, а с умственно-отсталыми. Что в их сознании происходит, я не имела понятия, — не работала раньше с такими детьми, не читала соответствующую психологическую или педагогическую литературу. А тот опыт, который накопили мои коллеги, фактически игнорировала, не отвергая его сознательно, а просто не задумываясь об этом. Мне бы вспомнить советы Федосии Ивановны, да где там, мешала занятость текущими делами и отсутствие каких-либо сигналов об опасности в моей непосредственной работе.

Первый острый взрыв произошел без моего присутствия, хотя потом мне удалось его погасить, а точнее — загнать внутрь.

Анна Михайловна, разбирая личные дела детей, наткнулась в деле у Толи на сведения о том, что у него есть сестра, которую удочерили. В деле был адрес ее приемных родителей. Ничего не сказав мне, она отправила по этому адресу письмо с описанием прекрасных качеств мальчика. Она предлагала им иногда писать ему письма и брать его на каникулы. Ответ пришел резкий и категоричный с требованием никогда больше не писать им. В довершение Анна Михайловна допустила еще одну ошибку: показала Толе письмо. Он буквально взбесился: ходил растрепанный, нарочито небрежно одетый, вызывая хлопоты дверями, грубил взрослым, обижал малышей, много и громко крича, что «дураки никому не нужны». Несколько дней он не появлялся в библиотеке, избегая встреч со мной. Но потом все же пришел, и мы долго говорили с ним. Я пыталась успокоить его, искренне сочувствуя его страданиям, и, видимо, нашла нужные слова и аргументы. Он успокоился. Я же вместо того, чтобы глубоко проанализировать и заметить опасность в своих отношениях с ним, тоже успокоилась, довольная новым «успехом». Через некоторое время мне пришлось испытать, что значит, когда «небо обрушивается на голову».

Толя стал просить меня оставлять ключ от библиотеки, когда я ухожу. Договорились о правилах ответственности. Ах, не надо было это делать — ведь уже столько признаков говорило о том, что я совершаю серьезные ошибки. Но мне было его жалко, особенно после его стресса из-за письма. Была уверена, что он заслуживает такого внимания, и я могу на него положиться. Ну, прямо-таки «Макаренко»! Но мальчик все больше демонстрировал свою избранность, вызывая у педагогов недовольство и их новые жалобы директору.

Как-то раз Василий Васильевич проходил по интернату с проверкой после отбоя, застал Толю одного в библиотеке, обругал и отправил спать. Толя ничего предосудительного не делал, а, как обычно, что-то мастерил. Однако это все равно было нарушением дисциплины. Наутро директор вызвал меня и устроил «выволочку». При этом он говорил со мной необычно резко, подчеркивая, что мои действия не соответствуют моему статусу, что я вообще стала хуже исполнять свои прямые обязанности.

Василий Васильевич привел несколько выразительных примеров из серии, сколько я посетила занятий, сколько дисциплинарных нарушений среди педагогов оставила без внимания, как давно не проводила педсовет и тому подобное.

В те годы по молодости я была обидчива и слезлива, поэтому после такого выговора мне большого труда стоило сдерживать слезы. Взынченная, я вышла из кабинета, разыскала Толика и в резкой форме высказала ему, что он нарушил наш договор о правилах работы в библиотеке. Этим он подвел и ночную няню, и себя, и меня, а поэтому пусть немедленно вернет ключ. Он резко повернулся и убежал. Ключ принес только через несколько часов. Как потом я узнала, он за это время пытался сделать копию ключа из... картона и фанеры, — видимо, в качестве образца.

В последующие дни от него мы все получили фейерверк протеста, демонстраций, грубостей, драк и много другого, что надолго осложнило весь быт интерната. Конечно, у него сразу нашлись последователи, — благо поводов выражать свое недовольство у них с каждым днем и часом прибавлялось. Со мной Толя отказывался разговаривать, избегал встреч, а если мы и оказывались рядом, тут же строил из себя придурка, нагло подчеркивая нашу беспомощность в борьбе с ним. Не уверена, что это была осознанная демонстрация: он вел себя не всегда адекватно, совершал нелепые поступки. Даже внешне подурнел: выражение лица, в отличие от прежнего времени, полностью соответствовало диагнозу. Не исключено, мы имели дело с последствиями стресса. Жаль, наши медсестра и врач мало в этом разбирались. Вполне возможно, ему была нужна не столько педагогическая, сколько медикаментозная помощь.

* * *

Библиотека опустела. Даже малыши редко заглядывали, — им явно не хватало прежней дружной и доброй компании. Я им теперь редко читала, почти ничего не рассказывала, целиком ушла в нешуточный накал своих переживаний. Продолжая совершать ошибку за ошибкой, я не могла скрыть свои страдания. Ходила поникшая, невеселая, общалась с педагогами и детьми сухо и только при необходимости. С этой ситуацией я так и не смогла справиться. Нет, я не навсегда стала «букой», но и прежней уже не была. Меня разрывали сожаления, самобичевание, острые переживания, но именно они мешали хорошо осознать причины произошедшего и найти умный выход.

Надо отметить, точнее — признаться, что мои страдания имели и еще одну нить. Дело в том, что за эти годы я очень привязалась к Толе и даже совершенно серьезно подумывала о возможности его усыновления. Остановил Володя, заверив, что для этого Толик уже перерос, да и вряд ли мы сможем его нормально вырастить: ему нужна обычная трудовая семья, а не наши мудреные интеллигентские принципы и занятия.

Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не трагедия, постигшая интернат. У нас утонул один из воспитанников — Вова Тихонов, мальчик 10-11 лет.

В один из воскресных вечеров ранней весной дети по своим группам занимались играми, чтением, смотрели диафильмы. Неожиданно Вова выскочил из здания, побежал к оврагу, находившемуся недалеко, сел на сооруженный детдомовскими детьми плот и стал быстро отталкиваться от берега, явно спешил, опасаясь, что его остановят. Раз-два-три! В следующий момент шест не достал до дна, и Вова со всего размаха свалился в воду. Это увидели дети из окна детдома. Они подняли шум и бросились к своим воспитателям и нашим педагогам. В течение ближайших минут прибежали наши учителя физкультуры, кинулись спасать мальчика. Больше получаса они ныряли в ледяную воду, перемешанную со снегом и льдом (дело было во время весеннего разлива реки). К тому же им мешали ветки кустов, растущих на дне оврага и затопленных

сейчас водой. Вытащили мальчика уже без возможности вернуть к жизни.

Надо ли говорить, что творилось в интернате после этого. Нас спасло только заявление матери с просьбой никого не судить. Она рассказала и нам, и следовательно, что с самого его рождения все время ждала чего-то подобного. Вова действительно постоянно влезал в какие-нибудь истории, как говорят, был «притчей во языцех».

Вовина мать поведала нам потрясающую историю из своей жизни. Во время войны она, имея трех детей, жила в сибирской деревне. Муж был на фронте, она растила их одна, имея скудные колхозные заработки. Однажды зимой ее дети катались на санках с высокого берега местной речки и провалились в покрытую тонким льдом прорубь. Все утонули. Их так и нашли на дне на санках, в которые впрягся старший сын и, падая, захлестнул веревкой двух малышек. Когда она, придя домой, стала согласно народному обычаю закрывать черной тканью зеркало, обнаружила за ним похоронку на мужа, которую кто-то из ее родственников получил и выжидал время для сообщения горькой вести. Тут она лишилась сознания, а потом долго лежала в психиатрической больнице. После окончания лечения ей посоветовали уехать из тех мест, и она завербовалась работать на Сахалин. Спустя некоторое время вышла замуж и родила сына. Видя, как он растет, она поняла, что своей головы ему не сносить. И вот именно поэтому она просила не возбуждать уголовное дело против педагогов интерната, к которым у нее нет никаких претензий и даже, напротив, она им благодарна за хорошее отношение к ее сыну.

Дело действительно не возбудили, но по линии ОблОНО меры приняли: дежурившую в той группе воспитательницу уволили, а меня перевели на должность учителя. Меры, принятые ко мне, были обусловлены тем, что в тот день не вышла на дежурство одна из воспитательниц, которая заболела накануне, а я ее не заменила. На самом деле в воскресный день те, кто пришел на работу, всегда были заинтересованы в том, чтобы их дежурило меньше положенного: за это полагалась двойная оплата. Но в такой трагической ситуации никто не искал никаких оправданий.

После этого я в интернате проработала недолго. Володя в это время уже работал не в детском доме, а завучем в средней школе, куда и перевел меня. Там я стала вести уроки истории в 5 классе и домоводство в 5-7 классах.

Средняя школа

Ушла я из интерната, не излечившись от своего стресса, но все-таки с облегчением. Дело в том, что после всех описанных событий моя работа перестала уже быть для меня радостной и интересной. Еще долго воспоминания о первых годах в школе-интернате были болезненно-сладкими. Вспоминались моя увлеченность, грандиозные надежды на успех обучения и воспитания полюбившихся мне детей-инвалидов, мои провалы и огорчения. Итогом размышлений была, с одной стороны, благодарность за выпавшие мне радости первых педагогических лет, а, с другой стороны, понимание того, что это была для меня хорошая школа жизни, научившая главному — ответственности перед педагогами и детьми за каждый шаг работы в коллективе.

Жизнь в интернате вошла в нормальную колею. Библиотеку поручили Федосии Ивановне. Она исправно выдавала книги педагогам и школьникам, не мудрствуя над своими обязанностями. Толя успокоился, стал помогать конюху, и делал это хорошо. Своих друзей к лошадям он не подпускал. Стал более замкнут, чем раньше, но и проблем не создавал, — видимо, повзрослел. Возможно, и его пережитый стресс чему-то научил. Василий Васильевич, изредка встречаясь со мной, смотрел на меня по-доброму и говорил, что жалеет о том, что наша работа так рано завершилась. Мне

показалось, что с его стороны это были искренние слова, и я ему отвечала в том же духе, благодарила за добрую науку. Розяку я тоже иногда встречала в городе. Она рассказывала о жизни в интернате и говорила, что все идет тихо, мирно и скучно, — не так, как при мне. Вот уж это для меня было неожиданностью: не думала, что мои «проекты» и придуманные мероприятия ее занимали. Но слушала всех с тайным удовольствием: очень хотелось верить, что меня там вспоминают по-доброму.

В новой школе я быстро освоилась и ушла с головой в свои дела. Правда, как и в интернате, я мало общалась с учителями. Благо, что такое от меня и не требовалось. Отстраненность от педагогов дошла до забавного. Уже уехав с Сахалина, я узнала, что в этой школе работала учителем химии и жила прямо над нашей квартирой Воля Михайловна. Оказывается, я в детстве жила с ней в одном доме в Энгельсе. Но я ни разу с ней не говорила о военных годах, однако для себя отметила, что второй раз встречаю необычное имя «Воля». И в голову не приходило, что это «не такое же» имя, а именно то самое. Удивлялась потом себе, — ну, почему не спросить, — это было бы так естественно.

Ну, а дети в очередной раз завоевали мое сердце. Я увлеченно вела уроки по истории древнего мира, дополняя материал учебника своими знаниями, почерпнутыми во время моего обучения в Саратовском университете на филфаке. Дети полюбили эти уроки, как, впрочем, всегда любят историю древнего мира. Во время уроков они слушали меня беспрекословно, и у меня не возникало никаких проблем даже с самыми озорными мальчишками. В этом же классе я вела с девочками уроки домоводства. Несмотря на малую престижность этого предмета, я и эти уроки тоже вела с увлечением. С искренним удовольствием учила убирать квартиру, украшать и благоустраивать жилище, чинить всякие вещи, причем не только из ткани, а из дерева и стекла. В этом мне помог опыт работы в интернате. А когда в соответствии с учебным планом мы перешли к приготовлению пищи, к нам стали заглядывать и мальчишки. Они убегали к нам от своего учителя труда, иногда отпрашиваясь, предварительно выполнив там свое задание. У нас они мыли овощи, посуду, точили ножи и что-то резали. В конце урока все садились за стол и устраивали пир. Чтобы доставить детям удовольствие, я нередко нарушала программу, в которой специально планировалось, какие блюда надо готовить или какими операциями овладевать. Я разбила класс на группы, давая им разные задания. Одна группа в один урок готовила закуску, другие суп или второе, а кому-то я поручала приготовить десерт. На следующий раз задания менялись. Это ускоряло и обогащало обучение. Девочки любили продемонстрировать свои умения дома, чем очень радовали там всех.

Девочек старших классов я учила шить. Я показывала им, как делать и обрабатывать различные швы. Кстати, те, которые я сама не умела делать, учила по книжке, не особенно скрывая, что многие свои познания приобретаю вместе с ними. Давала им навыки кройки и много другого, что нередко выходило за пределы программы. Еще важным делом для нас стал уход за швейной машинкой. Ни в одной программе для девочек это не было предусмотрено, однако, так сложились наши обстоятельства. Школа получила 12 швейных машинок, но мы зря радовались: они пришли сильно поржавевшими после неудачной транспортировки с материка. Мастера в школе не было, да и среди родителей не нашлось, вот и пришлось нам самим отмывать их в керосине от ржавчины и настраивать. Кстати, раньше это делать мне не приходилось: дома у нас был свой мастер — отец. А тут и посоветоваться не с кем. Я призналась в своей

неопытности, и опять-таки помогла книжка, то есть инструкция к швейной машине. Привлекала себе в помощь девочек.

Почти весь год уроки выглядели так: сначала я что-то рассказывала и показывала, потом часть девочек занимались выполнением этой работы, а две-три переходили к ремонту очередной машинки. Кстати, как-то раз несколько мальчиков-одноклассников стали упорно заглядывать к нам. Оказалось, у них по расписанию не было в это время урока. Узнав о наших проблемах, упросили взять их в помощники. Их посещения продолжались. Пускала я их только при условии, что они не только с машинками будут возиться, но и выполнять обязательные в классе требования к самообслуживанию. Например, самостоятельно пришьют оторвавшуюся пуговицу или погладят мятые брюки. На этот случай у нас были даже щетки и крем для обуви. Почему-то у мальчишек это не вызывало протеста, даже наоборот, они гордо демонстрировали выполненное задание. Особенно одобряли мои «драконовские порядки» их родители.

Летом мне поручили практику на приусадебном участке. О проведении самой работы особый рассказ. Увлекательная для всех нас летняя работа закончилась большим праздником: мы организовали выставку образцов всего выращенного нами. Устраивая праздник, мои подопечные действовали изобретательно. Они выставили на улицу столы и приготовили угощения из выращенных овощей; сделали из цветной бумаги забавные маленькие тарелочки, красочно разложили на них угощение, поставили это на столах, накрытых бумажными скатертями. Кстати, это было дивом, поскольку многие не подозревали о существовании таких скатертей. На пир были приглашены учителя и достаточно много учеников из других классов. Хотя еды для всех было маловато, зато провели время весело и интересно. Даже какие-то конкурсы устроили, причем самостоятельно, не привлекая никого из взрослых к их организации.

В орбиту моего общения со школьниками вошли и самые старшие. У них Володя был классным руководителем, инициатива принадлежала ему, а я помогала. Мы приглашали их к нам домой, устраивая литературно-музыкальные вечера. Володя читал стихи то по книжкам, то по памяти — он знал их много, покорив этим детей. Рассказывал и о музыке, предварительно подготовившись по книгам, а также прослушивая музыкальные записи. Соответствующие книги и пластинки выписывали почтой, и со временем у нас собралась богатая музыкальная библиотека, хотя мы с ним даже нотной грамоты не знали. Со временем у нас собралось свыше трех сотен пластинок, в основном, с классической музыкой.

Подготавливали аналогичные вечера и для встреч в школе. Самым интересным, как по нашему мнению, так и по отзывам детей и учителей, был вечер на тему «Реквиема» Роберта Рождественского. Когда в журнале опубликовали его поэму, она потрясла нас, и мы решили сделать вечер в школе. Тщательно подобрали фрагменты из разных музыкальных произведений (в основном, П.И.Чайковского), записали их на магнитофон, потом читали стихи, четко добиваясь их согласования с соответствующим музыкальным фрагментом. Работа была кропотливая, особенно учитывая, что надежных способов для нее у нас не было. Вечер получился настолько потрясающим, что о нем, как нам потом рассказывали, долго вспоминали после нашего отъезда.

Некоторое время спустя по радио мы услышали аналогичную композицию на специально для этого написанную музыку Дмитрия Кабалевского. Нам искренне казалось, что наша композиция получилась выразительнее. В радиокomпозиции нам понравились лишь отдельные места. Возможно, в чем-то мы ошибались, но до сих пор думаю, что эмоциональное воздействие нашего вечера оказалось мощнее.

Работа в средней школе шла без срывов и трагедий, но вот и она подошла к концу. Это было обусловлено двумя причинами. Одной явилось приглашение Володи на работу в пединститут в Южно-Сахалинск, но без особых перспектив для меня. Второе обстоятельство касалось меня: в школе мне не могли дать иные уроки по истории, кроме пятого класса, так как для работы в старших классах я должна была иметь соответствующее педагогическое образование. Обидно, что мое философское образование в университете не было достаточным основанием. Это меня сильно огорчало, так как я понимала, что вскоре я заскучаю на одних и тех же темах. Их готовить и проводить интересно год-два, а дальше... В Южно-Сахалинске, как я сказала, для меня тоже не было перспектив: места на кафедре психологии заняты явно надолго, а на иные, в отличие от Володи, мне рассчитывать не приходилось.

В это время Володя практически начинал обучение в Москве на заочном отделении в аспирантуре, а мне предложил ехать на дневное отделение, забрав с собой девочек. Решили, что это вполне целесообразно: пока я учусь, он закончит заочную аспирантуру, а тогда сможем определить и нашу дальнейшую судьбу. На самом деле все вышло иначе.

Едва начав готовиться к вступительным экзаменам в Москве, я узнала через нашу однокурсницу, что в Харькове профессор Петр Иванович Зинченко ищет двух аспиран-

тов. Встретилась с его сыном Володей, который уговорил меня связаться с его отцом по телефону. Поговорив с ним лишь несколько минут, я настолько была им очарована, что тут же кинулась к телефону и после получасовых переговоров убедила Володю бросить все на Сахалине и переехать «на материк», то есть в Харьков. Он продал наш нехитрый скарб (заодно и очень ценные для нас вещи), раздарил пластинки и книги, и вскоре мы уже сдали экзамены и надолго поселились в Харькове.

Несколько лет назад мы были в Южно-Сахалинске на курсах по Развивающему обучению. Узнали, что нас все еще помнят, хотя прошло с тех пор больше тридцати лет. Один из лучших Володиных учеников работает директором в той самой школе, храня в памяти не только любовь к своему классному руководителю, но и поддерживая сложившиеся в те годы традиции по воспитанию детей.

С тех «незапамятных времен» в наших сердцах живет нежная любовь к Сахалину, со всей его противоречивой природой и разнообразными проблемами в работе, полной таких же противоречий. Но не только в памяти, но и во всей нашей дальнейшей судьбе Сахалин оставил прекрасный неизгладимый след.

А дальше началась совершенно другая полоса жизни, иная судьба. Это как в современной действительности: эра высоких технологий. И разговор об этом особый. Не уверена, что справлюсь с такой задачей. Может быть, может быть.

ВНУТРЕННИЕ БАРЬЕРЫ

Смотрела по каналу «Ностальгия» встречу с великолепными музыкантами восьмидесятых годов — Татьяной Рузаевой и Сергеем Таюшевым. Кроме приятной встречи с настоящим пением для души был еще момент, взволновавший меня. Они рассказывали о своей работе с Николаем Озеровым и обмолвились, что, несмотря на великолепные отношения с ним, вопреки его сердечности и простоте, для более полного общения им мешала стеснительность. Дескать, он так занят, поговорим в другой раз. А другого раза не стало, и, как выразился С.Таюшев, «недообщались». Именно это слово всколыхнуло во мне гамму воспоминаний и переживаний: о скольких людях я могу сказать то же, что «несмотря» и «вопреки», я недообщалась с ними. Мешали, конечно, какие-то внешние обстоятельства, но, понимаю теперь, главное было не в них, а во мне, в нелепом внутреннем барьере.

Зигмунд Фрейд ввел понятие «комплекса», но то, о чем я хочу подумать, к ним вряд ли можно отнести. Не претендуя на научную строгость формулировок, отмечу следующее. Комплекс — это система подсознательных структур, возникших под влиянием дисгармонии между внешними обстоятельствами взаимоотношений с окружающими и внутренними компонентами мотивационной и эмоциональной сферы. Такая дисгармония возникает незаметно, строится без осознанного участия личности, потом существует так же неосознанно, исподволь влияя на взаимоотношения с людьми в совершенно иных условиях.

Но есть процессы иного рода. За ними тоже, наверно, скрываются подсознательные механизмы, но главное содержание определяется вполне осознаваемыми и произвольно созданными системами. Лишь бороться с ними, менять и уничтожать не получается вопреки осознанию их неоправданности, ненужности, несомненной разрушающей силы. Так сказать, «сам себе враг». Парадоксальность этого явления в том, что человек, с одной стороны, достаточно умен для того, чтобы выстроить целую систему так называемых им «объективных обстоятельств», которые будто бы временно мешают ему реализовать значимые цели. При этом в нем живет и осознанно подпитывается логическими аргументами уверенность, что он в любую минуту может совершенно свободно эти цели достичь. Так вот, при всем при этом, с другой стороны, сам себя не отпускает, сам себе мешает, выстраивает все новые «объективные» обоснования своей беспомощности. В итоге многое не складывается, не получается, вызывая достаточно острые эмоции. Но вырваться из этого порочного круга не получается.

Именно о таком явлении говорили музыканты. Именно такого типа обстоятельства в моей судьбе возникали, мешали и остались непреодоленными. Что-то потеряло остроту, что-то оставило заметный тревожащий след, а что-то таит в себе неизбывную горечь и острую боль от непонимания причин своей беспомощности перед самой собой.

Вот именно такие структуры и я хочу назвать «внутренними барьерами». Надо еще и еще подумать, еще и еще раз пережить некоторые из них. Для практического изменения собственно жизни это скорее всего ничего не даст. Но рассказать, мне кажется, есть смысл, — в надежде, что кому-то поможет, кто-то вовремя увидит себя разрушителем своих взаимоотношений с милыми и дорогими людьми. И сумеет победить себя, доказывая себе не только то, что «ищите источник проблем в себе», но и то, что «счастье в ваших руках».

Барьеры, как сейчас понимаю, были разного типа.

Один из них самый, на первый взгляд, безобидный, пустяковый, поверхностный. Назову его так: «Мне нет места в их жизни». Срабатывал он не раз, но вот хотя бы пара примеров.

Я поступила в Московский Университет. В первые же дни сентября читаю университетскую многотиражку и под небольшой статьей вижу подпись: Нелли Лагунова. Неужели?! Ищу редакцию, узнаю, что это студентка пятого курса факультета журналистики. Нахожу ее: конечно, это она, одна из моих старших подруг послевоенных лет. Любила стихи, читала мне их много, вызывая во мне тихий восторг. Не раз пела мне популярные песни, но на собственные слова, и я их считала превосходными.

Она сразу узнала меня. Встреча как будто прошла нормально, но я поняла, больше не стану ее искать: я и моя жизнь ей не интересны. Мы больше не встречались, я лишь иногда видела в газете ее небольшие заметки. Во мне каждый раз возникало особое чувство, — не знаю, как его назвать, — некой сопричастности, что ли. Но найти ее еще раз, показать ей, что я тоже выросла и могу быть интересной для нее, я не хотела. Мешала скрытая боязнь вновь почувствовать отсутствие интереса ко мне. Однажды мы оказались совсем рядом перед дверями аудитории (отдельные наши лекции шли в их корпусе), но я не сделала ни единого движения в ее сторону. Она прошла мимо, кивнула, я ответила тем же в уверенности, что мне не нужны встречи с ней. Но вот ведь странно, не забылось все это. Наверно, потому, что в действительности, за моим нежеланием проявить минимальную активность стоял комплекс глубоких причин, нечто очень важное. И мне жаль, что сработала моя дурацкая позиция «серой мышки». Но ведь мне было, о чем с ней поговорить!.. Я хотела этого. И не смогла.

Другая картинка еще поразительнее. Лишь только начались занятия в Университете, отправилась в Авиационный институт для встречи с Милой, лучшей моей подругой в старших классах школы. Мы с ней, обе медалистки, поступали в вузы Москвы одновременно, однако я не сразу была принята в МГУ и два года училась в Саратове. А Мила была принята в МАИ с первой же попытки. Еще бы! Ее отец был летчиком, Героем Советского Союза, погиб на фронте. Тогда это имело решающее значение. Она училась в Москве уже два года, мы изредка переписывались.

Уезжая в Москву, я мечтала об этой встрече. Но прошла она совсем не так, как мне представлялось. Короткие вопросы — короткие ответы. Мила была озабочена текущими делами, постоянно отвлекалась на разговоры с девчонками из общежития. Порой, мне казалось, она забывала обо мне. Во всяком случае, такая встреча могла бы считаться нормальной, если бы мы виделись часто. Но после двух лет разлуки... Я что-то начинала рассказывать, но она не возвращалась к этой теме, когда мой рассказ по какой-то причине прерывался. Я замолкала, и ее это не тревожило, а я почему-то тоже не возвращалась к этой теме. Я о чем-то спрашивала, но Мила, начав отвечать, легко отвлекалась. Расставаясь, мы нежно и ласково обещали друг другу встречаться почаще. Но я уже знала, что приеду к ней только в одном случае: если она придет первой. Что это? Гордыня? Банальная вредность?

Эта встреча так и осталась единственной. Я, все прекрасно понимая, не смирилась с тем, что в ее жизни для меня уже не было места. Но ведь то же самое имела право сказать и она. Сначала мне помешала моя нелепая обида, а потом жизнь так закрутила меня, что в ней тоже не осталось свободного места для старой подруги.

Эти обе встречи переживались мной по-разному. Холодность встречи с Нелей

меня почти не волновала, поскольку мы были подругами в средних классах и не долго, да и дружба наша была не очень тесной. А вот встречу с Милой я переживала глубоко. Да вот ведь парадокс: короткое время. Отторгла эти впечатления в пользу прежних, связанных с глубокой нежной привязанностью к ней. Она для меня значила в школьные годы много. Моя мама даже ревновала к ней, все пыталась уверить, что я напрасно «бегаю за ней, как собачонка» (ее выражение).

Сейчас, думая об этом, не могу определенно сказать, что была чья-то вина. Всему свое время. Остается надеяться, что в памяти Милы я осталась, и вспоминает иногда с той же теплотой школьные годы, а не эту нескладную встречу. А, может быть, даже правильно, что наша встреча прошла так коротко, что все прошлые годы сохранились светлыми и прекрасными. «Не возвращайтесь к былым возлюбленным, бывших возлюбленных на свете нет», — видимо, справедливо пелось в одной прекрасной песне.

Почему так получилось с Милой, мне и сейчас не совсем ясно. Есть же реальные причины, почему я, например, не помню, как мы с ней общались в те два года, когда учились в разных городах. Видимо, тогда произошло самое главное. Ведь в моей памяти об этом периоде есть только события, происходившие в нашей восьмерке друзей. Но была ли это реакция на какие-то поступки Милы, или это мои дела, не знаю. Чувствую, что когда говорю, — «мне нет места в чьей-то жизни», — формула эта другим концом смотрит на меня.

Есть в этой теме еще один вопрос. А что, разве нужно беречь все наши взаимоотношения неопределенное время? Годами? Нет, конечно. И. если сравнивать эти два примера, то совершенно очевидно, что прохладность встречи с Нелей не удивительна, вообще нормальна, и переживать бы вроде не о чем, и вспоминать нет смысла. Нет смысла? В этом сомневаюсь. Не намеренно же вытащила из памяти, само всплыло, проявилось из множества других сходных ситуаций в ответ на проблему моих барьеров. Тут дело вовсе не в том, как мы встретились, а в том, что я переживала, и почему не забылось именно это, далеко не единственное расставание. Я так и не имею ответа. Что, та самая гордость? То легкое равнодушие ко мне, «любименькой»? То, что мне хотелось ее удивить чем-то из моих знаний, почерпнутых за прошедшие годы? Или то, что я, так много зная о ней раньше, была отвергнута, не допущена к ее теперешней жизни? Вопросы без ответа. Ясно лишь, что ответы на них что-то важное сказали бы мне и обо мне.

А проблема с Милой другого типа. Это все-таки о том, что большую дружбу кощунственно терять. Практически со времени начала школьного обучения и до его конца она занимала значимое место в моей жизни. И она, и вся ее небольшая семья были мне дороги. Ведь огромной радостью наполнилось мое сердце, когда много лет спустя я по телевизору в передаче «Служу Советскому Союзу» неожиданно увидела ее брата Алика, — теперь полковника авиации Альберта Владимировича. Они были важной частью моей жизни. Именно я закрыла к ней доступ? Этому есть объяснения и тем более — оправдания? Сомневаюсь. Это реальная потеря. Вся история тоже про меня и для меня. Нет, нет, это не из серии — «не возвращайтесь к былым возлюбленным», это из другого круга проблем и ценностей. Вопрос — из какого?

Такой же вопрос: если человек тебе дорог, но в его жизни тебе больше нет места, что надо делать? Ждать, когда все образуется независимо от тебя? Упорно и настойчиво ликвидировать возникшее отчуждение? С чьими эмоциями и мотивами считаться — со своими или иными, — этого человека или тех, кто занял твое место?

Проблемы существуют тысячелетия, вариантов ответа на них не так уж и много, но каждый человек, попав в такую ситуацию, воспринимает ее и переживает так, будто он — первый, единственный. Ищет свое решение, отвергая все давно существу-

ющие. Почему он не принимает их? Почему убежден в их непригодности к своему случаю? Чего не видит, что не понимает?

Барьеры второго типа рождены недооценкой своей, так сказать, значимости. Я стремилась навстречу кому-то, но меня останавливал сакраментальный вопрос: «Да кто я такая?!», или иными словами, грубее: «Каждый сверчок знай свой шесток». И сколько бы ни рассуждать на тему моей неправоты, бесполезно, ибо это жило и живет какой-то своей почти независимой от меня жизнью. Будто вижу это в кино, все понимаю, сочувствую ЕЙ, этому персонажу. Даже рассматриваю некие варианты ЕЕ вероятных поступков. Но я-то сделать ничего не могу, не могу выйти за пределы, заданные условиями созерцания ТОЙ, в целом симпатичной мне жизни.

В основном такие барьеры возникали при общении с людьми искусства, — музыкантами, актерами, режиссерами. Объективные основания — мой дилетантизм, — впрочем, порой весьма мною преувеличенный.

Вот и примеры.

В Институте Искусств таких примеров множество, тем более удивительных, что меня там уважали и за профессионализм, и за личные качества.

На факультете, к которому относилась и моя кафедра, работала Регина Самойловна Горовиц, родная сестра всемирно известного пианиста Владимира Горовица. Я ей очень симпатизировала и общалась свободно, пока не узнала про ее родство с великим маэстро. Мой интерес к ней с самого начала определялся ее личными качествами, в частности, ее известностью в институте как превосходного педагога. Заведующая методкабинетом при моей кафедре Ирина и ее муж пианист Сергей были учениками Регины Самойловны, рассказывали о работе с ней с величайшим уважением. Хотела поговорить с ней про ее методы обучения, интересные мне и как заведующей кафедрой и как психологу.

Однако мы существовали просто рядом. Сначала мешал мой небольшой стаж в институте, но потом стаж рос, а с ним и мой авторитет, что вполне оправдывало всякие формальные и неформальные поводы встреч. Кстати, она проявляла ко мне несомненную симпатию. В частности, иногда в большой аудитории перед совещанием или в наших тесных кулуарах происходили интересные и даже душевные беседы. Как-то она рассказала, что брат зовет ее в гости, но настаивает, чтобы она непременно привезла в Штаты свой рояль, поскольку его постоянно занят. Милая худенькая старушка пожала узеньким плечиком: «Как Вам это нравится? Он совершенно не представляет, как мы тут живем. Какие Штаты? Какой рояль? Спасибо, письма теперь писать можно».

Таких разговоров было несколько, но я так и не выбрала время и возможность поговорить с ней детально о том, что меня интересовало. Конечно, я не рассуждала таким образом, что мне до нее далеко, — просто находила нейтральные поводы: то мне было некогда, то она занята, то праздники, то подолгу не видела ее в институте. Честно говоря, я осознавала свою страусиную политику, слегка иронизировала по этому поводу, но практических выводов так и не сделала. Очень жаль.

Такой же клубок причин мешал мне поговорить и с одним из лучших наших педагогов профессором Адольфом Абрамовичем Лещинским. Его творческий путь, богатый общением со многими великими скрипачами и дирижерами первой половины XX века, был для меня, естественно, весьма интересен. Формальных поводов у меня для бесед с ним было немало: работа студентов с учениками, проблемы консультан-

тов, мои научные интересы, общественные дела. Ну, вот, я и общалась по поводу этих формальных дел. Остальные вопросы накапливались, но до них не доходила очередь. Педагоги моей кафедры говорили о его доброте, контактности и я искренне собиралась просто пообщаться ни про что и про все на свете. Хотела, но, как шутят, «Хотей не велел».

А разве не смешно, что так же точно мне мешало нечто неуловимое полноценному общению с альтистом профессором Суреном Качаряном? Почему смешно? Да потому, что мы очень симпатизировали друг другу, нередко рядом сидели на заседаниях Ученого Совета, собраниях и концертах. Он почти по-детски обижался на меня несколько дней, если после концерта его камерного оркестра я не подходила к нему за кулисы выразить восхищение. Оркестр его был и в самом деле замечательный, один из лучших на Украине, и я получала истинное удовольствие. Но пойти за кулисы, — нет, кто-то цепко вцеплялся в меня, и я, будто очень занятая, говорила после концерта, то с одним педагогом, то с другим, пока почти все расходились, и мне неудобно или просто поздно пойти похвалить Сурена Гарниковича. А потом новые извинения и новая неловкость. Стыдно, хоть провались, и, тем не менее, этот стыд не мог стать сильнее моего неуловимого тормоза. Без сомнения, о музыке с ним поговорить мне было бы чрезвычайно интересно, получить ответы на многие вопросы дилетанта, учитывая его симпатию и несомненное уважение моего профессионализма. Но не поговорили. Несколько раз даже поднималась к нему на кафедру, даже заходила на уроки и репетиции, но так и не набралась духу поговорить. Причина лежала прямо на поверхности: осознанно боялась неправильной формулировки моих задач. Дело в том, что такой разговор вследствие отсутствия у меня музыкального образования происходить мог только без нот и музыкальной терминологии. Довелось бы мне давать совет человеку, попавшему в такую же ситуацию, я бы искренне советовала не бояться ничего. Я бы убеждала, что у этого человека (как и у меня) есть любовь к музыке, есть свое отношение ко многим произведениям, есть вполне обоснованное понимание многих трудностей в обучении детей и студентов. Непременно подчеркнула бы, что этому есть своя цена, многое любому музыканту было бы интересно, тем паче такому одухотворенному, как он. Другому советовала бы, но себе, несмотря на понимание и почти адекватную оценку своих возможностей, не позволила преодолеть тот самый внутренний барьер, занозой сидящий где-то «под ложечкой» (но не в голове): «кто я такая, чтобы совать свой нос в музыкальный мир?».

Неизмеримо проще складывались мои отношения с актерами и режиссерами театрального отделения, ибо не существовало разницы «в языке»: никаких проблем с чтением необходимой литературы.

В моей учебной нагрузке не было лекций на этом отделении, но поводов бывать там искать не приходилось. Меня посылали с заданиями от Ученого Совета или партийного бюро и на театральное отделение, и в Театр кукол. Официальные проблемы решали легко и быстро, а попутно возникали и художественные вопросы, по поводу которых мне было, что сказать и чем вызвать их уважительное отношение. Скоро меня стали звать на занятия, репетиции, спектакли, чтобы услышать мое мнение, мой анализ. Сколько восхитительных часов я провела на студенческих и актерских репетициях, особенно в Театре кукол! Сколько интереснейших встреч со студентами и педагогами!

Однажды директор Театра кукол профессор Виктор Андреевич Афанасьев, второй по величине специалист после С.Образцова, пригласил меня на достаточно длительное мероприятие: разобраться в творческом конфликте его с молодыми ак-

терами и режиссером А. Инюточкиным. Я посмотрела несколько репетиций, присутствовала на их рабочем анализе творческой группой. Это был чрезвычайно интересный спектакль по пьесе М. Варфоломеева «Святой и грешный». Один из первых спектаклей для взрослых с острым сюжетом и массой новаторских решений в актерской игре, оформлении сцены и спецэффектах. Впечатлений получила массу, возникли некоторые вопросы и предложения.

Завершалась моя работа участием в заседании художественного совета. Шло острое обсуждение, в котором главный режиссер, стараясь прежде времени не высказывать свою позицию, на самом деле не мог скрыть неприятия всего комплекса решений режиссера и его коллектива. Увлеченная содержанием выступлений, не обратила внимания на его сдерживаемое недовольство. Надо сказать, что Виктор Андреевич при первой нашей встрече достаточно определенно говорил, что у него есть серьезные возражения. Я с головой погрузилась в увлекательную работу и в результате увидела некоторые моменты, вызывавшие сомнения или возражения. И решила, что у главного режиссера были некоторые основания спорить. Но я также знала, что все последнее время он не бывал на репетициях и не мог видеть последних изменений. Они, как мне казалось, должны были его убедить.

Когда на заседании совета дошла очередь до меня, я совершенно нерасчетливо рассказала о своих наблюдениях, своем искреннем восхищении и некоторых замечаниях, которые, на мой взгляд, при их учете могли сделать замысел ярче и убедительнее. Почему сейчас употребила слово «нерасчетливо»? Да потому, что перед этим обсуждением предварительно не встретилась с Виктором Андреевичем наедине. Мне опять помешала моя стеснительность. Вместо того, чтобы, учитывая его обращение ко мне за психологическим анализом и консультацией, содержательно обсудить с ним мои выводы, я не решилась предложить ему встречу. Это была большая ошибка. Иначе, как бестактностью, ее не назовешь. Свои соображения я внешне очень мягко, а по сути недипломатично, выложила в присутствии всего художественного совета. Несмотря на то, что в них содержалась некоторая критика, реально поддержала А. Инюточкина.

Дискуссия получилась очень интересная, но по ее ходу Афанасьев все больше мрачнел. Его выступление было рассчитано на разгром, но не получилось: общее мнение коллектива сводилось к безусловному одобрению спектакля.

После этого меня больше не приглашал.

Еще некоторое время мы встречались с актерами, находя немало интересных тем для обсуждения. Этим тоже вызвала неудовольствие профессора. Явно с его ведома со мной встретились его заместители. Высказывая свое сожаление по этому поводу, особо отметила, что у нас разные позиции с ним по вопросу его творческих разногласий с молодым режиссером. Стало ясно, он мною недоволен, поскольку не получил ожидаемой поддержки, а возникшая дружба с творческой группой А. Инюточкина его раздражает. А я? Я, вместо того, чтобы пойти к нему, поговорить, успокоить, объяснить и снять конфликт, поступила в своем неконструктивном стиле. Впрочем, я ведь, действительно, вряд ли имела право его «учить жить». Он настоящий профессионал в своем деле, сделал неимоверно много для театра данного и вообще для кукольных проблем. Так что с ним в его позиции мне спорить трудно, а вот в моих психологических подходах он меньше меня ориентируется. Но это для него не выступает как минус, убежден, что его опыт все перекроет. Вот я и сдалась.

Тут же перестала к ним ходить. Теперь-то легко говорить: понимаю, что должна была вести себя совершенно иначе. Сама себе подставила ножку, лишив себя интереснейшего дела. И вот ведь все тот же парадокс: искренне и глубоко сожалела о том, что не поступаю иначе. Кстати, и артисты жалели о моем отсутствии, говорили об этом

при редких нечаянных встречах на улице (театр и институт расположены напротив друг друга). Я приветливо улыбалась, обещала заглянуть, но сейчас, дескать, очень некогда. В глубине души в это же время мне так хотелось все бросить и идти с ними в театр, не медля ни минуты. Расстанемся, улыбаясь, а мне грустно, — хоть возвращайся, беги следом. Зря не вернулась, лишила себя и их, таких симпатичных мне людей, прекрасных минут.

Некоторое время продолжались встречи с педагогами и студентами театрального отделения, но и от этого отказалась без борьбы. Это решение приняла, когда узнала, что декан недоволен популярностью моих бесед у студентов. Двое преподавателей меня звали на их занятия по расписанию. Эти встречи были увлекательнейшими, их с нетерпением ждали все мы, — и я, и педагоги, и студенты. Но вот мне передали, что он возмущенно отчитывал одну из преподавательниц за ее частые приглашения меня без согласования с ним. При этом выразился не очень уважительно: дескать, что это значит, что вы постоянно прибегаете к помощи неспециалиста. Она мне пояснила, что студенты слишком много говорят о наших встречах. Подчеркнула, что курс психологии на отделении ведет его жена, и ее лекции, мягко говоря, не пользуются популярностью. Классическая ревность, усиленная опасениями бунта против его жены. А для этих опасений основания уже были: мне студенты предлагали организовать психологический цикл для желающих. И хотя я решительно отказалась, понимая, что создам конфликтную ситуацию, но не исключаю, что слух дошел до декана.

Сообщение о его выговоре преподавателю было вполне достаточно, чтобы отойти в тень: не хотите — как хотите, навязываться не буду. Но ведь я так любила эти встречи! Опять сама себя лишила несравненной радости. Конечно, позиция и Афанасьева, и декана — вещи серьезные, но были же и другие способы решения данных проблем. Учитывая их мотивы, обеспечить и свои интересы. Я же по сути признала его правоту в том, что я не профессионал в их деле. Это-то я понимала, но не претендовала на их область знаний, у меня были свои задачи, свои проблемы, в которых я была совершенно уверена и подготовлена. Однако, ничего доказывать не стала, тем более, что лично мне он ничего не говорил. Позорно бежала, не пытаясь защитить «честь мундира»? Пожалуй, так. Мешал внутри сидящий комок сомнений: а может быть, он прав, и я не критично оцениваю себя...

Однако мне слишком дороги были театральные проблемы, чтобы просто так их забросить. Пусть не для кого-то, а для себя самой хочу об этом думать, хочу читать, смотреть. В это время появился удивительный шанс реализовать свои желания. Подоспела длительная командировка в Москву: на целый семестр меня отправляли на курсы повышения квалификации. Конечно, направили официально в МГУ на любимый факультет психологии. Я тут же решила совместить плановые занятия с расширением знаний по искусству. От имени руководства моего института мне выдали рекомендательные письма для обращения в администрации театров с просьбой оказать содействие в работе по теме «Психологические основы создания художественного образа». С этими письмами шла в администрации театров, высказывая пожелание посмотреть спектакли, репетиции, творческие собрания. И отказа практически не было.

Началась золотая эпоха в моей духовной жизни: концерты, театры, кино, репетиции, встречи с актерами. И что тут скажешь? Такие возможности!

Нельзя предположить, насколько односторонне я использовала эти уникальные возможности. Везде я была зрителем, слушателем, наблюдателем. Вела дневники, писала развернутые тексты по итогам моих наблюдений и размышлений, но... не ста-

новилась соучастником столь прекрасных событий. И это при всем том, что на самом деле была к этому участию достаточно подготовлена. Ведь ничего особенного от меня и не требовалось: поделиться своими наблюдениями, задать вопросы, обсудить проблемы, — и все. Это все вполне соответствовало бы моим официальным задачам. Так нет же! Я, видите ли, стеснялась.

Самым показательным в данном отношении стал для меня МХАТ. Посещение спектаклей мне обеспечил заместитель директора театра; при его же содействии я регулярно ходила на репетиции спектакля «Господа Головлевы», который ставил приглашенный из Ленинграда Лев Додин. Превосходный режиссер, превосходный актерский состав. Вот несколько основных участников: Иннокентий Смоктуновский, Антонина Георгиевская, Георгий Бурков, Екатерина Васильева, Ольга Барнет и другие.

Выбор этих репетиций был мой: в одной из творческих встреч со студентами МГУ Екатерина Васильева рассказала о некоторых трудностях в работе над ним. Почти год идут репетиции, но до сих пор есть масса проблем с воплощением образов: слова все давно выучены, а не получается. Недоволен режиссер, устали актеры, не понимая, что надо сделать. Это был для меня подарок: именно такие проблемы в музыкальном обучении детей меня интересовали в первую очередь: все ноты знает, пальчики ставит правильно, педаль — в нужное время и тому подобные технические составляющие есть. А эмоционального образа нет. Нет того, что называется музыкой. И у них в театре, оказалось, возникли те же проблемы: все, так сказать, «технические» детали есть, а целого, то есть — спектакля — нет. Нет искусства, а только — блестящее ремесло.

Свои цели и задачи я пояснила заместителю директора МХАТ, и он меня представил Л.А. Додину с просьбой разрешить посещение репетиций. Весьма неохотно тот дал согласие, не подозревая, что я надолго застряну у них.

Я самым тщательным образом готовилась к каждой репетиции: читала и перечитывала текст романа. Штудировала книги Михаила Чехова, Константина Станиславского, Михаила Туманишвили, Марии Кнебель и много других. Пристально вглядывалась во все, что делалось в репетиционном зале. Все мое существо было переполнено впечатлениями, сомнениями, вариантами решений, пониманием источников многих трудностей в работе актеров. И... сидела тихонечко в сторонке со всем багажом своих наблюдений, переживаний, размышлений. Не умела вклиниться в этот процесс, вопреки несомненному интересу (или любопытству) режиссеров и актеров, безуспешно пытавшихся понять, почему прихожу к ним практически на каждую репетицию, что ищу, что записываю. Сам Л. Додин, наверно, давно забыл, чего ради давал согласие, актерам же вообще было неведомо, кто я такая.

Вместе с тем, интерес я вызывала, но в контакты он не выливался: поглядывали, перешептывались, потом привыкли, приветливо здоровались и занимались своими делами, переставая меня замечать. Всего несколько разговоров, — чаще на нейтральные темы. Ко мне с симпатией отнеслась Антонина Павловна Георгиевская. Она частенько поглядывала в мою сторону во время отработки эпизодов, иногда подходила ко мне, садилась рядом и даже заговаривала со мной, а я не дала ей даже повода продолжить эти разговоры. Душила, сковывала стеснительность: она — знаменитая актриса, а я обыкновенный «доцентшишка», преподаватель из провинциального вуза. Мои психологические работы тут и не известны, и совершенно не интересны. Даже та самая тема, ради которой присутствую у них. Разве я могу сказать этой замечательной старой актрисе свои замечания и советы? Невозможно, несмотря на то, что в ее работе видела ряд причин, мешающих ей создать полноценный гармоничный образ госпожи Головлевой.

Как же я потом была наказана чувством неизбывной вины за это, узнав о ее глубокоом одиночестве. Сколько бесценных минут мы могли бы провести вместе, если

бы не эта отвратительная зажатость по схеме «кто я такая?».

Точно так же, явно без особого труда, можно было бы поговорить, и не раз, с Катей Васильевой, доброжелательно меня встречавшей, а не ограничиваться короткими репликами. Вряд ли получился бы разговор со Смоктуновским, хотя он работал настолько вдумчиво, что не исключено, мог бы заинтересоваться моими соображениями по пьесе.

И, вне всякого сомнения, нам было что обсудить с Додиным. Возможно, он не согласился бы со мной, но смею думать, ему было бы интересно, ибо мне как психологу были видны истоки ряда трудностей в работе актеров над образами. Я же, конечно, не поговорила, исходя из совершенно ненужной позиции «не возникать», «быть незаметной». Не пришлось удивляться его реакции, когда я попросила разрешения прийти на прогон спектакля перед его окончательной подготовкой к выпуску. «Куда ж я от Вас денусь, приходите», — ответил он, не скрывая раздражение. Мне бы тут же и объясниться, договориться о встрече, но из-за моей позиции по схеме «тайной слежки», думаю, и он чувствовал неловкость и сделал вид, что ему не до меня. Вполне возможно, так оно и было. Одно не ясно, как я такое отношение допустила. Опять настоящая бестактность, помимо всего прочего. Вот этого-то я тогда не поняла.

И лишь с заместителем директора МХАТ, доброжелательно встречавшим все мои просьбы, состоялся интересный для нас обоих разговор.

Сейчас я, как говорят, отказываюсь себя понимать. Как я могла так бездарно не использовать такие уникальные возможности?!

Ничем не лучше я повела себя и в студии МХАТ. Конечно, на некоторых занятиях, которые я посетила, вполне нормально выглядела мое присутствие в качестве зрителя или слушателя. Не надо было никому ничего объяснять на занятиях по сценическому бою (ах, как это было любопытно) или на лекциях по истории МХАТ или русской литературы. Иное дело — занятия по актерскому мастерству. Опять нелепая зажатость, граничащая с бестактностью. Так, посещая занятия Андрея Мягкова, едва набиралась духу быстро и маловыразительно обмолвиться несколькими фразами после их окончания. Меня смутило и позабавило его волнение, его попытки оправдать неумелость студентов первого курса. Я же, успокоив его тем, что именно это для меня самое интересное, не смогла набраться смелости всерьез пояснить, что именно мне интересно, и зачем мне это нужно. Смешно? Конечно, ведь мне очень хотелось общения с ним по сути проблем. Помешал опять мною же выстроенный «железный занавес». Ну, как же, — это же Мягков, великий актер...

Спустя много лет я отправила письма и Додину, и Мягкову, пытаюсь немного пояснить мои задачи того времени и результаты своих наблюдений. По почтовым уведомлениям знаю, письма получили оба, но ответа, естественно, не было, да я и не рассчитывала на ответ. Мне хотелось, пусть задним числом, исправить неловкость моего поведения. Фактически, на самом деле допустила еще одну бестактность. В лучшем случае, не читали или не вспомнили, но ведь могла вызвать и легкую досаду, напомнив неловкость тех встреч. Сейчас мне очень обидно за себя, — это явный недостаток профессионализма: психолог просто обязан уметь общаться в любых ситуациях! Пускай бы нечего было им сказать, — дилетант, так дилетант, но я же вижу в своих записях того времени, что нам было, о чем говорить.

Что-то здесь мне не понятно до сих пор. А, может быть, это гордыня? Может быть, боялась встретить неодобрение, недооценку, непонимание?

Пожалуй, больше всего сожалений связано с барьерами типа «еще успею, еще будет время», потому что в этой категории оказались самые близкие, самые дорогие люди. И я перед ними глубоко виновата, но исправить уже ничего нельзя.

Когда с отцом мы общались в детстве, это было необходимо скорее мне, чем ему. Нет, не так говорю. Нужно оно было обоим. Оба мы испытывали при этом огромную нежность друг к другу, какую-то внутреннюю радость. Но мне еще было крайне важно все то, что он рассказывал, — шла ли речь о его детстве, его военной службе или о проблемах, возникавших в моей учебе. А я мало интересного для него могла рассказать, хотя, наверное, что-то рассказывала о своих детских делах. Думаю, для него был важен тон наших бесед, глубокое тепло, нежность.

Потом пришло время рыбалки. Уезжая вдвоем порой на целый день, говорили не очень много, но зато буквально «купались» в душевном единении. Было так хорошо, что, казалось бы, тут и поговорить о самом важном, о том, чем тревожится душа, какие волнуют нерешаемые вопросы, что хочется понять в жизни. Но нет, это все будто и не существовало. Не могу сказать, что я и не думала о такой форме общения с ним, — думала, но как-то все откладывала на другое время. Возможно, не умела найти подходящего тона, что ли. Что это должно быть: вопрос, рассуждения, обращение за советом? Как папа говорил, «пес его знает». А раз нет понимания, значит — в другой раз. Ведь сидит неосознанное: все еще тысячу раз будет, да к тому же в более благоприятной обстановке.

Последние годы его жизни в этом отношении были просто отвратительны. И это не его, — моя вина. Мы разговаривали мало, да и то о пустяках. Но я же видела, что ему плохо. Он глубоко переживал крах тех идеалов, которым он служил, то есть все то, что считалось нашим советским образом жизни. Его приводило в раздражение многое, что теперь писали о нашем прошлом; не разделял новых лозунгов. Сердито бросал реплики по поводу многих высказывания с экрана, явно не одобряя все, что проис-

ходит. Исключительно напряженными стали его отношения с мамой. Они и раньше были трудными, а теперь и вовсе похожими на взаимное мученичество.

Я видела это, очень жалела его, понимала его одиночество и глубокий эмоциональный надрыв. Мне хотелось поговорить с ним, но не знала, как. Даже если появлялся какой-то повод, не использовала его, а уходила от обсуждения. Все казалось, ну, не сейчас, — сейчас что-то мешает, а вот в другой раз. В какой — другой?! Так и умер он, отстранившись от всех нас и от меня в том числе. Так и не излил душу, так и не получил ни от кого из нас, и от меня тоже, поддержки, понимания, утешения. Непоправимо.

С мамой в детстве и молодые годы я разговаривала в основном на бытовые темы. Лишь изредка речь заходила о моих отношениях с подругами или проблемах в учебе. Но это нельзя было назвать «разговором по душам». В любом случае на первом плане оказывался «воспитательный момент», из-за чего я всячески избегала таких бесед. Иногда она давала мне какие-то советы по хозяйству, а я делилась своим опытом. И уж совсем редко мы говорили с ней о настоящих проблемах в нашей жизни. Может быть, всего пару раз мне она пыталась рассказать о своей непростой женской доле, объяснить, почему такие напряженные отношения с отцом. По моему мнению, никаких серьезных оснований для столь глубокого конфликта не было. Нельзя же всерьез считать причиной его неразговорчивость, недостаточную аккуратность или неумение отстоять где-то свои интересы. Понимала ее лишь отчасти, а больше осуждала, считая ее отношение к папе несправедливым. При такой позиции, естественно, душевный разговор не получался и замирал, едва начавшись. Но я, чувствуя ее тягу к настоящей откровенности, слегка сопротивлялась этому, откладывая «на потом». В каждом таком случае я терялась, не понимая, что я могу сказать, чем помочь.

Конечно, разговоры бывали и содержательные. Она мне рассказывала и о своей молодости, и о каких-то переживаниях, и я, естественно, и слушала, и спрашивала, и что-то говорила. И все же это было не то, чего она ждала, ей хотелось гораздо большего. Да и я этого хотела, но «не сегодня», «не сейчас». Еще успеем наговориться, — жило где-то в подсознании.

Не получается рассказать об этом так, чтобы стало понятно. Не те слова, и картина оказывается искаженная. Как объяснить, что внутреннее стремление к сердечному общению оказывалось в конкретных обстоятельствах сведенным к поверхностным проблемам? И разговоры были, и приветливость была, и даже забота друг о друге. В это самое время я прекрасно понимала, что может и должно быть иное. Общение должно быть насыщено всеми теми красками мыслей и чувств, которые стучатся в душе. И это надо сегодня, сейчас, а я жила и действовала так, будто все еще впереди. Разве трудно было сказать себе четко и определенно: у нас разная жизнь впереди? У меня — богатая встречами, поездками, интереснейшими делами, а у нее — все те же будни, одни и те же, что много лет сводятся к мелочам быта в замкнутом пространстве квартиры среди немногих родных, но таких далеких, людей. Разве трудно было понять, что она уже видит край своей, такой однообразной, жизни?

Еще большая замкнутость на сиюминутном, бытовом уровне отличала мои контакты с родителями Володи. Я испытывала к ним обоим очень теплые чувства, ездила к ним с великой радостью, охотно помогала в житейских делах. А сейчас не в состоянии объяснить, как так получилось, что я почти ничего не знаю о деталях их большой и насыщенной драматическими событиями жизни. Они что-то рассказывали моим дочерям, но по непонятной причине меня при этом не было. И особенно меня огорчает, что я не испытывала от этого дискомфорта, — вроде так и надо. Когда-нибудь расспрошу, услышу, — не проблема, а сейчас занята, устала, лень или что там еще...

Пока мы встречались в их доме, и в самом деле не возникало никаких сомнений, что все идет замечательно. Однако, когда мы, спустя несколько лет после смерти отца, забрали к себе маму, сразу возникла напряженность. Чувствую, ей одиноко, ей хочется о чем-нибудь поговорить, и ... ухожу с головой в какие-то дела. Дел и правда было много, и уставала я, и дома в силу особенностей нашей работы всегда надо было продолжать выполнять то научную работу, то какие-то кафедральные дела, то готовиться к лекциям. Это все так, тем более, что и домашних дел хватало. Обычная круговерть, суета, рутина.

Так-то оно так, да не так, — как говорила моя бабушка. Вопреки нормальной бытовой устроенности, заботе, доброжелательному отношению, маме у нас хорошо не было, и я думаю, она не раз пожалела о своем переезде к нам. Многое можно привести в мое оправдание, но греха с души это не снимает. «Сейчас она спит», «вот закончу отчет», «вот вернусь из командировки», — и тому подобные отговорки крепко держали меня на расстоянии. И говори теперь все, что хочешь, а от чувства огромной непоправимой вины не уйти.

Как ни крути, но я не сумела дать любимым людям так необходимого им душевного уюта, сочувствия, сопереживания в форме, им понятной, заметной, очевидной. Мне хватало того, что я понимаю их характеры, их проблемы, то сочувствуя, то не одобряя, а то и осуждая. Но это было мое знание. Им не известное, им не открытое. А им хотелось каждый день знать, что они мне очень нужны, интересны, любимы.

Не изменить. Не исправить. Не попросить прощения.

Есть еще, по крайней мере, один тип психологических барьеров, мешающих мне реализовать общение в том объеме и тех формах, которые мне самой на уровне сознания кажутся необходимыми и желаемыми. Наверно, наиболее точное название для данного барьера — «не мое дело», или иначе, с другим, может быть, еще более точным оттенком: «не лезь в чужой монастырь со своим уставом». Конечно, тут, в первую очередь, важны ситуации, которые происходят опять-таки с самыми близкими людьми.

Вот, например, у моих родных возникли сложные обстоятельства, — я вижу их причину и понимаю, как устранить главные препятствия для их решения. Однако, не спешу вмешиваться, хотя сама могу при этом так переживать, что не до сна. Но нет уверенности, что я имею на это право, что мое вмешательство не нарушает их свободу и право выбора. Да, в конце концов, нет уверенности и в том, что мое представление о деле отвечает их желаниям, их планам, их оценкам того, что для них хорошо, а что — плохо. Как бы умно я все ни рассудила, нет гарантии, что для данного человека это годится. Ведь не бывает в таких случаях объективного похода: так или иначе, но сужу, опираясь на свои представления, исхожу из своего опыта, своего характера.

В жизни было немало примеров того, как, вмешавшись из самых лучших побуждений, я не помогала преодолеть трудности, но более того, чем-то мешала, а то и

вредела. Мне искренне казалось, что так все хорошо обдумала, и нет лучшего выхода. Но, сколько бы хорошо я ни знала этого человека, невозможно учесть, что у него все иное: свои цели, задачи, свои желания, существующие и в сознании, и в подсознании, и где-то в глубинах бессознательного. К тому же невозможно знать многие факты, отношения, конфликты или, напротив, что-то, создающее радость. При любой открытости, любом уровне доверия и уважения невозможно все открыть даже самому любимому человеку.

Вспоминать такие истории и подробно описывать их сейчас не имеет смысла, ибо опять-таки это будет лишь мой взгляд на ситуации, а, значит, только половина правды.

Неудачи попыток «помочь» кому-то решать их проблемы накапливались, и во мне выросла неуверенность в моем праве вмешиваться в дела других людей. Я готова выслушать, помочь чем-то конкретным, то есть что-то сделать сама для них или вместо них, не считаясь со временем, усилиями, материальными затратами и т.п. Но не «учить жить».

Надо сказать, что это совсем не просто. С одной стороны, советовать всегда легче, чем что-то делать. При этом подчеркну, лично для себя легче, ибо куда меньше своих переживаний, времени и сил. В этом случае есть и такой плюс: будто демонстрируем, что не оставим одного в беде.

Однако лично мне эта позиция никогда не нравилась. Категорически не люблю, когда кто-то «учит меня жить», навязывая свое видение моей проблемы и считая свои рекомендации правильнее моих попыток. Потому заранее оправдываю свое невмешательство в дела других людей. Поговорить, обсудить, выслушать другое мнение, высказать свое, даже назвать возможные варианты (неприменно несколько), но не более того. Решать и отвечать за последствия человек должен сам. Но этот принцип не делает мою жизнь проще и спокойнее. Вовсе нет!

Так, в свое время я видела неразумность целого ряда поступков своих дочерей. Конечно, свое мнение и его обоснование высказывала, но не настаивала на изменении ими принятых решений. Я прекрасно понимала, что, настояв на своем, пусть трижды правильном, выборе, не могу гарантировать, что после этого их жизнь потечет благополучно, ибо нас многое отличает. В то же время у дочерей в подсознании или осознанно будет биться горькая мысль, что если бы меня не послушала, было бы все гораздо лучше. Начать сначала и проверить нельзя, остаются сомнения и горечь по поводу того, что мои категоричные требования не привели к успеху. Пусть думают сами, пусть делают свой выбор, пусть ошибаются, но винить некого, отвечать за последствия самим.

Эта позиция сохраняется и в отношениях с внуками. Повторю, — это трудный путь. Очень часто жизнь убеждает, что именно я была права. Не испытываю удовлетворения от исполнения моих прогнозов, — это не греет мое самолюбие. Скорее, наоборот, меня одолевают сомнения в правильности моей тогдашней отстраненности при выборе ими решений. Я и сейчас не знаю, насколько эта моя позиция — «не моего ума это дело», «думайте сами, решайте сами», — правильна. Но сколько бы ни сомневалась, не могу поступать иначе, так как признаю право каждого человека на свой выбор. Я не равнодушный монстр, и остро переживаю все трудности своих близких. Более того, часто не могу не принимать участие в их делах, но только в той мере, какую принимает этот человек. При несогласии, отторжении отхожу в сторону, признавая за ним право знать мое отношение, мое представление о сути и перспективах сложившихся обстоятельств. Для меня понятие «свобода воли» — не пустой звук.

Вот ведь, что странно. Этот подход к проблемам взаимодействия людей, как будто самый обоснованный, и его основания отвечают строгим критериям. Но сомнения не оставляют меня; где-то на краешке сознания бьется тревожная мысль: а, может быть, все это «интеллигентские штучки», и поступать надо строго и решительно, видя ошибки другого.

Что сказать: плохой я советчик, и в этом случае, как и в тех, о которых говорила только что, могу повторить: вам жить, вам решать, вам иметь дело с последствиями.

Под конец подведу шуточный итог. Однажды после моей лекции для педагогов-музыкантов о современных теориях обучения ко мне подошел профессор с кафедры струнно-смычковых инструментов. Поблагодарил за интересную лекцию, потом с лукавым блеском в глазах сказал: «И все-таки, не забывайте, Паганини сделала палка».

Рассказывая о своих внутренних барьерах, не ищу оправдания ошибкам и неудачам. Просто хочу что-то понять. Смешно: стою у последней черты в жизни, а все еще размышляю, так ли прожила эту жизнь. Это, по-видимому, все еще актуально, еще ждут меня новые дни, новые события, новые взаимоотношения. Как себя вести, что делать, как планировать и оценивать свои поступки, — это остается вопросом, и он тем более актуален, что сейчас встречаю ситуации, которые не могу разрешать на былых принципах — делать все самой, отвечать за все последствия самой.

Знаю твердо одно: нет помощников в самых сложных проблемах, и не потому, что, дескать, не те люди рядом, — они те, те самые, какие мне дороги и необходимы. Просто такой закон: чем ближе конец, тем выше личная ответственность за прожитые дни и за новые поступки. Суметь бы...

Перечитала этот рассказ, кое-что исправила, уточнила, нашла иные формулировки. И... пожалала плечами. Парадокс: все правильно, все обо мне, но моего портрета по этим фрагментам не составить. Это ОБО МНЕ. Но это НЕ Я. Типичный пример известного положения: когда берешь одну какую-то линию, отделив от целого, истинной картины не получается. Наверно, бывают такие случаи, когда в части отражено целое. Не этот случай.

Ни в одной строчке я не покривила душой, писала нечто исповедальное. И все же весьма погрешила против истины. Да, все, о чем рассказала, было. Было на самом деле, и каждый тип ситуаций бывал не раз, что позволяет говорить о некой достаточно типичной картине одного из проявлений моего характера, моей личности. Однако, когда я сказала — «не раз», то это и значит буквально — несколько раз, не единожды. И все-таки изредка, всего несколько случаев за всю долгую жизнь. Правда в том, что эти несколько случаев определили надолго ход следующих событий. Многое потом уже нельзя изменить, исправить.

Может быть, тогда выбросить все это, не морочить голову ни себе, ни другим? Нет, выбросить нельзя, — это приведет к еще большему искажению сути моей личности, истории моих проблем и их решений. Мне очень важно сегодня понять, почему вопреки благоприятным объективным обстоятельствам порой возникали непреодолимые и непреодоленные тупики. Да, я жила очень насыщенной жизнью, любила людей, любила свое дело. Мне удавалось увлечь других, привлечь их своей целеустремленностью, искренностью, умением действовать и отвечать за последствия. И, тем не менее, вдруг какой-то нелепый шаг, и — взрывом рушится начатое и незавершенное дело. Страдаю я, отчасти понимаю причины; страдают другие люди, но они не понимают, что же случилось. А я беспомощно опускаю руки, беспомощно барахтаюсь в клубке эмоций, а то и страстей. Сама себе враг. Как говорится, рублю сук, на котором сижу.

Вижу это, но продолжаю рубить, вместо того, чтобы прекратить, если уж невозможно укрепить.

Выбрасывать эти странички не буду. Наверно, у каждого есть нечто подобное. Увидеть, понять, — это значит обнаружить нечто, что может помочь избежать таких же крушений в будущем или хотя бы частично исправить, восстановить нарушенное однажды. Это важно не только для себя, но и для других людей, втянутых в водоворот вами созданных проблем. Это значит — сбросить груз ненужных переживаний, понять и простить; извлечь из прошлого конструктивную идею. В этом один из залогов движения вперед к успеху, взаимопониманию, гармонии отношений, радости от каждого мгновения жизни.

МОЙ КАЛЕЙДОСКОП

Когда-то в эпоху нашего детства одной из любимых игрушек был калейдоскоп. Трубочка длиной 10-15 сантиметров сверху и снизу закрыта стеклышками, внутри еще одна стеклянная вставка, между ними насыпаны фигурки разного цвета и формы. Смотришь в калейдоскоп через верхнее стекло, чуть потряхиваешь, и перед взором растут многоцветные узоры. Иногда видишь очень красивую гармоничную фигуру; иногда картинка проста и мало интересна, но чуть дрогнет рука — и все изменилось. Многие минуты заворожено следила за игрой фигур и цвета. Порой начинало казаться, что я могу по своему желанию управлять преобразованиями, — вот еще чуть-чуть, и получится задуманное. Не тут-то было: в одно мгновение почти подчинившийся процесс без моего ведома рушился, каскадом выбрасывая мне в лицо неприятные картины. Брошу игрушку в сторону, а отвлечься не могу, почему-то заливает сердце грустью.

На днях вспомнила эту игру, и подумалось, что чем-то неуловимым она похожа на игры моей памяти. Встают в ней разные истории, — то светлые, то печальные, очень-очень разные, и чем-то неуловимым похожие. Вот, кажется, все ладится, все замечательно, и я задумала нечто еще более прекрасное, — оно уже видится, и не сомневаешься, лучше и быть не может. Но вдруг неведомая сила смешала все, превратив в недобрую фигуру угрожающе переплетенных событий. Против своей воли брошена в эту круговерть, и выбраться нет ни сил, ни умений. Захлестывает грусть, а то и отчаяние. Растет страх, — не вернется счастливое время. И не знаю, как теперь жить. Но вот, неизвестно откуда, появилась надежда, будто выглянуло из-за туч солнышко, и заиграла жизнь таким многоцветьем, что хочется крикнуть во весь голос: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» А все, что только что пригнуло тебя к земле, уходит из памяти, оставляя неуловимое знание о счастье и несчастье, об ошибках и достижениях.

Попытаюсь немного порыться в ворохе самых разных событий, которые по неизвестным мне причинам возвращаются ко мне. Точнее сказать, мне видятся некие причины, породившие их, но, подумав немного, понимаю, что в сознании отражена только верхняя часть «айсберга». Тогда зачем они мне явились в эту минуту? Вероятно, потому, что важны именно сегодня. Мне необходимо в них открыть, понять, пережить нечто недопонятое и недопережитое раньше. Вспоминаются все новые детали, все думаю и думаю... Переживания сменяют друг друга, иногда переходят в светлую грусть, иногда сжимают сердце раскаянием, которое уже не уйдет никогда. В такие минуты незаметно перехожу к событиям сегодняшним и невольно вижу их иначе, чем еще совсем недавно. В какой-то момент они вдруг четко объединяются с теми, выплывшими из памяти, и теперь абсолютно ясен их общий смысл, я понимаю свои прежние и нынешние ошибки, вижу, как поступать сегодня.

Описывать буду без всякой системы все подряд, что в конкретный момент само проснулось в памяти без соответствия реальной хронологии. Не исключаю, что в таком варианте есть свой скрытый смысл и своя правда. Возможно, подсознание пробуждает какие-то события именно потому, что в них я увижу ключ к сегодняшним проблемам. Но это будет уже за рамками рассказа, — это знание обо мне, для меня, в нем силы для решения моих глубоко личных проблем.

А вам зачем? Надеюсь, мои рассказы станут интересны для вас, сближаясь некими гранями с вашим опытом, с вашими размышлениями и чувствами. Конечно, мы разные, и жизненные обстоятельства тоже разные, и у каждого будут свои поиски и

открытия. И пусть не удивит вас, если по содержанию ваши мысли будут далеки от рассказанного мной. Это расстояние лишь кажется большим, и не тратьте время на поиск сходства и причин различия: работа души редко поддается контролю сознания. Душа разберется сама. Она непременно даст знак: внезапно отпустит давняя боль, и вы вдруг, будто новыми глазами, увидите вокруг себя среди знакомого и привычного мира вещей и людей столько доброго, красивого, нужного вам, сколько не видели давно.

* * *

Военный год. Вечер. Неожиданно и радостно: у папы есть время поговорить со мной. На столе стоит «коптилка». Папа смотрит мои школьные тетради. В одной из них на промокашке нарисована лодка с парусом. Папа улыбается и объясняет, что я нарисовала неправильно. Несколько легких движений карандашом, и из-под его руки уже качается на волнах прекрасный парусник. А потом рассказывает, как он служил во флоте матросом. Достает фотокарточку тех лет. Я ее, конечно, видела, но теперь все выглядит иначе. Папа совсем юный; на мой любящий взгляд, красивый, как принц. Я легко представляю его на палубе или скатывающимся по трапу. Музыкой из сказочной страны звучат слова: «линкор», «вахтенный матрос», «вперед смотрящий», «шлюпка», «свистать всех наверх!». Нет на свете лучшего отца. Не было лучше корабля, чем линкор «Марат». И все это переплетается с ощущением близкого большого счастья: скоро кончится война, мы победим, и все в нашей жизни будет замечательно, потому что у меня такой отец.

* * *

После войны прошло уже несколько лет. Отец год учился в военной академии в Москве. Мы едем с ним вдвоем из Москвы, не помню, почему с нами нет ни мамы, ни сестры Лены. Я с верхней полки смотрю в окно. Мне очень хорошо: нравится стук колес, нравится вид за окном, нравится, что мы будем ехать еще долго. Папа с хитрой улыбкой достает из маленького чемоданчика шоколадные конфеты, и одну за другой подсовывает их мне. Сосед делает папе замечание, что так нельзя, это вредно. Папа заговорщически мне подмигивает:

— Ей можно. В войну не видела совсем.

Сосед замолкает, а меня переполняет гордость и любовь к папе: ишь, как он его! Можно — не можно, папа все знает лучше.

* * *

Перед началом войны с Финляндией мама везет меня в Ленинград на лечение в госпиталь Военно-медицинской Академии. Наш хирург там учился раньше и договорился с кем-то из лучших хирургов о том, что мне сделают операцию по итальянскому методу пластической хирургии. Дело в том, что уже несколько лет после тяжелого ожога никому не удается залечить рану на ноге.

За пару дней до моей госпитализации началась война, как тогда говорили, «с белофиннами». Надо возвращаться домой, ибо клиника теперь будет действовать как военный госпиталь.

На беду, я заболела корью. Лежу в затемненной комнате, — сказали, что при кори нельзя держать ребенка на свету, и непременно нужно положить рядом что-то красное. Хозяйка дала красный шарф, им закутали мне горло. Кончики шарфа висят, и я перебираю их, нашептывая, как мне думается, волшебные слова. Чего мне хочется, толком не знаю, — просто твержу, что все будет хорошо. Мама принесла коробку конфет, а там под крышкой обнаружили маленькие щипчики и маленького красного тряпичного медвежонка. Медвежонка я не выпускала из рук все время болезни, а потом обе находки хранились у меня очень много лет.

Когда бы ни возникал вопрос о любимых игрушках нашего детства, я первым вспоминаю этого красненького медвежонка. И я знаю, он был не игрушкой, а моим другом, и пришел ко мне, чтобы я скорее выздоровела.

* * *

Сначала мы совершенно не придали значения тому, что наша младшая дочь Аленка, тогда первоклассница, выйдя погулять возле дома, отправилась сама в поликлинику к зубному врачу, ничего не сказав нам. Я вышла ее искать. Не найдя нигде поблизости, разволновалась, послала девочек, двух ее старших сестер, посмотреть в соседних дворах. Не нашли. Волнение усилилось. Мы метались, не понимая, что нужно предпринять.

Так прошел не один час. Когда она появилась, мы вздохнули облегченно. Оказалось, что в нашей детской поликлинике врач закончил прием, и ей объяснили, где ведет прием дежурный стоматолог. Она отправилась туда, хотя надо было проехать несколько остановок на трамвае.

Радуюсь, что все кончилось нормально, я ее почти не ругала, только рассказала, как надо поступать в таких случаях.

И все забыли об этом.

Через некоторое время мы ее искали опять и дольше. Наступила ночь, а ее все не было. Обратилась в милицию, они посоветовали не паниковать, но если беспокойство не уходит, начать со «скорой помощи». Немедленно позвонила в справочное отделение, — у них никаких сведений не было, но там посоветовали, поскольку к ним сведения поступают с большим опозданием, звонить по детским больницам.

Обзвонив несколько больниц, обнаружили ее достаточно далеко от дома. В приемном отделении нас успокоили: с ней ничего не произошло, она жалуется на боль в месте шва после операции аппендицита. Сама эта боль естественна, и они бы ее не оставили, но пришла она к ним сама, да к тому же, когда стемнело, адреса она назвать не могла, и они решили завтра с утра заявить в милицию. Не стала их осуждать, хотя мне не было понятно, почему в милицию звонок отложили. Ведь ясно каждому, что такого ребенка будут искать именно сегодня и непременно позвонят в милицию. Ничего им не сказала в упрек, очень была рада, что нашли дочь.

На этот раз поволновались мы весьма, и всю ночь я все думала, чувствуя, что где-то рядом ходит большая беда, и этим наши проблемы будут иметь продолжение. В больнице ее подержали пару дней, проверив на всякий случай, нет ли серьезных причин для ее жалоб.

При всех волнениях и в этот день предположить не могли, что это лишь намек на будущие беды, так сказать, прелюдия.

Прошло еще несколько месяцев, а за ними — и лет. Мы ее стали искать уже по другим городам и больницам. Маршрут долго был один: из Харькова — на Москву. По пути ее задерживали. Вскоре все милиционеры линейного отделения на вокзалах Харькова и Белгорода ее знали в лицо. Иногда снимали с электрички и помещали в детскую комнату, иногда привозили к нам домой или звонили нам (адрес и номер телефона хранился в отделении постоянно). Иногда нам удавалось ее перехватить до того, как она успеет уехать.

Сначала на поиски уходил день-два. Потом пошли недели. Она обнаруживалась уже не только в Белгороде, но и в Курске, и в Орле, и даже однажды смогла доехать до Москвы. Никаких страшных приключений практически не случалось. Она, уезжая, боялась остаться на ночь без крова, и всегда умудрялась устроить себя в больницу, придумав очередной приступ. Потом пошли психиатрические клиники. Врачи там всегда говорили, что она не их больная, на улице не оставляли, и постепенно она стала их постоянным клиентом.

Думаю, большого воображения не надо, чтобы понять наши страдания и трудности поисков. Было даже невероятное: восемь месяцев мы ее искали, и обнаружили в Новочеркаске.

Не только рассказывать, но и вспоминать все это нет сил. Причина «путешествий» сложная. Что-то связано с периодом ее раннего развития (она родилась на Сахалине, когда там нередко бывали радиоактивные дожди после океанских испытаний атомных бомб). На это наложились последствия перенесенного в дошкольном возрасте энцефалита. Вот уже более 35 лет длится наше испытание. Иногда возникают короткие периоды спокойные, и тогда, преодолевая отчаяние, начинаем надеяться.

Потом снова все рушится. Как понять, в чем наша вина и наше спасение? Мечется душа между любовью, жалостью, страхом, отчаянием и обидой... Чем помочь и ей, и нам, чтобы обрести покой? Однажды, когда только начинались ее побеги, знакомый психиатр в ответ на мои надежды, что, может быть, с возрастом все пройдет, грустно и серьезно ответил: «Будет хуже».

Очень жаль, но тогда я не знала простых слов: «Господи, помоги заблудшей душе! Спаси и сохрани это доброго и нежного человека от бед и тяжких испытаний!».

Немедленно надо вспомнить что-нибудь очень хорошее, а то полезли такие ассоциации, что даже для «калейдоскопа» чересчур черно.

* * *

Воронеж. Лес. Река. Да, именно — река, а не «дурацкое» водохранилище. Загубили из-за чьей-то корыстной идеи чудесную реку, потопили без всякого смысла тьму высоченных мощных деревьев, вбухали неисчислимые средства и людской труд, а вода цветет, рыба в нейдохнет. Нам же, бурно отвергавшим этот замысел с самого начала, теперь рассказывают, что вода из водохранилища не годится ни на что, в том числе на технические нужды, из-за которых «городили этот огород».

Так, стоп! Это и есть то самое «веселенькое»? М-м-да... Вернусь к началу этого абзаца.

Воронеж. Лес. Река.

Едва-едва начинает светать. Отец ласково меня трогает, молча кивает: пора вставать. Радостно вскакиваю, бесшумно выхожу на крыльцо и окунаюсь в воздух, насыщенный счастьем до густоты тумана. Ура! Едем с папой на рыбалку!

До замирания сердца люблю эти поездки. Прекрасны сборы в дорогу: я заливаю кипятком в термос, нарезаю хлеб и сало, кладу несколько конфет и печенья; папа складывает в коробочки и баночки приманку для рыбы, достает из подвала снасти, копает червей. Все так же тихонько, чтобы не разбудить маму, священнодействуем, почти не разговаривая. Ритуал отработан, понимаем друг друга с полувзгляда.

Разговаривать начинаем только после спуска к реке.

Папа достает из железного ящика, укрепленного на берегу, мотор, ставит его на положенное ему в лодке место, а я залезаю в лодку и оглядываю любимые берега, мысленно здороваясь с рекой, кустами и деревьями. Потом новая радость — плыть мимо крутых берегов, знакомых уголков леса, редких построек. Ветерок шевелит волосы, ласкает щеки. Папа, сосредоточенно выбирает путь меж известными ему мелями и небольшими омутами, временами поглядывая на меня с легкой иронией: он хорошо знает, как я рада этой немислимой красоте и свободе.

В окружении такой красоты только бы стихи да песни петь. А ведь сочиняла, — не ахти какая высокая поэзия, но настроение схватывала точно.

Вот и якорь брошен, и груз для сдерживания лодки от кручения на одном месте. Размотаны удочки, закинута первая крючки, — непременно с несколькими видами насадок для проверки, на что сегодня клюет рыба. При этом насадки у нас с папой отличаются и по назначению: на папины планы ловить рыбу «серьезную» я замахнуться не могу, — «не по чину».

А дальше знакомое: не оторвешь взгляд от поплавка, будешь часами следить за его легким подрагиванием, ожидая волшебного момента, когда он резко уйдет в глубину.

И совсем не в том дело, поймает ли рыбу или нет, а если и поймает, то какую. Куда важнее тот неспешный разговор меж нами, — о важном и пустяках; о нынешних делах или прошлых; о смысле жизни или совершенных ошибках. Это и есть счастье. Жаль бывает собираться в обратный путь. Там ждут нас обыденность, нехитрые дела, — для каждого свои, простые разговоры, в которых есть только слова, но мало синхронного дыхания душ.

И как это прекрасно: Воронеж, лес, река.

* * *

А далее, так сказать, из области гастрономических потрясений.

Одно из первых: запах котлет на Новый 1943-й год. Очень долго для меня мамины котлеты были самым великолепным блюдом среди всех возможных. Она вообще их готовила вкусно, а тут ...43-й год! Это после всей полуголодной полосы «особая статья». Тогда мне казалось, ничего подобного никто и никогда не ел.

Другое. Деревня, в которой размещался летный полк на лето, и отец там преподавал курсантам теорию полета. На сей раз на короткое время отец взял и меня. Курсанты жили в огромных палатках, а офицеров разместили по домам селян.

Хозяйка нас угощала варениками с творогом, — блюдо неслыханное в те, хоть и уже послевоенные, но еще очень несытные годы. Плюс ко всему они буквально плавали в масле. Мне, привыкшей жить почти без жиров, вкусным это не казалось, но, тем не менее, впечатление было огромное: столько (!) масла (!) на один (!) раз!

48-й или 49-й год. Впервые в Риге. Изобилие продуктов на рынке. Невероятный ассортимент конфет и всяких сладостей. Чего стоили марципаны! Сказочное экзотичное лакомство. Купить их так, чтобы была целая штука каждому, мы не могли себе позволить, но и, разделив пополам или даже на троих, лакомились от души. Вспоминала эти ощущения даже тогда, когда много лет спустя могла наслаждаться бесконечным разнообразием угощений латышских кондитеров.

Конец июня 1953-го. Мы только что вошли в родительский дом Володи. Я еще толком не рассмотрела сад, хотя он потряс буквально с порога. Садимся завтракать. Мама горюет, что поздно приехали, клубника кончилась, едва сохранила чуточку. И... ставит на стол большую миску, где клубника едва помещается. И это — «чуточка»?! В Энгельсе мама с рынка редко приносила больше килограмма, — и дорого, и рынок далеко, транспорта не было, носить тяжело.

Я не гурман, но такие воспоминания почему-то живут, грея особым теплом. Ведь важна была не еда, а что-то совсем иное, как и сейчас в воспоминаниях.

* * *

Сколько помню свое детство и юность, мне мешала моя внутренняя застенчивость. Именно — внутренняя, поскольку букой я не была, общалась с разными людьми как будто свободно. Однако была скрытной, легко краснела от любого взгляда или слова, да и ласковой меня нельзя было назвать, несмотря на приветливость. Стояла между мной и людьми невидимая стена. Это позже узнаю, что зовется эта стена комплексами. Их источник скрыт от нашего сознания, но некоторые события намекают на отдельные из причин.

Например, вот одно из таких событий.

Во Дворце Пионеров городской праздник в связи с очередной годовщиной пионерской организации. Я отправлена туда от школы в награду за отличную учебу. Ради такого дня бабушка достала свое невероятной старины ажурное платье, — вернее, то, что осталось от него, Мама быстренько сшила для меня платье, показавшееся мне красивым, как у принцесс. В нем я не шла, а парила в воздухе, не сомневаясь, что все вокруг приветливо замечают меня и любят сказочной красотой ажурного платья.

И вдруг путь мне пересекает женщина. Именно — пересекает, совершенно целенаправленно мешая мне идти. Так в сказках появляется ведьма на пути принцессы.

Она не говорит, а шипит мне:

— Стыдно такой большой девочке с такими ногами ходить без чулок! Неужели тебе не понятно, что смотреть на твои ноги людям неприятно? Прежде, чем вырядиться, лучше бы в зеркало на свои ноги глянула.

Солнце исчезло, птицы перестали петь, ветер из ласкового стал жгучим, заливая щеки горячими слезами. Радость ушла. И ушла не на час, не на день, — на многие годы. После этого я без чулок не могла выйти из дому даже в самую большую жару. И никакие уговоры родителей, что не надо слушать глупую женщину, не помогали забыть это шипящее: «Неприятно людям смотреть на твои ноги». Нисколько не помогало знание, что нет в том моей вины, что эта, незаживающая много лет нога — мое страдание. Не раз, вспоминая ту женщину, бурчала, глотая слезы:

— А вы попробовали бы ежедневно перевязывать, многие годы терпеть постоянную боль, ходить всегда с забинтованной ногой. Жить на Волге, но не иметь возможности нормально купаться... — И так далее, список моих горьких слов длинен.

Позже горечь ослабла, но появилось недоумение. Как могла эта женщина говорить о шрамах, спустя всего несколько лет после войны?! Сколько обожженных, изуродованных тел встречалось на каждом шагу, — так неужто «смотреть неприятно»? А мне бывало жалко всех людей со шрамами, сердце дрожало от сочувствия. Не это ли нормально?

И тем не менее, осознание неправоты этой недоброй женщины не избавляло от ненужной зажатости.

Другой вариант той же темы.

Папа взял меня с собой в лагерь, где шли тренировки курсантов нашего военного летного училища. Прошло уже несколько лет после вышеописанного случая. Жара стояла ужасная, и папа уговорил меня снять, наконец, чулки, — дескать, за бинтами ничего не видно, а бинты есть бинты, беленькие, чистенькие. Я послушалась и несколько дней ходила без чулок. Забывая об отсутствии чулок, легко общалась с курсантами в свободные для них часы, Благо, условия в лагере для интересного времяпровождения были прекрасные: волейбольные сетки, спортивные снаряды, беговые дорожки, деревья и скамеечки на каждом шагу.

Однажды поднималась к палаткам по склону оврага, над которым они были раскинуты. За нашей палаткой стояли курсанты, ожидая меня. Я услышала, как они говорили:

— Славная девчонка Галя, — сказал один, — Жаль, ноги изуродованы. — Да, — добавил другой, — и веснушек многовато.

Больше я не слушала. Залившись краской, глотая мгновенно навернувшиеся слезы, вновь спустилась в овраг, присела там в кустах и вернулась только после того, как площадка перед офицерскими палатками опустела. Вечером уговорила отца отправить меня домой с первой же машиной. Причину придумала, конечно, другую. Признаться ему не смогла, зная, что станет меня отговаривать. Остаться было совершенно невыносимо.

Переживания взяли меня в тиски. Так страдать умеют только подростки. Никаких возражений в душе, абсолютное принятие критики, тем более, к вопросу о ногах добавились еще и веснушки. Нет, это невыносимо! На многие годы я, условно говоря, забилась в угол. Прекрасно чувствуя себя в классе и среди сверстников в нашем городке, сжималась в комок среди незнакомых или малознакомых людей.

Между прочим, в памяти об этой поездке в лагерь «на полеты», как это называл папа, остались не только воспоминания о стрессе. Жизнь всегда богаче и сложнее

конкретной ситуации. Помнится огромное пространство аэродрома с любимыми бомбардировщиками нашего училища. На их полеты могла смотреть часами, — конечно, не положено, но из уважения к отцу меня не прогоняли с поля. Я узнавала некоторые машины, где сидели знакомые офицеры-инструкторы, и замирала от восторга, слыша фантастические звуки взлета и посадки.

Вспоминается и наша милая деревенская хозяйка с ее медово-желтыми некрашеными полами, которые мне доверялось драить ножами. Для меня это было новое занятие, но зато привлекательное. Вот закончила, постелила мокрую тряпку у порога, прошла босиком по бархатному ароматному полу, — истинное наслаждение.

От страха — «ах, увидят мои ноги!» — спасла любовь Володи. Веснушки еще какое-то время меня смущали, потом незаметно для себя перестала о них думать. Нет, не так: думала и даже пыталась весной их выводить какими-то кремами, но без особых эмоций. Последним «лекарством» стали доброжелательные шутки моих друзей офицеров из военной Академии, где я работала несколько лет (кстати, спустя двадцать лет после той истории в лагере). Провожая меня в отпуск, напустив на себя строгий вид, советовали оставить дома решето и загорать на солнышке без него. Или как-то ездили за грибами. День был пасмурный, и вот в какой-то момент выглянуло яркое солнышко. Один из товарищей кинулся к большому кусту, сорвал листик и протянул со словами: «Приклей к носу, а то выскочат веснушки, и птицы слетятся их клевать. Жалко птичек, ведь останутся голодными, — не сразу поймут, что это не зернышки.». Смеялись все, а я даже с особой радостью, ибо нахлынуло прекрасное чувство свободы: никакого стеснения, никаких мыслей о том, что плохо иметь веснушки, — просто очень смешно. И мне хорошо: я люблю своих товарищей, они любят меня, и мы знаем настоящие достоинства друг друга. И как, оказывается, мало надо, чтобы сбросить кольчугу хронической совершенно бессмысленной скованности.

Казалось бы, комплексы ушли. Только почему-то до сих пор мне больше нравится быть в одиночестве; не люблю компании; по-прежнему тягостно среди незнакомых людей. Возможно, эти качества имеют совсем иную природу, но не исключаю их связь с девичьими страданиями.

Стою над речкой, с невысокого крутого обрыва забрасываю крючок с пескарем. Теплится надежда поймать приличного окунька. Я на берегу одна. Тишина изредка нарушается шумом двигателя моторной лодки, но это еще те годы, когда моторок было немного. Пройдет лодка, вспенится вода у меня под ногами, набегая на берег все уменьшающейся волной. И опять я вижу все четко на дне реки: водоросли качаются маленькими кучками, проплывает мелкая рыбешка, иногда бросается враспынную от такого же подростка-окуня; переливается на солнышке разноцветными блесками поверхность воды. Среди этой красоты юлит на крючке мой пескарь. Мне его немного жаль, но вероятность оказаться в зубах хищника мала, и тогда я его чуть позже выпущу на волю. Пескари живучи, он долго выдержит на крючке.

Вдруг прямо подо мной возле моей наживки останавливается небольшая щука, — так, щуренок, но ведь хищник, шут его заberi. Замирает щука, замираю я, нервно дергается мой пескарь, — нет, не уйти ему, бедняге.

Щука стоит неподвижно, как щепочка. Мне видно все ясно-ясно, вода совершенно прозрачна. Мгновение — и щуренок хватается пескаря поперек тела. Пауза — и пескарь уже между зубов застрял головой. Щука стоит неподвижно, медленно пере-

хватывая дрожащее тело пескаря. Наконец, пескарь исчезает в глубине ее пасти. Я перевожу дух: попалась, рыбка! Про пескаря уж не думаю в азарте своей охоты. Помня отцовские наставления, жду еще, как мне кажется, достаточно долго и дергаю леску. Ах, щука выплевывает приманку и стремительно уходит в глубину реки.

Не поймала. То ли я рано дернула, то ли крючок был не тот, но факт остается фактом: ушла. Пескарь совершает на крючке бешеный танец от страха или радости. Он молодец: остался жив, и я выпускаю его на волю. Благодарю его за то, что дал мне удовольствие видеть щучью охоту. Сажусь на край обрывчика, опускаю ноги в воду и блаженно вдыхаю всю прелесть раннего утра на тихой реке. Ловить рыбу больше не хочется. Главная удача уже состоялась.

Папа меня понял и одобрил, а мама еще несколько дней подтрунивала:

— Ну, как, щуки еще клюют?

Да, рыбешки плавают, удирают от окуней и щук, рыбаки тоже хотят их поймать, — все правильно на реке. Но еще лучше, — это я точно знаю, — смотреть на жизнь реки с обрыва.

* * *

Еще, по крайней мере, дважды я наблюдала жизнь сквозь прозрачный слой воды. Правда, теперь — через лед.

Первый раз это было на Волге. Мы пошли по первому льду в Саратов. Мороз сковал реку в тихую погоду, потому вблизи берега лед был гладкий-гладкий, и мы не пошли по протоптанной дороге, а свернули к этому зеркалу покататься. Оказалось, лед тут не только гладкий, но и совершенно прозрачный. Завороженные невиданным зрелищем, мы не смогли двигаться дальше. В воде подо льдом жизнь текла полным ходом: плавали рыбки, стояли зеленые водоросли, слегка покачиваясь то ли от течения, то ли от движений рыб. Сказочная красота! А сколько пузырьков воздуха застыло в ледяном плену, подчеркивая гармонию невиданного нами ранее состояния реки.

Мы легли на лед и с восторгом смотрели через него в толщу воды, вызывая шутки проходивших невдалеке от нас взрослых. Но и они, увидев причину нашего «отдыха» на льду, тоже задерживались. Самые осторожные делали нам замечания, и были правы: такой лед возможен лишь при тонком слое, а, следовательно, недолго и провалиться. Нам была чужда такая осторожность. Когда мы все-таки двинулись вперед, нас, глупых, не останавливало от скольжения по сказочному полю даже то, что лед прогибался и потрескивал под нами. Мы со смехом катились по нему, радостно падали, проносясь еще несколько метров вперед, как мячики. Но вот треск усилился, и пришлось принять совет кого-то из старших лечь на лед и проползти по нему опасный участок до протоптанной дороги. Мы и это превратили в игру, но, честно говоря, в груди от страха немного похолодело: лед, хоть и тише, но по-прежнему потрескивал под нами.

Потом не раз во сне видела, как плавно качается подо льдом высокая трава, а из нее грациозно выплывают рыбы. Но никогда не вспоминался страх.

Последнее воспоминание, связанное со льдом, относится к событию не на реке, а на заболоченном поле.

За территорией нашего городка пролегало болотце, отделяя нас от города. Летом оно пересыхало, превращаясь в бугристое пространство, идти по которому было весьма неприятно, а приходилось, поскольку это был кратчайший путь до города. Весной и осенью по нему вообще нельзя было проходить, но школа есть школа, дома не отсидишься, и мы отправлялись в обход, меся грязь по его краю.

Однажды в конце осени ударил первый мороз. Случилось это ночью в совершенно безветренную погоду. Утром, отправившись в школу, мы обнаружили, что можно идти напрямик. Пошли. В начале пути пришлось спотыкаться по ледяным буграм, оставшимся после тех, кто еще вечером шел в обход поля, когда мороз только начинался. Но чуть дальше вглубь поля лед был совершенно гладкий, как лучший каток в наших мечтах. И неправдоподобно прозрачный. Вода на несколько сантиметров покрывала осенью болотные бугры, поросшие травой, а сейчас она на всю глубину промерзла, и сквозь лед красовался фантастический сад или лес. Мы не замечали раньше, как разнообразна трава на нашем болоте. Теперь же в изумлении остановились, а потом, недолго думая, улеглись на лед, время от времени перекатывались на другое место в ответ на чей-то призыв посмотреть там нечто совершенно удивительное.

После школы поспешили на этот каток с коньками и носились по огромному полю с песнями и радостными возгласами, не устая восхищаться красотами этого, будто зачарованного волшебником, подледного мира. Тут же придумали вместе с младшими ребятами из городка сказочную историю и играли в нее несколько дней, пока к нашей печали не выпал снег. Сам снег был хорош, но в данном случае нас не радовал. Сначала мы пытались расчистить наш каток, но быстро отказались от этой затеи. Не потому, что расчищать трудно, а потому, что из-под снега лед был уже обыкновенным. И мы, наверно, подсознательно боялись потерять радость от нескольких волшебных дней.

* * *

Идет война. У меня опять какое-то осложнение с ногами. Гарнизонный врач назначил новое лечение, но вставать с постели мне нельзя. Самое неприятное, что случилось это во время отъезда мамы. Эта мужественная энергичная женщина в очередной раз поехала в приуральские села за продуктами. Там можно было их получить в обмен на домашние вещи, и мама перед отъездом собрала в мешок немного мыла из папиного офицерского пайка, поношенное постельное белье, несколько новых полотенец из довоенного запаса, кое-что из детской одежды, а главное — несколько папиных вещей, ценившихся высоко. Помню, как она старательно все это укладывала, с надеждой прикидывая, что можно за это получить.

И вот, после ее отъезда началось это воспаление, уложившее меня в постель. Надо что-то приготовить на обед, и папа перед уходом пододвинул стол к моей кровати, постелил клеенку, сверху поставил электроплитку, кастрюлю с водой, а рядом необходимые припасы — рис, пару картофелин, морковку, соль, немного подсолнечного масла и даже лавровый лист. Под столом на удобном для меня месте оставил пустое ведро для очисток, Короче говоря, полностью подготовил мне все для варки рисового супа.

Я, полная ответственности, принялась за приготовление обеда. В гордых мечтах я уже видела прекрасный суп, точно такой, как варит моя мама. Что туда надо класть, это я знала хорошо, — видела не раз. Но вот пропорции и сроки варки... Об

этом имела весьма смутное представление. По мере того, как шел процесс, я пробовала на готовность то рис, то картошку, и мое настроение гасло: выглядел суп совсем не так, как у мамы. К моменту прихода папы на обед мое блюдо супом назвать было трудно. Вместо прозрачного супа в кастрюле лежал густой комок, больше похожий на кашу. Да и вкус его был, прямо скажем, мало аппетитный, поскольку рис довариться в этой гуще не смог, а у меня не осталось воды, чтобы его разбавить.

Приход папы я встретила горькими рыданиями. Он меня утешил, уверяя, что именно такой суп он любит, что так варила его мама. И можно сказать, у меня талант кулинару. Смутно чувствуя лесть в его словах, тем не менее успокоилась и даже почти поверила в то, что смогу готовить вкусно.

Возвращение мамы я встретила с некоторой гордостью, хотя при рассказе о кулинарном опыте старалась не очень-то хвастать. Зато папа не скупился на похвалу, заодно делая комплименты и маме: утверждал, что кулинарный талант я переняла у нее. Истинно педагогичный шаг. Думаю, этот эпизод очень помог мне впоследствии храбро браться за кулинарные пробы, даже совершенно не зная рецептов.

Те дни были заполнены потрясающими мамиными рассказами о поездке. Впрочем, с современной точки зрения, это «поездкой» назвать трудно. Ни о каких билетах и речи не могло быть: поезда штурмовали толпой, заполняли вагоны до отказа, приходилось многими часами ехать в тамбуре товарных вагонов с многочисленными остановками и пересадками. Правда, всегда находились какие-то железнодорожники, которые принимали дань за такой проезд, а точнее — за разрешение приткнуться где-то в углу.

Продуктов привезла по тем меркам невероятное количество. Я с замиранием сердца следила восторженным взглядом, как она доставала то завернутое в тряпочку домашнее масло, то мешочек пшеницы, то пару килограмм моркови и лука. Была настоящая белая мука, — та самая, которой славились заволжские степные края. Вскрикивая от радости и хлопая в ладоши, смотрю за этим священнодействием. От восторженного ожидания волнуюсь не на шутку: что же там есть еще?

И вот мама делает торжественное лицо и жестом волшебника вынула кусок сала, настоящего, толстенького, нежнейшего. Мама сало не любила, а для папы оно было лакомством. Он острейшим ножом отрезал прозрачнее кусочки, смазывал горчицей и, мечтательно закрывая глаза, смаковал.

Позже мама говорила, что сама не понимает, как все это она могла дотащить: привозила порой до ста килограмм. При этом надо было пробираться с этим грузом между путями, отыскивая состав, который, по слухам, должен идти в нашем направлении. Естественно, направление — это еще не место назначения, а какой-то пункт, близкий к нашему городу. Не один состав надо было обойти и пролезть под вагонами. Но и это не все: влезая в вагон, мало быть предельно ловкой, — требовалось внимательно следить за своими мешками, так как вокруг сновали воры, ловко подхватывавшие в этой суетящейся, взъерошенной массе плохо охраняемые вещи.

Наконец, наш город, точнее, — наша товарная станция, а от нее до военного городка километры и километры. И никакого городского транспорта, а лишь попутные машины. И с ними требовалась осторожность: могли так же отнять вещи, как и на предыдущих этапах. Счастливая случайность — встретить нашу гарнизонную машину. Тогда довозили до самого дома, и солдаты даже помогали занести вещи на наш третий этаж.

Вспоминая такие моменты нашей тогдашней жизни, не устаю удивляться мужеству мамы, которая, как и многие женщины того времени, отчаянно боролась с немислимыми трудностями. Такие женщины, по справедливости, заслужили вечную славу в ряду всех тех, кто шел к победе трудными путями войны.

* * *

Ну, вот, так нечаянно затронула болезную тему. Ах, эти неподвластные нам ассоциации! Никакого сходства событий, даже в системе чувств нет ничего общего, лишь одна струна соединила нечто глубинное. Возможно, это случилось в тот момент, когда я сказала о материнской силе и мужестве.

...Вот и конечная станция метро. Выхожу почти машинально, перехожу к автобусной остановке и так же машинально вхожу и занимаю место в конце салона. Поехали. Ни о чем не думаю, просто смотрю в окно невидящим взглядом. Фрагменты образов, слов, дел... Ловлю на себе удивленный взгляд соседки и чувствую, что по моим щекам ручьем катятся слезы. Такое видела только в кино: они катятся и катятся, неподвластные моему контролю. Вытираю, а они бегут снова. Я предоставлена сама себе, не надо контролировать свои действия и я попадаю в тиски отчаяния: ЕЕ больше НЕТ! Думать об этом уже нет сил, все тысячу раз прокручено, перевернуто, поставлено с ног на голову и снова возвращено на прежнее место, где живут вопросы без ответов, страдание без перспектив, проблемы без вариантов выхода из них...

Знаю, почему плачу именно сейчас. Возвращаюсь от детей (чуть не сказала — «была у Тони»). Обычные бытовые дела: что-то сварила, перемыла посуду, погладила на завтра одежду Костику и Маше. Ася, как и все последнее время, не слезает с Сашиной ноги. Сидит на ноге, держится ручонками за голень, прижавшись щекой, а он так и ходит, перетаскивая ногу с малышкой на ней. К ним пришла вместе с Костиком. После работы заглянула к ним в школу, он уже собирался идти домой. Взяла его с собой купить по пути продукты. По дороге рассказал, что сегодня плакал на уроке рисования. «Почему?» — удивляюсь. При этом удивилась не тому, что плакал, а почему на уроке рисования. Оказалось, пред тем, как им дать задание, учительница поставила какую-то музыкальную запись. И он заплакал.

Какое сердце выдержит? Даже не знаю, где я набралась сил, чтобы отвлечь Костика от его грустных мыслей и развеселить Асю, все-таки не сумев оторвать ее от Сашиной ноги...

Это случилось совсем недавно. Так недавно, что видятся все события без пропусков и потерь. Существуют во мне не суммой деталей, а густым комком боли.

То утро не сулило катастроф. Я пошла на работу, — надо было принять экзамены у студентов. После экзаменов должна была ехать к Тонечке, чтобы остаться с ее детьми на несколько дней: ей предстояло лечь в больницу на обследование. Особенно тревожного ничего нет, но непонятная картина: прошло два с половиной месяца после ее возвращения из родильного дома, а все держится небольшая температура и какие-то боли, — тоже небольшие, но не проходящие. Была за это время у разных врачей, — ничего определенного, и предположения их разные.

В комнату, где идет экзамен, заходит моя лаборантка, говорит, что меня ждет на кафедре Владимир Владимирович. Удивлена безмерно: он — у меня на кафедре? Невывалый случай. Обещаю скоро придти. Ирина настаивает, и я иду, слегка озадаченная ее растерянным видом. В кабинете, кроме Володи, мой сват и внук. Сват, слегка заикаясь от волнения, произносит странную фразу: «У нас нет Тони». Я, еще не начав волноваться, чувствую уже холодок в груди: «А куда она поехала?» (Было несколько лет тому назад, когда она внезапно без предупреждения уехала в Красноярск.). Ответ: «Ее нет, и никогда больше не будет.». Внук кинулся ко мне со слезами, обнял, рыдая: «Умерла мама!»

Разве расскажешь об этом?! Какие факты, какие детали?! Ей было 32 с половиной года, у нее осталось шестеро детей. Слова не могут передать все, что было в нашей жизни, все, что было с ее детьми вместе с ней и без нее... Это все не для понимания, не для обсуждения.

* * *

Аэродром стал одним из любимых мест с весны 43-го. Этому предшествовал один случай.

Как-то в конце той зимы отец вернулся утром с дежурства по училищу взволнованный и, вопреки обыкновению, не лег сразу спать. Дома, кроме меня, никого не было. Папа выпил чаю с сухарями, помолчал и вдруг спросил, умею ли я хранить военную тайну. Какой разговор? Конечно! Взяв с меня клятву — «честное пионерское!», отец поведал мне жуткую историю, случившуюся во время дежурства.

Весь день мело колючим снегом. К концу дня пурга усилилась. Пора проверять посты на аэродроме. Его помощник, младший офицер, начинал заболеть, у него поднималась температура, и задремал. Предусмотрен вариант замены офицера, но, посоветовавшись, решили не суетиться в надежде, что все обойдется. Надо знать папу, чтобы сразу догадаться, что больного он не стал будить и отправился к самолетам один, не взяв никого из солдат. Во-первых, тоже пожалел их, — надо было видеть, как легко, не по погоде они были обмундированы. Во-вторых, им надо бы как-то объяснять отсутствие второго офицера. В лексиконе папы было любимое словечко — «пустяки!», и, вооружив себя этим напутствием, вышел из штаба.

Аэродром со стоявшими там самолетами был рядом, совсем недалеко от штаба — путь, многократно пройденный за годы службы. Отец без труда обошел все посты: возле каждого бомбардировщика стоял караульный. Однако за это время ветер усилился, и повалил густой снег, плотной стеной закрыв все вокруг. При этом надо учесть, что шел сорок третий год, и, естественно, весь городок был погружен в крошечную темноту. Ни единого огонька, ни единого фонаря! И плюс еще одно «отягчающее обстоятельство»: вечерело.

Полагаясь на свое превосходное чувство пространства, он двинулся в сторону штаба. Время шло, штаба все не было, лицо покрылось коркой льда; все тело в шине застывало, ноги тонули в наметенных сугробах. «Идти и не останавливаться!», — сверлила одна мысль, и лишь попутно пытался сообразить, куда он может попасть, если успел сбиться с направления. А куда попадешь, если на десятки километров вокруг училища нет ни единого населенного пункта. Конечно, на расстоянии около двух километров — город, но он не может быть с этой стороны, ибо отец был уверен, что город остается справа от него. Ни о каких сомнениях не разрешал себе думать, прекрасно понимая, что реально ориентиров у него нет, — лишь надежда на то, что с самого начала пошел в нужном направлении и идет туда же все это время. Но все-таки: почему же так долго?! Не сомневаться! Идти. И он шел и шел, пробиваясь сквозь пургу.

И вдруг рука наткнулась на стену. Стал двигаться в недоумении вдоль нее, с трудом вытаскивая ноги из сугробов. Намело снега много. Вдруг, как он сказал, ошалел от радости, узнав гарнизонную столовую. Чтобы представить степень его изумления, надо немного описать расположение зданий в этом краю городка. Итак, по прямой линии вдоль асфальтовой дороги, идущей от аэродрома, располагались слева: штаб, несколько казарм, склады, а потом, за небольшим сквером, наконец, столовая. Еще надо учесть, что от границы аэродрома до штаба тоже было некое пустое пространство. Иными словами, с пути он не сбился ни на один метр, а лишь из-за пурги недооценил в начале пути расстояние до штаба. Сильный ветер и сугробы исказили чувство времени, потому весь остальной путь не мог соотнести с привычным пространством. Ясно было лишь то, что штаб он «проскочил», но не ясно, насколько далеко от него находится, да и все же не было абсолютной уверенности, что он находится на территории городка, а не где-то в степи за его пределами.

Но узнанная стена все поставила на свое место. Теперь не представляло труда вернуться в штаб и успокоить своего помощника, который проснулся и не знал, что предпринять, не имея приказа старшего офицера.

— Спасибо ему, — завершил рассказ папа, — что не доложил начальству, иначе быть мне под трибуналом. Тебе теперь хорошо понятно, что это настоящая военная тайна, и ее никому нельзя выдать? — и, потрепав меня по голове, лег спать. Я тоже легла, но уснула не сразу: бурные чувства сменяли друг друга. Снова вспомнила огромную тревогу, пока не прояснилось, как же завершилась эта, как он сказал, «катавасия». И тут же тревога сменялась искрящейся радостью от того, что он такой молодец, сумел-таки правильно определить направление. И вообще прекрасно, что никто не узнал об этом. В себе ни на

минуту не усомнилась, уверенная в том, что никогда никому не раскрою доверенную мне тайну.

Прошло много лет, когда я в процессе какого-то разговора с мамой в его присутствии высказала свое восхищение папиным исключительным чувством пространства. Мамаотреагировала на мою похвалу немного иронично. Дескать, конечно, он легко находит дорогу в лесу, где расположена наша дача, но в этом нет ничего из ряда вон выходящего. Тогда я спросила папу, могу ли я ей рассказать ту давнюю историю. Маму взволновало, что, оказывается, он был в одном шаге от трибунала, при этом переживала это так, будто опасность еще существует. Не менее ее удивило и мое молчание в течение стольких лет.

А я до сих пор плохо понимаю, почему он мне это тогда рассказал, ибо теперь гораздо больше вижу реальность нависшей над ним опасности. В военный год старший офицер во время своего дежурства выполняет одну из ответственных обязанностей с грубым нарушением устава? Да чего стоило одно только его исчезновение в неизвестном никому направлении на достаточно длительное время! Хорошо, никому не понадобился он в тот час. Тогда я многого не понимала, но как дочь офицера, да еще и в военное время, интуитивно почувствовала грозную опасность этого события. И... гордость от доверия. Что это было — полная убежденность в моем умении хранить тайну? Или несколько нерасчетливая попытка снять недавний стресс? Сказать сложно. С ним никогда не обсуждала эту тему. Меня ответ на эти вопросы тогда не волновал, ибо я была полна огромного уважения к нему и гордости за доверие.

Так вот, когда пришла весна, я отправилась на аэродром пройти его маршрут. Повторила весь путь, и даже на ощупь с закрытыми глазами обошла столовую. На этом маршруте позволила одно исключение: я задержалась на поле аэродрома. Меня очаровала весенняя густая зелень травы с россыпью по ней дивных тюльпанов. Степные тюльпаны мелкие по сравнению с садовыми, но их красные и желтые головки не менее хороши. Мне, не избалованной в этих сухих краях цветами, они показались волшебными прекрасными. Я попала в сказку. Легла на мягкую траву, перебирала кончиками пальцев окружившие меня тюльпаны, любовалась легкими облаками на бескрайнем небе, слушала пенье жаворонка и совершенно забыла о войне.

Стоит ли повторять, что этот уголок земли стал для меня любимым? Я ча-

стенку приходила сюда одна, часами могла бегать или лежать в траве. Если самолетов на аэродроме не было, можно было без препятствий гонять по всему полю. Но когда самолеты находились на месте, стояли в два ряда носами друг к другу, меня должны были прогнать часовые. Но гнали редко. Однажды я решилась подойти к самолетам вплотную, и молодой часовой даже разрешил потрогать шасси и заглянуть внутрь, — туда, куда их убирали во время полета.

Я обожала весь этот мир: мой любимый городок, его «самый красивый в мире» Дом Офицеров, его парк, вечерние песни курсантов и этот прекрасный аэродром с тюльпанами весной и ковылем осенью. Все это снилось многие годы, и даже сейчас, хоть и редко, вижу отдельные уголки. Неизменно добрый сон, дающий хорошее настроение на весь день.

* * *

Познакомила нас Юлька, моя одноклассница. Девчонка вертлявая, легкомысленная, миловидная и в учебе ленивая, отчего мы с Милой с ней общались лишь формально. Тем больше мы удивились, когда на одном из школьных вечеров она подошла и сказала, что с нами хотят познакомиться два морячка из военно-морской школы, приглашенные к нам на вечер. Мне же заговорщически прошептала, что Юра на меня обратил внимание раньше и просил ее не раз познакомить нас. Я, конечно, и смутилась, и удивилась, поскольку искренне считала, что на меня никто не может обратить внимание.

Обычно я на вечерах забивалась куда-нибудь подальше, не танцевала, так как из-за своей ноги и стеснялась (о, эти бесконечные повязки!), да и не умела. Благо, повод находила, поскольку у меня всегда было какое-то комсомольское поручение, и потому без труда делала вид, что очень занята. А тут вдруг оказывается, кто-то меня заметил. Как не смутиться? Пыталась увильнуть, да не успела, ребята уже подходили к нам.

Оба морячка галантно представились, Мила тут же пошла танцевать, — она хорошо танцевала, а я искала причину остаться в своем углу. Юра преодолел мою застенчивость и терпеливо меня учил, — правда, без особого успеха. И, тем не менее, вечер прошел в радостном волнении, став началом нашей дружбы.

После окончания вечера моряки предложили проводить нас, тем более, морская школа была по пути в наш городок. Давние школьные товарищи, Вася и Слава, пошли с нами и, когда мы добрались до морской школы, настояли, чтобы моряки не шли дальше. Те, поколебавшись, согласились, ибо до нашего городка от них было примерно полтора километра, плюс такой же обратный путь преодолевать в кромешной темноте по полю. Наши мальчишки всю дорогу стремились доказать, что ничего особенного эти морячки не представляют. Тут мы впервые услышали о довольно жесткой войне между воспитанниками военно-морской школы и ремесленниками, училище которых находилось недалеко от морского. Позже мы читали повесть Льва Кассиль «Дорогие мои мальчишки» об этой войне, завершившейся в его книге большой дружбой. Вот уж, насчет дружбы мне ничего неизвестно, а о войне доводилось слышать не раз.

Кстати, Лев Кассиль, в те годы известный детский писатель, был родом из нашего Энгельса. Его

отец, гинеколог, пользовался большим уважением в городе. Он, между прочим, принимал роды у нашей мамы, когда на свет появилась моя сестренка Лена.

Вся весна этого года прошла под знаком романтической влюбленности. Юра окончил свою школу и уехал в высшее военно-морское училище в Калининград. Письма писал оттуда часто, были они интересны, умны, и я весь год жила в непрерывном ожидании их. В начале лета пришло письмо с известием, что через несколько недель их привезут на практику под Ленинград в городок Ломоносов, и было бы прекрасно нам там встретиться. Еще бы!

Эту задачку мне удалось решить. Летом мы должны были всей семьей ехать в Ригу к тетушке Галине. Я, воспользовавшись этим, упростила родителей разрешить мне по пути туда заехать на недельку в Ленинград. Там жила моя бывшая одноклассница Лариса, отец которой был переведен в Ленинград после окончания нами седьмого класса. Сначала переписывались регулярно, но к этому времени связь практически оборвалась. Об этом я умолчала, напомнив ее неоднократные приглашения погостить у нее. Последнее приглашение было давно, но я утешала себя тем, что она и в самом деле звала и, конечно, будет рада. Родители хорошо знали Лару и ее семью, и согласие я получила.

Очень скоро, замирая от счастья и надежд, оказалась в Ленинграде. Адрес у меня был, я нашла ее дом без труда, но... Дома никого не было. Я села на ступеньки перед ее дверями и терпеливо ждала в полной уверенности, что скоро кто-то появится. Да, появился ее отец, очень сдержанно меня выслушал и сказал, что помочь не может, так как они на даче и в ближайшее время не вернутся. Мои глаза наполнились слезами. Конечно, я могла бы вернуться на вокзал и ехать в Ригу. Но, во-первых, я уже успела сразу купить билет за неделю до отъезда и дать домой телеграмму, что все у меня в порядке. А, во-вторых, и это куда важнее, — я приехала на встречу с Юрой и его известила об этом еще из Энгельса. Мы успели договориться, что он будет мне писать в Ленинград на главпочтамт.

Увидев мои слезы, отец Лары помрачнел, расспросил о моих планах. Немного подумал, завел меня к себе домой, куда-то позвонил и командным голосом отдал распоряжение приютить меня на неделю. На том конце провода это явно не вызвало восторга, и он резко закончил:

— Эта девочка хорошая, я знаю их семью; это подружка Лары, и, возможно, Лариса скоро приедет.

Мне он рассказал, как найти эту женщину, добавил, что Лара приехать не сможет, но об этом говорить его секретарше не обязательно. Я легко нашла квартиру. Ждать хозяйку пришлось недолго. Вера Ивановна сухо со мной поздоровалась, провела в свою комнату в коммунальной квартире, где она жила с сыном-подростком. Еще более сухо сказала, что спать нам придется с ней на одной кровати, так как другого варианта нет, — комнатка была крохотная. Потом объяснила, что ей надо возвращаться на работу, вернется после шести, а я могу пока поездить по городу. Дала первые советы, куда и как поехать, и мы расстались.

Целую неделю счастье переплеталось с печалью. Счастьем стало путешествие по Ленинграду, его восхитительным улицам, мостам, музеям. Я даже впервые в жизни побывала в настоящих храмах, и моей тайной стало восхищение их благостным покоем, возвышенной красотой (не надо забывать, что я была комсомолкой, а в те времена за посещение церкви могли исключить). Печалью наполнились все эти дни из-за отсутствия писем от Юры. Понимала, что человек военный, себе не хозяин, и все же два раза в день являлась на главпочтамт, — увы, только за тем, чтобы услышать:

— Тебе ничего нет.

И вот пришел последний день. С утра собрала свои вещи и отправилась в последний поход, начав, естественно, с почты. Нарочно не придумашь: мне дают пачку писем! Как же так?! Я ведь каждый день заходила за ними, — слезы брызнули из глаз. Почтальон утешает, — дескать, клали их ошибочно не в ту ячейку. Фантастика! Не одно, не два, а целая пачка, — пять! И изо дня в день не туда клали? Но не скажешь, как в детской игре: «Чур-тры — вне игры!».

Читаю. Во всех одно и то же: приходил, ждал, тебя нет, и нарастающая обида, что ничего не сообщила. Хоть кричи в голос:

— Куда?! Куда приехать, куда сообщить? Ведь мне был известен лишь Калининградский адрес. Ехать в Ломоносов без его приглашения было бессмысленно: их там вообще могло не быть, а, если и были, то совершенно не понятно, где.

Вся в слезах возвращаюсь к Вере Ивановне. Что делать, не знаю, — звоню ей на работу, а ее, как назло, нет и нет.

Наконец, пришла. Советует ехать сдавать билет и покупать новый хотя бы на два дня позже. Времени до моего поезда остается чуть больше часа. До вокзала добираться минут двадцать, не больше. Выскакиваю с вещами и надеждой. Моего трамвая нет и нет. Наконец, появился другой номер, но он тоже идет до вокзала. Вискакиваю. Еду. Что-то улицы не те: мой трамвай должен идти почти по центральным улицам, а тут явно окраина. Время течет неумолимо. Подхожу к водителю, он ничем утешить не может: ехать еще больше получаса, то есть почти столько и до отхода моего поезда. Умоляю ехать побыстрее. Водитель старается от всей души, но трамвай — не машина, не очень-то ускоришь.

В конечном итоге я оказываюсь на перроне в точное для отправления время. Правда, поезд, несмотря на объявление о том, что он отправляется, стоит на первом пути еще минуту, и я успеваю вскочить в первый попавшийся вагон под шутку проводницы:

— Ах, это тебя мы ждем.

Прохожу в свой вагон, отдаю билет моей проводнице, сажусь, и слезы ручьями катятся по щекам.

С Юрой, конечно, мы все выяснили в течение ближайших дней, и в утешение мне он сообщил, что есть вероятность отпуска в самом конце августа. И тогда по пути к себе домой на Урал он сможет, если не возражают мои родители, заехать на несколько дней к нам.

Казалось, работает формула: «все хорошо, что хорошо кончается». Но так только казалось, я и подумать не могла, что впереди меня ждет небывалое потрясение. Впрочем, об этом позже.

А пока — Рига, удивительная, великолепная, и в то же время несколько отстраненная, напряженная. Узкие улочки, острые шпильки. И везде вежливые, хотя и мало улыбающиеся лица. Бабушка рассказывала, что причина не в особенностях характеров, а в настороженном отношении к русским. Это чувствовалось, но, с восторгом все принимая, не обращала внимания. Ведь так и с человеком, даже близким: видишь его таким, каким тебе хочется, порой забывая, что он думает иначе, переживает

иначе, чем ты, и не так, как тебе бы хотелось. Его волнует что-то другое, он вспоминает что-то свое, и даже радоваться может тому, что тебе доставляет грусть.

* * *

Юра и в самом деле приехал через несколько недель.

С великой гордостью я провела экскурсию по нашему военному городку, который он раньше видел только издалека. Весь вечер весело болтали, перебивая друг друга. Рассказала я ему и грустную весть: у Юльки умер отец. Он об этом ничего не знал, с ней не переписывался. Известие его искренне огорчило, поскольку в годы дружбы с Юлей, бывал у нее и хорошо знал обоих родителей. Конечно, я настояла на том, чтобы завтра же побывал у них. Он колебался, удобно ли это, на что я горячо возражала.

На следующий день он поехал к Юле и вернулся уже под вечер, грустный и молчаливый. Я тактично не расспрашивала ни о чем, но Юра сам сказал, что Юлина мама убита горем, и он не смог рано уйти оттуда. Понятно все, и никаких возражений у меня это не вызвало. На следующий день, он сказал, ему надо ехать в Саратов оформлять билет домой, и это займет, конечно, много времени. После возвращения сказал, что они (он ехал домой с товарищами) не сумели сделать все в этот день, и на другой день опять уехал. Потом была какая-то встреча с друзьями, и она тоже затянулась до позднего вечера. Мама с тревогой посматривала на меня. Наконец, спросила, все ли у нас в порядке, и сказала, что его длительные ежедневные поездки вызывают вопросы. Честно говоря, хотя я горячо защищала Юру, на душе «заскребли кошки».

Настал день отъезда. Вопреки советам Юры не ездить в Саратов, — уж очень далеко, утомительно, — я все-таки поехала. Там Юра был с несколькими товарищами из их училища, и часто куда-то с ними уходил. То, говорил, надо одного из них посадить на его поезд, то зачем-то зайти к военному коменданту. Со мной был предупредительно вежлив, — скорее, формально-предупредительно вежлив, но я гнала даже попытки загрустить или обидеться. Поезд ушел, я его проводила, мы ласково распрощались. Вернулась домой я лишь поздно вечером: переплыть на катере Волгу, потом пройти пешком около восьми километров (транспорта в городе в нашем направлении еще не было) — дело не простое, но я шла с хорошими думами о своем друге, отгоняя упорно пробивающуюся непонятную грусть.

Утром маму позвала соседка. Вернулась она растерянная и в то же время непривычно нежная. Обняла меня, погладила, поцеловала, а после, помолчав, рассказала мне потрясшую меня историю. Наша соседка в тот день тоже была в Саратове на вокзале, но мы с ней не виделись, так как я с Юрой и его товарищами сидели в другом зале. Зато она его и видела много раз, и слышала, так как с ней рядом ждали своего поезда два его товарища. Конечно, ничего не подозревая, Юра все свои проблемы обсуждал с ними. Оказалось, бегал он в ожидании Юльки, очень беспокоясь из-за возможности нашей встречи. Друзьям поведал, что приезжал ко мне, а все дни пробыл с ней. Он опять в нее влюбился. Теперь не представляет, как поступить. Радовался только тому, что Юлия не приехала, но они непременно встретятся: на обратном пути он заедет к ней.

Была одна забавная деталь. В те дни, когда я с нетерпением ждала приезда Юры, приснился мне такой сон. Мы с ним на военном корабле плывем в открытом море. Знаю, что корабль этот — линкор «Марат». Все замечательно: море с волнами изумительного цвета. Спокойствие в душе и ощущение счастья. И вдруг взрыв: вижу, Юра плывет среди светящихся изумрудных волн в сторону от корабля. Я кричу: «Человек за бортом!». Мне отвечает стоящий рядом офицер очень спокойным голосом: «Ничего страшного, он плывет к другому кораблю, сейчас его возьмут на борт. Он по

ошибке с нами». Я взволнована, ничего не понимаю, удивлена тем, что мне ничего не известно. Просыпаюсь со смешанным чувством счастья и беспредельной тревоги, но быстро успокаиваюсь и не думаю об этом сне до поры. А уже вскоре он меня удивит своей предсказательной точностью.

Простая и до смешного банальная история. Я была в шоке. Нет, не от того, что он снова влюбился в Юлю, — для такой обиды надо было бы верить, что в меня можно влюбиться. Хотелось, конечно, тем более что я лично была весьма влюблена. Но, в полном соответствии со временем, выше любви ценила дружбу и глубоко верила в ее чистоту. А тут — обман, обман трусливый и тем более обидный. Все умные и прекрасные слова о чести, достоинстве, преданности и многом другом, написанные им в его прекрасных письмах, рухнули в один миг. Надо представлять максимализм комсомольской души, которая жила во мне, чтобы понять масштаб моей трагедии. Я тут же собрала его письма, фотографии и отправила по уральскому адресу с небольшой запиской. Мне все уже известно, ему не надо придумывать объяснения и оправдания, но пусть забудет мой адрес, ибо друзьями мы остаться не можем: ему я никогда больше не смогу верить.

Одно письмо он все-таки написал в ответ. Из него я увидела, что до конца он меня не понял: главным для него было оправдать свой возврат к Юле, а не то, что он оказался способным на трусливый обман.

Очень долго я не могла уйти от размышлений, переживаний, бесконечных попыток понять, что произошло, почему и в чем мои ошибки. Успокоилась при неожиданных обстоятельствах. Следующей весной я ехала на катере из Саратова домой. Сзади меня сидело несколько девочек, и вдруг в их разговоре я услышала свое имя. Они активно обсуждали эту историю. Было очевидно, что они хорошо знали Юлю, а обо мне только слышали. Но то, что они знали обо мне, делало их моими союзниками. Про Юльку говорили без всякого уважения, — ничего нового для меня в этом не было, уж я-то ее хорошо знала. Но в силу неосознанных причин вдруг все встало на свое место. Не о чем горевать, надо радоваться: если человек, которого я полюбила, смог так поступить, о нем не надо жалеть. И моя гордость сказала мне: ты во всем права и благодари судьбу за то, что тебе было показано, что есть слова и есть дела. Знай это и не спеши верить самым прекрасным словам: они могут оказаться карточным домиком, мишурой, и рассыпаться при первом же испытании на прочность.

Нет худа без добра. Впрочем, как нет и добра без худа. Понять я это поняла, но понимание это наложилось на мои комплексы, добавив к прежним новые оттенки. Много лет после этого я мучилась, подолгу проверяя истинность сказанных мне слов, и даже за вполне хорошими делами нередко искала подвох. Получалось, что многие годы не верила любящему меня человеку, реагируя взрывом страстей не только на реальные поводы, но и на придуманные, объясняемые моими догадками и объяснениями. Немало часов и дней наполнялись надуманными драмами. Эти метания души были моей тайной, я почти никогда не выплескивала их наружу. Возможно, совершенно напрасно.

Стоп. Для чего я вспоминала всю эту историю? Не для того же, чтобы кому-то поведать? Что уж в ней такого необычного, интересного для кого-то, кроме меня? А мне — зачем? Чтобы опять вращаться в тех же переживаниях, давних, замерших в одном виде? Что я говорю?! Все те же слова про обман, даже — предательство. Неужто годы ничему не научили? Неужто эта история живет в таком неизменном виде столько лет? И я ее не поняла, не увидела свою огромную вину? Незрелость того сознания и мира эмоций вполне оправдана юностью, но не имеет оправдания сегодня.

Да, начиная свои рассказы, я решила избегать комментариев, толкований, анализа. Картинка, так картинка, и ничего больше. Кажется, это совсем не тот случай, когда есть резон оставить все на усмотрение моих читателей, — дескать, думайте сами. В этой истории есть нечто очень важное, и это «нечто» надо хотя бы наметить, обозначить, дать толчок для критического взгляда на произошедшее со мной.

Если честно посмотреть, то многое выглядит совершенно иным. Говорю об обмане, но, может быть, это иное. А в чем обман? Вместо того чтобы прямо сказать, что ежедневно бывает у Юли, выдуманные поводы. Да, есть трусость, есть боязнь нанести мне боль в то время, когда он сам еще ни в чем не уверен. Наверно, сам не сразу понял, что им движет не только и не столько жалость к бывшей подруге. Да, я сама фактически послала его к ней, но была ли я способна понять, какие чувства там могут вспыхнуть?

Я ничего не подозревала, верила каждому объяснению, в отличие от опытной мамы. А если бы я спросила прямо, бывает ли он у Юли, и в ответ он плел бы те же небылицы, — это был бы настоящий обман. Но почти уверена, что тогда бы произошло честное объяснение. Нет, в сложившейся ситуации его поведение имело для него иной смысл. Ладно, гадать не будем, но вопрос остается.

Говорю о предательстве, но это уже перебор. Какое предательство? Просто эффектное слово, не больше. Да, он вернулся к бывшей подруге, и это нельзя рассматривать как поступок против моей чести. Мне ничего не было обещано. Вообще не было слов о любви. Я была влюблена, но это, как говорится, мои проблемы. Меж нами речь всегда шла о дружбе. Так, а ну-ка, ну-ка. Не я ли в большей степени нарушила негласные правила нашей дружбы? Как можно было не понять, что он попал в жгучий клубок проблем? Не по-дружески, — что уж говорить. И как, узнав истину, собрать фотографии и прекрасные письма и отправить их ему? Это по-дружески? Он тоже, помня все, имел основания надеяться на понимание и помощь, — так легко догадаться, что его решение далось ему с большим трудом. У меня не было права швырять ему в лицо символы прекрасных отношений. Не только не умно, — скорее, жестоко. Дала повод порадоваться, что оборвалась наша дружба. Не удивилась бы теперь, узнав, что при рассказе кому-то обо мне, сказал бы с сожалением, что он считал меня хорошим человеком.

Каких же серьезных обвинений заслуживает мой глобальный вывод из всей этой трагедии: никогда больше не верить ничьим словам. И ведь не верила, сомневалась, страдала сама от своего недоверия. Разве тот, чьи признания постоянно подвергала сомнению, заслуживал такого отношения? На каком основании? Только на том, что когда-то в девичестве я состряпала на обрывках фактов эффектную историю?

Ах, как красиво выглядело все в моем представлении! Меня, такую достойную любви, уважения, преданности отвергли... Вот-вот, обычная позиция эгоиста: дескать, «ради кого?!».

Немало испортила минут, часов и дней этими ложными подходами, — и себе, и любимым людям.

Как видите, есть масса вопросов, ответы на которые ни у меня, ни у вас не могут быть даны однозначно, ибо нам не хватает фактов. Между прочим, они и не нужны. В конечном счете не имеет никакого значения, что думали мои товарищи, Юра и Юля, как не имеет значения и то, чем для них завершился этот этап жизни. Значение имеет только главное: нельзя рубить с плеча, нельзя осуждать кого-то в угоду своему самолюбию, нельзя отвергать дружбу на основании «кажущегося», а не реального положения дел. А у вас в жизни не было такой совершенно нелепой трагедии, когда никто не виноват, и все страдают?

Забавно, но ведь в том самом сне все было мне сказано четко: да, он за бортом, но не надо волноваться, его возьмут на другой корабль, и все будет у вас обоих хорошо.

Даже в самые грустные дни жизни в ней всегда есть нечто, очень для тебя важное, доброе, светлое, ласковое, а то и веселое, что помогает справиться с печалью, что-то понять и найти новые стороны жизни. Это позже я узнала и оценила формулу христиан: Бог дает тебе такие испытания, с какими ты должен и можешь справиться.

Вот и в этот тревожный год я обрела прекрасных друзей, с которыми мы взахлеб учились, делая максимум из обязательного и еще сверх этого, нами же и придуманного. Именно в этот год я прочитала массу лучших книг мировой литературы. Именно в этот год для меня открылась прелесть «живой» музыки, — не той прекрасной, которую любила слушать по радио, а в Консерватории в исполнении великолепных музыкантов. Я смогла, наконец, ходить в оперный театр без оглядки на то, как потом добираться до дома, ибо теперь жила и училась совсем рядом с ним.

Именно в этот год случилась в моей комсомольской жизни занятная история.

В самом начале осени пришли на наш курс представители университетского Комитета комсомола агитировать заниматься спортом. И в том числе настоятельно рекомендовали записаться в конькобежную секцию: чем больше студентов запишется, тем больше наш курс получит «очков». Умеющих кататься на коньках оказалось неизмеримо меньше того, на что рассчитывали наши комсомольские лидеры. Тогда, сказали нам, пусть запишутся и те, кто умеет хотя бы стоять на коньках, потому что снег и лед будут еще не скоро, а пока заниматься придется в зале. Даже с такими «спортсменами» вышла заминка, и тут я, как истинный комсорг, — «грудью на амбразуру», как тогда говорили. Помня наше катание на болоте и училищном катке, призналась, что не только стоять, но и проехать немного смогу, особенно без требований к скорости. наших лидеров это устроило, — для них главным было представить списки в Комитет комсомола.

Что-то не припоминаю, каким образом получила обязательную для зачисления в секцию медицинскую справку, поскольку с самого начала обучения была определена врачами в так называемую «ослабленную» группу. Видимо, где-то концы с концами не сошлись. И уже через несколько дней я была в спортзале. Тренировки шли вполне серьезные, и домой я возвращалась, как шутили мои друзья, «на полусогнутых». В этих занятиях для меня была своя прелесть, так как из-за своей больной ноги я всегда получала освобождение от физкультуры. Этот «пустяк» меня не смущал, ибо была абсолютно уверена, что скоро все выйдут на каток, и меня отпустят, согласно данным мне при записи обещаниям.

Наивные надежды! Меня не только не отпустили после заливки катка, но и обязали, нажимая на «все кнопки» моей комсомольской совести, выйти на соревнования в ознаменование начала спортивного сезона. Ни спортивные, ни комсомольские руководители к этому времени не видели меня на катке, так как я пропускала эти занятия, искренне полагая, что это совсем лишнее. Как ни странно, мне это простили, поскольку опять, как всегда, шла речь о «галочках» в

списках представителей от факультета. Это легкомыслие дорого обошлось моим руководителям.

Каждый знает, что кататься ради собственного удовольствия и бежать по дорожке на скорость, как говорят одесситы, «две большие разницы». Радость зрителей обрушилась на меня свистом и хохотом после первых же моих шагов. Я вместо бега старательно воспроизводила те движения, которые мы отработывали без коньков в зале. Меня догоняли веселые крики:

— Давай, давай, до начала следующих соревнований добежишь! — кричали одни. — Слушай, — кричали другие, это у тебя новый вид спорта — фигурный бег, да?

Но я, помня лишь одно: нельзя сходить с дистанции, хоть умри, — продолжала свой «фигурный бег» с упорством шизофреника. Зрители оценили мое мужество и наградили меня шквалом аплодисментов. Лишь организаторы не поняли, какой шанс им был дан, и обругали меня по полной программе. Я возвращалась домой, сдерживая слезы, но не от обиды, как можно подумать, а от боли в ноге. Меня не зря освобождали от физкультуры, — такая нагрузка мне, действительно, была противопоказана.

На следующий день я не смогла пойти на факультет. Мои верные друзья заявили всей компанией после занятий, уверенные, что я переживаю свое цирковое выступление. Было много смеха, от души упражнялись в остроумии, видя, что это меня не обижает. Получился восхитительный вечер. Когда они уходили домой, я получила последнюю награду. Вася сказал:

— Как фронтовик, знаю точно, — возьму тебя с собой в разведку.

* * *

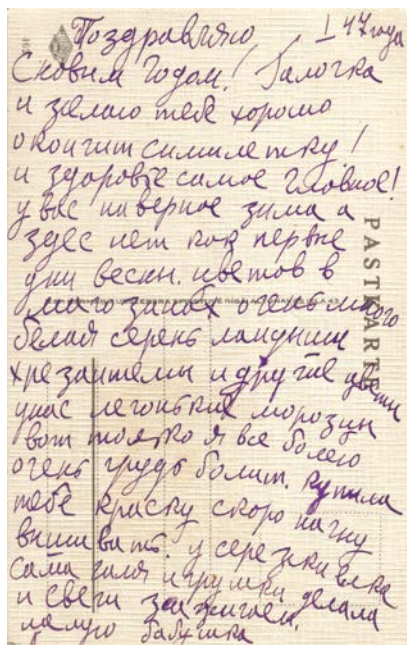
Данная история произошла или в самом конце войны или вскоре после ее окончания. Эти координаты во времени сейчас важны только для понимания трудностей быта, когда любая хозяйственная мелочь могла стать огромной проблемой.

Мы с бабушкой Мусей ходили на рынок. Тогда это было непростой задачей, особенно для меня: рынок, — вернее, базар (иного названия для него у нас не употреблялось) находился от нас на расстоянии трех километров. Иными словами, три — туда, три — обратно, уже с нагрузкой продуктами. Мне, с моей больной ногой, это было неприятным испытанием. Но не о том речь. Говорю лишь для того, чтобы понять, как я маялась рядом с бабушкой, досадуя на любую задержку. Ей же нравилось ходить неспешно и все тщательно рассматривать.

Вот бабушка остановилась возле мужика с бытовой мелочовкой, — ножи, ножницы, иголки для примуса, какие-то запчасти и прочая ерунда. Я с досадой ожидала, когда бабушка наглядится на этот хлам, и не обращала внимания, покупает она что-либо или нет. Позже это будет иметь принципиальное значение.

То ли в этот день, то ли на следующий, бабушка попросила меня убрать нашу мясорубку с общей кухни к нам в комнату. Убрать, так убрать. Бабушка, правда, пояснила, что вставила в нее новый винтик, — дескать, в комнате целее будет. Я только плечами пожала, не понимая и не одобряя такой осторожности. С нашей молодой соседкой Ириной отношения были натянутые, но в этом была не только ее вина, а и мамина придирчивость. Тем не менее, никаких «имущественных споров» с ней до сих пор не было.

Через очень короткое время Ирина требует от мамы вернуть винтик из мясорубки, обвиняя ее в подмене почти нового винтика на старый, ржавый, который, по ее утверждению, был раньше в нашей мясорубке. Демонстрация нашей мясорубки только усилила скандал, позволив ей утверждать, что это и есть тот самый винтик, который

она требует. Бабушкины пояснения об истории появления почти нового винтика не убеждали разъярившуюся соседку.

Привлекли в свидетели меня, но я-то видела, как бабушка рылась в железках, и не видела момента покупки. Однако под бурным давлением мамы и бабушки я скрыла свою неуверенность за расплывчатыми выражениями в поддержку бабушки.

Скандал разгорелся и перерос стены нашей коммунальной квартиры. Привлекалась соседка, просила подтвердить, что, когда она недавно брала у Ирины мясорубку, винтик ввинчивался нормально. Соседка сомневалась, не сказала ни «да», ни «нет».

Ссора «набирала обороты». Как-то Ирина тайком бросала в нашу кастрюлю посудную тряпку. Легко представить, как мама ее ругала, и как та бурно отрицала свою причастность к этому. Крики, обвинения во всех грехах с обеих сторон стали ежедневным концертом, начинавшимся с утра и длившимся до прихода папы и соседа.

Конец всей соре неожиданно положил трагический случай с нашим любимым котом. Однажды он исчез. Его никогда не выпускали на улицу, его это нисколько не волновало, и вдруг он исчез. Мы с сестрой обегали всю прилегающую к дому территорию, но кота не обнаружили. Появились помощники, они звали кота, заглядывали в подвал, проверили все закутки возле сараев, даже залезали на крыши сараев. Спустя несколько часов, соседские мальчишки нашли его в колодце. Кот, конечно, погиб, и в его гибели мама вполне обоснованно увидела месть Ирины. Кота все обожали, и мама, конечно, пришла в неистовство. Сначала она кричала, стоя на пороге ванной комнаты, где Ирина что-то мыла. Наконец, в ответ на какую-то грубость молодой женщины схватила ее за волосы и окунула головой в ванну, полную воды.

Что тут началось! Все предыдущие стычки, по сравнению с вновь развернувшимися, были детским развлечением.

В скандал вмешался политотдел училища, туда вызвали обоих офицеров — папу и мужа Ирины, и меня как комсомолку. Попытались разобраться, махнули рукой, запутавшись в мелких и крупных обстоятельствах ссоры, и потребовали от нас троих сделать все возможное для ее прекращения.

Не знаю, что возымело действие, но ссора затихла, оставив на все последующие

годы совместной с этими соседями жизни враждебный след. Лишь у мамы было четкое объяснение концу конфликта: она пообещала Ирине, если та не прекратит свои диверсии, рассказать ее мужу, с кем она тут развлекается в период его отъезда в командировки.

У меня же еще долго был повод для личных переживаний: была ли я права, поддержав бабушку, раз я не видела момента покупки. Моя комсомольская совесть терзала меня: не соврала ли я, да и вообще, могла ли говорить нечто определенное, не будучи уверенной в истинности этого. Все мои попытки уточнить истину у бабушки не привели к результату: она отмахивалась, говоря, что пора забыть об этом. И добавляла:

— Было, как было, и точка.

В том-то и дело: а как оно было?

* * *

Мы с Аленой в лесу, называемом в Харькове Лесопарк, в самом дальнем его конце. Дальше уже поселок Пятихатки, где расположен знаменитый научно-исследовательский институт с атомным ускорителем. Поговаривали, что это то самое место, недалеко от которого разбился военный самолет, послуживший источником знаменитой песни об огромном небе, — одном на двоих. В том я не очень уверена, но как-то в тех краях действительно разбился самолет с пассажирами на борту.

Сейчас все мирно, тихо, прекрасно, — так, как бывает прекрасно в настоящем лесу. Собираем шампиньоны, Алена в восторге: их хорошо видно, и она с удовольствием срезает толстые ножки. Набрали большую сумку до самого верха. Идем к остановке на шоссе. Навстречу идет женщина, в ужасе взмахивает руками: «Выбросьте немедленно, это несъедобные грибы!». Я смеюсь, отвечаю, что очень даже съедобные, и я их хорошо знаю. Еще не один человек говорил нам то же, что и она, не изменив моего мнения. Дома я на всякий случай проверила все признаки по книге: все правильно, это шампиньоны. Жарила, консервировала, — ели с удовольствием.

Лишь много лет спустя, я подумала, что в тех предостережениях могла быть существенная доля истины. Шампиньоны-то шампиньоны, но собирали мы их недалеко от ускорителя, а вот это могло быть опасно. Зато, в какой красоте провели несколько чудесных часов!

С Аленой у нас была еще одна история с грибами. Наш знакомый профессор предложил на некоторое время свою дачу для нашего отдыха, поскольку он получил квартиру, ее надо обживать, делать ремонт, на дачу ездить некогда. Стоит ли говорить, как я была довольна, особенно если учесть, что дача расположена в одном из лучших поселков недалеко от Харькова.

В первый же приезд, едва зашли в дом, бросили свои вещи и тут же отправились в лес. Бродили по нему не меньше трех часов. Алена вдруг скисла, побледнела, и

мы вернулись. Я немного испугалась, не отравилась ли она чем-то, пожевав травку или листик. Сосед успокоил: да, это отравление, но не опасное, такое бывает часто с городскими жителями. Напомнил Аркадия Райкина с его рассказом о человеке, просившем положить его под выхлопную трубу. Говорит, слишком много кислорода сразу, потому девочка и скисла, — к их воздуху надо привыкать.

На следующее утро мы бродили по поселку, рассматривая зеленые дворики, в окружении деревьев и цветов. Недалеко от нашего дома под деревьями увидели грибы. Я сорвала один: запах восхитительный. Срезала несколько оставшихся, дома пожарила. Очень было вкусно. После еды Алена заснула и спала очень долго. Я испугалась, не грибы ли виноваты. Сосед утешил: грибы эти называются вешенки, они вполне съедобны. Спит же она здоровым сном человека, хорошо погулявшего в экологически чистом месте. Даже домой привезли этих грибов и нажарили под шуточные подтрунивания Володи, что вот теперь-то, наконец, он отравится, мои эксперименты с грибами его доконают.

* * *

Алену на сутки отпустили домой из больницы. Позанималась какой-то пустяковой работой, попросилась в церковь. Очень хорошо оделась, взяла немного денег на свечи, хлеб и ушла. А я вдруг начала метаться: зачем ее отпустила, почему не пошла с ней, что я скажу в больнице, если она не вернется, и вообще — что мне делать?

Господи, уйдет когда-нибудь этот страх? Помоги мне и ей!

И в этот момент раздался телефонный звонок из соседнего магазинчика:

— Откройте Лене дверь в подъезде.

С души напряжение спало, а сердце отпустило только после капель и таблетки.

* * *

Сегодня очередной День Победы. Люди заполнили магазины, не пройти на рынке. Кто-то поехал смотреть шествие ветеранов, кто-то с детьми гуляет в парке. На первый взгляд, все основные признаки праздника. Но лишь на первый и нетребовательный взгляд. Я не собираюсь говорить о сносе памятника в Эстонии и о планах Польши. У нас самих прошла серия сообщений о разграблении захоронений воинов Великой Отечественной, об уничтожении самолетов и танков, поставленных на местах героических сражений. Причин и поводов много, они нуждаются в понимании, но это совершенно особый разговор. Ясно одно: в обществе живут и растут болезни. Уходят участники боев, стареют прошедшие войну дети. Это для них праздник Победы свят и наполнен глубоким личным смыслом. Нынешние поколения сомневаются в его актуальности, а то и в значимости. Что ж тут скажешь, если лет двадцать тому назад знакомая девушка своей бабушке в ответ на ее упреки о равнодушии к этому дню сердито бросила:

— Как ты не понимаешь, для меня это почти то же, что битва Александра Невского и его победа.

Впрочем, и у наших современников память тускнеет. Шестьдесят с лишним лет — это немало.

В сорок пятом практически с самого начала мая мы не выключали радио, как и всю войну, но делали это теперь не по приказу, как раньше, а в трепетном ожидании радостных вестей. И вот рано утром я первая услышала позывные и знакомый голос

Левитана. С ликующим воплем слетела с постели, крича все то, что одновременно кричала вся страна. Уже через несколько минут мы были на улице. Там бегали, кричали, плакали жители нашего городка. Никто не обращал внимания, что многие были в нижнем белье, — какие пустяки, когда сообщили ТАКОЕ! Вскоре начался стихийный салют, ибо у многих офицеров было оружие. Бегали, кричали, обнимались, плакали. Правда, слезы были разные: радость, конечно, была для всех, но для тех, кто потерял своих близких, радость была смешана с горем, — тем, которое уже привыкли сдерживать, а сейчас оно хлынуло во всю свою горестную силу. Все это понимали и плакали, обнимая друг друга.

Эту полуночную ночь, эти позывные, голос Левитана, горестно-счастливые лица не стираются в памяти. И совсем не потому, что нечто подобное показывают нам каждый год. Нет, я помню совершенно конкретные лица и, будь я художником, многие из них могла бы нарисовать.

Наверно, только пережившие большую войну, с особой искренностью говорят свое закливание, желая счастья и удач:

— Только бы не было войны!

* * *

Как мы размещались все пятеро в одной комнате? Очень просто. Это тем, кто привык жить в хороших квартирах, не понятно. А у нас за плечами был серьезный опыт, — сначала в Москве на Стромынке, потом — на Сахалине. А тут, в общежитии Харьковского университета у нас было целых 19 (или 20?) квадратных метров. И выглядело это так.

Комнату перегородили двумя шкафами от «стенки» отечественного производства. С левой стороны — шкаф книжный, с правой — для посуды и нехитрых продуктовых запасов. Часть книг находилась над дверью в глубокой нише, где мы соорудили для них полку. Между шкафами оставался неширокий проход в первую половину комнаты. Там находились наши девочки. Гм, довольно сложно описать, как размещались спальные места трех дочерей, двое из которых были уже школьницами. Две раскладушки и раскладное кресло на день сжимались до минимума. Где-то под окном сделали полку для учебников и детских книг, игр и приготовления уроков. Там же стояла раскладная парта. Иными словами, днем в этом пространстве с некоторыми трудностями могли разместиться все трое, каждая со своими делами. Не удивляло никого, что нередко там же крутились и два-три друга или подруги. Некоторые из них появлялись обычным «цивилизованным» способом, — через дверь, тогда как иные любители — через окно (комната была на первом этаже, хотя высокомерно над землей).

В другой половине комнаты, то есть перед шкафами, находился наш диван, обеденный (он же — письменный) стол, минимум стульев, перемещавшихся по мере необходимости из одной половины в другую, и платяной шкаф.

Думаете, это все? Как бы не так! У нас между столом и стеной однажды встало пианино, взятое напрокат для Наташи. Как-то раз пришли из прокатного пункта проверять его наличие, — обычная инвентаризация имущества. Наташа в это время уютно пристроилась на шкафу в позе «лотоса» (она увлекалась йогой), разбирая книги с полки над дверью. Тоня сидела с двумя приятелями (пришедшими, естественно через окно) на детской половине, я заняла своими бумагами стол с одной его стороны, а Володя — с другой. Пришедшие ахнули. Еще бы! Настоящий муравейник. Но, пожалуй, больше всего их поразила Наташа: она производила впечатление человека, чье рабочее место было именно на шкафу. С трудом добрались пришедшие до инвентарного номера на пианино, отметили его в своем журнале и, уходя, с улыбкой покачали головой:

— Да, у вас, действительно, только пианино, наверно, и не хватало.

Ничего! Зато нигде больше не было у нас таких веселых встреч с друзьями, как в этом удивительно емком пространстве. И сколько их могло там разместиться, даже трудно сейчас поверить: кроме нас всех, человек до десяти, — это уж точно. Пели песни Окуджавы, пили грузинские вина, обсуждали самые высокие научные проблемы. И даже танцевали, как это было, например, когда ко мне пришли мои сослуживцы из военной Академии.

Вот так. Не год и не два, а восемь лет.

* * *

Я очень любила свою работу и с детьми, и со студентами. Особое удовольствие получала даже не тогда, когда видела их горящие глаза, — это лишь свидетельство того, что им нравится содержание рассказанного. Конечно, приятно, ибо это означает, что у меня получился контакт. Важнее было довести их до состояния, как бы это сказать точнее, задумчивого внимания. Это становилось критерием их личностной включенности, их осмысления сказанного по отношению к себе, своим жизненным проблемам, своему отношению с миром и людьми.

Конечно, так получалось далеко не всегда. Это вполне естественно: работа не может быть постоянным праздником. В ней были свои будни, в равной мере важные и для меня, и для моих слушателей. Спокойное восприятие, спокойное размышление, простая работа души.

Но были и ужасные провалы, когда ничего не получается и уходишь от слушателей в стрессе.

Пожалуй, самым ужасным был провал лекции в Доме Ученых. Там запланировали встречу с преподавателем нашей кафедры, но она в последний момент отказалась. Мне объяснили, что у них не принято отменять лекции, и попросили ее заменить. Я легко согласилась, тем более что тема была для меня хорошо известная. Надо было рассказать, чем занимается инженерная психология. Тоже мне проблема! Я несколько лет посвятила ей, а мои соответствующие статьи были достаточно хорошо известны. Тем более, меня предупредили, что на такие лекции приходят простые любознательные люди, нужна предельная популярность.

Нет проблем! Составила в соответствии со своими привычками коротенькую шпаргалку с планом беседы. Отправилась в Дом Ученых. Легкий мороз, но пурга, ветер. Уверена, что никто не придет. Действительно, организатор лектория при встрече сказал, что народу всего несколько человек, и потому лекцию из зала перенесли в его

кабинет. Пока в моей душе все спокойно: кабинет так кабинет.

Заходим, и душа тут же ухнула куда-то в пятки. Сидят в ожидании встречи со мной две старушки, два офицера из летного училища, двое или трое мужчин, — похоже, инженеры, три студента из Института радиоэлектроники с магнитофоном, который они уже установили на моем столе, и... О, это главный источник ужаса! Один из самых известных в городе специалистов по инженерной психологии, руководитель научно-исследовательского отдела в этой отрасли, мой коллега и хороший знакомый. Что прикажете читать в такой аудитории? О какой популярной лекции может идти речь? А о какой специальной? Кто эти люди, что их привело?

Мое предложение лекцию отменить встретило недовольство у организатора, повторившего, что лекции проходят даже в присутствии двух человек, а тут больше.

Достаю шпаргалки, судорожно пытаюсь сообразить, что же мне рассказывать. Даже, сбросив со счета любознательных старушек, совершенно не ясна ориентировка в предмете студентов, мужчин, похожих на инженеров — не опрос же проводить. С другой стороны, мне хорошо известен уровень знаний моего коллеги, и могу предположить, что и офицеры — не новички.

Начинаю коротко говорить о том, когда и почему появилась эта отрасль психологии, надеясь что-то придумать. И вдруг ловлю себя на том, что я совершенно не помню, что я только что рассказывала. Тогда в каком-то сумеречном состоянии я неожиданно для себя говорю: «Извините, я начну сначала». Этого еще не хватало! Но слова сказаны, смотрю невидящим взглядом в свои бумажки, ничего в них не вижу, но начинаю говорить. Первые фразы слышу, а потом опять теряю контроль. Вроде что-то говорила, но что именно, не имею ни малейшего представления, — осталось лишь ощущение на языке при полной пустоте в голове.

Да, я упустила еще одну для меня важную деталь. Я привыкла лекции читать, только стоя, но организатор, прервав меня в самом начале второй попытки выступления, настойчиво попросил сесть под предлогом, что так всем будет удобнее. Поняв, что я тону, я все же сажусь и тут, к своему ужасу, слышу: «Извините, я начну сначала».

Бабульки смотрят ласково, все остальные опустили глаза, студенты выключили свой проклятый магнитофон, а организатор бросает на меня взгляд, который пышет яростью. В этот момент я почти успешно беру себя в руки и говорю уже нечто вполне адекватное ситуации. Извиняюсь, что не могу найти схему рассказа для такой пестрой аудитории и прошу задавать мне вопросы.

Это было спасение. Что-то спросили про мои эксперименты в Академии, явно зная мои опубликованные работы. Какой-то вопрос задали студенты. На эти вопросы я ответила членораздельно, хотя надо бы поподробнее, чтобы затянуть время, но это было в данный момент мне недоступно. В голове никаких подробностей, — одни схематические обрывки. Вопросов больше не последовало, — на том моя «лекция» и завершилась. Организатор проводил меня сухо, давая понять, что он еле сдерживает свое возмущение. Еще бы! Он знал, что я заведу кафедрой, что я известный ученый, доцент и прочее, что позволяло вполне закономерно ожидать профессиональную лекцию.

Я вышла в пургу, плохо понимая, что вокруг меня происходит. Благо, до дома было недалеко, в полусознательном состоянии я преодолела этот путь, поднялась лифтом на свой этаж, отомкнула дверь и, прикрывая ее за собой, сползла по ней вниз в обмороке. Володя испуганно кинулся ко мне, поднял на руки и отнес на диван. Там я пришла в себя, коротко объяснила свой стресс. Он, конечно, понял, что стресс нешу-

точный, и не сразу стал меня успокаивать, дал придти в себя.

Долго мне было плохо, я еле могла проводить свои занятия по расписанию, возвращалась домой без сил. Какое-то время старалась не встречаться с Владимиром Семеновичем, хотя он работал поблизости от Университета, и мы раньше встречались частенько. Однажды я потеряла бдительность, и он меня догнал, спрашивая, верно ли его предположение, что я избегаю встреч. Я призналась, что это так, ибо после той лекции мне стыдно показываться ему на глаза. Он удивленно пожал плечами:

— Ну, что Вы такое говорите? Все было вполне нормально, вы только напрасно начинали сначала, — начало было вполне хорошим, продолжали бы, и все.

Эта встреча помогла окончательно придти в себя, но паршивое чувство осталось надолго. Как говорил наш товарищ, «как лягушек наглоталась».

* * *

Приснился сон: глубокое ущелье, внизу бурлит река, а я едва держусь на скользком берегу, но мне не очень страшно. Лишь беспокойство: куда-то опаздываю. Мне туда очень нужно, и вот вероятность не попасть или опоздать, меня волнует сильно.

Странно, что тревожный сон связан с местом, где я испытала истинный восторг.

В последний приезд в Майкоп, когда мы забирали оттуда маму, я побывала в Хаджохе. Мечтала об этом давно, наслушавшись от Володи о красоте горных мест Адыгеи. Но все не получалось, все казалось, что будут для этого более подходящие дни. Так и шли годы. Выросли дети, росли внуки. И вот Володя сказал, что откладывать больше некуда, и, хотя мы собирались иногда приезжать в Майкоп на могилку к отцу, вероятность попасть в Хаджох ничтожна.

Без всяких возражений приняла этот совет и поехала. Благо, сделать это было просто: туда ходила электричка, остановка которой была совсем близко от нашего дома. Возвышенное состояние духа, — иначе не скажешь, — охватило меня очень скоро, ибо уже через несколько минут пути начались красивейшие предгорные места. Вот и Хаджох. Ничего особенного: небольшой поселок, маленькие дома, маленькие сады возле них. Но — горы! Тут они уже были настоящие, хоть еще и без снежных вершин. Замирая от счастья, я вышла из поселка, и направилась вверх по узкой тропинке. Манили скалистые нагромождения и незнакомый гул, доносившийся из неведомого пространства впереди.

Еще несколько минут, и я готова была громко кричать, петь, прыгать, — уж не знаю, что делать, но выплеснуть свой восторг было совершенно необходимо. Я оказалась на краю ущелья, в глубине которого бурлила и ревела река. Впрочем, мне, видевшей до этого равнинные реки, назвать это чудище рекой было трудно, для этого нужен другой вариант. Ну, вот есть же у эскимосов сотня слов для называния снега, — так, мне казалось, и этот кипящий, ревущий и сверкающий хаос невозможно назвать тем же словом, каким называют известные мне реки. Правда, и с теми реками тоже не все так просто: есть Нева, Москва, Волга, но есть и Амур, с одной стороны, и Ватутинка, — с другой. Тем более, если все то — реки, то, что такое, спрашиваю, это ревущее чудище перед моими глазами, потрясающее меня своей невероятной мощью и красотой.

Долго не могла уйти от этого зрелища, как не могла отключиться от гула, заполняющего все пространство вокруг меня. Это не шум, это мистическое буйство неведомых сил.

Наконец, огляделась вокруг, побродила по краю обрыва. Оказалось, и тут есть нечто радостное. Узкая полоса по краю ущелья покрыта кустами ежевики с огромными черными ягодами. Вкусными, ароматными. Конечно, поела всласть. Да вот ведь огорчение: со мной ничего нет, куда можно было бы сложить прелестные дары гор.

Нашла небольшой достаточно чистый клочок газеты и, пренебрегая правилами гигиены, свернула из него кулек и собрала туда ягоды. Конечно, мало, но утешала себя тем, что, кроме рассказов, привезу и нечто вещественное.

Весь остаток дня и ночь я не могла отвлечься от воспоминаний, жила, погруженная в почти зримые образы бурлящей воды, нагромождения камней, блестящих черных ягод и завораживающего гула. Нечто похожее испытывала после долгой рыбалки или сбора грибов: только закроешь глаза — «клюет» рыба или «выглядывает» среди травы шляпка гриба.

Счастливый день. Подарок судьбы.

Но почему же именно это место увиделось в тревожном сне? Куда мне нужно попасть или чего я должна достигнуть? Почему так важно успеть, не опоздать?

* * *

Звонок телефона. Любимый голос сестрички. И после разговора, как всегда, нежность растекается в душе. Вот ведь забавно: у нас заметная разница в возрасте, — все-таки восемь лет; у нас весьма разные характеры, — мне важнее всего тишина и даже одиночество (конечно, в разумных пределах), а Лене — люди, друзья, переговоры, переписка, «тусовка». И разница судеб тоже явная. Однако, забавно не эти или другие различия, а то, что они стираются. Разница в возрасте теперь скорее лишь числится по документам; я все чаще ее вообще не вижу. Разница в характерах остается в неких «базовых структурах», а вот интересы, мнения, даже — хобби, если так можно назвать нашу писанину, — очень сблизились. Судьбы вроде остаются разными, но болезни одинаковые. В жизненных обстоятельствах просматривается некое сходство: у нее сын Алеша уехал в Канаду, у меня внук Павлик — в Америку. Все чаще хочется говорить что-то ласковое, теплое. Жаль, я сдержанный человек, не люблю говорить слова о сво-

их чувствах. Понимаю, что надо говорить как можно больше и чаще хорошие слова, но мне это не свойственно. Кстати, мне тоже не нужны чьи-то слова о любви, а всякие признания скорее мешают простоте отношений. Мне достаточно того, что я знаю, как ко мне относятся, и вижу это в поступках. Прости меня, сестричка, я понимаю, что тут между нами сохраняется различие: для тебя слова важны.

* * *

Чем больше пишу, тем чаще вспоминаются события и переживания, может быть, самые значимые в моей жизни, определившие ее смысл, суть. Но именно о них писать не могу и, скорее всего, не буду вообще. Для того, чтобы о них рассказывать, нужны иные формы: вот так кратко, слегка обрисовывая, о них рассказать нельзя. Это не будет правдой. Любое, даже пустяковое событие, сложнее того, что о нем расскажешь, поскольку остается вынесенным за скобки очень многое. Но когда говоришь об очень значительном, за этими скобками вероятнее всего останется самое главное. Ведь порой важнее того, что именно случилось, то, что этому предшествовало, или то, что ты при этом думал, хотел или не хотел; а, может быть, то, что ты делал спустя какое-то время. Например, очень часто в общении людей важны не слова, а взгляды, легкие жесты, поза, интонация. Вот так и при рассказе о самом важном легко ускользает именно это самое важное.

Потому-то очень многого тут не найти, хотя память выхватывает, расцвечивает, озвучивает, но путь от образов к словам скрыт за невидимой запретной чертой.

* * *

Вот, кстати, один из примеров, — в данном случае, того, как всплывают воспоминания. Тоже показательно, ибо дело не в событии как таковом, а в сложных жизненных переплетениях событий, отношений, ответных эмоций, да и много чего...

Первые послевоенные годы. Возвращаемся всей семьей из Москвы в Энгельс. Подъезжаем к пристани на Волге под вечер. Катера сегодня уже не будет, но есть лодочки. Один из них посадил в свою лодку вместе с нами добрый десяток пассажиров, и мы отчаливаем. Надо пройти мимо пристани, поскольку лодка стояла в промежутке между ней и берегом. Вдруг лодка начинает как-то странно юлить, едва не задевая бортом за бок пристани. Вырулили на чистую воду, выделявая замысловатые «па». Отец понимает, что лодочник пьян, как говорится, в дребезину (при посадке в сумерках не обратили внимания). Он строго требует уступить ему место у весел, ибо плыть по ши-

роченной Волге в сумерки с пьяным лодочником — риск огромный. После некоторой перепалки лодочник уступает, поскольку отца активно поддержали пассажиры, сразу почувствовав доверие к нему.

До Энгельса добираемся благополучно. Пассажиры интересуются, как будет обратно добираться наш лодочник. Оказалось, он из Энгельса, и плыть ему больше не надо. Папа на прощание тихонько ему прочитал хорошую мораль, и тот поплелся пришвартовывать свою лодку, бурча себе под нос нелепые оправдания. Едва поднявшись вверх по берегу речушки, притока Волги, к нашей огромной радости, обнаружили невдалеке нашу училищную машину и поехали домой.

По пути папа рассказал одну историю из своей молодости. Вот так же пришлось плыть ночью, но не столь благополучно: лодка перевернулась недалеко от берега. Кто-то поплыл к берегу, а одна женщина, не умея плавать, стала барахтаться и кричать. Папа подплыл к ней, чтобы помочь, но она в панике вцепилась в него так, что плыть стало просто невозможно. Попытки уговорить ее не дали результата. Пришлось слегка ее стукнуть, и уже после этого за волосы подтащить к берегу. Меня удивило, почему она его не слушалась, — ведь он явно ее спасал. На это папа ответил, что погибающий человек не отдает себе отчета в том, как нужно поступать, и тянет с собой в бездну своего спасителя. В пору его матросской службы их специально учили, что делать в таких случаях.

Всплыло это воспоминание по странной ассоциации с тем, что происходило сегодня. Говорю о странности ассоциации, ибо все обстоятельства, все факты совершенно иные. И попробуй объяснить, при чем же лодка и все прочее. На первый взгляд, чистая случайность, но почему-то именно это вспомнилось во всех деталях. Связь, тем не менее, есть, но она так неуловима, ее не смогу объяснить. Тут столько скрытого, неосознаваемого, что раскрыть глубину переживаний оказывается непосильной задачей. Начни говорить, утонуть можно в ворохе новых ассоциаций, аргументов, переживаний.

Нет, и браться не стану. Лишь чувствую, что сама тайна ассоциаций заслу-

живает внимания. Могу только сказать, что пока думала об этой связи событий и их смысла, многое поняла, и это помогло выйти из стресса. Поняла и то, что в таких случаях, как и во многих других, ассоциации не случайны, их нашему сознанию «подбрасывает» душа, чтобы мы выбрались из тины сиюминутных волнений в область истинных ценностей. Наверно, бессмысленно и бесперспективно пытаться поймать течение этого процесса. Однако есть простой способ — уйти от того, что сегодня ввергло в пучину острых переживаний, в детали события, проснувшегося в этот момент. Вспомнить, пережить заново, почувствовать его живительную силу.

* * *

Мои любимые города... Они, как и люди, сотканы из противоречий. Это не застывшие символы из серии «Город моего детства», «Город моей мечты», «Город романтической юности» или тому подобное. И в реальной жизни, и в памяти они расцвечены всеми цветами радуги. В них теплое нежное дыхание и суровые испытания, веселые звоны и тяжкая поступь, сверкающие краски радости и мрак горя и потерь. Они прекрасны и отвратительны, манят светлой памятью и давят невыносимыми воспоминаниями.

Энгельс. Он необыкновенный уже только потому, что там были самолеты, аэродром, простор степей и Волги. Лучшие друзья и подруги, первая влюбленность, манящая тишина читального зала, долгие душевные беседы с отцом, и еще много милого и важного. Но он душил пеклом жары и пыли, мириадами мошек, забивающихся в глаза и рот; бил в лицо колючими ледяными иголками и хранил горечь первого крушения иллюзий. Дни и годы жизни в нем были наполнены тяготами войны. Там я до самоотвержения любила свою семью и заливалась горячими слезами от обиды и жалости к ссорящимся родителям. Металась в сетях противоречивых чувств от непонимания того, зачем так жестоко выселили всех немцев с их родных мест. Сияла от гордости за героические дела наших летчиков и безутешно плакала из-за гибели Марины Расковой. Это в нем были страшные часы ожидания вестей с фронта, страха перед неведомой вражеской силой и беспредельное счастье при слове «Победа». Именно он был свидетелем того, как я из маленькой девочки стала взрослой.

Рига. Потрясение необычной, новой для меня красотой города, Даугавы, моря. Даже слова и названия вызывали трепет: Даугава, Юрмала, Лайма, Райнис, Лудзю, Неспрот, Спленид Палас. Не мешали наслаждению городом ни дождь, ни ветер. И в то же время тревожащим диссонансом звучали рассказы о том, что нашим военным нельзя появляться поодиночке на окраине города; настораживало враждебно-замкнутое выражение лиц торговцев на рынке при обращении к ним на русском языке. Но все отступало на задний план при виде зданий, скверов, товаров в магазинах, — изысканно красивых, будто пришедших из сказки Андерсена. Домский собор, органный зал, волшебный концерт группы Раймонда Паулса. Вежливые водители, пропускающие любого пешехода; высокие белокурые юноши... Добрая чистенькая Марта, хутор в центре Латвии и замкнутый злой латыш, постоянно извергавший жесткие ругательства в адрес любимого моего отечества. Тяжелые серые облака, плывущие над такими же тяжелыми волнами Даугавы. И замечательные друзья с их искренней увлеченностью нашими психологическими исследованиями. Среди них и латышка Рита, великолепный журналист, и педагог Бронислав, упорно пробивавший все бюрократические преграды на пути развивающего обучения.

Москва. Восторженная любовь к ней жила всегда, — сколько себя помню. Собирала картинки с видами Москвы, волновалась, слушая песни о ней; страдала от вестей с фронта и плясала от радости после победы под Москвой. А потом начались свидания с городом. Кремль, Университет, гостиница «Москва», Библиотека имени Ленина, метро, улица Горького, Арбат, улочки в районе Кропоткинской, а позже — Ленинские горы и многое, многое, столь же прекрасное. Театры, музеи, Консерватория, Зал Чайковского... Наш факультет и его замечательные педагоги. Да что там говорить! Много лет я начинала всерьез волноваться, когда поезд подъезжал к Москве. Смешно, наверно, однако был, например, и такой факт. Бродя по территории Университета, спусти много лет после его окончания, палочкой на снегу написала со слезами на глазах: «Я люблю тебя, Москва».

Были в московских днях и годах и слезы, и горькая печаль, и большая любовь, и большие потрясения, и гордость, и разочарования. Была и страшная усталость от грохота огромного города и его многокилометровых путей. Но был и радостно-влюбленный взгляд на Кремль, когда этот вид открывался в окно автобуса. Очарования и разочарования. Прекрасные годы учебы. Замечательные друзья, памятные встречи. Трудно даже перечислить все, что было, а уж рассказать обо всем и не помышляю. Разве что когда-нибудь наберусь окаянства, как говаривал наш научный руководитель, немного вспомнить отдельные эпизоды, которые стали символами целых эпох жизни.

Сахалин. Неправдоподобная красота сопок и грязь, похожая на манную кашу, под ногами. Деревья и травы до неба и нудный бесконечный дождь. Сверкающий на солнце снег и валящая с ног пурга. Добрые приветливые люди и пустые магазины. Деревянные тротуары. Незапираемые двери домов. Работа, наполненная увлеченностью, и бесперспективность этого служения, неизвестно чему. Короткое лето. В те периоды, когда на материке уже едят ягоды, тут едва появляется первый зеленый лук. Культура только та, какую сделаешь своими руками. Двести километров до областного города ехать на поезде восемь часов, да и то, если нет пурги. Сопки, поросшие серебристыми елями. Звенящая от чистоты вода в ручье возле порога дома. Неповторимый вкус сахалинской рыбы. И пробуждение утром в то самое время, когда бьют куранты на Спасской башне и по радио звучит голос московского диктора: «С Новым годом, товарищи!»

И все-таки это любимые города, дорогие уму и сердцу. Похожие на любимых людей: много прекрасного, есть недостатки, но все их прощаешь, забываешь, не замечаешь, ибо есть что-то очень-очень важное, необходимое, — то, без чего нет твоей жизни.

По телевидению завершился проект «Звезды в цирке». Но речь не о нем, а о вызванных им ассоциациях.

Когда я работала в Институте Искусств, мне поручили лекции по психологии на курсах повышения квалификации артистов цирка. Кем-то свыше было решено устроить такие занятия с каждой труппой цирковых артистов, прибывающих в Харьков на гастроли.

Первая группа не оставила особых воспоминаний. То ли потому, что послали меня туда совершенно неожиданно, и я не смогла определить, что должен представлять

собой курс лекций для них. Ясно, что не может быть повторения программы моих лекций в институте. Но и популярные циклы в Центральном Лектории тоже не годились. Короче говоря, что-то рассказала без большого энтузиазма и тем более, без всякого удовлетворения. Правда, слушатели были довольны, но сейчас мне кажется, больше всего от того, что не было нудных пересказов партийных документов, чем были в то время перенасыщены многие лекции.

Со следующей труппой сложились очень теплые, совершенно неформальные отношения. Я приезжала к ним в гостиницу, читала очередную лекцию, а потом мы подолгу говорили на самые разные темы.

Нагляделась на их быт. Гостиница им отводилась паршивенькая, с весьма условными удобствами: туалеты в конце длинного коридора, кухни нет совсем, темно-ва-то и грязновато. Со многими артистами жили их дети, которым вообще негде было отдыхать или готовить уроки. Вопреки бытовой неустроенности жили артисты дружно, даже весело, подшучивая друг над другом. О помощи никого просить не требовалось: сами видели, когда и в чем нужна поддержка. Не редкость в их быте: кто-то сварил суп или картошку и накормил всю детвору. Я с удовольствием шла к ним на занятия и вела их с искренним увлечением. Как-то, рассказывая об этом, пошутила: за такую работу не мне должны платить, а я должна.

Дело было даже не в самих занятиях, а в том, что составило весь круг общения. Я так много узнала, почувствовала, поняла об этой профессии, об особенностях характеров цирковых артистов, их удивительных судьбах и редком умении отделять в личных взаимоотношениях главное от второстепенного. Я бы сказала, меня потрясла их практическая психология.

Особенно мне стало интересно, когда некоторые из них обратились ко мне с личными просьбами. Кто-то не мог понять причину конфликта с любимым человеком; кому-то трудно было разобраться в характере своего ребенка; одна пара артистов просила посмотреть, насколько интересен их номер; в другом случае мне предстояло проанализировать чистоту номера с мнемотехническими приемами. Мы часами засиживались то в одной, то в другой комнате. Несколько раз я специально приходила на цирковые представления, чтобы потом ответить на их вопросы.

И все мне было в радость.

Как-то раз я взяла с собой семилетнего внука Вовку. Он был в восторге и от представления, и от того, что мы побывали за кулисами. Разглядывал все широко раскрытыми глазами; задышался от восторга при виде вблизи цирковых животных. Особое впечатление произвели на него клоуны. Мы их застали отдыхающими в малюсенькой комнате, где Длинный клоун (это было его имя на манеже) протянул свои ноги от стены до двери. Пока Вовка восторженно говорил с ним о каких-то пустяках, искренне принимая за правду все клоунские байки, вернулся Маленький клоун с кульком, наполненным пачками мороженого, и, протягивая кулек товарищу, сурово сказал без улыбки: «Смотри, не подавись!» У Вовки вытянулось лицо: «Он что, это все съест?!» Маленький клоун тут же продолжил шутку: «Ему этого мало, остальное принесу после окончания представления». Вовка поверил настолько, что не обратил внимания на то, что подбежали другие артисты и взяли себе из того же кулька по порции. Всю обратную дорогу домой у него не сходила с лица удивленная улыбка, и он все повторял, какие замечательные клоуны и как много мороженого может съесть Длинный. И откровенно радовался тому, что я встречаюсь с ними часто.

Мои впечатления пополнились рядом сюжетов о профессиональных трудностях артистов. Так, у одной артистки я увидела толстые «браслеты» на запястьях

рук. Оказалось, это мозоли от креплений, необходимых для выполнения некоторых трюков под куполом цирка. В данное время они с мужем ездили на велосипедах и очень волновались, интересен ли для зрителей их номер. Раньше они выступали с трюками на трапециях, но муж сорвался, сломал позвоночник, и продолжать прежние трюки они не могли. Но и уйти из цирка не было сил: в нем вся их жизнь, хотя и велосипед требовал от него огромного терпения и мужества. Он горько шутил: «мы приговорены к пожизненному заключению на арене».

* * *

Мои первые три студенческих года обошлись без общежития: жила на квартире сначала в Саратове, потом — в Москве. Оба раза жилье мне устраивала мама.

В Саратове мне разрешил жить в своей комнате начальник нашего училища. Эту комнату держали на случай приезда в театр, дабы после окончания спектакля переночевать, поскольку ночью из Саратова добраться до нашего городка было большой проблемой, даже для генерала.

Это была крохотная комнатка, в которой из мебели были только кровать, стол, два-три стула и тумбочка. На кровати спать мне не разрешили, но не из жадности, а потому, что не исключалась вероятность их приезда в любой день. Раскладушку купить не реально, и папа смастерил ее сам из сосновых брусков и куска брезента. Выглядела она замечательно, и я от души любовалась ею. Правда, совсем недолго, так как очень скоро она развалилась подо мной, и я пребольно стукнулась об пол, поскольку вместо матраса на ней лежало одеяло. Сломалась она из-за непригодности для этой цели сосновых брусков: они аккуратненько расщепились на полоски. Конечно, я перебралась на кровать, решив уйти к подруге в случае приезда генерала или его жены. Они за два года ни разу не приехали, и я жила спокойно, радуясь своему одиночеству. Соседка мне совершенно не мешала, отношения сложились вполне доброжелательные. Иногда подолгу болтали в закутке, заменявшем нам и кухню, и ванную «комнату». Я готовила мало, питалась в столовой, а чай грела в электрическом чайнике у себя в комнате.

А, забыла: первые несколько недель я жила на квартире вместе со своей одноклассницей Ларисой. Спали мы в одной комнате, а хозяин со своей взрослой дочерью — в другой, Лариса по праву «первооткрывательницы», — это она нашла это жилье, — спала на узенькой кровати, а я на раскладушке под огромными стенными часами.

О, эти часы! Они били каждые четверть часа, меняя звон в зависимости от того, прошло ли пятнадцать, тридцать, сорок пять минут или час. Мало того, перед тем, как начать бой, они еще и шипели. Конечно, спать я могла лишь в коротких промежутках между звукоизвержениями. Я же себя уговаривала, по совету папы, не обращать на них внимания. Одно лишь удалось: быстро засыпать и успевать отдохнуть за несколько таких десятиминутных погружений в густой сон. Этому тоже меня научил папа. Еще во время войны он, прибежав домой на короткий перерыв, успевал мгновенно заснуть и выспаться за десять минут, уверяя, что этого вполне достаточно. У него был свой прием, которому охотно научил и меня. Кстати, мне это помогало в жизни, поскольку времени всегда было мало. Более того, если когда-то удавалось выкроить час, то такой отдых утомлял, как ни парадоксально это звучит.

Естественно, я не горевала, перейдя из этой квартиры в «собственную». В гости к Ларисе прибегала частенько, а иногда забирала ее к себе.

Почему я рассказываю об этом пустяке? Объяснить не так просто. Жизнь без своей семьи была в новинку, и это уже само по себе рождает специфические воспоминания. По сути, главным стали первые ощущения свободы и самостоятельности.

В Москве на первом курсе я снимала «угол», то есть меня пустила к себе женщина, дальняя родственница той же генеральши. У нее в небольшой комнате, кроме хозяйки тети Оли, жили ее сын, семиклассник, и подруга, тетя Таня. Обе женщины спали за матерчатой загородкой, а мы с ее сыном были разделены стоявшим посреди комнаты столом.

Но это все чепуха. Главным в этом моем жилье было то, что комната находилась в доме, расположенном рядом с Большим Театром. Он есть на многих фотографиях Театра. Более того, одна стена нашей комнаты была общей со зрительным залом Филиала Большого Театра (позже там разместился Театр оперетты). Во время некоторых опер, когда там звонили колокола, нам они были хорошо слышны.

Интересно и другое. Тетя Оля работала в мастерских Большого Театра и рассказала мне немало интересного об актерах. Так, она очень хорошо говорила про С. Лемешева, который относился к работникам с уважением. Никаких претензий к ним не имел, а в случаях каких-либо неудач утешал их с шутками. О многих других певцах она говорила с осуждением за капризы и высокомерие.

Еще значимая деталь. Прямо под наши окна выходил служебный вход Филиала, и ежедневно после окончания спектакля там собирались толпой фанатки, поднимая ужасный шум. Совсем потешно было наблюдать, как они чуть ли не на руках носили своих кумиров, не давая им нормально сесть в машину. Сейчас это никого не шокирует и даже поощряется, а в начале пятидесятых вызывало неприязнь к этим «бессовестным девкам», как говорила тетя Оля.

Мне доставляло истинное удовольствие выходить из «моего» дома, идти на факультет мимо Большого Театра, Детского Театра, метро «Площадь Свердлова», Дома Союзов, переходить улицу Горького, любуясь панорамой Кремля. И так ежедневно в течение всего года, и не было дня, чтобы я прошла этот путь машинально, не обращая внимания на все вокруг.

Вечерами я нередко выходила на улицу, еще и еще раз подышать воздухом этого удивительного места, садилась на скамеечку в сквере перед театром и погружалась в состояние блаженства. Одним из удовольствий становился поход за продуктами. Любимые магазины — это, с одной стороны, малюсенький магазинчик на углу Моховой и Горького (его давно нет, на этом месте гостиница «Интурист»), а с другой, — большой магазин в здании, сопряженном с гостиницей «Москва». В первом покупала простые продукты — хлеб, сахар, крупу, молоко, конфеты, а из «экзотических» — капусту «провансаль». Все необыкновенно вкусное, особенно восхищавшее после полунищих магазинов Энгельса и даже Саратова. Во второй магазин ходила полюбоваться. Фантастическим казался ассортимент конфет, тортов, печенья, колбас и рыб. Скажи сейчас, что там бывало по пять-шесть видов торта или печенья, по три-четыре вида колбасы, засмеют, — это ли «богатый» ассортимент. Нравился и вид, открывающийся с этого места, и обратный путь, намеренно удлинённый мною. Сначала медленным шагом вокруг гостиницы; потом, слегка задерживалась, чтобы полюбоваться видом на Манеж; непременно замедляла шаг возле Музея Ленина, входа в метро «Площадь Революции»; после этого — Малый Драматический Театр и ЦУМ. И, наконец, маршрут заканчивался — Большой театр и «мой!» дом. Ценность этого путешествия была еще и в том, что в его конце я проходила под колоннами Большого Театра. Непередаваемые ощущения! Точно знаю: не было человека, счастливее меня.

Местоположение нашего дома я особенно оценила, когда умер Сталин.

Уже утром, отправляясь на занятия, постояла несколько минут у Дома Союзов, между колоннами которого высился огромный портрет тогда еще «любимого во-

ждя», снизу подпираемый бесчисленными венками. Многие, и я в их числе, плакали, перекидываясь друг с другом горькими словами.

На факультете непривычно тихо, хотя болеелюдно, чем обычно. Первая лекция у нас — логика. Наш педагог не сразу смог ее начать, искренне волнуясь. Потом сказал, — теперь эта фраза звучит искусственно и напыщенно, а тогда мы ее восприняли без критики: «Надо работать, Иосиф Виссарионович не одобрил бы нашу расхлябанность».

И мы работали весь учебный день, в перерывах взволнованно обсуждали, что же теперь будет, а на лекциях то один, то другой стирал слезы. Лишь прозвучал последний звонок, многие кинулись искать очередь в Колонный Зал. Мы с Тоней, моей замечательной подругой, нашли «хвост» уже далековато от Пушкинской улицы. Люди стояли в несколько рядов. С левой стороны — стены домов, а с правой — непрерывно удлиняющаяся линия охраны (кажется, это были милиционеры, — тогда это нас не интересовало). Милиционеры стояли на расстоянии вытянутой руки друг от друга, ни во что не вмешивались, ничего не говорили. Их присутствие было для нас естественным, — надо же следить за порядком в очереди. Впрочем, беспорядка как такового и не было. Царило общее настроение — стоять, сколько потребуется, чтобы попасть в Колонный Зал, даже если это случится только на следующий день. Иногда кто-нибудь высказывал сожаление, что не захватили еды, и не особенно волновались из-за холода, хотя не требовалось большого воображения, чтобы представить, как будем себя чувствовать не то, что ночью, но уже через несколько часов. Какое-то нелепое ощущение своего отчаянного мужества на грани подвига. Находились люди, которые вспоминали холод на похоронах Ленина, искренне полагая, что теперь-то выстоять несравненно легче. И это на фоне мартовского мороза и мокрого снега, растоптанного в мокрую кашу тысячами ног.

Время от времени очередь совершала пробежку на несколько десятков метров. Это никого не удивляло, так как было очень похоже на привычный путь во время праздничных демонстраций. Незаметно прошло, наверно, часа три-четыре, — сейчас не помню, но не мало. Во время одной из таких пробежек мы оказались на Трубной площади. Хм, оказались — не совсем точное слово. Точнее: нас вынесло неведомой силой в густую массу людей, зажатых на площади с четырех сторон. Сзади — сомкнутые ряды милиционеров (или солдат); справа — высокая железная ограда на бульваре; слева — стены и двери домов. Впереди и вокруг нас — такая плотная толпа, что мы, зажатые между людьми, не доставали ногами до земли. И, только поднятые выталкивающей силой еще выше, могли дышать. Кому-то стало плохо, кто-то громко охал, кто-то просил о непонятной помощи. О какой помощи в этот момент можно говорить, когда не двинуть ни рукой, ни ногой.

Прошло несколько минут, и толпа поредела: некоторых вытянули через ограду на ту сторону, и они переводили дух; некоторых завели, а то и занесли в открытые подъезды, и мы видели, что там на лестницах сидели и лежали десятки человек. Убежденные, что там все «под контролем», что им оказывается необходимая медицинская и прочая помощь, мы быстро отвлечлись от печального зрелища, твердо решив, что ни за что не покинем этого места, а будем неуклонно продвигаться вперед. Нашу решимость поддерживало то, что на некотором расстоянии впереди, на углу Пушкинской виднелись машины и кони с солдатами, перегораживавшие улицу. Царила общая уверенность, что там проход, и в него постепенно пропускают людей. Правда, реально-го перемещения вперед не заметно, но и это нас не насторожило. Так или иначе, но мы постепенно продвинулись ближе к грузовикам и конникам. Надежда не покидала нас.

Но вот сзади нас, от того поворота на площадь, где нас так придавили, над

толпой появилось облако пара, и через минуту нас опять стиснули до боли в ребрах. Тоненькие и легкие, помня недавний опыт, мы не тратили усилий, чтобы остаться на земле, и снова повисли среди ближайших соседей, не доставая до асфальта. Все повторилось: крики, просьбы о помощи, перетаскивание через ограду прижатых к ней людей, некоторая разрядка и новое небольшое продвижение вперед. И так каждые несколько минут, а, может быть, и полчаса.

Постепенно возникло напряжение в отношениях между людьми. Кто-то пытался определить нелепую очередность среди нас. Появились и сомневающиеся в разумности организации похорон. Послышались даже высказывания неудовольствия, что именно тут, в этом опасном месте, и нет никакой милиции для установления порядка. Некоторые явно теряли надежду, но не видели выхода: назад нет пути, — там держат «глухую оборону» вновь прибывшие; очень немногим доступен выход через ограду. «Вливание» новых волн толпы повторялось, теснота увеличивалась.

И когда напряжение возросло практически до ропота, вдруг через громкоговорители прозвучало сообщение, что сегодня допуск в Колонный Зал прекращен, и будет производиться завтра делегациями от предприятий. Приглушенные возгласы возмущения, облегчения, разочарования, недоумения. И вопросы, вопросы, вопросы, на которые некому было отвечать.

Ряды охранников испарились быстрее, чем люди покидали нашу «мышеловку». Уходя с площади, мы потрясенно глядели на огромную кучу калош, возвышавшуюся на ней, и не сразу поняли ее происхождение. Разошлись, растеклись по всем улицам и переулкам неисчислимые толпы без митингов, громкого возмущения, почти молча.

Не помню, как я проводила Тоню, — ей надо было ехать на Ленинградский вокзал. Зато хорошо помню, что на моем пути домой меня ожидали серьезные препятствия. Почти на всех улицах, ведущих к центру, стояло оцепление. Выручил паспорт с временной пропиской в доме у тети Оли.

На следующее утро я, естественно, отправилась в Колонный Зал. Это оказалось сложной задачей: из нашего переулка вход на Пушкинскую улицу был перегорожен грузовиками с солдатами. Я заскулила, умоляя меня пропустить якобы в булочную, находящуюся на той стороне Пушкинской. Офицер ничего не ответил, отвернулся от меня, неопределенно махнув рукой, и солдаты втащили меня на грузовик, а потом помогли спрыгнуть с него.

Я оказалась перед медленнодвигающейся молчаливой очередью, ограничиваемой цепочкой милиционеров. Мне никто не помешал встать в ее ряды, и уже через несколько минут я была в Колонном Зале. Конечно, как и многие другие, не сдержала слез. Конечно, считала, что мне повезло. И, конечно, не роптала, преодолевая бесчисленные посты, посылавшие меня все дальше от дома с улицы на улицу, несмотря на мою прописку. В итоге дорога, требовавшая от выхода из Колонного Зала до моего подъезда не более трех минут, заняла не один час.

Я не возмущалась, и это странно. Только один раз сорвалась, когда очередной командир поста стал мне говорить, что я от Метро «Кировская», куда меня благополучно «пригнали», должна идти еще до следующей станции, а там можно сеть в поезд. Протягивая свой паспорт, со слезами в голосе доказывала, что меня не выпустят в центре, хотя мне надо к Большому Театру. Но охранникам название нашего переулка ничего не говорило, поскольку и офицеры, и солдаты Москвы не знали, мне просто не верили. Однако мое искреннее отчаяние возымело силу, и меня пустили другим маршрутом, благодаря чему попала к сумеркам домой.

Занятия продолжались все дни. Из окон нашего факультета наблюдали похороны. Движение процессии было прекрасно видно на значительной части ее пути: от Охотного Ряда почти до Мавзолея. И опять многие плакали.

Упомяну еще одно неизгладимое впечатление от этих дней. Пустынные улицы, по которым не ездили машины, почти не передвигались люди. Тишина, до этих пор совершенно неизвестная. Приглушенные разговоры, передвижения в полном молчании, независимо от того, шли ли по улице или находились в любом помещении. Полу-пустые магазины. Бесконечные ряды венков, прислоненных ко всем стенам, и цветы в горшках и букетах прямо на асфальте. Все это создавало ощущение нереальности происходящего, густо наполняя неугасающей тревогой.

* * *

Понятие свободы — одно из самых острых и сложных для понимания. За свободу люди шли на немислимые жертвы и страдания. Но я не об этом. Есть какие-то грани жизни, когда на чисто бытовом уровне человек вдруг ощущает себя свободным, и это радостное чувство наполняет его на краткие мгновения богатейшей гаммой счастья. Спроси, что его так радует, а ответить-то нечего. Любому другому это покажется пустяком, и ничего не возразишь на это по существу. Но такие мгновения не только радуют, но и помнятся как нечто особенное.

Вот несколько таких пустяковых обстоятельств из серии «радостный глоток свободы».

Я захожу в столовую МГУ на Ленинских горах. Я в долгой командировке, живу в высотном здании. Здесь уже далеко не первый день, и столовая — привычное место. Чистая скатерть, тарелки с обедом. Рядом никого за столом нет. Я бросаю беглый взгляд вокруг, и вдруг меня пронзает радость. Мне удивительно хорошо: никуда не надо спешить, не придется мыть посуду, не надо думать о том, что приготовить на ужин, я спокойно могу есть и молчать. Чем займусь после обеда, ни с кем не буду согласовывать, потому что решать это только мне. И делать смогу все, что захочется: могу почитать, могу выйти в парк, могу поехать в центр или к подруге, могу просто полежать в своей комнате. Вы скажете, пустяки какие! Разве можно говорить об этом в контексте проблем свободы? Так я ведь и обсуждать такое не буду, я не о сути, а о чувстве, о состоянии. И не о размышлениях о свободе, — лишь сейчас я говорю об этом долго, а тогда, в том месте, в тот час это было мгновенное ощущение, живое, яркое. И поймет меня тот, кто знает, что такое постоянная загруженность большими и маленькими делами; постоянная забота о ком-то и о чем-то; постоянная спешка и нехватка времени; нескончаемые трудности, проблемы, заботы. И дятлом в мозгу стучится мысль: надо, надо, надо...

Другой день. Другое место. Еду на дачу в поселок Рыбачий. Доехала до остановки, дождалась автобуса, купила билет, проехала до леса, потом прошла лесом до нашего домика, отомкнула замок, положила вещи. Все это буднично, просто, без всякого внимания к происходящему. Но вот я запираю дверь и спускаюсь с крыльца, — и что-то всколыхнулось в сердце. Такое чувство бывает, когда знаешь, что вот сейчас произойдет нечто долгожданное. И, как бы боясь расплескать это предчувствие, медленно спускаюсь по длинной лестнице, медленно вдыхаю осенние ароматы леса, со вкусом вбираю в себя знакомые виды домиков и деревьев, горделиво устремленных в небо. Вот открывается панорама реки. И в это мгновение вспыхивает в душе радостный фейерверк чувств от ощущения

настоящей свободы. Могу смотреть на реку, сколько хочу; могу сесть на лодку и глядеть на сплывающих в воде мальков и жучков; могу вернуться в домик и поесть принесенную с собой еду; могу сесть на скамейку и бездумно смотреть на падающие желтые листья. Все это и многое другое не перечисляется, не называется, не представляется, а воплощается в легком единственном вздохе, и я погружаюсь в волны счастья.

Или еще проще. Я выхожу из дома прогуляться. Вот спустилась на лифте, вот прошла дом до конца, завернула за угол, прошла мимо соседнего дома, через неширокую улицу, мимо заборов частных домиков, и вот оно: пространство «моих полей». Ничего особенного. Слева — огороды и заводской забор; за ними вдалеке маленькое болотце; за ним — теплицы. Справа — «веники» в рост человека или невысокая гречиха, а впереди — рядок деревьев. И весь этот путь я плыву в густом чувстве счастливого одиночества. Вот преодолеваю последний барьер — неширокую полосу деревьев, и открывается зеленое поле чего-то озимого, — то ли овса, то ли пшеницы. Голова кружится от радости. Я сажусь на траву и бездумно смотрю вокруг, жадно глотая все сразу — и поле, и деревья, и пенье птиц, и стрекотание насекомых, и шорох листьев. Все это мгновенно и одним клубком, в котором нет отдельно меня от всего этого гармоничного великолепия.

Между прочим, такие минуты случаются изредка. Не только дни, недели, месяцы, но порой и годы проходят без таких подарков судьбы.

* * *

Мне семьдесят пять, Володе через неделю — восемьдесят.

Вспомнилось: как-то много лет тому назад моя сотрудница Татьяна Александровна сказала: «Знаете, я вчера вдруг поняла: передо мной уже никого нет. Это меня поразило». Мы не смогли продолжить эту тему: утешать бесполезно, говорить банальности о том, что никому ничего неизвестно, — пошло. Вскоре после этого разговора ее отправили на пенсию, жила очень одиноко. В институт заходила пару раз, делала бодрый вид, но уходила грустная. Мы редко ее навещали, не часто звонили, занятые суетными делами. А главное прошло мимо нас: о чем думает человек, поняв, что он стоит первым перед неведомой таинственной чертой. Всем понятно, что че-

ловек смертен; что сначала уходит его тело, увядая, и хорошо, если при этом чего-то жаждет его душа. Говорят, она бессмертна, но мы ничего об этом не знаем. И не понимаем главного: если это и так, то мы себя узнаем там, тогда, после всего?

Татьяна Александровна очень недолго прожила на пенсии: внезапно и совершенно нелепо ее в собственном дворе раздавила продуктовая машина, а она, видимо, даже не успела понять, что вот это мгновение и есть тот самый уход в вечность.

Мы оба тоже стоим у черты. Правда, «перед нами» еще есть кое-кто, но это ничего не меняет, ибо на самом деле нет никакой «очереди»,

и таинственная минута никому (или почти никому) не известна. Мы думаем оба об этом. Но не говорим. Тема будто запретная. А и что скажешь? В основном внутри себя, и то не очень, испытываем некие ощущения. Делаем что-то, строим планы, будто еще есть это — «впереди». Впрочем, иногда ловлю себя на мысли: надо непременно сказать Наташе, где у меня лежит что-то важное, — документы, деньги. Но в порядок я это почти не привожу. Наверно, это из опасения «не накликать беду». И, скорее всего, совершенно напрасно.

Володя понемногу работает и строит планы, — правда, на обозримый отрезок времени. Периодически говорит о том, что «пора кончать», «ничего не успеть». Временами то становится грустный и тихий, то вдруг яростно обсуждает почти пустяковую проблему всегда со знаком — «это надо сделать срочно», сердится, если кто-то возражает, что есть еще время.

И не знаю, правы ли мы оба, что никогда ничего не говорим о главной проблеме. А что можно об этом сказать?

* * *

Прошло совсем немного времени после этой записи и оказалось, что это было вполне реальное предчувствие. Произошло неотвратимое.

Вчера мы отметили девятый день со дня смерти нашей Аленушки. Господи, какие жуткие слова пишу... Каким невероятным смыслом они наполнены: уже НИКОГДА она не войдет в эту комнату, уже НИКОГДА не скажет ничего из столь привычных своих слов: «Что пишешь, Галина? Сказку новую? Ну, не буду мешать». Это был ритуал, и он НИКОГДА не повторится. Так же, как и ее знаменитое ежедневное смешное по интонации высказывание: «Ты что, Галина? Как вкусно!» И мы смеемся, так как это говорится ею практически по поводу любой еды. А ее неповторимые интонации шутивого восклицания: «Ты посмотри, что мой ребенок делает!» — это про отца, за которым она трогательно ухаживала, называя «своим ребенком», — и этого тоже больше не услышим.

На каждом шагу чувствую ее отсутствие.

Это невероятно! Немыслимо!

И при этом мы благодарны Богу за то, что это произошло именно сейчас. Вот уж яркий образец парадоксальности всей нашей жизни... Самым неожиданным оказалось то, что весь ее организм совершенно вышел из строя: полностью отказали почки, разрушено сердце, непоправимо больна печень. Теперь только удивляемся, что это почти не было заметно; во всяком случае, редкие ее слова о том, что что-то давит сердце или немного болит поясница, не вызывали тревоги, тем более, что была под постоянным наблюдением врачей. Что-то находили, выписывали лекарства, — все так буднично, без тревоги.

Жила она весь последний год легко и радостно, каждый день повторяла, как рада жить дома, как любит нас, как ей нравится ее комната, как красиво в церкви, и т.д. и т.п. Она легко и радостно ухаживала за отцом, охотно ходила за покупками, — порой по три раза в день, уверяя, что ей это нравится. Лишь в последние три недели Аленушка стала уставать, задыхаться, появились быстро увеличивающиеся отеки. Отправили ее к врачам, но и тут не было ощущения, что это бесполезно. Лишь в больнице после беседы с лечащим врачом

вдруг открылось, что стоим перед концом ее жизни. В больнице она пробыла меньше трех дней...

И все же, и все же повторяем благодарность Богу за то, что особых страданий ей испытать не пришлось, что острое состояние длилось недолго, что не испытала отчаяния от понимания своего конца, а также за то, что жила она все последнее время в радости.

Господи, прими ее душу, прости ей грехи вольные и невольные, не возложи на нее ответственность за наши грехи, совершенные против нее.

Аленушка, добрый наш человечек, прости нас за все, чем тебя обидели, за все, что не смогли для тебя сделать, за все твои огорчения, виной которым вольно или невольно оказывались и мы, и я — особенно. Многое вспоминаю, о многом сожалею, но уже ничего изменить и исправить нельзя.

Царствие небесное тебе, светлый и добрый человек!

* * *

Прошли дни, недели, месяцы. Было и девять дней, и полгода...Страдания меньше, но грусть не уходит. Отец Петр, наш приходский священник, говорил, мы не должны печалиться: она — светлая душа, и мы можем к ней обращаться за помощью.

И мы обращались к ней. Как угодно можно судить, но вот был такой день. Володе стало очень плохо, двое суток не поднимался, ничего не пил и не ел, лежал пластом, не в силах поднять головы. И вот становится еще хуже, побледнел так, что сами приходят слова о «смертельной бледности». Увидела Наташа это, звонит Марине, просит ее немедленно поехать на кладбище, положить на могилку хлеб, прочесть молитву и попросить Алену не звать пока его к себе. Марина берет свой скутер, мчится туда, все сделала, как надо. Через час лицо Володи порозовело, дышать стал нормально, сел, и тут же попросил покормить его. И все. Дальше час от часу становилось все лучше.

Прочли молитвы благодарственные Богу, Богородице, Ангелу-хранителю, поблагодарили и Алену, поверив в ее помощь. Царствие небесное тебе, девочка наша. «Со святыми упокой», — говорим мы со светлой надеждой.

* * *

После таких размышлений писать о пустяках... Нет, это невозможно. Пока не могу.

Но жизнь идет своим путем, с ее радостями, печальями, болезнями, тревогами, надеждами, любовью и обидами, — с той бесконечной суетой, банальными проблемами и бурями, то серьезными, настоящими, а то — «в стакане воды».

Надо жить и думать о живущих...

ПРОБУЖДЕНИЕ СПОСОБНОСТЕЙ

Пробуждение, расцвет или гибель таланта всегда поражают скрытой в них тайной. Многого совершается помимо нас, а мы оказываемся свидетелями какого-то мига или этапа, не зная истоков или причин, движущих сил того явления, свидетелями которого мы стали.

Могу сказать, мне очень повезло: увидела и самое начало пробуждения способностей, и их достаточно зрелые формы. Это была картина, буквально потрясшая меня своей четкостью, граничащей с чистейшим научным экспериментом. Прошли многие годы, но сейчас, еще яснее, чем тогда, в этой истории проступают весьма существенные признаки закономерности. Наглядно проявились обычно замаскированные связи интересов и мотивов, познавательной активности и изменений самосознания, эмоционального всплеска и творческих возможностей. Научных исследований на эту тему много, но в данном случае интерес представляет описание конкретной ситуации, — именно это даст возможность родителям или учителям перейти к осмыслению своего практического опыта, почувствовать и пережить его успехи и неудачи.

Олег с Алешей, мои внуки-погодки, приехали к нам на весь учебный год. Одной из причин было их весьма скромное по результатам обучение в школе. Олег перешел в третий класс, а брат — во второй. В их отношении к учебе не было ничего внушающего оптимизм. Учить уроки не умели и не хотели, — буквально по схеме «заранее не интересно и надоело». Услышать от них членораздельный рассказ о чем-либо не удавалось. Письма домой писали, преодолевая страшные муки «творчества»: помимо банальных «здравствуйте», «все нормально» и почти радостного «до свиданья» вымучить из них ничего не удавалось. Не пропустите эти замечания, они очень существенны.

И еще одна важная для нашей истории деталь: оба совершенно не умели рисовать. Когда это требовалось от них, они сидели над чистым листком, с большим скрипом

произведя, в конце концов, нечто весьма простенькое, начисто лишенное признаков индивидуальности, тем более, творческой мысли. Самые «яркие» картинки делались почти по одному шаблону. В центре — кривая линия, которая должна была, видимо, изобразить гору. С обеих ее сторон располагались какие-то закорючки, заменявшие изображения солдат, от каждого из которых веером расходились разноцветные линии разной длины, что означало выстрелы. В общем, это были военные действия, в которых главным было не зримое изображение, а страшный шум, производимый авторами рисунков, озвучивающих выстрелы и крики своих воинов. Трудно вспомнить что-нибудь на иные темы. Предлагаемое со стороны задание вызывало у обоих неподдельную тоску, а у Леши еще и вздохи: «Знаю, все равно ничего не получится!»

И вот — иначе не скажешь — однажды случилось чудо: буквально в течение месяца все изменилось.

Как-то во время дневной передачи по телевидению рассказали о студии Диснея с демонстрацией нескольких фрагментов и пообещали показать в ближайшие дни самые популярные мультфильмы. В эти годы на наших экранах они практически отсутствовали. То, что мои мальчишки увидели, оказалось иным, чем известные отечественные фильмы, и это вызвало у них огромный интерес. В этот же день был показан первый фильм, который они смотрели с горящими глазами, хохотом и прыжками, подняв от возбуждения тарарам.

Когда передача закончилась, братья в один голос заявили, что наши фильмы ничуть не хуже, а некоторые лучше, — эти просто совсем другие. И на меня посыпались вопросы, кто и как делает мультфильмы. Мои ответы тотчас вызывали новые вопросы, и эту тему мы обсуждали до вечера. По сути, это было первое, очень важное для последующего, открытие: у фильмов есть АВТОРЫ. Оказывается, истории сочиняют конкретные люди, кто-то рисует к ним иллюстрации, кто-то придумывает имена и характеры персонажей, кто-то сочиняет музыку, и так далее.

В итоге процесс создания мультфильмов они представили достаточно ярко и, посоветовавшись, задали критический по значимости вопрос: могут ли дети сделать основу для мультфильма, то есть придумать сюжет и героев. Получив утвердительный ответ, кинулись к своим альбомам рисовать.

Их азарт был так понятен, но у меня возник особый интерес к тому, какие практические результаты это их желание может иметь. Уж очень сильна была их реакция. Несомненно, приниматься за сочинение и рисование было еще рано. Наша первая беседа не раскрыла даже малую часть всего, что для этого нужно. И потому их пыл пришлось слегка охладить. Теперь уже я задавала вопросы: кого они собираются рисовать, как выглядят их герои, какой у них характер, где и как они живут, с кем дружат, с кем ссорятся и почему. Делала это искренне и заинтересованно; меня тоже заразил их азарт. Но при этом, естественно, и наблюдала, и изучала все особенности их, так сказать, увлеченного вхождения в проблему.

Я много раз видела, как они, как и многие дети более младшего возраста, принимают за рисунок, не обдумав ничего заранее. Делается первый набросок, возникают какие-то ассоциации, они и ведут к появлению новых деталей. Но даже в той стадии рисования, когда на листе предстает насыщенный предметами рисунок, ребенок почти не думает, что будет дальше. Зато нередко тут же появляется игра. У моих внуков, как и у многих мальчиков этого возраста, при свободном выборе темы такой игрой и сюжетом для рисунков были сражения с выстрелами и боевыми криками. Для их целей рисунок должен быть предельно схематичным. Другие цели у них практически отсутствовали, а потому и иных рисунков я не видела. Так действует масса ребят, не поражающих нас ранним расцветом художественных способностей.

Общение, возникшее у нас в связи с интересом к созданию мультфильмов, мне показалось, создали особые перспективы. Уж коли возник искренний интерес к работе автора анимации, и детям захотелось сделать свою сказку, надо незаметно помочь им. Нет, не в самом сочинении, — это надо оставить им, а в понимании того, как этот процесс разворачивается. Потому-то и задавала им все новые вопросы, заставляя вспоминать известные сказки, сравнивать особенности сюжетов и персонажей. Сравнивали, как выглядят волки, медведи или зайцы в разных фильмах или на книжных иллюстрациях. Пытались понять, что важнее в обнаруженных различиях, — разница в характере героя или в творческой манере автора.

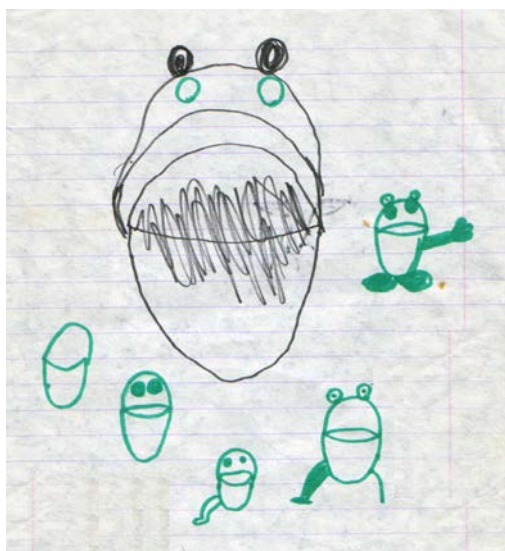
Так, мы стали вспоминать, как выглядят зайцы в двух хорошо им известных фильмах — «Лиса и Заяц» и «Ну, погоди!». Пospорили, пospорили и пришли к выводу, что простенький рисунок Зайца в первой сказке, скорее всего, сделан намеренно, чтобы было видно, какой он нерешительный, пассивный, не умеет за себя постоять. Совсем иное дело — Заяц в фильмах из серии «Ну, погоди!». Они от души смеялись над моим предложением поменять их местами, точно подметив, что достаточно изменить рисунок, и весь фильм изменится, даже если останутся все те же эпизоды. Засмеялись еще сильнее, представив, что эти зайцы будут говорить теми же голосами, которые уже звучат в фильмах.

Разговор на эту тему затянулся допоздна, доставив глубокое удовольствие от захватывающего наблюдения за тем, как шаг за шагом меняется их увлеченность, растут попытки разобраться в массе все новых вопросов. А как интересно было находиться в центре этих переживаний! Кстати, уроки в этот вечер они делали не так, как обычно, намного серьезнее. Даже Алеша, всегда страдавший над списыванием по русскому языку, сделал больше, чем задали, и почти без ошибок. Мне хотелось надеяться, что это совсем не случайно, что они и себя увидели как-то иначе, — теми, кто берется за дело, подумав над планом и оценив свои возможности.

Потом, лежа в постели, ребята еще долго возбужденно переговаривались. О чем шла беседа, выяснилось на следующий день после их возвращения из школы. Свои ночные переговоры они наперебой стали возбужденно обсуждать со мной прямо с порога. Оказалось, они искали варианты для своих героев. Одного нашли сразу без размышлений, даже имя у него уже было: Проглот. Так звали их героя в одной из их любимых игр. Эта игра была предельно проста, что не мешало возвращаться к ней ежедневно. Олег лепил из пластилина нечто, похожее на ракушку, приклеивал ее к столу, а потом они по очереди метали в «пасть» Проглота пластмассовые шарики, соревнуясь в точности попадания. Вот эту раковину они и решили сделать одним из главных героев. Конечно, требовались, по их общему мнению, некоторые изменения. Сначала не увидели больших проблем в его изображении. Совершенно ясно, что будет он толстым, с короткими ручками и ножками и огромным ртом, так как он очень много ест.

Сейчас, по прошествии стольких лет, не вспоминается, как возник образ второго героя. Однажды я застала их за поиском имени для него. К этому моменту они уже договорились, что это должен быть пенек — молодой, веселый, смелый, любитель путешествий. Он станет настоящим другом Проглота и других, пока неизвестно каких, жителей леса.

Параллельно поиску характеров и имен действующих лиц, шло бурное обсуждение внешнего вида героев. Алеша кинулся рисовать Проглота и его друга пенька. Казалось, все уже придумано, остается лишь перенести их такие яркие образы на бумагу. Его ждало разочарование: Проглот во всех вариантах напоминал лягушку, и совсем не добрую. А пенек... Чуть ли не до слез он рисовал новые варианты, но Олег их отвергал, да и самому Алеше они совершенно не нравились. Где тут добрый, веселый друг? Коряга, и больше ничего. Дело заходило в тупик.

Через какое-то время Олег высказал предположение, что им мешает отсутствие имени у пенька.

— Понимаешь, Алеша, если его зовут Пенек, это значит, что он дурачок. Это же совсем не годится! И пока не придумаем имя, не нарисуешь.

Поиски имени шли с великим трудом: Пенек, Пенечек, Дровник, Деревянчик... Нет, все не то. И вот Олег предложил: Дроня. И получил безусловное одобрение брата. В найденном варианте имени, по их мнению, воплотилось все, что придумали: нечто доброе и веселое, но в то же время отдаленно напоминающее слово «дерево».

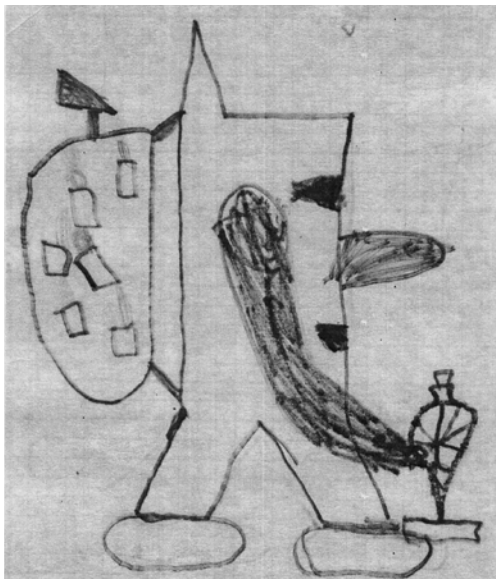
Развернулась новая дискуссия по поводу его внешнего вида. Обсуждение шло по нескольким направлениям. Пенек — это часть основания дерева. Он может быть больше или меньше, но непременно должно быть видно, что он обладает придуманными для него главными качествами. Всех споров не описать, но в итоге были выделены такие признаки: круглое короткое бревнышко, зеленая веточка на боку, кеды и рюкзак. Алеша тут же набросал несколько вариантов. При их обсуждении выяснили, как изобразить, что это именно пенек от дерева: надо нарисовать сверху такой клинышек, будто это обломок от коры.

Итак, главный герой сказки «вырисовался».

Однако Проглота нарисовать все еще не получалось. Помогла знакомая девушка. Она им рисовала разные варианты, они выбирали, строго придерживаясь перечня его качеств. Наконец остановились на одном из набросков, решив, что главное в нем есть. Потом Алеша его несколько раз срисовал, немало удивив меня достаточной близостью к оригиналу и постоянным размышлением, нельзя ли нарисовать точнее, выразительнее.

Они продолжали рисовать, обсуждая вслух новые идеи. То задумываясь, то весело на чем-то смеясь, радовали меня своим восторженным отношением к задачам, которые они ставили все более обдуманно и критично. Многое мне не удалось увидеть и услышать, но, когда они вечером засыпали, я с интересом рассматривала новые варианты рисунков.

В ближайший день, когда мальчики дождались показа нового диснеевского фильма, его просмотр был совершенно иным. Помимо обычного интереса к сюжету, появилось осознанное отношение к особенностям действующих лиц. Они тут же анализировали их действия и поступки и следили за тем, к каким последствиям это приводит.

Вся их жизнь сосредоточилась на горячем желании смотреть мультфильмы, обсуждать их, выискивая детали для своего проекта. Заметно выросло их понимание того, что во внешнем виде действующих лиц отражается их характер. Потому добрых можно легко отличить от злых; можно догадаться, кто хитрый или глуповатый. И все это еще до просмотра фильма. Вспоминали свои первые попытки сопоставить образы зайцев в разных фильмах и теперь вполне осмысленно анализировали изобразительные средства. Так же точно они уловили главные отличия в образах волков из разных фильмов, сопоставляя разницу в их характерах по их изображению. Интересно, что кто-то из мальчиков подметил, что волк в фильме «Ну, погоди!» вовсе не хулиган, а только старается им казаться. На самом же деле он просто не умный, нескладный, ничего толком не может сделать. И они нашли в рисунке волка, в его движениях, голосе эти черты характера.

Такими переживаниями были заполнены несколько дней. Мальчики все норовили скорее приступить к написанию своей сказки, и придумали некоторые эпизоды. Но я тормозила их все новыми вопросами о характерах героев, об особенностях их взаимоотношений друг с другом, о возможном поведении в разных обстоятельствах. И опять возвращались к уже знакомым сказкам. Для ответа на мои вопросы им приходилось думать о том, что нет случайностей не только во внешнем облике, но и в выборе друзей, способах выхода из сложных ситуаций, в особенностях взаимоотношений героев с друзьями и врагами.

И вот однажды утром Алеша ушел в школу, а Олег, сославшись на головную боль, остался дома. Как вскоре выяснилось, это была хитрость, «шитая белыми нитками», поскольку к возвращению Алеши нас ждал написанный на листочке вариант сказки. Было чему удивиться: и объему написанного (несколько тетрадных страниц мелким почерком), и оригинальности сюжета, и литературной свободе изложения с непосредственным обращением к читателю.

Сказка получилась длинной, при этом первая ее половина продумана тщательнее, вторая же писалась явно торопливо. Оригинальность сюжета сохранялась, но эпизоды описывались без особого внимания к связи одного с другим. Очень чувствовалось отсутствие предварительного обсуждения со мной и братом.

Глава.

Мил да был в те далекие времена Дроня. У него был друг Троллат. А рядом рас-
 до у каттарого вермика упирались в небо.
 Он я даже забыл что вы даже не знаете
 кто такой Дроня? Дроня это увидел
 ну как понравился. Если покра-
 то слушайте дальше. Дроня утра-
 ходил за ованцами, а вксеран за дружте-
 ми. Вы меня навернее спросите, а зачем
 же ему надо столько еды? А я вам отвечу
 ему, а надо столько еды для Троллата.
 (Троллату надо столько еды а потому что
 он и его рад работать есть. Однажды
 Дроня спросил Троллата, а где твои
 родители? Их уже смерти, чуть не па-
 га проговорил Троллат. И мои тоже про-
 говорил Дроня. Ну так папи и выругал
 А тут старый дуб проговорил спускайтесь
 к маме мои вам помогут. Дроня и Тро-
 ллат папили к маме. Маме мала 1

Кстати, этот момент стал как бы завершением всего периода сочинения. Мальчиков удовлетворил этот вариант полностью. Я не настаивала на доработке, видя, что ребят вскоре увлекли другие проблемы. Они резко изменили свои игры, стали уделять основное внимание их структуре, деталям. И особенно мне было интересно, что оба стали много рисовать. Но это уже были совсем другие рисунки — с проработкой деталей и находками для изображения разных характеров.

Учебный год подошел к концу. Братья уехали домой. Увиделись мы лишь в конце лета, и я была обрадована произошедшими с ними переменами. Мальчики были с головой погружены в разработку оригинальной игры, в которую подключился и Павлик, их старший брат. Уследить за ее правилами со стороны было очень сложно. Даже удивляло, как они сами могли не запутываться в хитросплетениях волшебных превращений своих героев, в сложных правилах, позволяющих или запрещающих те или иные поступки. Они что-то обсуждали, то совсем тихо, то вдруг начинали бурно спорить, доходя даже до ссор. При этом рисовали какие-то схемы и карты, что-то писали на больших листах или клочках бумаги. Иногда это были общие инструкции, но могли быть и шпаргалочки, которые тщательно прятали друг от друга. Сейчас в век компьютерных игр это никого бы не удивило, но в то время их еще не было, — во всяком случае, они детям не были известны.

У Олега и Алеши было много разных рисунков, не имеющих отношения к общей игре. Но как они отличались по своему типу! Олег рисовал отдельно рожицы — целую серию хитрых, ехидных, но явно очень умных людей. Небрежно наметив очредной характер, Олег его бросал, не заботясь об их сохранности.

Алеша, в отличие от брата, работал упорно и целенаправленно. В его голове

бродили сюжеты нескольких сочиняемых им сказок. И везде — рисунки, то достаточно тщательно выписанные, то наброски на конкретную тему. На его рисунках жили представители каких-то народов из волшебного мира. Среди них были злые, коварные, глупые, добрые, сильные, беспомощные и так далее. Алеша упорно бился над тем, чтобы эти столь различные черты более реально отразить на бумаге.

Однажды Алеша подошел ко мне посоветоваться. Он хотел нарисовать, как свирепый и несправедливый воин ранит ни в чем не повинного брата или товарища, а третий, очень сильный и справедливый, бросается на его защиту. Проблему Леша видел в том, чтобы без слов было очевидно, что сам этот боец никогда бы не напал первым, но слабого защитит обязательно. Он попросил сказать, видно ли это на рисунке. Да, это было видно. Однако мне важнее всего был не результат, а его поиск решения четко поставленной задачи.

Надо ли говорить, какой нежной радостью наполнялось мое сердце, видя это творчество мальчишек, их увлеченность, упорные поиски и внимание к деталям.

Шли годы. Круг их интересов все расширялся, в их жизнь вошли весьма сложные своеобразные игры, содержание и правила которых они придумывали сами. Одна из главных игр была насыщена весьма сложными правилами, в которых я даже не пыталась разобраться. По всему дому лежали энциклопедии, справочники, учебники по разным предметам и для разных классов. И, конечно, схемы, карты, рисунки, записи. Ребята смогли увлечь своей игрой немало сверстников, и не только своей школы.

Алеша, помимо участия в игре, продолжал рисовать что-то свое, не имеющее отношения к общим задачам. Эти рисунки меня покорили не только все растущим мастерством, но и мыслью, стоящей за изображением.

Прошли годы. Много было всего за это время в жизни мальчишек. Тут и занятия с удивительным педагогом, научившим их думать, решать разной сложности физические задачи; у отца — обучение программированию, где важно было не только

ремесло, но и особое отношение к своему делу. Тут же участие в различных Олимпиадах с многочисленными победами на них. А у Алеши еще и неустанный овладение техникой рисования. Рисовал всегда, везде, в любом состоянии и настроении. Да разве перечислить все, так называемые «факторы развития»!

Теперь все три брата — классные специалисты, — двое по программированию, а Алеша — дизайнер, профессионал в компьютерной графике. Я, радуясь их успехам, ловлю себя на мысли, что не случайно в их жизни был тот краткий период встречи со сказками. Взглянув с любопытством на искусство мультипликации, они открыли для себя и то, что за произведением стоит автор; и то, что его работа сложна и требует знаний и вдумчивого отношения к делу. Но и это не все. Они испытали радость от того, что каждый тоже многое может, если поставит четкую цель, захочет преодолеть все трудности, будет много думать, искать, и быть требовательным к себе.

Я, безусловно, счастлива, что явилась свидетелем зарождения творческих возможностей, — это потрясающе интересное явление. Конечно, не только работа над сказками раскрыла в них элементы одаренности, но без этого трудно представить их дальнейшие увлечения и отношение к ним. Ведь почему-то именно Олег и Алеша увлеклись изготовлением компьютерных игр, в которых Олег создает сюжеты и разрабатывает к ним программы, а Алеша рисует. Оригинальность идей и профессиональный уровень этих игр получили широкое признание.

Данную историю я рассказала столь детально без каких бы то ни было личных мотивов. В ней скрыты широкие практические возможности для учителей и родителей, всегда искренне желающих развить способности детей или хотя бы несколько повлиять на процесс их становления.

Главный секрет успеха, на первый взгляд, прост, — общение взрослых с детьми, общение любящих друг друга людей, в котором трудно выделить ведущую сторону. Взрослый много знает, много умеет, немало видел, читал, слышал, — это его база

общения. А ребенок ярко и непосредственно переживает, видит мир иными глазами, чувствует проблемы там, где взрослому все ясно, но так только кажется. Их взволнованное общение раскрывает обеим сторонам новый мир. И тогда рождается творчество. То самое творчество, в котором открывается смысл жизни и мира, в котором мы живем. Этот процесс творчества в равной мере является таковым и для ребенка, и для взрослого, и вызывает существенные изменения у обоих участников процесса. Меняются их знания, умения, понимание мира. Еще важнее: появляется глубокое знание о себе, своей индивидуальной неповторимости, своем достоинстве, своей ответственности за поступки — всего и не назовешь. Для взрослого это неповторимое счастье — оказаться в волшебном мире детей.

СЧАСТЬЕ ПРИКОСНОВЕНИЯ ВЕЛИКИХ ТАИН

Понимаю, это название режет ухо — так не говорят. Все правильно. Но как сказать, чтобы точнее выразить то, что смутно бродит во мне, не знаю. Например, великие тайны — что это? Космические силы, управляющие вселенной? Тайны веры в Бога? Просто нечто неведомое нам? Одно знаю: они есть. И, как ни назови, для каждого эти два слова, я уверена, нечто вполне значимое.

Бывают краткие мгновения, когда вдруг что-то слегка открывается нам, и это — великое счастье. Мы коснулись чего-то, неведомого ранее. Если иметь в виду эти моменты, мне надо бы сказать так: «Счастье — прикоснуться к великим тайнам». Но ведь есть другая сторона — то, что иногда обозначают словами: «божественное дыхание», «миг озарения», «внезапно душа наполнилась светом», «нам выпало счастье», и тому подобные выражения. Они о том, что нас коснулось нечто неведомое и принесло нам неожиданное счастье.

Я же хочу рассказать о тех мгновениях, когда сливаются в одну гармонию две силы — великие тайны мира, идущего нам навстречу, и наши поиски, и открытия этих тайн. Два встречающихся прикосновения — в одном событии. Вот именно этот двуединый процесс я имею в виду, выбрав такое нескладное название своим заметкам.

Эти волшебные минуты обладают могучей силой, пронзающей сердце, и покоряют себе все в нашей душе. Не случайно, с годами у большинства людей растет желание что-то вспомнить вновь, о чем-то рассказать другим. При этом многие не говорят, почему важно это прошедшее событие, что они в нем видят сейчас, зачем хотят поделиться этим воспоминанием с другими. Все это обычно скрыто от сознания. Человек вновь переживает прошедшее, и лишь удивляется тому, насколько это переживание ярко. А что происходит со слушателем? Некоторые слушают, глубоко погружаясь в свои переживания по поводу рассказанного. Другие смотрят на это со стороны, протестуют и спорят, осуждают или оправдывают. Но встречаются и те, кто слушает со скукой, ждут окончания безразличного им разговора. Мне кажется, реакция слушателей во многом зависит от того, насколько рассказ отличается от, так сказать, репродукции событий, насколько в нем присутствуют в скрытой форме возможности нового открытия их смысла. Тогда волей-неволей слушатель думает, оценивает, сравнивает и соотносит со своим опытом.

То же происходит и при восприятии произведений искусства. Вот перед нами чужая жизнь, о которой зачем-то нам рассказывает автор, которую изображает художник, актер и все, кто им помогают в этом. А я — слушатель, читатель или исполнитель, включаюсь в нее или не включаюсь, погружаюсь всеми фибрами души или лишь краешком холодного сознания принимаю ее или отвергаю. В этом процессе, несомненно, велика роль создателей этого произведения, их понимания сущности события и его значения для раскрытия тайны существования человека в мире. И когда тот, кому адресовано все это, находит в своей душе отклик, он испытывает потрясение, радость открытия чего-то очень важного для себя — происходит тот самый катарсис, о котором так много говорили еще древние философы.

На склоне лет меня посещают воспоминания о таких потрясениях, пережитых в разное время. Зачем они мне сейчас, не могу объяснить. Знаю только, что мир начинает светиться какими-то иными красками, и мне хочется поделиться с кем-то

этой радостью во имя доброго отклика его души. Может быть, этот другой человек постигнет скрытую тайну раньше меня, найдет в ней нечто свое, особенное, глубоко личное. Откроет для себя новую красоту в мире, в себе, в своих близких, — и это даст ему новые силы для любви и доброты.

Впрочем, несмотря на торжественность этого вступления, я не ставлю глобальных задач, Цели мои скромны. Я только вспомню некоторые «картинки», условно говоря, из серии «Искусство и Я». Буду рада, если хоть часть рассказанного привлечет чье-то внимание, вызовет ответное воспоминание и всколыхнет душу трепетным волнением, когда задумается, говоря себе: «а вот у меня было однажды...» И заиграет улыбка, и потеплеет взгляд.

* * *

Пожалуй, первые впечатления из области искусства относятся к эпохе детской дружбы с Ингой (я немного уже рассказывала о ней). Она вызывала у меня особое уважение своей неутомимой тягой к балету. Волнения мои были глубоки и искренни и тогда, когда она вновь и вновь показывала мне фотографии артистов балета Мариинского театра; и когда она репетировала дома в пуантах, сбивая пальцы в кровь; и когда она летала по сцене во время своих выступлений в Доме Офицеров; и даже тогда, когда она для меня дома надевала свою «пачку» из марли и перед зеркалом танцевала, негромко напевая себе.

Это были волшебные часы, наполненные неизъяснимым волнением. Исчезало все вокруг, кроме негромкой мелодии, белой «пачки», прекрасных движений. Я жила этой сказкой, ждала ее и почему-то была уверена, что нечто похожее будет и в моей жизни.

Наверно, отголоском этих эмоций стало одно событие, произошедшее спустя лет пять. Я лежала в областной больнице в Саратове. Однажды в порыве любопытства открыла дверь куда-то, куда нас никогда не водили. И попала в лекционную аудиторию, где на сцене стоял рояль. Подошла, открыла крышку, нажала клавишу и замерла от невероятного счастья. Села на стул и начала вдохновенно извлекать обеими руками прекрасные, как размечталась я, звуки. Следом за мной вошло несколько детей из нашего отделения, но я их заметила не сразу. Заметив, смутилась, опустившись, так сказать, с небесных высот на землю, и что-то забормотала в свое оправдание, прекрасно оценивая реальное качество моей «игры». Но дети были совершенно неискушенные и поверили, что я училась игре на пианино, да вот из-за долгой болезни не могла заниматься и многое забыла. Мои товарищи от души нахваливали меня, но это было куда менее важно, чем пережитое мною ощущение огромного счастья. Вечерами, когда гасили в палате свет, я много дней вспоминала эти мгновения, перебирала пальцами по одеялу, представляя себя на сцене за роялем.

Дивные часы, завораживающие мечты.

Тяга к продолжению этих переживаний была велика. При встрече с отцом я что-то сказала ему о том, что мне очень хочется слушать музыку. Проверив наличие в палате радиолы, он привез мне наушники. И я погрузилась в новый для меня мир.

В те годы было много популярных музыкальных передач, и я слушала их часами. Вскоре я узнавала многие мелодии из опер, симфоний, концертов. Даже знала наизусть немало арий. Смешно, но одной из самых любимых почему-то стала ария Владимира из оперы «Дубровский». Знала несколько романсов, итальянских песен. И всем этим наслаждалась, пропевая про себя любимые мелодии, но вслух пела робко и в основном втайне от других.

Измутительные минуты счастья.

* * *

Конечно, самым большим «подарком судьбы» для меня стала работа в Институте Искусств. Радостных событий было так много самых разных, что мне, например, хотелось в серии воспоминаний рассказать об том периоде с таким заголовком: «И это называется работой?».

Моя работа создавала благоприятнейшие условия для систематических встреч с искусством, и, в первую очередь, с музыкой (моя основная работа проходила на музыкальном факультете). Конечно, музыку я любила давно, много слушала и концертных залах, и в записи, но никакого музыкального образования не имела. Не получила его и тут, но зато имела широкие возможности общаться с музыкантами по разным поводам. И это, конечно, давало свои результаты, расширяя мою музыкальную осведомленность (чуть не сказала — эрудицию, — но это было бы преувеличением). И эти контакты, и все получаемые впечатления приходили в теснейшее соприкосновение с моей основной профессией. Они одновременно и стимулировались ею, и обогащали мои психологические познания. В этом нет ничего уникального, — профессия всегда накладывает свой отпечаток на восприятие произведений искусства. Художник, слушая музыку, видит яркие картины, зовущие его к мольберту, — так и хочется нарисовать, воплотить этот зримый образ. Балерина не может уйти от желания воплотить эти звуки в движении. Конечно, нелепо было бы говорить о конкретном отражении профессии шофера, сталевара, летчика, но тогда мы сталкиваемся со всеобщим законом — отражением в восприятии музыки особенностей характера, личных судеб, эмоционального опыта. Таковым было и мое восприятие.

Погружаясь в мир звуков, я переживала человеческие радости и трагедии, поиски и потери смысла жизни, драмы человеческих характеров и взаимоотношений с окружающим миром. И все это — через призму своей жизни, своих проблем и задач.

Пожалуй, это можно проиллюстрировать вполне конкретными фактами из моей педагогической деятельности. Тогда более зримым станет содержание темы о встрече с высшими тайнами.

В рамках лекционного курса для студентов струнного отделения потребовалось обсудить проблему особенностей восприятия музыкальных произведений слушателями, достаточно подготовленных в общекультурном отношении, не имеющими музыкального образования. За неимением таких исследований, пришлось мне самой выступить в роли испытуемой. Выбрала записи скрипичных произведений, мне неизвестных, слушала их, а потом после завершения каждого из них записывала свои впечатления. Они и стали материалом для обсуждения и анализа со студентами. О содержании и ходе этих занятий рассказывать не буду, — не в них дело. В рамках нашей темы важнее сами впечатления. Приведу полные тексты записей без редактирования, — они говорят о многом. Лишь при необходимости дополню их комментариями.

Был выбран цикл из трех произведений, собранных на одной пластинке (Полное собрание записей в исполнении Давида Ойстраха, ч. III. компл. 3). Это были такие произведения: 1) И.С.Бах. Концерт №1 для скрипки с оркестром ля минор; 2) Л.В.Бетховен. Романс №1 для скрипки с оркестром, соч.40; и 3) И.Стравинский. Концерт для скрипки с оркестром, ре мажор.

Итак, *И.С.Бах: Концерт №1 для скрипки с оркестром*. Вот мои впечатления. Для Баха главным является не личность, а человек вообще (Абстрактный

человек? Как философская категория?). Во всяком случае, характер, детали жизни, биография, конкретные переживания ему не интересны, не останавливают его внимание. Ему важно, как человек поднимается к высшему, возвышенному, как открываются ему тайны веры. Да, человек есть конкретное существо, он грешен, отягощен чем-то сугубо индивидуальным, но вот он встает над «прозой бытия», идет к высшему, сокровенному смыслу бытия вообще, в котором он только малая часть, и постигает неведомые ему ранее глубокие тайны. Вера как проявление сущности человека, как цель и высший смысл жизни. Никаких оттенков характера. Не видно, какой человек идет к этому постижению тайны веры и красоты очищения; никаких намеков о взаимодействии с другими людьми. В этой системе нет места таким категориям как любовь и ненависть, даже — добро и зло.

То противостояние музыкальных тем, которое рассматривает Бах, это борьба внутри человека, но борьба не между конкретными качествами, мыслями, мотивами, желаниями, а борьба между неверием и верой как нечто объективное, как нечто развивающееся вне человека и ему лишь открывающееся. Почти философские абстракции. Высшая цель человека — уйти от своего «Я», (которое Бах не раскрывает, а лишь намекает пунктиром, указывает на него как на абстрактный символ), раствориться в идее, вере, Боге, — в этом и только в этом смысл человеческого бытия. Этот путь светел, чист, насыщен тонами высшего вдохновения.

Л.В.Бетховен: Романс №1 для скрипки с оркестром, соль мажор, соч.40.

И тут основная тема — светлая, ясная мелодия, но насколько она ярче, многоцветнее, многограннее. Это не схема, не абстракция, а сама жизнь. Сколько попыток выразить именно СВОЕ, личное, сокровенное, имеющее право быть заявленным. Именно в этих гранях конкретной личности — главное, основное. Композитору интересен именно конкретный человек; важно, что он находит счастье в своей жизни, в ее реальном, вполне конкретном варианте. Это настолько конкретный человек, что даже чувствуется его возраст (он молод), его пол (несомненно, мужчина), его характер (он решителен и целеустремлен, он открыт и нежен). Он весь обращен к кому-то, тоже вполне конкретному и реальному человеку, ставшему воплощением его собственных надежд на счастье. Две музыкальные темы — это рассказ о том, что происходит в душе человека: это его размышления, опасения, надежды, сомнения. Но это именно его сомнения, его размышления, его качества, его биография. И Бетховен открывает красоту конкретной личности, дает нам возможность восхититься силой духа этого человека, а вместе с тем, говорит о большем — о том, как красив и богат душевной силой каждый конкретный человек.

И.Стравинский: Концерт для скрипки с оркестром, ре мажор.

Сначала человека как единицы нет, он потерян в мире. Все куда-то летит, скрежещет; толпа людей среди машин, стен, все движется куда-то мимо человека, — отдельный человек никому не нужен, он будто не существует. И мечется теряющая себя в этом водовороте чья-то трепетная жизнь. Вот — вырвалась! Почти хлопок закрытой двери. Тишина. И в ней появляется трепещущее Я. В его метаниях скорее все бессознательно, почти по Фрейду — вытесненное, но такое наболевшее, такое тревожное. Бьется душа в поисках себя между отчаянием и надеждой, хочет себя выразить и что-то о себе рассказывает, робко, но с волнением и надеждой: разве я не могу быть вам интересен?

Вот появился другой человек. Это совсем другой характер, другая система ценностей. Это человек, уверенный в себе, в нем нет противоречий, он не знает одиночества, потерянности. Он замечает мятущегося, внимает ему, но не в состоянии его

понять, — есть лишь поверхностное внимание, остановка, вопрос. И вдруг — понял! Единство, гармония, сопереживание. Но это не может стать разрешением конфликта того первого человека, ибо они такие разные. Ну, как бы поточнее сказать? Первый тоньше, ранимее, он нуждается в глубоком понимании его, в принятии его таким, какой он есть. Он очень нуждается в том, чтобы иметь основания верить другому. Эта вера ему необходима, он ищет ее. И вот будто нашел, но тот, другой, смог понять лишь в конкретной ситуации, но не в целом. Этот другой себя никогда не терял, проблем поиска родственной души не знал.

И вот наш главный герой вновь оказывается в том самом мире, откуда ненадолго вырвался. Он попадает почти на карнавал, в котором царит веселье и радость. На этом фоне вдруг врывается нечто чуждое возникшему хрупкому пониманию двух разных людей, и гаснет едва возникший свет. Сломано, погибло. Но нет отчаяния, есть онемение, полное отсутствие надежды без сил ее обрести.

Показалась восхитительно цельной сама композиция — объединение на одной пластинке столь разных произведений. Прекрасно прослеживается, как в разные эпохи воспринимался композиторами мир человека, что казалось главным в человеке, что хотелось понять и выразить. Тут скрыта большая философская проблема. Конечно, ее можно расширить, дополнить, но главное сделано: хочется думать и обсуждать. Что мы и делали. Кстати, у студентов практически не было возражений по существу, и мы с взаимным интересом слушали музыку еще раз, открывая для себя все новые глубины в произведениях. А мне было радостно видеть, что им открылось что-то новое в известных им произведениях. До сих пор помню их просветлевшие лица, — это было настоящее таинство глубокого погружения в подлинное искусство, когда живет все в человеке: бьется в поисках мысль, расцветает воображение и главное — трепещет душа.

Безусловно, в произведениях лишь иногда есть конкретная программа, но во многих случаях, даже при ее отсутствии, ощущается и переживается нечто вполне конкретное. Вот, допустим, Фантазия до-мажор Шумана (в исполнении В. Репина). Масса звуков, производящих впечатление «сдвоенности». Так отражается в стеклах очков собственный глаз: увеличивая, разрушает реальный облик, сохраняя при этом в нем нечто абстрактное, но узнаваемое. Это и притягивает, и одновременно пугает, но не до ужаса, а до некоторого напряжения, когда возникает в душе ожидание того, что что-то может случиться. В целом: какая-то диковатая отстраненность, тревожное знание о том, что нечто происходит независимо от нас.

Такая музыка потрясает тем, что, будто вырывая тебя из реальности, в нее вновь возвращает, но по принципу, что нельзя дважды вступить в один и тот же поток. Прослушав такое, еще долго немного грустно, про что-то думаешь, мелькают обрывки событий, мыслей, воспоминаний о моментах одинокого противостоянии зигзагам судьбы. И немного щемит сердце от чувства пошатнувшейся веры в свои возможности и от скрытого от самой себя знания о том, что так наивны наши надежды на чью-то помощь.

Так или иначе, но совершенно прагматическая задача подготовки к занятиям со студентами превратилась в важную веху в моей жизни. И не только в моей. Совместное прослушивание с последующим обсуждением увело нас в мир «высоких материй». Мы размышляли, спорили, сомневались, восхищались, — короче говоря, кипели страсти вокруг проблем веры в Бога, смысла жизни, нравственных ценностей и многого другого. Иными словами, вокруг тех важнейших, главнейших вопросов, которые обязан решать человек и которые он в житейской суете обходит стороной.

* * *

Доводилось в работе со студентами обсуждать не только музыкальные, но и литературные шедевры в контексте различных проблем психологии личности.

Например, как-то один из любознательных и ироничных скрипачей сказал, что в «Анне Карениной», бесспорно, превосходный язык, композиция, выразительные образы, но, так сказать, идейное содержание не на столь высоком уровне. Его учительница литературы в школе не смогла возразить ему, что Анна просто эгоистична, что для нее на первом месте оказалось банальное «любит — не любит». Пока Вронский ее любил, она была носителем идеи красоты, любви, материнства (последнее для моего студента — не бесспорно). Но вот ей показалось — разлюбил, — и все под откос. И что в этом возвышенного? Все банально, разве что ее самоубийство, но и это, как и проблема материнства, не выдерживает критики с точки зрения высших ценностей.

В группе возник спор. Товарищи, чувствуя его неправоту, аргументов все же не находили. Я предложила им свой вариант понимания, в чем тут главная тайна воздействия произведения. Мне видится сложный поворот в отношениях Анны и Вронского, выходящий далеко за пределы «любит — не любит». Сейчас многое у меня забылось, в том числе в самом произведении, но главное помню.

В начале рождения любви и при ее расцвете Анна и Вронский были одним целым: общие эмоции, но еще важнее — общие мотивы и ценности. Они в этом единстве противостояли обществу с его ценностями, замешанными на лживых правилах «порядочности». Они хотели быть честными и свободными в демонстрации своего понимания «порядочности». Была система: «мы — они», и в рамках этой системы они нашли свое место и верили в его прочность.

Наступили иные дни. Вронский стал уезжать один, бывал в этом обществе «Они», и, по сути, вошел в него, оставив Анну за бортом своей жизни. Теперь «Мы» перестало существовать, причем явно, демонстративно. Это было предательство. Да, да, дело не в том, что перестал любить или меньше любит. Дело в том, что он предал ее, перешел во враждебный лагерь. Он принял те самые законы, нормы общества, которые они вместе отвергали.

И это не проблема чисто личных отношений, а проблема высших ценностей. Именно это предательство для Анны стало невыносимой драмой, лишило ее смысла жизни. Она наверняка могла бы пережить уход любви, — конечно, страдала бы, но переборола себя ради чего-то другого, — допустим, ради дочери. А вот, поверив в то, что есть нечто большее, чем любовь, нечто из божественной сферы высших категорий добра, теперь не смогла пережить предательство. Сам Толстой не сразу понял, что ее сломало, подчинился тому, что у нее нет перспективы, и тогда написал другу: «Вот ведь какую штуку со мной Анна выкинула: взяла — и бросилась под поезд». И в ее гибели он почувствовал не слабость, а силу ее духа, ее протест против сведения высшей нравственности к житейскому — «общество осуждает».

После моих гипотез у нас возник интереснейший разговор, когда ушли на второй план межличностные отношения героев, а в центре наших споров оказались проблемы высших человеческих ценностей.

В другой раз почему-то возникла необходимость обратиться к «Гамлету» и неутихающим дискуссиям о причинах его нерешительности. Я предложила обратить внимание на одну, с моей точки зрения, важную деталь. У Гамлета есть только предположения о виновниках смерти отца, реальных фактов нет. Детали он «узнает» от призрака, что придает им эмоциональную силу, но не силу реального факта. Ведь мог

Шекспир ввести реального свидетеля, конкретного человека, который бы сообщил, что знает все обстоятельства смерти. Вспомним, что Отелло убивает любимую, поверив реальному человеку, и он не колебался, будучи тверд в своем решении.

У Шекспира нам важно заметить еще одну деталь. То, что Гамлет был студентом. Почему важно? В те годы студенты немало дискутировали по вопросам морального права: имеет ли право один человек решать судьбу другого, тем более — брать на себя ответственность за решение «жить — не жить». Может ли такая проблема быть решена человеком, или это только божественное право. Один из существеннейших вопросов в философских дискуссиях.

Вот то-то и оно. В обществе, где убивали, не задумываясь, могли убить и по малейшему поводу, и без всякого повода, Гамлет мечется, рвет себе душу. Ибо: напичканный философскими идеями, он стоит перед выбором не личных вариантов, а вариантов высшего плана. Он не находит настоящего ответа, а, убивая по сути нечаянно ряд людей, не должен остаться в живых. И Шекспир не дает ответа, что было бы правильно и справедливо. Несправедливо остаться в живых его матери, лишившей жизни человека (не имеет особого значения, хорош он был или плох). Но ведь и Гамлет лишил жизни других, а потому и его жизнь несправедлива, он ответственен перед Богом за свою человеческую сущность.

Вот так и тут мы говорили о том, что великое произведение говорит с нами на языке главнейших проблем. Не в личной судьбе, не в личных отношениях дело. Когда в произведении все начинается и кончается только конкретными ситуациями, не выходит за их пределы в область широких категорий, такое произведение не может войти в историю, великим не станет.

* * *

В эти дни по ТВ демонстрируется новая версия «Преступления и наказания». Режиссер (к сожалению, не успеваю прочесть его фамилию в титрах) утверждает, что пытался пунктуально следовать Достоевскому, ничего не привнося своего. Так не бывает, лукавит. Но пока не в нем дело. Хочу понять идею Достоевского, как она представляется мне сейчас.

На первый взгляд вырисовываются два возможных идейных варианта. Первый. Среди серых забытых нуждой, бездуховностью, беспросветным бытом людей прозябает в нищете и бесперспективности юноша, считающий себя исключительной личностью. Его философские рассуждения приводят к мысли о его праве на особенное место и на некие бесспорные преимущества перед остальными, причем, не перед кем-то конкретным, а вообще — перед всеми, кто его окружает. Но у этих людей, лишенных его уважения, — так скажем, — есть хоть малые материальные возможности. И он решает для себя, что имеет полное право такие возможности получить, отняв у кого-то из них. Вот и вариант — старуха-процентщица. Бесспорно, глупое, жадное, вообще мало симпатичное существо, одинокое и никому не нужное. Убивает ее, а по несчастливой случайности и еще одну женщину, ничем не примечательную, хоть ни в чем не виноватую. Обе, так сказать, ничемные люди. За это убийство, по закону общества, надо отвечать, но именно с этим он категорически не согласен. Ибо это общество, навязывающее свои законы, виновато перед ним за его униженность и невозможность реализации его устремлений и талантов. Старый философский вопрос: а имеет ли он право на убийство, основываясь на предполагаемой им разнице в общественной ценности их жизни.

На первый взгляд, от их гибели никто не пострадает, а вот прозябание и веро-

ятная гибель его — потеря для общества или даже (о, эти пылкие мечты!) — человечества. Если так стоит вопрос, то ответ на него как будто оправдывает это убийство? Не об этом ли весь «сыр-бор»? И в том ли его ошибка, что он не учел в своих расчетах некоторых обстоятельств, помешавших ему, в конечном счете, избежать разоблачения?

Второй вариант. Юноша на самом деле не представляет никакой реальной ценности, все лишь его воображение и его максимализм, мало подкрепленный реальностью. Старуха, по крайней мере, делает социально полезное дело. Тому, кто нуждается в средствах, но не может, не имеет права, не хочет продать что-то из имеющегося у него, она дает за небольшие проценты возможность переждать безденежье. В чем ее вина? Она не имеет других вариантов, а тут «есть спрос — есть предложение». А общественная полезность девушки еще более очевидна: трудится в поте лица, отрабатывая скудный свой хлеб. Тогда вообще о каком-либо праве и говорить нечего. Подумаешь, великое дело — книжки читать, учиться, а дела-то пока никакого, — лишь какая-то, пусть не бездарная, статейка в газете.

В общем, и так и сак, не очень ясно, почему произведение стало одним из величайших по глубине поставленных проблем.

Посмотрим, куда будут поворачивать авторы фильма (к сожалению, самого Достоевского мне уже не перечитать). Но вот что я сейчас думаю. Допустим, Раскольников и в самом деле очень одаренный человек, и ценой двух убогих существ получил бы реальные возможности свершать нечто великое. Но ведь вот какая оказия. Слова-то у него о великом назначении, которого он пока не реализует, но дела-то его низменные. Он реально действует по логике и методами тех самых людей, которых он презирает. Это в их принципах добиваться своих целей вопреки морали, нравственности, законам, лишь бы не попадаться. Любой из них в глубине души его поймет (кроме Сонечки) и осудит только как «дурака» за неосмотрительность и панику. Неумно, и все тут. Можно было и после убийства, — ведь не случайное, спланированное, — и ценности сохранить, и спокойно держаться, и контролировать тщательнее свои действия. А получается, что, ставя «возвышенные» задачи, он избирает самые банальные формы их достижения. И это противоречие приводит его к непременной гибели. Он бесплоден. Ничего нового обществу, героем которого он мечтает стать, он предложить не может. Причем, не только не может создать, но не может и разрушить, уничтожить ту несправедливость, которая действительно существует.

Ну, ладно, подождем продолжения и финала. Что нам скажут о смысле бытия и идее произведения. Сейчас уже ясно: не о старушке речь. Не о старушке, убитой так «бездарно» и совершенно напрасно: ни человека, ни ее денег. Одни страдания и внутренний крах, ибо он не может найти в своих былых рассуждениях оправдания. Поэтому, наверно, жаль не старушку, а юношу. Он обречен на одиночество. Среди массы серых людей, которые совсем не придерживаются каких-либо идеалов, он чуть ли не единственный, кто способен на поступок, тогда как большинство живет под властью обстоятельств. Тем не менее, он погибает. Гибнет, так как пошел не своим путем. Жаль, и жаль не столько его, — в нем нет реальной силы духа и воли. Жаль идею — общество должно давать талантам шансы на свободу проявления себя.

В самом же Раскольникове мало симпатичного. Эгоистичен, не умеет видеть и уважать других, презирает их, рассматривая лишь через призму ума. Однако, добр и бесшабашен его друг, умеющий сеять вокруг себя радость. Добра и открыта женщина, несмотря на убогость существования, живет радостно. Добросовестно выполняют свои обязанности врач и следователь. Нежна и светла душа Сонечки, погруженной в низость окружающей среды. Почти все проходит мимо внимания занятого собой Раскольникова. Вот он делает милосердный жест, без раздумий отдавая все, что у него

есть, но и тут нет ему полной веры: он впервые влюблен, а любовь его эгоистична.

Хочется найти нужные, четкие слова, — не получается. Но в том-то и секрет великого в искусстве: поднимает в тебе некие переживания, которые из сторонних, чужих вдруг становятся твоими, и ты пытаешься что-то понять не столько в них, сколько вообще в жизни.

Ну вот, закончился фильм. Детали не хочу обсуждать, — не в них дело. Главное: мечется Родион, терзается невыносимой мукой, — она-то и есть главное для него наказание. Ему бы о смысле поступков думать, однако его волнуют лишь его собственные переживания. Он знает, наказание неотвратимо, и, хотя он время от времени надеется уйти от него, раскаяния нет. Не видит ценности других людей. Небольшое исключение — его близкие. Жалеет и отчасти беспокоится о сестре, признается в любви матери, подчиняется без особых размышлений призыву Сонечки (пойти покаяться перед народом и в суде). Но не просыпается в нем понимание того, в чем на самом деле его преступление. Даже на каторге думает о том, что подобное совершают очень многие, но они смогли переступить через угрызения совести, а он не смог. Но опять не преодолевает свое ущербное Я и свою ошибку видит только в чистосердечном признании. Сам себе говорит, что нарушил лишь закон, а значит, и судить его надо только за нарушение установленного людьми закона.

Странное ощущение. Вот уж и в самом деле, хоть бери книгу и перечитай. Получается, что есть лишь видимость ответа на вопрос о наказании за преступление. На самом деле это не ответ, а именно вопрос, адресованный к каждому читателю: выбирай из предложенных версий или находи свое решение. Особенный его герой или такой же, как все, — не столь важно, ибо надо найти один ответ, — один, без вариантов: имеет ли право любой человек решать свои проблемы за счет других.

В глобальном аспекте проблемы вечные, но, тем не менее, сомневаюсь, что увлеченных зрителей было много. Не чувствуется, что этот извечно актуальный вопрос сегодня значим в личностном плане для многих. Уж очень легко преступает масса современных людей через законы, установленные людьми, еще больше, чем герой Достоевского, сбрасывая со счетов законы вечные, Божьи законы.

Но хочется верить... А во что? В то, что многие одумаются? В то, что мои близкие не попадут в паутину бесконтрольного зла? В то, что грехи и ошибки, совершенные мною лично, я сумею осознать, принести пред высшими силами покаяние, и мне простятся они?

Одно могу сказать определенно: эти переживания, пробудившиеся столь ярко под влиянием искусства, переживания, совсем не радостные, мне, как это ни парадоксально, — доставляют несомненное удовольствие. Скорее всего, тут совсем нет никакого парадокса. Состояние счастья — это совсем не «купание в радости». Это пронзительный миг, когда, преодолев большие трудности, выстояв перед угрозой (Угрозой — чего? Это отдельный вопрос), тебе открывается свет (Свет — какой? Что означающий? Куда ведущий? — И это тоже особый вопрос).

Ты преодолеваешь разные трудности, и несут они в себе очень разные угрозы. Различно их содержание, вероятные последствия, накал страстей, масштаб возможного разрушения. Соответственно различаются и переживания, которые ты оправданно или с натяжкой относишь к категории счастливых состояний. В разных системах находятся чувства, которые возникают в момент решения житейской проблемы или задачи общечеловеческого масштаба. В разных системах ценностей находятся угрозы провала на экзамене или недостаток мужества для покаяния. Потому есть существенная грань между той радостью, которая возникнет при ложной тревоге за исход экзамена, и той,

которая откроется в момент светлого и искреннего покаяния. Потому нет ничего богаче Света Истины, и любое приближение к познанию высших ценностей несет ни с чем не сравнимое вдохновение.

Отсюда и магическая сила таких сфер нашего бытия, как молитва и искусство. Они всеобъемлющи, неисчерпаемы, и каждый шаг на пути к их обретению дает счастье. И так же точно счастлив тот, кого эти силы найдут, позовут и примут в свои миры.

* * *

Задав себе эти вопросы, не ожидала, что жизнь потребует тут же искать ответы. Конечно, не сегодня они возникли, тем более — не единственный раз стою перед ними. Однако не могу не признаться, что чаще тут же ухожу от них. Видимо, «не по зубам» они мне. И тем более меня удивило, что буквально на следующий день после этой записи какая-то неведомая сила поставила меня лицом к лицу перед ними.

По ТВ на программе «Спас» священнику задают вопросы (по телефону в прямом эфире):

— Зачем Бог создал человека?

— В чем Его замысел?

— Почему человек оказался столь несовершенным, и грешить начал сразу после создания, еще ничем себя не проявив, не показав силу Божьего замысла?

— Это неудача Бога? Что-то пошло не так, как было нужно по Его планам?

На все это священник ответил, что, во-первых, это самые важные вопросы с точки зрения обретения веры, но, во-вторых, ответа на них нет. Сколько человечество ни размышляет, найти ответ не удастся.

Удивляться тут не надо: таких проблем, недоступных пониманию человека, немало. Их сила в том, что они будят нашу душу, зовут ее к совершенству.

Тут-то я и попалась: забурлили во мне мысли, переживания, слова и образы. Рассказать обо всем трудно. Но вот хотя бы некоторые соображения. К сожалению, малы мои познания, мал опыт.

Конечно, ни о какой ошибке говорить нельзя, — ее быть не могло. Ведь сказано нам: Бог создал человека по образу и подобию своему. Естественно, речь идет не о наличии рук, ног или, тем более, например, усов. Речь о главном: о свободе планов и их осуществления, об осознанном отношении к результатам («И сказал Бог: — Это хорошо»); о многомерности и многоплановости действий, подчиненных великим законам («В начале было слово»), и тому подобных высших категориях Бытия мира. И в самом начале было главное, — ради напоминания об этом пришел к нам Иисус, — любовь. Все это не может быть дано мгновенно и в готовом виде, как это было с внешним обликом. Иными словами, нельзя, как глаз или печень, вложить в человека способность к свободному творчеству, любовь, ответственность и т.п.

Свои высшие, божественного уровня качества человек (человечество) должен выработать в себе сам. Не может это человек сделать в одиночку; не может сделать это мгновенно; не может сделать это «по своему хотению». Нужны другие люди, чтобы понять их, сравнить с собой, понять себя, понять законы взаимодействия. Один человек должен нуждаться в других и стать нужным другим, — без этого не будет ни любви, ни подлинной свободы, ни ответственности. Столь же принципиально необходимы на пути человека проблемы, препятствия, их преодоление. Короче говоря, необходимо все то, что приводит к становлению Субъекта деятельности.

Думаю, именно потому путь человека с его первых шагов был сложным. Возможно, у Бога в его замысле было два пути. Один — открыть человеку чуть позже (через древо познания), — примерно так, как это случается с гениями; другой — через свои ошибки и преодоление их. Человеку был дан выбор, и он сам, по сути, избрал второй путь. Не исключаю того, что он на самом деле не только эффективнее, но и единственно плодотворный. Тут в полную силу действует принцип «заработанного рубля». Труден и ухабист этот путь, но тем ценнее получаемое знание, понимание, самостоятельность, свобода, любовь, — и что там еще.

Животные тоже имеют проблемы, им даны и разнообразные способы их решения. Но у них нет того, что дано лишь человеку: осознанного отношения ко всему, осмысления всего пути и его итогов в свете категорий высших духовных ценностей. У животных есть инстинкты, навыки, приобретаемые реакции, мышление и даже, вероятно, душа. Но нет духовности, а значит, нет ответственности, справедливости, нравственности. Ради них человек погружен в бездну трудностей, которые он учится преодолевать и открывать в итоге свою свободу и божественное назначение.

Для человечества этот процесс кажется долгим, но это так только выглядит с позиции наших кратких жизней. На самом деле прошло немного времени. И в этом плане интересно, что все века человек бьется над решением одних и тех же проблем. Любовь, верность, обман, предательство, ответственность, успех, крах планов и идей, убийство, слава, богатство, — вот уже достаточно объемный перечень. Меняются способы, внешние обстоятельства, а суть все та же. Это не может быть случайным, в этом кроется нечто важное. Видимо, в гуще этих проблем лежит путь к развитию духа, приближающего человека к задуманному Богом образу.

Кажется, в этих незрелых рассуждениях есть рациональное зерно. Хотя остро чувствую недостаток очень важного: из моих рассуждений можно представить, как возникают многие человеческие составляющие в деятельности и ее внутреннем отражении, но нет никакого хода к важнейшей проблеме в отношениях Бог-Человек, — рождение и существование ВЕРЫ. Подхода к ней не вижу, не понимаю. Но думаю об этом постоянно. При этом мне важно не столько понять, откуда и как обретается вера, а обрести ее. Однако на сегодняшний день мне трудно даже просто пойти в церковь, почувствовать ее необходимость. И молитва, к моему огорчению, лишь изредка поглощает меня до глубины души.

Прошло два дня, как я написала это, и все это время думаю, думаю. Где-то рядом понимание, но не дается, ускользает самый главный стержень.

Вспомнила, что когда-то сказала студентам, что религия, как и философия, говорит О СМЫСЛЕ жизни, в отличие от искусства. Именно оно, как и сама жизнь, говорит с нами НА ЯЗЫКЕ смысла жизни, погружая в создаваемые им ситуации и заставляя пережить их так же, как в реальной жизни. Пожалуй, я глубоко ошибаюсь, не понимая сущности религии. Схоластическая отстраненность, видимо, существует в религии только тогда, когда от ее сути отстранен сам человек. Вот, как я, например. Ничего толком не знаю, не умею стать в ее гущу, не владею самыми необходимыми способами и приемами, зато мудрствую лукаво. А ведь, пожалуй, в ней сокрыта подлинная возможность духовных приобретений, — тех самых, ради которых и создан Богом человек. Постижение сущности мироздания, открытие Истины жизни человека, включение отдельного человека в гармонию Вселенной, — эти слова, произносимые пророками и подвижниками в любой религии, видимо, есть не столько слова, сколько настоящая реальность, доступная ищущим и верующим. Тогда молитва не есть условный ритуал, а путь к духовному рождению. И ее реальные возможности шире и глубже

того, что человек может открыть в потоке своих дел, переживаний, знаний, которые дает ему его существование в мире природы, в мире людей.

Если это так, то встает новый вопрос: каким образом происходит это духовное созревание погруженного в религию человека?

Молитв масса, но их условно можно разделить всего на несколько групп. Одна группа — это молитвы во славу Бога. Сюда же, наверно, относятся и воздание славы Богородице. Другая группа — разнообразные просьбы, обращенные к Богу, Богородице, Ангелу-хранителю, великим святым (о здоровье, успехах, вообще — о жизни и смерти). В ней есть подгруппы: просьбы для себя и других. Среди них, пожалуй, особняком стоят молитвы о даровании веры и помощи в молитвенном служении Богу. Есть и группа благодарственных молитв. Не берусь утверждать, что это все, но, по крайней мере, это главные типы.

Так спрашиваю, в чем же их сила как механизма духовного становления, развития, совершенства? Ведь очень многие из молитв наполнены, так сказать, корыстным содержанием. Не понимаю.

А. может быть, содержание не столь важно, а важно искреннее погружение в некое общение с высшими силами? Может быть, именно это дает внутреннюю наполненность той самой Истиной, которую ищет человек?

Мне пока не дано понять или хотя бы почувствовать суть поставленных вопросов. Священники говорят: надо делать, надо трудиться на поприще молитвенном, и откроется вам блаженство и великая радость. Логикой этого не постигнуть. Служение Богу, говорят они, это великий труд. Подвиг. Пока не могу, не умею, да и мало стремлюсь. Успею ли?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Возможно, вы открыли эту страницу, что-то уже прочитав в данном сборнике. Большое спасибо за внимание к моим рассказам. За ними стоит моя долгая жизнь, вновь пережитые ее светлые и темные грани, позволившие мне иначе понять и глубже постигнуть великую гармонию мира, в котором мне посчастливилось быть его малой частицей.

Я не все рассказала вам, но, поверьте, в каждой строке я была очень искренняя, — в той максимальной степени, в какой возможно.

С этой точки зрения, тут — правда и только правда обо мне. И в то же время — не правда, ибо рассказано далеко не все, а правда не может быть частичной. Или она есть вся, или ее нет. В моих воспоминаниях нет очень многого, может быть, более важного, чем то, что вы найдете на многих страницах. Нет даже попытки понять истории любви, страсти, отчаяния, душевного разлада и выходов из кризисов. Но это было, и длились такие периоды не днями, не месяцами, — годами. Нет даже основного набора картин моей жизни в семье, моих отношений с мужем, дочерьми, внуками. Нет моего понимания характеров большого круга близких мне людей, моих отношений с ними, рождавшихся в столкновении и гармонизации глубоких свойств наших личностей. Практически нет материала для подходов к вопросу о формировании и динамики мировоззрения. Что там говорить, нет много, без чего нет самой жизни. Тут лишь фрагменты, отдельные эпизоды.

Конечно, проще всего сказать: нельзя объять необъятного. Я хотела нарисовать многоцветную панораму, но не ставила своей задачей дать исчерпывающую характеристику. Ибо дело вовсе не во мне. Ни в моей жизни, ни в моем характере, ни в каких-либо иных параметрах моего личного бытия нет ничего уникального. Сложна, многопланова, противоречива жизнь любого человека, и мой замысел заключался в том, чтобы показать, как велики наши возможности и строить, и разрушать в себе, в своих делах, во взаимоотношениях. Нам многое дано, в том числе свобода выбора, и важнее всяких объективных обстоятельств то, как мы пользуемся ею. Мы творцы своего счастья и несчастья. Да. Тут явно маловато материала для доказательств этого, но я не учитель, не моралист, я только хотела натолкнуть вас, мои читатели, на некоторые вопросы, чтобы в поисках ответов вы поняли нечто такое, что поможет преодолевать внешние и внутренние преграды.

Не исключаю, что возникнут упреки, будто тут мало сказано о любви. Наверно, это так, но не потому, что ее было мало, а лишь потому, что не сумела найти нужных слов. Она так богата оттенками, что не получается уложить даже самые главные переживания, поступки, отношения в кратких историях. Но и спрятать не получилось, Вдумчивый читатель найдет вполне достаточно материала для своего видения этого массива в моей жизни.

Еще и еще раз повторю: эти рассказы написаны не обо мне, а о многомерности и многоплановости бытия человека, любящего жизнь, людей и все, что создает мир внутри и вокруг нас.

Простите и поймите. Думаю, одно мне удалось достичь: вызвать у вас собственные воспоминания, искреннее желание разобраться в прежних обстоятельствах своей жизни и найти в себе новые силы, мудрость, доброту, терпение и мужество быть счастливыми.

Желаю вам неизбывной любви, и пусть она в любых обстоятельствах дает веру и надежду. Да поможет вам Бог!

ИЗ ДРУГИХ СБОРНИКОВ

СЛУЧАЙНОСТИ ИЛИ СУДЬБА?

В жизни было немало занятных событий, происхождение и смысл которых заставляет задуматься. Я имею в виду ситуации, когда к чему-то стремишься, чего-то добиваешься, но вдруг все ломается, ты переживаешь, но совершенно напрасно. Вскоре выяснится, что именно так и нужно, что ты чего-то добивался напрасно, — это, так сказать, не твое, тебе «положено» нечто иное.

Вот несколько таких событий.

Я не встретила в Ленинграде со своим другом Юрой, потом он, приехав ко мне, вернулся к своей прежней подруге. Переживала я это все довольно сильно, а напрасно. Если бы мы встретились в Ленинграде, наши отношения скорее всего укрепились, и дружба наша могла бы перерасти в любовь. Теперь и подумать страшно, что вся моя жизнь пошла бы иначе.

Точно так же оказалось невероятной удачей, что меня не приняли в МГУ при первой попытке. Если бы приняли, мы не оказались бы с Володией на одном курсе. И, с другой стороны, сколько случайностей произошло у Володи: то, что он получил после своего первого курса на филфаке МГУ академотпуск, проучился и проработал несколько лет в Майкопе, а потом приехал в Москву снова и из двух вузов, в которые был принят, выбрал именно наш факультет, а не престижный МГИМО.

А история с билетом в Большой театр? Володя брал второй билет на своего товарища, и вдруг почему-то позвал меня. Почему это было так? Мы же еще не выделили друг друга из всей массы курса, говорили пару раз и только по комсомольским делам. Но именно этот случайный поступок определил все наше будущее.

А вот более длительный отзвук несостоявшихся желанных поначалу событий. Имею в виду, как сорвалось поступление Володи к Леонтьеву в аспирантуру. Пришлось ехать на Сахалин, потом вдруг через несколько лет оказываемся в Харькове, и вот тут-то и начинается главное дело его и моей профессиональной жизни. Конечно, что-то вполне благополучное могло бы сложиться и после аспирантуры в Москве, но трудно поверить, что это было бы так прекрасно.

Столь же забавно повлияло на всю жизнь и казавшееся почти нелепым у Володи его учительское образование и работа в школе, а вот поди ж ты, именно это определило его истинное назначение и ту высоту, которую он достиг. Сюда же надо добавить и внезапный переход с философского отделения на психологию. Это случилось почти анекдотически. Вдруг начинается резкое сокращение числа студентов на нашем курсе, и прежде всего, на философском отделении. Разрешен переход на любой факультет МГУ, многие находят свой вариант, но их недостаточно, и Володя, как комсорг курса, подает пример, пишет заявление о переводе на психологию. Конечно, там уже училась я, и мы были уже женаты, но с таким же успехом, казалось, он мог уйти и на ранее желанный филологический факультет. Так нет же, неожиданно для всех выбирает психологию, в то время очень бесперспективное образование (спроса на психологов практически не было), и на самом деле выбирает судьбу.

Вот ведь какая штука — жизнь. Попад в гущу событий, мы не знаем, куда они нас ведут, и нередко убиваемся от горя и сожалений, не подозревая, что все это во благо, что именно вследствие этого будет исправлен наш ранее сделанный неправильный выбор. Недаром все религии учат мудро воспринимать удары судьбы, стараясь понять, почему не получилось что-то и что жизнь требует от нас.

МИР ТЕСЕН

В жизни, наверно, каждого человека бывают события, буквально потрясающие тебя какой-то мистической невероятностью. И ты выдыхаешь восхищенно: — Ну, надо же! Неужто такое возможно?

Взять хотя бы такие совпадения в жизни Володи. Во время войны при эвакуации они стояли около двух недель в Анисовке, а это название железнодорожной станции на другом конце нашего города, где я тогда жила. В Киеве он учился в одной школе с сестрой будущей свахи Ольги Никитичны. В Москве, когда он учился в артиллерийской школе, на соседней улице жила будущая его сотрудница Полина Соломоновна.

А вот и несколько историй из моей жизни.

Самые простые. Я в Москве захожу в кафе «Марс» на улице Горького. Ставлю на столик чашечку кофе, поднимаю глаза: напротив меня стоит знакомый профессор-психиатр из Харькова. В другой раз командировка в Москву. Стою за пропуском в военный научный институт. Передо мной полковник, чем-то привлекает меня его, так сказать, «вид сзади». Чуть сдвигаюсь в сторону и узнаю полковника из нашей харьковской Академии, который недавно приходил к нам в университет на кафедру, и мне поручили консультировать проводимые под его руководством работы. О том, что у нас могут быть общие интересы в этом институте, не было и речи. Впрочем, интересы наши различались: мы приехали, как выяснили, в совершенно разные отделы.

Могу привести истории посложнее.

Я в командировке в Ленинграде. Сажу в ложе Мариинского оперного театра. Чувствую на себе взгляд снизу, некоторое время терплю, и все-таки опустила глаза. Взгляды встретились, вздрагиваю от неожиданности: мне улыбается, как говорится, до боли знакомое лицо. Да это же Вася Шилин, мой друг из Саратовского университета. В антракте он примчался ко мне, мы оба счастливы по-детски, говорим без умолку, смеемся, особенно Васе смешно, что я из «Галки-палки» превратилась в «Ростральную колонну». Потом мы долго бродим по городу, едва успеваем перейти Неву до разведения мостов. В гостинице стадиона, где нас разместили, все заперто, и мы со смехом перелезаем через высоченный забор. Я, конечно, очень «изящно», потешая Васю, который перелетел через забор, как спортсмен через планку. Безусловно, он мне помог. Мы еще побродили по территории стадиона, рассказывая о своей жизни за это время. Перед расставанием я все же спросила, хотя чувствовала неслучайность его молчания, о его семье. Ответ его удивил и навеял грусть: — После тебя я никого не смог полюбить, а без любви жениться не хотел.

Мы были друзьями, большими друзьями, вся компания по молодости были немного влюблены друг в друга. Игорь — в Эллу, Витька — в Ирку, мне немного нравился Игорь, но было приятно слышать, как Вася частенько напевал слова популярной песенки: «Есть у нас агроном: ой, да косы длинные, и глаза, брат, бирюза и зовут Галиною. Мы в нее влюблены, — ты, да я, да мы с тобой»... и т.д. Вася, со свойственным ему ехидным юмором, как-то пошутил в ответ на чье-то замечание, что нас видят только всех вместе:

— А у нас круговая любовь!

И вот сегодня после стольких лет эта шутка вдруг засветилась своей «долей правды». Вася тут же снова стал шутить, — дескать, не придавай значения, не задирай нос, но и не грусти о «загубленной молодой жизни храброго фронтовика».

Самым странным в этой истории, пожалуй, было то, что даже такое признание, пусть сдобренное шутками, доставило удовольствие, но я его тут же погасила, перейдя на его шутливый тон, — дескать, он очень добр, но я ведь могу и нос задрать. Так мы шутили, посмеиваясь друг над другом, и грань между шуткой была так неопределенна. Но благодарность в сердце осталась.

Потом, вспоминая эту встречу, еще и удивлялась самому факту: учились вместе в Саратове, после моего отъезда никогда не переписывались, жили на разных концах страны и встретились в Ленинграде, оказавшись в один час, в одном месте совершенно случайно.

* * *

Звонок в дверь: пришли пионеры за макулатурой. В шкафу у меня целая гора старых газет. Снимаю одну пачку, другую. Сверху на третьей привлекает взгляд открытая страница журнала «Огонек», — нет, не сама страница, а лишь одна фамилия в тексте: Ротатаев. Отбрасываю журнал, отдаю остальные газеты, а после ухода детей с волнением начинаю читать. Нет, не совпадение редкой фамилии, а тот самый Ротатаев, — Константин, спелеолог, сын известного альпиниста и летчика. А для меня еще важнее: сын лучшего друга моего отца, с которым они вместе кончали летную школу, потом вместе служили в Забайкалье. Они в один год женились, в один год у них появился первый ребенок: в нашей семье — я, а у друга — сын Костя. Потом в один год появились и вторые дети — обе девочки. Правда, об этом совпадении они узнали уже после войны. Папа был командирован на год учебы в Военно-Воздушную Академию имени Жуковского в Москву, а там встретил своего старого друга. Конечно, рассказов масса о жизни в войну. Ротатаевы пригласили нас с мамой к ним в гости, и мы приехали. Я уже перешла в десятый класс, и Костя — соответственно тоже. По сути мы с ним познакомились заново, ибо дошкольную дружбу забыли совсем. Костя меня очаровал. К нашему приезду напек превосходные пирожки, сварил замечательный суп и кашу с котлетами, так как его мама была серьезно больна. Накормив нас, умчался на спортивную тренировку. Его отец (ах, не помню его имя и отчество) рассказал, что они оба занимаются альпинизмом, а он сам еще и книги пишет о покорениях вершин. Одну из последних подарил нам, кажется, под названием «Покорение Джомолунгмы». И вот теперь у меня очерк о Костиной работе в горах.

Удивительно, как оказалось, что журнал открыт именно на этой статье. Странно. Если бы читал кто-то из нашей семьи, мне непременно бы дали очерк, так как историю этой дружбы отца все знали. И тем не менее, о журнале я ничего не слышала. Удивительно и другое: перекладывая кипы газет, я остановилась именно перед этой страницей журнала. Ведь так просто было отделить кипу газет иначе, и я бы не увидела этой фамилии.

Данная история на этом чуде не завершилась. В этот день или на другой день я ходила в Дом Ученых на собрание. Обратились со знакомым профессором биологом Юлием Михайловичем Мадиевским. В разговоре кто-то из нас коснулся темы «мир тесен». Я тут же рассказала эту удивительную находку. Юлий Михайлович слушал, посмеиваясь, на что я горячо отреагировала: — Не верите?!

На это он ответил: — Почему же не верю? Смеюсь потому, что мир еще теснее, чем Вы думаете. Сегодня вечером я еду в Москву получать группу иностранцев для

восхождения на Кавказ, а вручать всю документацию мне будет старший Ротатаев. Он в Комитете по делам спорта комплектует группы иностранных альпинистов, и я уже не первый раз хожу по его путевкам в качестве руководителя группы. С удовольствием передам от Вас ему привет.

Правда, завершение этот разговор не получил: Юлий Михайлович из этого восхождения не вернулся. События пошли, как потом рассказывали, драматические. Один из альпинистов имел скверный характер, плохо подчинялся и категорически отказывался идти с кем-то в одной связке. Пришлось и Юлию Михайловичу идти одному, чтобы в случае чего подстраховать сварливого туриста. Случай не заставил себя ждать: горе-альпинист сорвался и повис над пропастью. В таких случаях второй альпинист в связке закрепляется и держит сорвавшегося, пока подоспел подмога. Но этого держать было некому. Юлий Михайлович с трудом добрался до него и дернул за руку, которой тот судорожно цеплялся за край обрыва. Поскольку сам Юлий Михайлович не мог закрепиться, от рывка он, вскинув туриста наверх, сам сорвался в пропасть. И погиб.

Впрочем, завершение данной истории к ее началу о тесноте нашего мира отношения уже не имеет.

* * *

Однажды я возилась на кухне. Вдруг захотелось сделать перерыв, и, что уж совсем неожиданно, я сажусь в комнате на диван и включаю телевизор. Почему говорю «неожиданно»? просто потому, что сейчас утро, а в это время телевизор смотреть мне обычно некогда. Да и теперь времени нет, но я включаю. И мне навстречу диктор, ведущий передачу «Служу Советскому Союзу» говорит: — А теперь мне приятно познакомиться вас с сыном этого героя-летчика, Альбертом Владимировичем Землянским. — И во весь экран — лицо Алика, брата моей лучшей подруги Милы Землянской. Последний раз я его видела, когда он окончил Саратовское суворовское училище и получил, точнее, вытребовал назначение в нашу летную школу.

Их отец был штурманом на одном из тех героических экипажей, которые в самом начале войны, — да, да, в самом ее начале, бомбили Берлин. Оценить их героизм трудно: начало войны, полнейший разброд в умах, армия вооружена отвратительно, наши войска отступают, теряя огромные территории. Что уж говорить о зенитной защите немцами всех захваченных ими земель! А тут бомбардировщики, которые в те времена и высоту имели доступную для зениток, и скорости были не столь велики, и запаса горючего на путь до Берлина и обратно было мало, да к тому же они не могли идти без сопровождения истребителями. И все-таки бомбардировщики прорывались к Берлину и сбросили свой «привет» на Берлин. Конечно, вернуться им было практически невозможно, и самолет Землянского был сбит на обратном пути. Наша гордость была многомерной: велик сам подвиг, радовала возможность посыпать логово врага бомбами в отместку за их продвижение вглубь страны. Гордость росла и от сознания того, что это наши, да, в прямом смысле — наши, бомбардировщики, то есть из нашего училища.

Алика вскоре после гибели отца приняли в суворовское училище, откуда он иногда приезжал, и мы с Милой восторженно слушали его нехитрые рассказы об их житье-бытье. Квартиры наши были рядом, между балконами и вовсе расстояние было пустяковое, а потому общались мы до поздней ночи, не нарушая маминого запрета «иди домой».

Когда Алик окончил училище, и дошло дело до распределения назначений,

выяснилось, что в летные школы всего два места. О том, что Алик мечтал только о небе, можно и не говорить. В комиссию по распределению заходили в соответствии с успехами в аттестате. Алик учился прекрасно и должен был идти среди первых. До него прошел его товарищ, тоже мечтавший о летной школе, и взял соответствующее назначение. Второе, и в этом ни у кого из его товарищей не было сомнения, было для Землянского. И тут один из воспитанников просит Алика пропустить его впереди себя, назвав какую-то вполне приемлемую причину и сказав, что назначение в летную школу он, естественно, не возьмет. Алик его пропустил, а тот вышел именно с этим направлением, сделав вид, что ему его дали чуть ли не вопреки его желанию. Тогда Алик, потрясенный до глубины души, впервые столкнулся фактически с предательством, но делать что-либо немедленно было нельзя. Начальник их училища немного удивился произошедшему, но при распределении поверил тому воспитаннику, что Землянский передумал. Я не помню, что было после этого среди офицерского состава училища, но хорошо помню, что тому воспитаннику пришлось терпеть осуждение всех ребят. Алик обратился с рапортом в Министерство обороны и соответственно в наше училище, и вопрос был, конечно, решен: пришло еще одно направление к летчикам.

Прошло много лет. Алик, естественно, возмужал, он был уже подполковником. С улыбкой и нежностью я вглядывалась в его легко узнаваемые черты, и было искренне жаль, что по условиям передачи сюжет был короток, а место его службы не названо.

Через несколько лет случилась еще одна встреча с Землянскими, и тоже — односторонняя, так сказать. Я была в Энгельсе, — поехала туда намеренно, будучи на курсах учителей в Самаре. Конечно, обошла все памятные места, очень изменившиеся за прошедшие годы. Зашла в Дом Офицеров, где когда-то в фойе висел портрет Владимира Землянского. Его там не было, поскольку и весь городок не был больше летным училищем, а у новых хозяев были свои герои. Пошла посмотреть, что стало с любимым моим аэродромом. Издали видела на том месте группу многоэтажных домов. Навстречу шел мужчина тел пятидесяти, спросила его, в самом ли деле аэродрома там больше нет. Он удивился моему вопросу, так как его там нет давно. Разговорились, узнав, что и он тоже здесь живет немало лет. В разговоре я обмолвилась, что искала портрет отца моих друзей. И тут совсем неожиданно он мне говорит, что недавно был в гостях у Землянских, что Мила с матерью живет в Жуковском под Москвой, очень уважаемый инженер, а мать ее, несмотря на возраст, все еще активно ведет работу в женсовете.

Адреса их он не помнит, так как попал туда с товарищем. К сожалению, эта встреча случилась в те времена, когда я в Москве бывала все реже, и поездки стали совсем коротки. Впрочем, я не уверена, что поехала бы в Жуковский на поиски Милы. Одно дело — школьная дружба, а другое — жизнь после этого длиной в сорок лет. Пусть маленькая, но есть вероятность того, что встреча может оказаться формальной. Пусть лучше память хранит все то, что было, со всей теплотой и нежностью, которые питали нашу дружбу.

* * *

Телевидение дало мне еще «встречи», на сей раз с людьми из мира театра и кино. Речь не идет о том, что мы все видим каких-то актеров, — это банально и не удивительно. Я говорю о чисто случайных, почти мгновенных «контактах» с кем-то, для меня очень значимом.

Например, я уже говорила как-то о моем особом отношении к Франческе Ярбусовой и Юрию Норштейну. Благодаря большой привязанности к Альфреду Лукьяновичу Ярбусу его дочь Франческа, а вместе с ней и все, что ее касается близко, вызывает

во мне теплый отклик, особую волну эмоций.

И вот эти подарки телевидения.

Я в Томске у Любви Генриховны. Дел много, идут курсы для учителей, я занята, как говорится, по горло, — ни на какое телевидение нет времени. Соответственно, не смотрю никаких газетных программ. Однажды утром просыпаюсь и, почему-то очень поспешно умывшись, включаю телевизор. От удивления — мурашки по спине: на экране загораются и увеличиваются слова: «Юрий Норштейн». Начинается документальный фильм о его творчестве. Не диво, что о нем, известном режиссере мультипликационного кино показывают фильм. Чудо в другом: в случайности моего включения телевизора именно в этот миг.

Много позже так же точно я включаю телевизор, не заглядывая в программу и не выбирая канал. В этот миг начинается передача «Эпизоды», и посвящена она Франческе Ярбусовой. Конечно, смотрю на одном дыхании: я ведь ее никогда не видела, а она так напомнила уважаемого мной ученого. Смотрю и слушаю, не отрываясь.

Потом несколько передач жду и смотрю специально. Но затем что-то мешает, и я пропускаю какие-то из них, пока, наконец, выбираю подходящее время, но не зная, кому будет посвящен этот фильм, включаю: о Юрии Норштейне. И опять удивление почти мистическим фактом: пропустила ряд передач, не зная данной темы, но эту смотрю в тот самый момент, когда она начинается.

Так же внезапно попадаю на передачу «Линия жизни» посвященную режиссеру Льву Додину. Включаю не с начала, передача идет, я ее не выбираю, просто попадаю на нее. И через несколько мгновений он говорит о своей трудной работе во МХАТе над «Господами Головлевыми». О той самой работе, которую я наблюдала весьма пристально и заинтересованно в течение почти трех месяцев. Изо дня в день являлась на репетиции, пытаюсь найти психологические ответы о причинах тягостного продвижения вперед, к сдаче спектакля.

Конечно, всегда можно сказать, что на фоне многочисленных передач могут попадаться и личностно значимые. Конечно, могут, но, если это происходит так неожиданно, и попадание так точно, трудно этому не восхититься, как трудно не думать, что эти случайности вовсе не случайны.

* * *

Бывало и прямо противоположное: встреча с прошлым идет тебе навстречу, а ты ее не понимаешь, не веришь в нее, хотя нельзя сказать, что не замечаешь.

Когда-то еще в годы войны жили в нашем доме (дома называли «корпусами») две сестры. Одна из них была явно старше нас, другая почти ровесница. Держались они почему-то всегда замкнуто, и это нас удивляло и одновременно завораживало, поскольку ребята нашего городка были все дружны, как одна семья. Все знали друг о друге все необходимое, а тут — стена. Они вели себя безупречно, никто не обвинял их в стремлении «воображать», не задирались, никого не обижали, и в то же время были «не наши», словно из другого мира. Не помню имя старшей сестры, но имя младшей завораживало, подчеркивая чем-то их обособленность. Звали ее Воля.

Прошло лет пятнадцать, если не больше, и на Сахалине в нашей школе работает учительница химии Воля Михайловна. Мы с ней, как вскоре выяснится, оказались в одном доме. Мне она очень симпатична, привлекает и ее имя, — я, правда, считаю, что оно мне встречается второй раз. Она приветлива, вежлива, но держится особняком, ни с кем в городке не дружит. Живет с мужем без детей. Муж ей много помогает, даже в день дежурства по подъезду моет лестницу; выстиранное белье вешает на улице толь-

ко он. Конечно, это вызывает удивление соседок, умудряющихся не столько хвалить его, сколько осуждать ее, брезгливо называя «барынькой». Позже, выезжая из этого дома, мы немного поговорили, и выяснилось, что у нее от химических опытов на руках экзема, и мочить их нельзя. Более тесного контакта не получилось, и мы продолжали при встречах вежливо и доброжелательно здороваться, не задерживаясь на пустяковую болтовню.

Я уже уехала из Горнозаводска, уговорила и Володю следовать за мной, когда вдруг выяснилось, что это та самая Воля, которую я знала в детстве. Володя перед отъездом позвал их с мужем в гости попрощаться. Он, как и я, симпатизировал этой семье. Обычный разговор за столом переходил с темы на тему, пока нечаянно затронули вопрос, кто где был во время войны. Воля Михайловна — в Энгельсе, более того — в летном училище. Вот это да! Володя от меня слышал про необычных сестер и, конечно, рассказал, что и я жила там же в одном с ними корпусе. Тут и Воля Михайловна пожалела о своем нелюбопытстве: слыша о моих больших ногах, подумала, что вот нечто похожее было с одной девочкой в их доме в период ее детства. Но, как и я, ничего не спросила у меня. Ей, как и мне, было жаль несостоявшегося более тесного знакомства.

Правда, я не уверена, что, если бы мы узнали друг друга раньше, мы стали бы дружить: не только она, но и я с трудом шла на тесные отношения с кем-либо. На первый или невнимательный взгляд, я казалась общительной, легко уживающейся с самыми разными людьми, но на самом деле мало кого пускала в свой мир: чтобы перечесть настоящих друзей или подруг в моей взрослой жизни, хватит пальцев одной руки.

* * *

На этом можно и завершить воспоминания на тему «мир тесен». Самые разные события и отношения связывали с потерявшимися и вновь найденными людьми. Не знаю, что означает тот «общий знаменатель» в этих повторных встречах, то есть, что означает, что они происходили как бы односторонне. Я узнавала нечто о дорогих мне людях, но чаще всего это происходило, словно в кино: я что-то узнаю, вижу, слышу о них, что-то переживаю, но им это не известно. Как, впрочем, и мне не известно, значила ли я в их жизни нечто такое, что вызвало бы волнение при воспоминаниях обо мне. Впрочем, это вряд ли имеет значение. Важно то, что я испытывала, что я переживала: неожиданные, как будто случайные встречи с прошлым вносили в мою нынешнюю жизнь нечто новое. И это новое знание, новые переживания открывали мне и прошлое, и настоящее с иной стороны, углубляя общее понимание смысла жизни вообще. Пусть эти слова не покажутся напыщенными. Скажу больше: когда я пишу о разных событиях прошлой жизни, я не вновь их переживаю, нет, — я переживаю нечто совсем другое. И это мне зачем-то необходимо. Зачем? Ну, это уже философский вопрос, для его понимания я еще не созрела.

ДЯДЯ ЛЕНЯ

В конце ноября 1987 года я, будучи в командировке в городе Тарту (в Эстонии), впервые близко познакомилась с семьей брата моего отца — дяди Лени Гансбург. Они несколько лет назад переехали из Ангрена (в Узбекистане) с женой Олей и семьей дочки Наташи — ее мужем Женей и сыном Вадимом. Муж получил сюда назначение — он имел должность главного инженера дорог республики. Но должность эта была настолько ответственная, т.к. дороги были в ужасном состоянии, что, скорее всего от нервного напряжения несколько месяцев тому назад он скончался от рака головного мозга. Вадим окончил Тартуский университет по специальности биолог-генетик. Сейчас он служит в армии. В Москве живет дочь дяди Лени Марта с мужем Сашей и сыном Леней. Но с ней, к сожалению, познакомиться нельзя, так как по неизвестной причине адрес ее не дают.

От этой встречи у меня масса потрясений.

Одно из них — удивительное чувство проникающего во все поры ощущения родства. Это — родные люди! Я их не просто полюбила, я их приняла. Это трудно объяснить, т.к. это не на уровне мысли, а это — состояние. Все разное, но важно нечто неуловимое. Я вдруг поняла слова о «чувстве крови», когда кто-то описывает первую встречу родственников.

Второе потрясение — судьба старшего поколения. Дядя Леня отсидел на «полную катушку» в начале войны. Записан он был по статье «враг народа». Это Леня-то враг народа?! Я уж не говорю, что он почти на голову ниже моего отца, щупленький. Но боже, как чисты его глаза, сколько в них доброты и любви к жизни и людям, тепла, открытости! Из этих глаз льется нечто, чему нельзя найти иного названия, кроме святости, но святость особая, с всепрощающей и всепонимающей горечью.

За что попал? А разве для этого нужно было «что-то»?

Реально было такое: ехал на машине. Навстречу — сотрудник, у которого кончился бензин. Дядя Леня сказал, что у него только едва-едва доехать до дома, но обещал попросить, чтобы тому привезли. На его вопрос, что же делать, дядя ответил: «Сиди и жди», на что получил злой ответ: «Ну, ты, фашист, попомнишь меня, когда посидишь сам!».

Его угроза не заставила себя долго ждать. Вскоре дядю Леню забрали. Не было ни суда, ни следствия. Только многодневные измывательства с требованиями признать, что он — немец, рад нападению и ждет их победы. Били, пытали, унижали. Один из таких, видя стойкость дяди, сказал: «Да подпиши ты, иначе замордуют. А так оставят». Леня не выдержал пыток, подписал. Мучить перестали, отправили в заключение на работы. Хоть немного, но стало легче.

В то же самое время без конца терзали тетю Олю, чтобы она подписала, что муж ее — немец и ждал, затаившись, прихода своих. Несмотря на многочасовые мтарства, она упорно говорила, что ее муж — русский, прекрасный порядочный человек, и никаким врагом народа не может быть. Так отвечать было непросто: ей сулили блага за подпись и грозили каторгой в случае отказа.

Наконец, ее отпустили, а его приговорили к 10 годам строжайшего режима. Но благодаря ее отказу, его не расстреляли.

Дядю отправили по этапу, а тете Оле с Наташей (младшая дочка Марта у них послевоенная) было велено в 24 часа оставить город. Они тогда жили в Алма-Ате. При

этом отняли все ценное, запретив что-то продавать. Денег на дорогу у нее не было. Взяв маленькую дочь на руки, она пешком прошла 80 километров в другой город, где были знакомые. Но на работу ее не принимали из-за соответствующей отметки в паспорте.

Едва устроилась. Помог один человек, знавший их семью. Не побоялся взять на себя в такое время ответственность, помогая ей. В том числе, через некоторое время он отпустил ее на свидание с мужем, когда она узнала, где он. Но попасть в лагерь можно было только по пропуску, который этот человек не имел права дать, а без разрешения нельзя было купить билет. Даже попутные машины не имели права подвозить. Лагерь же находился на расстоянии больше 300 километров! И отец Лени, мой дедушка, пошел с ней, не рискуя отпустить ее одну.

По рассказам тети Оли, идти было очень трудно. Зима, одеты и обуты они были ужасно. Непонятно, как они могли столько пройти! К тому же ночью к ним вплотную подбирались волки (Сибирь ведь!), поэтому спать приходилось по очереди. Волков отпугивали, стуча по бидону, так как разжечь костер было нечем.

Эту же дорогу Леня тоже прошел пешком — 10 дней под конвоем и без пищи. Вели их двоих два конвоира, которые посылали заключенных во встречавшихся населенных пунктах попрошайничать. Татарин — второй заключенный, получил еду, сообразив сказать, что он уголовник. Но не поделился. Леня сначала отказывался идти, считая это унижением для себя. Но от голода все же решился. В доме, куда он пришел, было чисто, пахло хлебом. Но когда он сказал хозяевам, что он «политический», ему ничего не дали. В другом месте одна женщина, узнав, что политический, сама позвала его в дом, где была нищета и несколько маленьких детей, накормила картошкой и предложила немного хлеба с собой. Леня отказался, но она тихонько подсунула ему этот кусочек.

Итак, даже дойдя до лагеря, они могли и не встретиться с дядей, не имея пропуска. Но мир не без добрых людей. Один из служащих разрешил войти им с заключенными во двор тюрьмы, когда их вели с работы. Другой заменил Олей работницу столовой, вроде та заболела. Тетя быстро поменялась с той одеждой, забыв в кармане платья свой паспорт. И если бы та этим воспользовалась, тетя Оля стала бы арестанткой.

Бегая по столовой, тетя Оля тайком взглядывала на мужа, так как нельзя было показать, что она имеет к нему какое-то отношение. И тем не менее, кое-кто это заметил, и арестованные стали подтрунивать над Ленией, что он, самый хилый, поразил чем-то новенькую. Но и он следил за каждым ее движением. Господи, что там Штирлиц!

Все, свидание окончилось. И опять длинная дорога домой. Но уже кое-где на попутках.

А Леня работал, падая от усталости и вечного голодания. Однажды их направили на разгрузку станков. Леня был временно назначен бригадиром. Постоянно его не назначали, так как он считался «немцем». Работу сделали превосходно. Но деньги (1000 рублей) заключенным не полагались, и они попросили их хотя бы накормить. За ними пришли и на второй, и на третий день. На это уголовники, тоже рассчитывающие на кормежку, возмутились: «Как?! Фашистам даете такую работу, а мы же — советские люди!» однако заказчик сказал, что он возьмет бригаду Лени, хотя в ней были и немцы по национальности, пояснив: «Они, сволочи, что-то, а работать умеют!»

Все эти годы тетя Оля жила с родителями и отцом дяди Лени, то есть моим дедом. Как хорошо она говорила о них! Сколько трудностей, голода, холода они пережили, но как берегли друг друга. И в этой нищете подсовывали друг другу куски. А когда (в кои-то веки!) мой отец прислал им немудреную посылку, тетя Лея отдала все деду, так как он был очень слабый.

И после реабилитации трудности продолжались: на работу было настолько невозможно устроиться, что даже уборщицей ее не брали. Естественно, и дядю Леню никуда не принимали. Что ели, где брали лохмотья — трудно даже объяснить.

И в такое время второй папин брат, дядя Коля, сидевший в Печорском крае как немецкий шпион, прислал им письмо, чтобы написали родственникам, что он погибает от дистрофии. Может, пришлют что-то из еды, или, если возможно, лук и чеснок от цинги. Тетя Леля немедленно засушила сухарей, достала масла и колбасы (это в то время, когда семья голодала!) и послала. Говорит, что некогда было даже написать письмо, так как недолго и опоздать.

Сейчас они оба рассказывают, что трудная была жизнь, но и удивительно красивая, так как знали подлинную верность, нежность, любовь, и доброту. Со слезами рассказывает, что, когда Леня вернулся, часто говорил: «Я все-все буду делать, ты заставляй меня. Можешь из меня хоть веревки вить!» Странно, но то же самое говорил ей и мой дед!

И все это потрясло и другим: а мы-то где были?!

Кстати, очень странно было понять политику нашей страны: все братья с одной фамилией, двое сидят как немцы, шпионы, а мой отец — преподаватель теории полетов в столице немцев Поволжья — на свободе! И, разумеется, командованию и в НКВД было известно, что его братья в лагерях. Но дома об этом молчали, «чтобы не наклепать беду». Страшное было время!

Мы жили сами по себе со своим скудным понятием о папиной родне. Деду я, разумеется, не писала, так как не знала, где и как он живет. Знали мамину родню — бабушку и тетю Галю.

И вот только теперь, приехав к ним, познакомилась со своей двоюродной сестрой Наташей, о которой мельком все же слышала. А вот что есть еще одна сестра — Марта — узнала только сейчас.

Конечно, в наш век такая разобщенность — не диво. Но даже после войны, когда все благополучно закончилось, и оба брата остались живы, мы не сблизились с ними, а по одному разу только и встретились. А ведь весь их род — замечательные люди! Иногда кто-то из нас начинал переписку с тремя папиными сестрами и их детьми, но потом все надолго затухало.

Ах, как же мы живем?! И надо ли удивляться, что моя жизнь, несравненно намного более легкая, а точнее — благополучная — не дает мне оснований говорить, что она прожита красиво. Хорошего было немало, но той всепоглощающей теплоты, самоотдачи и доброты не было в той степени, чтобы я могла бы вот так же, как они, говорить — какая красивая жизнь прожита!

В лагере было очень много изумительных людей по характеру, образованию, культуре, профессионализму. Например, столовой заведовал от заключенных генерал выдающихся достоинств. Он выполнял обязанности вместо числящегося заведующего. Конечно, от него не зависело ни обеспечение продуктами, ни количество и качество еды, а чистота и порядок в столовой, обеспечение всех работ заключенными. Вот именно он и помог тете Оле попасть в столовую в день ее приезда на работу по раздаче.

Леню в лагере звали не иначе, как Ганс, а то и фашист. Он, конечно, молчал. «Что ж, — говорит, — с этим воевать? Никому ничего не докажешь. По сути те, кто знал, хорошо ко мне относились, а кто не знал — злобствовали, слыша проявление ко мне похвалы или хорошего отношения».

Трудно было Оле с девочками, так как и их окружала стена вражды и отторжения. Жили они предельно замкнуто, имея немного друзей, на которых можно было опереться.

Сейчас они упоенно любят друг друга, дочерей и обоих внуков. Любовь у Оли смешана с непрерывной тревогой: вдруг нагрянет какая беда.

Дядя удивительно напоминает моего отца: голос, интонация, мимика, жесты, позы, в паузах при разговоре точно так же вытирает нос. У них одинаково теплеет взгляд в разговорах о родителях, братьях и сестрах.

Дом их любовно ухожен. Тетя Оля чистит, трет, как и моя мама, следит за каждой упавшей крошкой. Дядя Леня, как и папа, достаточно неаккуратен. Замечания ему она делает удивительно тактично, спокойно, мягко с ласковыми уговорами. Дескать, как же было бы хорошо, если бы он сделал иначе.

На столе у Вадима под стеклом рисунки, сделанные Сашей, мужем Марты. Среди них два поражают как мастерством, так и неуловимой общностью — это портреты дяди Лени и Паганини. Лицо у Лени изможденное, но глаза светятся изумительным светом, а в нем смесь горечи, особого познания чего-то в жизни, сдержанно-гордого, вопроса, веры, подлинной порядочности. А Паганини — весь в игре. Нет ничего, кроме звуков, а в них изливается одиночество, строгая отгороженность от мира, знание чего-то, что никому не должно знать, горечь. Но ни к кому не обращает упрек — это все о том, что такая судьба. Кажется, что он поднимет сейчас взгляд, а в нем мелькнет Ленино: «Люди, да что ж это вы не можете понять, как трудна, но красива жизнь?! Остановитесь, увидите друг друга!»

Между прочим, в жизни у дяди Лени нет во взгляде скорби, но, глядя на портрет, что-то неуловимое все же узнаешь. Это скорее не портрет, типа фотографии, запечатлевающей что-то сиюминутное в человеке, а своеобразный символ, синтез — портрет судьбы и ее переживания человеком.

На стене висит написанный Сашей портрет Наполеона. Видимо, молодого, до возвышения. Страстно горят глаза. В них фанатизм и непреклонность, как бы психология человека, одержимого рождающейся идеей, но уже видишь, что преград для ее осуществления он не хочет знать. Портрет всесокрушающей силы, не желающей видеть отдельного человека. Это противоположность портретам Лени и Паганини, в которых замечателен точный адрес: с одной стороны, к Человеку вообще, а, с другой,

— именно к тебе, смотрящему на портреты. Это тебя спрашивают, тебе говорят, тебя зовут быть Человеком!

Сегодня был короткий, но очень взволнованный разговор с тетей Олей. Она вдруг, без предисловий, сказала, что у нее, вполне возможно, рак. Наташа мне об этом уже сказала раньше. Год назад тете Оле делали большое иссечение в кишечнике, и диагноз был без вопросов, хотя врач надеялся на радикальность оперативного вмешательства.

И, опережая мои возражения, тетя Оля показала мне свои ногти: они плоские, а ей когда-то говорили про ее брата, что это точный признак. И тут же сказала, что она этого совсем не боится. Беспокоится только об одном — чтобы меньше было хлопот родным и так любимым ей людям. Сказала, что предпочитает пойти за клюквой и утонуть в болоте, добавив с присущей ей нежной интонацией: «Конечно, поволнуются, но поищут, поищут, погорюют, но это все равно легче всего остального».

...У меня тоже на правой руке все более плоские ногти. Я заметила это уплотнение раньше. Но когда она показала мне свои, я глянула — одинаковые на нескольких пальцах. Шутя, показала ей, чтобы ее успокоить. Она в ответ крепко-крепко меня обняла, глаза наполнились слезами и, явно успокаивая меня, сказала, что, наверно, это и в самом деле чепуха. А руку сжала больно-больно...

Наташа, да и они все, видимо, верят в Бога. У Вадима много икон, распятий. Наташа к этому относится терпимо. Тетя Оля тоже обронила какое-то замечание, из которого мне стало ясно, что есть что-то и в ее душе, как и у дяди Лени. Не совсем вера, но что-то близкое.

Я их понимаю: выдержать то, что выпало на их долю, да еще остаться такими человечными, можно лишь при опоре на что-то. Жизнь им дала мало других средств, кроме веры в нечто, лежащее за ее пределами. Понимаю, сочувствую, не осуждаю, ибо это не погоня за модой, а соломинка, державшая в жизни. Однако, я думаю, главной опорой было высшее — вера в людей, доброту, любовь.

Наташа у них несколько иная: более жесткая, нервная. И думаю, что это не только от утраты мужа, а есть у нее своя горечь. Если Леня и Оля, кроме Сталина, никого не винят, то у Наташи что-то глубже. Понять их можно: имея опыт и мировоззрение за плечами, они встречали удары судьбы, умея рассуждать. А Наташа столкнулась с жестокой несправедливостью с первых детских шагов, когда ее на каждом шагу дети дразнили фашисткой! И она отчаянно дралась, защищая этим себя и родителей.

На стене у Вадима фотография: тетя Оля, Марта, дядя Леня и Наташа. И тут тоже у нее иное выражение. Чем у остальных. У тети Оли хорошая счастливая улыбка, у Марты — нежно-трогательное лицо, дядя Леня смотрит с выражением удивительно покоя, а Наташа опустила глаза и вся напряжена. Я представила, что после того, как «щелкнули», тетя Оля вскочила и побежала хлопотать на кухню, весело подгоняя всех и командуя; дядя Леня с готовностью пошел за ней, с удовольствием ожидая поручений; Марта медленно встала, поправила прическу и что-то спокойно сказала. Наташа же резко встала и бросила что-то вроде «ну, хватит!»

Ей и сейчас трудно вдвойне: сказала, что муж был жуткий бабник. Рассказывая, ее глаза метали колючие иголки. «Только, — говорит, — немного начали нормально жить, и все, — конец!» И опять горечь и обида на жизнь, так обездолившую ее. Очень понимаю ее и завидую тете Оле — ее характеру, стойкости, жизнелюбию, всепрощению и свету в душе.

Вспомнила еще деталь. Умер свекор тети Оли, мой дедушка. Он лежит на столе, а ей приносят известие, что сравнительно недалеко сейчас находится Леня, которого по этапу куда-то везут. Ситуация! Это какая же должна быть выдержка! И она

сначала похоронила деда, а потом кинулась к мужу в надежде успеть, застать. Немедленно что-то продала, накупила ему еды. И, конечно, опять жуткая дорога, которую и поездкой не назовешь. Застала, накормила. А Леня спрашивает об отце. Она, едва сдерживая слезы, боится проговориться, говорит о чем-то другом, отвечает невпопад: как же Леня, так любивший отца, уедет с этим неизвестно насколько! Пусть еще поживет хоть чуть-чуть без этого горя в душе. Ах, какая душевная красота!

Дядя Леня рассказывает. Прислали к ним уголовников с Магадана. Один предлагает ему небольшой слиток золота за буханку хлеба. А Леня пожимает плечами: зачем золото, ведь хлеб дороже. Потом, вспоминая, удивлялся такому равнодушию. Сравнивая примерами по литературе, говорит, что есть такие ситуации, когда ценности меряются жизнью и ничем больше. Потом, правда, понял, что и слиток мог быть со временем нужным. Но в тот момент отдать за него хлеб было просто невыносимо.

«Хочешь, расскажу тебе анекдот из жизни?» — спросил как-то дядя Леня. Как-то ему посоветовали попросить больничный, на который давали дополнительное питание. Пришел к врачу, а тот спрашивает:

— На что жалуетесь?

— Есть очень хочу!

Врач даже замер, потом удивленно сказал:

— Да... Такое слышу впервые. Попробую помочь.

И выписал больничный. Так анекдот заключался в том, что произошло какое-то недоразумение, и не только не дали дополнительное питание, но полтора дня совсем не кормили. И кратко заключил: «Страшная штука голод».

Как-то гнали их на работу, и вдруг видят — валяется кусками жмых. Его разгружали для скота. Один заключенный выбежал из колонны, схватил кусок из кучи и сразу в рот. Охранники стали отбирать, а он не отдает. Они втроем свалили его на землю, бьют, а он свернулся комочком, прячет рот в колени, а сам продолжает есть.

— Еда, — говорит, — была важнее всего. Голод сильнее страха и боли. За еду мы готовы были и жизнью пожертвовать. А самое трудное было удержаться от еды после освобождения. Некоторые так и оставались возле нее, умирая от заворота кишок. Не было страха и перед смертью. В лагере, бывало, от жары прячемся в тень, а над нами на волоске висит обваливающаяся порода. Ее размывало водой. Раз она завалила дядю Леню по шею. «Охранник суетится, организует откапывание, а я и не пойму, чего это он всполошился. Потом охранник орал, что, мол, образованный еще называюсь, а не сообразил, где можно, а где нельзя сидеть. Почему не сообразил? Здесь тень. Так тогда и не понял, за что ругали. И дело не в том, что жить не хотелось или смерти искал, просто не было никакого чувства опасности. Жизнь тогда для меня не представляла ценности. Вот утолить голод — это было важно, это мучило.»

Между прочим, интересно: подписав документ в свое время о том, что он немец, он и в самом деле стал считать себя немцем. В общем-то, и сейчас считает. Не знаю, правда, что записано у него в паспорте — не сообразила спросить. На мое удивление сказал, что нет особой разницы.

Дело в том, что, возможно немцы, австрийцы или голландцы были в нашем роду. Следовательно дяди Коли, бывшего на Печоре, с симпатией относился к нему. Он сказал, что хоть просмотрел по документам пять поколений, все оказались русскими. Но, возможно, это обрусели немцы, голландцы или австрийцы, привезенные в свое время Петром Первым в Россию. В общем-то, разницы в том, какой мы когда-то были национальности, нет. Но ни отец, ни я никогда немцами себя не ощущали...

Дядя Леня интересно говорит об искусстве. Он считает, что оно без посредников должно открывать человеку что-то возвышенное, как старинные русские романсы,

песни, а в живописи — как картины русских художников Репина, Левитана, Серова. Совершенно не признает современную эстраду, не согласен, что картины Пикассо — искусство. Любит балльные танцы, художественную гимнастику. Знает актеров кино, легко вспоминает названия фильмов и их содержание. По несколько раз перечитывает рассказы Лондона, Генри, Мопассана, — его любимых писателей.

Тетя Оля читает меньше, наводя в доме безупречную чистоту. Она вяжет спицами и крючком ажурные вещи из тонких катушечных ниток. Говорит, что никогда не воспринимала домашние дела как тяготы жизни. Бывало, устанет на работе, еле приплетется домой и позовет девочек на каток. Вместе покатаются, и «станет как новенькая», по ее словам. И все дела дома переделает с песнями. Рассказывает, что много и красиво пел мой дед, Александр Петрович.

И опять возникает вопрос: почему же мы так мало о них знали? Видно, отец все же был подавлен всеми обстоятельствами. А ведь он всех любил, много и с воодушевлением рассказывал о своем детстве, светлея при этом. Но ни дядя Леня, ни тетя Оля не проявили никаких признаков упрека или напоминания о том, что можно было бы хоть чем-то помочь. Пусть не им, а своему отцу.

Я уже сегодня еду. Я всегда боюсь своего возвращения домой после долгого отсутствия до синевы в глазах, до звона в ушах. Я не знаю, какие очередные неприятности ожидают там меня.

Уезжая, увожу вот эти глаза дяди Лени. Глаза безмерно ранимого и предельно гордого человека, очень сильного, но и в чем-то незащищенного. Они говорят, кричат, призывают:

— Люди, берегите самое главное — душу человека!

ИТАЛИЯ

Как я оказалась в Италии? Этот вопрос вовсе не о том, чем и как я туда ехала, а об истории поездки. Володенька осуществил мою, даже точнее нашу давнюю, почти смешную мечту.

В 1962 году я после долгих колебаний и размышлений уехала с Сахалина. Там у меня почти не было серьезных перспектив в работе, в отличие от Володи, которого приглашали в Южно-Сахалинский пединститут. Посовещавшись, мы решили отправить меня в аспирантуру в Москву, чтобы потом и у меня были основания работать в пединституте. В Москве я подала документы в Институт теории и методов обучения и приступила к подготовке к экзаменам. Абитуриенты, вопреки законам конкуренции, общаются между собой легко и делятся разными секретами на темы «выживания в экстремальных условиях». Так мне рассказали, что в период поступления в аспирантуру можно легко сдать кандидатский экзамен по английскому языку. Такая возможность сулила прямую выгоду: обучаясь потом в аспирантуре, не придется тратить драгоценное время на иностранный язык, никому не нужный в те годы. Дали координаты одного педагога, который за небольшую мзду устраивает этот экзамен без лишней волокиты, но с оформлением необходимых официальных документов, годных в любом институте неограниченное время. Чего уж лучше? И я пошла к этому педагогу. Он оказался весьма древним старичком, но бодрым и без излишних комплексов. Лишь для приличия он сунул мне текст для прочтения и последующего пересказа его содержания. Текст меня озадачил своей предельной простотой: адаптированный для средней школы рассказ об итальянских городах, их музеях и памятниках. Прочла быстро и начала пересказ на английском языке, — для такого содержания моих небогатых знаний вполне хватало. «Дед», как его звали между собой абитуриенты, искренне изумился. Мне не сразу это стало понятно, ибо его изумление было таким выразительным и явно положительным. Вроде не с чего. Чуть позже догадалась, что к нему идут обычно те, кто и прочесть толком не умеют, не то что пересказать на английском.

Далее его реакция еще больше удивила меня. Он спросил, откуда я так хорошо знаю язык, — разве я была в Италии? Какое отношение знание английского имеет к пребыванию в Италии — вопрос потешный. Не дав мне ответить, он тут же сам себя опроверг: «Ах, что я говорю? Вы же родились после революции. Это в те годы многие бывали в Италии, Франции».

И пошел вдохновенно рассказывать, как он бывал в дореволюционные годы в Италии, как он полюбил ее, как его любовь передалась его племяннику, и это он писал книжицу, данную мне для перевода. Свою речь он частенько перебивал нелепыми вопросами: «А в Милане Вы были? Ах, ну, что это я, Вы ведь не были вообще за границей, — и тут же снова: — Неужели и во Флоренции не были? Ах, какая досада, съездите непременно. И Ватикан не видели? Нет, непременно посмотрите».

Свою пятерку я получила вместе с необходимыми документами. Преподавателя этого я больше не видела, но в нашу жизнь он вошел постоянной шуткой: «Как, Вы и в Риме не были?! Как можно? Надо, надо поехать непременно».

В нынешние времена эти шутки надо еще объяснять, ибо современные люди не увидят тут ничего смешного. А для нас поездки за границу были исключены полностью. Поэтому более невероятного, чем положительный ответ на вопрос, бывали вы в Италии, представить трудно было. Кстати, спустя несколько лет во время моей работы в Харьковском Университете меня пригласили в Югославию с предложением почитать

лекции в Сараево. Все расходы брала на себя приглашающая сторона, и тем не менее меня так и не выпустили, хотя были все необходимые разрешения. Так и замотали мое дело, придумывая все новые отговорки.

И вот настали времена, когда стало можно поехать. Я не задумывалась о такой поездке, а Володя, прочитав в газете объявление о туристической фирме, приглашающей в Италию, сказал, что с тех самых пор он считал делом своей жизни отправить меня туда. От неожиданности я чуть-чуть посопротивлялась, но совсем недолго, ибо, конечно, от такой перспективы дух захватило. Это был конец лета 1996 года.

Короче говоря, Володя сказал, что хватит проедать деньги, пора ехать в Италию. Нашлась туристическая фирма в Харькове. Я связалась с ними, «как черт с младенцем», потому что из-за волокиты, задержки и обещаний мне вскоре совсем расхотелось ехать. Но тут они отправили меня в Киев, уверяя, что теперь все в порядке. Это было явное преувеличение, так как меня там никто не ждал: оформляли мне визу и покупали билеты уже после моего приезда в Киев. Весь день я просидела у них в офисе, если так можно назвать эту дыру, нагладелась на их «порядки», и только после 19:00 получила документы. Визу сделали общую, в результате чего пришлось решать очередную проблему: надо было где-то снять копию, так как группа, куда я была включена, уезжала на неделю раньше меня, естественно, увозя визу. Это, правда, была не единственная «шуточка» фирмы. Уже после прибытия в Италию выяснилось, что нас встречает не знающий русского языка итальянец, говорящий по-английски. С ним могла общаться только одна высокомерная армянка, от которой мы редко узнавали, о чем он нам рассказывал. Позже выяснилось, что этот молодой человек — хозяин нашей гостиницы. Он нередко сам водил или возил нас, и тогда многое оставалось непонятным. Правда, во всех больших городах к нашей группе приходил кто-то из русских гидов. Значительное число поездок прошло в сопровождении одного из друзей нашего хозяина, знавшего русский вполне прилично, женатого на русской женщине, которую он брал с собой. Они оба были милы и внимательны, рассказывали много и интересно. Так или иначе, но наша туристическая фирма плохо договорилась об организации нашего путешествия.

Названные недостатки вдобавок осложнялись составом группы. Основную ее часть составляли жители одного города, премированные данной поездкой фирмой, которая им гарантировала, что все оплачено, включая экскурсии и еду. На деле оказалось, что из еды — только очень скромный, хотя и вкусный, завтрак, а все экскурсии за свой счет. Не зная об этом, некоторые приехали, имея с собой только по 50 долларов. Как позже оказалось, стоимость одной экскурсии от 20 до 40 долларов, а в Рим — 75. Но это их не сильно расстроило, так как большинство интересовалось в первую очередь оптовыми базами, оправдывая это тем, что знакомые дали им деньги, заказав различные вещи, в том числе дорогие. То есть деньги у всех с собой были, но тратить их на экскурсии то ли жалели, то ли в самом деле не могли.

Перед поездкой Володя прочитал мне большую статью об уникальной неразберихе, нищете и бесхозяйственности в нашей матушке — России. Поэтому могу воскликнуть «Узнаю тебя!» и не теряю надежды.

Первые впечатления

Аэропорт в Анконе очень напомнил мне Южно-Сахалинск. Не без проблем прошли пограничный досмотр. Самолет был из Киева, и украинцы быстренько устроили толкучку по высшему классу. Таможенники пропускали только по группам (их было четыре), но каждая пыталась прорваться раньше тех, кто стоял впереди. Понят-

но, что передние держали оборону, стоя «на смерть», по принципу: «Ни шагу назад!» Теперь я воочию убедилась в правоте рассказов о наших эмигрантах, которые в любой стране организуют до боли знакомый «совковый» мир.

Зато за дверями сразу началась Италия. Чисто. На каждом шагу что-то для мусора, и, тем не менее, повсюду ходят уборщицы, подметая и убирая.

Нас ждал шикарный автобус, который должен был доставить к месту нашего постоянного пребывания — в Сенигаллию. Дорога ровнехонькая, вся огорожена какими-то барьерчиками, сеточками, размечена белейшими полосами разного типа. Вдоль дороги невысокие деревья, кусты типа бамбука, огороды, поля с небольшими участками кукурузы и чего-то мне незнакомого. Дома все чистенькие, гладенькие, разноцветные и невысокие (один — два этажа, и редко три), но при этом очень компактные. Около каждого дома ухоженные палисадники. Ехали недалеко от моря, а между ним и нами шла железная дорога. По ней через 10 — 15 минут вихрем проносились электрички. У нас таких и в помине нет: красивой обтекаемой формы, а уж о скорости и говорить нечего (около 200 км/час).

Очень любопытно, что все это время мои спутники выясняли, когда и на какие базы можно ехать, лишь изредка вспоминая, что надо посмотреть в окно.

В гостинице нас уже ждали. Из аэропорта туда позвонил наш «английский» итальянец Альберто. Встретили радушно, быстро и без особого надрыва распределили по номерам. Мне дали номер на верхнем третьем этаже. В номере две кровати, но обещали, что я буду одна. Сразу бросились в глаза детали, отличающиеся от номеров наших гостиниц: одних полотенец шесть штук трех размеров; необычайной белизны (даже для нового белья) простыни длиной в два с половиной метра. На окнах жалюзи. Вид из окна на такие же красивые гостиницы и море. Зато ничего нет для еды: стаканов, тарелок или чашек, как у нас в таких номерах. Нет даже графина для воды. Один стул, хотя две кровати. Балкона у меня нет. На полу, похожем на каменный, нет ковров. В общем, приятно, но ничего сверхособенного. Значительно позже узнала, что эта гостиница второго разряда, хотя нас уверяли, что поселят в третьем разряде. Думаю, разница эта у них заметная. Правда, мебель вся новая, стены гладко выкрашены. Обоев нет. Вода тепловатая, но очень чистая и приятная на вкус. Ванна удобная красивая, но оказался засоренным сток. Пришлось сказать хозяйке. Она, мне показалось, не совсем поняла, что я имею в виду. Позже мне стало ясно, что это я ее не поняла. Она мне объясняла, что сезон закончился, мы последние туристы перед закрытием гостиницы. К новому сезону все отремонтируют. Понаблюдав за ведением хозяйства в Италии, я с уважением отнеслась к тому, что они умеют рассчитывать и экономить. В самом деле, пригласить сантехника ради одного водостока невыгодно, гораздо эффективнее и дешевле делать потом сразу ряд ремонтных работ, необходимость в которых выявится при общем ремонте всего здания. Вполне разумно. Она мне показала, что сделать для большего удобства мне самой, и тем самым не ставить ее перед лишним расходом. Правильно. Жаль, мы не всегда дома умеем так рассчитывать. Вся жизнь у нас была бы гораздо лучше благоустроена. Делаем много лишнего, не обеспечив главного. Одним словом, «Тришкин кафтан» — это наш стиль во всем.

Сенигаллия

Город внешне похож на Ригу, Таллинн или Юрмалу. Дома красивые, загородки решетчатые и обвиты зеленью — цветами и ягодками типа калины. Много очень интересных зданий. В том числе остатки древней крепости, знаменитой в Италии. Кстати, одно из ее сооружений разрушено в наше время большим землетрясением.

Частью этого комплекса является небольшая площадь, типичная для средневековья. Алберто говорит, что каждое утро тут рынок, где продают все, включая рыбу, мясо и овощи. Но во время нашей экскурсии она выглядела такой чистой, без каких-либо пятен и мусора, будто служит только памятником архитектуры.

Чистота везде идеальная. Даже для сбора мусора стоят красивые и очень чистые баки наподобие плотно закрытых сундуков. Я нигде не видела ни одной мухи. Эти баки я сначала приняла за почтовые ящики, и об их назначении догадалась только тогда, когда подошла женщина с мусорным кульком, нажала ногой рычажок вниз и в открывшийся бак выбросила свой пакет.

На улицах много ваз с цветами дивной красоты. Магазины много, но в них нет покупателей. Говорят, что Сенигаллия летом наполняется туристами, и в это время жители набирают деньги с приезжих на все оставшееся время.

Люди, в основном, ездят на мотоциклах и велосипедах (смешно, но видела много марок украинского производства). Ставят их около домов по всему городу, не заботясь об охране. На многих велосипедах впереди укреплены корзины для покупок. Их цвет почти всегда соответствует цвету крыльев у велосипеда, что очень красиво.

Были в пиццерии. Пицца тоненькая, а начинки много. Очень вкусно. Привлекло внимание большое количество бумажных салфеток на столах. Скоро объяснилось это расточительство: итальянцы берут их горстями, да еще и не один раз, накидывают в итоге на пустые тарелки их горками. Мне это не показалось признаком хорошего тона, — выглядит неаккуратно, вступая в противоречие с окружающей красотой.

Сейчас собираемся сами ехать в Римини, смотреть на Италию в миниатюре. Говорят, это очень интересно.

Римини

В отличие от Сенигаллии это большой город. Наверное, жить там туристам было бы интереснее. Билет в оба конца стоит 10 тысяч лир (на американскую валюту 60 центов). В Римини заплатили за автобус и еще 18 тысяч за посещение городка. Цена аттракционов внутри выставочного комплекса включена в стоимость билета. Вокруг городка на высоте примерно десятиэтажного дома проложена железная дорога. По ней совершается объезд вокруг всего комплекса сооружений. Прекрасный обзор. В комплексе «Венеция» воспроизведен центр этого города с прилегающими водными каналами. По краям канала стоят копии венецианских домов, а по каналам струится вода. На гондole мы смогли поплавать по «Венеции». В конце этого путешествия нас ждал сюрприз: водная гладь вдруг резко оборвалась водопадом, и лодка почти вертикально устремилась вниз, обдавая нас брызгами. Визгу-то было! Я, честно скажу, немного позлорадствовала: впереди при посадке в лодку, оттолкнув меня, сели те самые высокомерные армянки, о которых я уже говорила. Они-то хотели выгадать и неожиданно попали в водопад. Мне досталось значительно меньше.

Впечатления всякими «Ох! Ах! Фантастика!» не выразить. Это — современное чудо света. Здания, замки, уголки природы сделаны с такой тщательностью, искусством и любовью, что захватывает дух. По почти игрушечным каналам плавают яхты, лодки, по автобанам ездят машины, по железной дороге — поезда, текут реки, падает вода на водопадах и откуда-то звучит музыка, соответствующая конкретному памятнику европейской архитектуры. Среди собрания этих памятников есть не только Италия, но и другие города Европы: Париж, Вена, Прага и что-то из Германии. Сама я надписей не видела, а мои спутницы говорили между собой по-армянски, не считаясь со мной. Я же боялась отстать от них, так как именно они свободно владеют англий-

ским языком. Мне же мешало не только слабое знание языка, но и зрение: никаких надписей я прочесть не могла бы и по-русски.

Доставили большое удовольствие мини-путешествия в городке. Поезд над городком едет неспешно по сложному маршруту, так что все можно хорошо рассмотреть. В «Венеции» в лодку село 12 человек. И вдруг поплыли, неизвестно как, ибо не было ни моторов, ни весел, а просто плыли и все тут! Дома «Венеции» изумительной красоты. Жаль, что тут не было музыки. Впрочем, за нами плыла шумная компания подвыпивших мужчин, которые под а-ля «Шумел камыш» пытались петь. Хорошо, что их музыкальных сил надолго не хватило — видно, устали.

Затем был аттракцион в водяном желобе на лодке. Прошу простить повторение рассказанного выше. Опять-таки фантастика: вода заполняла желоб на всем его немыслимо закрученном в пространстве пути. Мы то поднимались, то спускались, в конце опять ринувшись вниз почти отвесно, при этом вода окатила нас с головы до ног! Я сидела последней, поэтому замочила только рукава.

Ко всем впечатлениям надо добавить аромат воздуха и всяких растений, яркие краски, звуки... Да разве «шершавым языком плаката» передать всю массу впечатлений?

И лейтмотивом в душе бесконечно звучит: «Володенька, спасибо тебе, родной! Я не заслужила такой красоты. Во всяком случае, просто кощунство, что вижу все это одна».

Ко всем впечатлениям еще несколько слов о транспорте. Туда ехали поездом «Анкона — Милан». Мало того, что мчались ураганом (кто-то пошутил: «Не поезд, а катапульта»), так еще и попали в вагон первого класса как чучмеки. Поясняю. Поезд встал, а двери не открываются, и мы побежали вдоль вагонов. Наконец, увидели открытые двери, вскочили: «Красота-то какая!» Сиденья бархатные, кругом зеркала. Едем, любимся вагоном и видом из окна. Появились ревизоры, попытались нам что-то объяснить, но девочки шутили, хохотали и кокетничали, сказав, что мы из Украины. Те махнули рукой, но улыбнулись, сделав вид, что запрут нас и не выпустят. Но остаться разрешили. Нам потом сказали, что обычно за это хорошо штрафуют. При нас одного пассажира оштрафовали, но не знаю, на какую сумму. Он попытался спорить, показывая в нашу сторону, — дескать, их же простили, но его аргументы во внимание не приняли.

Обратно ехали на электричке, а это чуть медленнее. Вагоны попроще, но не чета нашим. Все отделано дерматином, похожим на нежнейшую кожу, все целое, чистое, будто вагоны только пустили к нашему приезду. В Римини мы видели двухэтажные электрички, верхний этаж у которых типа мансарды. Крыша полукруглая стеклянная, сверху затемненная. Сиденья такие же, как и внизу.

В каждом вагоне туалет домашней чистоты, напоминает туалеты в самолетах-аэробусах. Кстати, у нас, когда хотят сказать что-то унижительное о грязном помещении, говорят: «Как в общественном туалете». У них все отделано целой плиткой нежного цвета, вся сантехника изумительной формы. Почему «целой»? Да потому что у нас плитка, в основном, разбита или частично отсутствует. Впечатление, что пытались скovyрнуть для домашних нужд — в магазинах-то ее не всегда продают. Грязи нет даже на полу. Куда они ее девают?! Впрочем, сегодня утром видела уборку в городе: тротуары моют щетками, тенты обрабатывают пылесосами, стены кафе и палаток, а также окна обтирают специальными щетками. «Дикари! Аборигены!» — возмущалась «мисс причал 490» из фильма «Плащ Казановы».

И на рынке, как бы в пояснение мне, сегодня увидела, почему не остается грязи. У каждого торговца тент, под ним амфитеатром настил, на котором стоят ящики с

овощами и фруктами. Покупатель сам себе набирает в специальную корзинку товар. Продавец сортирует покупки, взвешивает на электронных весах, складывает в бумажные пакеты, а потом все укладывает в целлофановый пакет. Получив за покупку деньги, дает чек, а во время укладки все показывает и пунктуально суммирует. И, конечно, все любезны и предупредительны.

Я купила виноград с ягодами размером со сливу, какие-то фрукты, размером с хороший помидор фиолетово—синего цвета с косточкой чуть больше вишневой, и что-то еще желтого цвета со вкусом, напоминающим сливу. Еще купила маленькие помидорчики, которые потом оказались жгучим перцем, горечь которого я едва заела. Купила огромный перец (размером с кабачок), огурцы, лук, салат, потому что овощей нам не дают. Да и любопытно купить что-нибудь, не похожее на привычные фрукты и овощи.

Через час едем в Анкону в магазины. Еду и я, хоть оптовых замашек у меня нет. Просто очень любопытно. Вещей интересных немало, глаза разбегаются. Однако по сравнению с нашими ценами, здесь недешево. Правда, можно выбрать то, что понравится. Больше приобретаю что-то из сувениров: не тяжело, не дорого, но интересно. А на серьезные вещи мне деньги жаль тратить, ведь не знаю, сколько уйдет на экскурсии.

Супермаркет в Анконе произвел впечатление, во-первых, своим размером: в два этажа, площадь которого примерно четыре московских Манежа; во-вторых, разнообразием товаров, а, в-третьих, спецификой обслуживания.

У входа стоят огромные чистые и блестящие тележки, примкнутые цепью с особыми замками. Вкладываешь в щель 500-лирную монету, проталкиваешь ее специальным устройством и замок открывается. Монета торчит в щели, но ее нельзя вынуть до тех пор, пока не привезешь тележку и не присоединишь ее к системе. После этого монета вам возвращается. Таким образом, оказывается, что пользование тележкой бесплатное. Набрав товары, идешь к кассе, где по товарному чеку производишь оплату. Купленный товар укладываешь в пакет, который дает кассир.

Забавно получилось с очками. Я решила купить себе темные очки. На них прикреплена какая-то толстая бляха-прищепка — мерить не мешает, но и снять ее нельзя. Оказалось, что после оплаты надо подойти к особой кассе, где специальным прибором ее мигом снимают. Напомнило наручники.

Кстати о наручниках. Друг нашего хозяина Маурицио сказал, что если тебя задерживают за серьезное нарушение, сразу защелкивают наручники. Например, у них строгие порядки на дорогах. Так, за превышение скорости: штраф \$500. По автобану можно гнать со скоростью 160 км/час, а в городе, естественно, меньше. Если украл машину, тюрьма на 10 лет. Говорят, что у нас дают год-полтора, потому, видимо, и воруют.

Въезжая или выезжая из города, водитель должен платить. Плата зависит от расстояния или других условий, но вполне умеренная. Например, между Сенигаллией и Анконой она составляет 5 тыс. лир, то есть около трех долларов. Деньги идут, помимо налогов, только на обслуживание и ремонт дорог. Зато какие дороги!!! Наказание ожидает тех, кто пустит эти деньги на другие нужды или плохо проконтролирует их вклад: это чревато штрафом, потерей работы или даже заключением в тюрьму. Маурицио говорит, что государственная собственность для итальянцев — святое, и правила, в основном, никто не нарушает.

В супермаркете я все же кое-что купила. Прежде всего, Володе. Я ему накупила бы там кучу вещей, но он категорически запретил тратить на это деньги. Однако удержаться трудно. Купила и себе обувь, хотя цены такие же, как у нас. Но не смогла ничего не купить себе на память. Вообще, цены кусаются, хотя кое-что и дешевле. Если, не торопясь, присмотреться, то можно что-то приобрести дешево. Вот техника у них,

значительно дешевле: большой телевизор фирмы Филипс стоит 250 долларов, радио— аудио-плеер — 8, а уж очень «накрученный» — 15 долларов. Стиральная машина, как у меня, меньше 200.

Так, все, ЕДУ В РИМ!

Рим

Недаром волновалась перед поездкой, проспав всего 1,5 часа. Это, конечно, немного помешало, но не очень. Жаль, что описать все увиденное моим неотесанным, кривоватым и сухим языком трудно. Помочь в этом могли бы купленные там альбомы и открытки, но к ним необходимо добавить живой взгляд и взволнованное дыхание.

Опишу сначала поверхностные впечатления. Путь к этому огромному городу идет по красивейшим местам. Из того, что я раньше видела, это напоминает палитру Сахалина, зеленую часть Армении (Гарни, Гехард), некоторые места Харьковской и Полтавской областей. Из всей этой суммы все равно трудно извлечь нечто неповторимое: дороги, тоннели, которых около 40 штук, особый колорит участков около домов, сады, огороды, туман, пронизанный солнцем, внезапно возникающие древние замки, стены и церкви на вершинах гор. И еще совсем странное — почти полное отсутствие людей по всему пути, составившему больше 300 километров. Это впечатление не исчезало и после выхода из автобуса у бензоколонки, в баре, где видишь, кроме барменов, очень редких посетителей. Даже мелькнуло сравнение с Италией в миниатюре, где стоят дома, тянутся дороги, растут деревья, цветы, огородные культуры, только все это «неживое». И вот сейчас оно выросло до натуральной величины, а мы превратились в тех людей и автобусы, что изображены на макетах. Однако это все были лишь дорожные впечатления, а Рим оказался просто забит людьми.

Нельзя не рассказать о нашем автобусе. Это двухэтажный пятизвездный лайнер немыслимой красоты. Ехали мы на втором этаже, взирая на все с непривычной высоты при огромной скорости. Все проносилось настолько быстро, что сначала не успевали многое рассмотреть. Позже я приноровилась осматривать, по возможности, то, что удалено от нас.

Первой неожиданностью в Риме оказалось, что он состоит, в основном, из узких улиц. Иногда появлялось опасение, что вот-вот мы заденем и сшибем своим лайнером стены домов или, что еще хуже, великолепные в своем архитектурном могуществе крепости, дворцы, замки и т.п. Кривизна улиц была такая, что напоминала езду по горным серпантинам с тоннелями. Даже удивительно, что все благополучно закончилось.

А в Риме... Попробую рассказать. Конечно, более всего потрясли собор Святого Петра и Колизей. Мне трудно было не заплакать, оказавшись внутри Собора в Ватикане. Внутренняя его часть огромна (примерно 150 x 120 x 170 метров) и потрясающе красива: скульптуры и мозаика, выполненные величайшими мастерами, огромные колонны, купола и прочее. Потрясает еще и то, что все это пронизано светом, воздухом и, я бы сказала, ощущением свободы. От этого в тебе что-то устремляется куда-то вверх, в бесконечность. Это чувство совершенно не похоже на то, что я испытывала даже в самых лучших православных храмах. А какие там реликвии! Мощи самого апостола Петра; ниша, где хранится настоящее копье, которым пронзили Иисуса; полотно, которое ему дала по пути на Голгофу женщина, чтобы он обтер кровь с ран. И одно дело — знать об этом, услышав или прочитав, а другое — стоять рядом и смотреть, да еще в пронзительной красоте Собора, наполненном дыханием Высших Сил.

Спустились в подвал, где находятся помещения для служб представителей разных регионов католической церкви (поляков, литовцев и других). К сожалению, гид

не дала нам подняться на верхние ярусы под купол Собора, пояснив, что надо долго стоять в очереди на лифт, а потом идти по трудному пути. Она даже красочно описала, что некоторые люди не выдерживают и падают в обморок. И хотя мы были готовы к преодолению этих трудностей, подчинились еще и из-за напоминания о том, что должны явиться к нашему автобусу точно в назначенное время. Из-за большого количества туристов автобусы подгоняют строго по расписанию, и стоять им в ожидании групп категорически запрещено дольше 10 минут.

Небольшое, но существенное пояснение к слову «категорически». В Италии все, кто находятся на государственной службе, держатся за нее «зубами». За четкое исполнение своих обязанностей им предоставляются огромные льготы. Заключаются они в высокой зарплате, премиях в размере трех-четырех окладов ко всем праздникам, стабильности работы и уважении граждан. Конкурс на каждое место в случае его освобождения доходит до нескольких сотен человек. А в итоге — «гаишники» не только не берут взятки, а надевают наручники нарушителю, предложившему деньги. И стороны обоюдно придерживаются закона, всячески избегая возможных неприятностей. Полицейские здесь встречаются на каждом шагу.

Посмотрели, как готовят площадь к еженедельной службе Папы, которая проходит по средам. Видели, как шли певчие хора на вечернюю службу. Видели солдат специального полка Ватикана, одетых в старинную одежду дома Медичи.

Теперь Колизей. Казалось бы, развалины, да еще столько раз виденные и в кино, и в макетно-восстановленном виде. Однако поволновались все. Например, когда увидели место, где умывались гладиаторы, которым удавалось остаться в живых. Это место называлось «Фонтан плача». И дело даже не в том, что нам рассказали, сколько и каких костей было откопано в подземелье Колизея. А плакали потому, что все время казалось, будто нас окружают тени предков. Банальным такое выражение кажется только до тех пор, пока сам не попадешь в такую же ситуацию. Невольно представилось, что кто-то из тех людей стоит рядом с нами, но в другом измерении, давая почувствовать величие и красоту сооружения, и трагедию людей, вынужденных увеселять желающих испытать острые ощущения. Между прочим, не все гладиаторы были рабами, среди них бывали и свободные граждане Рима, желавшие в мирное время прославить свое имя мужеством на глазах у тысяч зрителей.

Современные архитекторы потрясены техническими деталями и решениями постройки: Колизей вмещал 50 тысяч человек, а войти в него и выйти можно было за 15 минут: до такой степени было все продумано. Над огромной ареной, имеющей 500 метров в окружности, натягивали тент. И вот все это служило жестоким и, в то же время, таким виртуозным зрелищем... Невозможно передать всю гамму ощущений.

Из всего увиденного хочу кое-что отметить.

Проезжали район, где лучшие во всей Италии оливки, масло из которых зеленого цвета, густое и очень насыщено витаминами. Оно считается целебным средством. Рекомендуются пить чайную ложечку такого масла натощак.

Проезжали город, в котором проходят популярные фестивали лирической песни. Там начинали свой славный путь все популярные певцы, включая Лучиано Паваротти.

Любопытная деталь из разговоров: итальянцы почти не пьют крепкие спиртные напитки, так как хорошо знают их губительное свойство. Они понемногу пьют вино после еды, — в этом случае оно помогает пищеварению. Прием вина до еды блокирует ферментные процессы, в результате чего из пищи усваиваются яды и вредные минералы, а все полезное не усваивается. Поэтому, говорят они, у русских столько болезней. Италия же славится во всем мире как страна, где сложился экологически

превосходный вариант питания. Единственное, что у них не отвечает этому — страсти к соусам, от которых накапливается жир. Для уменьшения этого вреда они употребляют много специй.

Завтра, 2-го октября, собираемся ехать в Сан-Марино. При обсуждении поездки опять был «базар». Больше всего шумели о дороговизне поездки (\$ 30) те, кто постоянно настаивает на посещении торговых баз, складов и супермаркетов. Многие из них уже закупили аппаратуру, кожу и меха, стоимость которых можно представить...

Сан-Марино

От Сенигаллии ехать около часа. Дорога после Римини идет вверх, и еще издали видны на горах крепости и древние постройки. Дорога сначала вилась серпантинном между деревьев, а потом между высокими кирпичными стенами, как в желобе.

Республика Сан-Марино очень живописна, а вид оттуда просто сказочный. Жаль, что панораму вскоре скрыл проливной дождь. Говорят, он там чуть ли не ежедневный. Живописные узкие кривые улочки, идущие вдоль склона гор. Часто неожиданно с другой стороны они ограничены башнями или высокими крепостными стенами. Великолепны малюсенькие магазинчики размерами с комнату, которые удивляют непривычным размещением разнообразных товаров: прямо на рамах входных дверей висят бусы, серьги, брелки, зонты; снаружи на подоконниках лежат кошельки, пояса, сумки и прочие товары небольших габаритов. А что делается внутри, просто невообразимо: все навалено в коробках везде, где есть хоть немного места. И не боятся, что украдут. Продавец даже не выглядит бдительно-напряженным, как в наших магазинах. Если быть точнее, то наши продавцы, похоже, даже ждут, когда кто-нибудь засунет себе что-то в карман или за пазуху. Разве не так?

Когда начинается дождь, итальянцы либо немедленно раскрывают над собой огромные зонты, либо тут же заходят в ближайший магазин за новым. Стоят они очень дешево, поэтому я не удержалась и купила себе, хотя зонт со мной был. Его цена составляет всего 10 тысяч лир, то есть столько же, сколько стоит легкий перекус в кафе. Я бы купила их несколько, но именно в этот момент обнаружила потерю в 100 тысяч лир. Хорошо, что были еще и мелкие деньги. К тому же я стала успокаивать себя, что их будет тяжело везти. Однако я поняла, что если на следующей неделе, как планирую, снова попаду в Сан-Марино, я смогу не учесть этот аргумент: разнообразие форм, размеров и окраски так велико, что нужна большая сила воли, чтобы удержаться и не купить.

На обратном пути Маурицио завез нашу страждущую команду в супермаркет «Джоленд». Вот это было настоящее потрясение! Даже после Анконы было чему удивиться. По размеру он меньше, но потрясло разнообразие товаров — это что-то фантастическое! Чтобы пройти мимо любого отдела, нужно было немалое мужество. Маурицио обиделся на наших туристов за то, что ему пришлось ждать всех намного дольше сверх договоренного времени. Я его прекрасно поняла, ибо и мне пришлось коротать время с ним на пару. Но он ведь не представляет скудность товаров в наших магазинах, вследствие чего люди, не истратив последнюю тысячу лир, не смогли уйти. Какой хозяйственный отдел, хлебобулочный, кондитерский, а какая кулинария, рыбный, мясной отделы! О, мама миа! Какие меха, куртки, электро- и спорттовары! Список подобных товаров можно прочесть и у нас в универсамах. Но там это, как я теперь понимаю, выполняет лишь одну функцию — указателя, где искать эти отделы. Здесь видишь их богатое разнообразие и оформление на уровне музейных экспонатов в старинных залах. Конечно, и у нас кое-что появилось за последнее время, но по сравнению с тем, что здесь, — «кот наплакал», не говоря о том, что продукты из Польши

или Турции особым вкусом не отличаются. А здесь — мясо вкуснейшее, колбаса превосходная, сыр изумительный. Короче, на описание всего не хватит слов в превосходной степени.

В Сан-Марино было еще одно потрясение: туалет. О первых своих впечатлениях я уже рассказывала. Добавлю, что отделано все изумительным кафелем, раковины и унитазы необычной формы, трубы сверкают своей «нержавеющей красотой» и безупречная чистота. Здесь, выйдя из туалета, все рассказывали друг другу одно и то же, возбужденно размахивая руками и хохоча до упаду. Поясняю. Заходишь в туалет, видишь ряд дверей. Открываешь одну из них за блестящую ручку необыкновенной красоты и формы. Прикрываешь дверь и хочешь включить свет, так как становится темно. Быстро распахиваешь дверь, ища выключатель снаружи. Огорченно отмечаешь, что и там нет даже намека на него. Обреченно вздыхаешь, рассчитывая рассмотреть, как и куда будешь «действовать», когда окончательно закроешь за собой дверь. Но только запираешь ее, как все озаряется нежным светом! Открываешь дверь — свет гаснет, закрываешь — снова загорается. В радостном возбуждении проделываешь это несколько раз. Но потом так же судорожно ищешь, как слить воду, хотя теперь подозреваешь, что и это произойдет без тебя, все предусмотрено. Убеждаешься, когда выходишь наружу и закрываешь дверь: сзади тут же раздается шум сливаемой воды. Облегченно вздохнув, идешь к умывальнику, и тебя снова бросает в жар: в кране только носик, а открыть воду нечем. Растерянно подносишь руку в намерении найти что-то снизу, как на руки уже течет вода. Убрал руку — вода не течет. Рядом стоит пузырек с шампунем для мытья рук. Наливаешь его и только тут понимаешь, откуда этот нежнейший аромат в туалете, который уже при входе тебя удивил.

Как все это может не потрясти нашего человека? И смешно, и грустно. Но еще больше обидно, мои соотечественники, что в нашем отечестве нас не считают за людей, да и мы, привыкнув к этому, не уважаем ни себя, ни друг друга. Вспоминается рассказ Евтушенко, как его сосед в самолете, житель одной из стран Азии, выйдя из нашего туалета во время промежуточной стоянки в нашем аэропорту, сказал уборщице, что там кончилась туалетная бумага. Как бы он удивился, продолжал поэт, если бы узнал, что она там никогда и не начиналась. Мы и домой-то возем ее только из Москвы. Как-то Татьяна Снегирева пришла с улицы и смеялась: — Только что видела женщину, которая, нанизав рулоны туалетной бумаги на шпагат и нацепив на шею в виде огромных бус, гордо шла с довольным видом к метро. Я подумала, была бы хорошая подпись к такой фотографии: «Счастливая женщина!».

В истории Евтушенко было продолжение. Он перевел уборщице, что хотел от нее иностранец. Она возмущенно дернула плечом и ушла, вернувшись через несколько минут с кусками газет в руках. Иностранец совершенно не обратил на это внимания, а Евтушенко горестно рассмеялся: ему-то было очень хорошо понятно, что это значит. Понятно и стыдно за страну.

Не подумайте, что здесь у людей жизнь безоблачная, у них просто другое мироощущение. У местных жителей тоже есть свои проблемы, которые они иногда весьма бурно обсуждают. Интересно, что когда они не общаются с туристами, у них даже походка другая, иной тип разговора и т.д. Вот маленькая деталь. Наша орда, подолгу обсуждая проблемы покупок, готова из Маурицио и Альберто вырвать лишний доллар, как только начинается обсуждение оплаты очередной экскурсии. Делают это они весьма шумно и скандально, даже не замечая, насколько унизительна вся эта ситуация. Все были извещены, что за поездку в Сан-Марино Маурицио назвал минимальную плату в 30 долларов, куда вошли оплата только за аренду автобуса, бензин и дорожные налоги. Стоимость его труда за целый день работы, включая саму поездку в качестве

шофера и гида с ездом в магазины, сюда не входила. Никто не задумался, что он целый день был голодный, уставший, по полтора и больше часов ожидал туристов сверх договоренного времени, да еще оплатил штраф из-за этих задержек. И, тем не менее, мои спутники выторговали у него еще по 2 доллара, заплатив по 28. Деньги он взял молча, но о Сан-Марино толком ничего не рассказал, наверняка обидевшись. Когда наша группа осталась без него, я им сказала и об оплате экскурсии, и о том, что они довольно-таки бестактно подолгу обсуждают с ним же, в каких местах смогут купить подешевле меха, кожаные куртки, аппаратуру и прочую «мелочь». Можно представить, что я услышала в ответ, кроме того, сколько всего он еще «должен» нам сделать. Но, видно, до кого-то все же дошли мои слова, потому что, когда мы приехали в гостиницу, одна женщина стала перед ним извиняться. На это он очень вежливо ответил, что нет проблем. А мне тихо сказал, огорченно вздохнув, что не только дико устал, но и потерял в этот день «хороший бизнес», отказавшись из-за нас от выгодного предложения. И, представьте, тут же стал помогать разгружать из машины свертки, давая советы о покупках на завтрашний день. Потрясающе! Одновременно я выяснила, что он не нанят работать с нами, а помогает Альберто, хозяину гостиницы как друг. Во-первых, он знает русский язык, а во-вторых, Альберто уехал по срочным делам. Все это я отмечаю потому, что этот человек горд и свободен. И на его фоне мы выглядим убогими и закомплексованными. Я считаю, что это нахальное поведение исходит от нашей несвободы и вечной униженности. Ведь только в нашей стране остряки могли придумать поговорку: «Я начальник — ты дурак, ты начальник — я дурак».

Или вот другая деталь. Когда начался ливень, Маурицио, не имея с собой защиты от дождя, пошел и купил накидку, чтобы отвести желающих на самую высокую точку Сан-Марино. Вернувшись назад, он получил выговор от нескольких отставших от группы людей за то, что ушел, не дожидаясь и не поискав их. Кстати, зная, что у него нет зонта, именно они не посочувствовали ему и не спросили, как же он повел людей в ливень. Долго выслушивая обсуждение своего «проступка», Маурицио лишь один раз пояснил, почему так вышло. Я тихо им сказала, что не стоит не только так долго говорить, но и вообще обсуждать это неприлично. Результат моей морали был парадоксальным. Они вдруг спохватились: почему мы не едем, а ждем двоих людей из группы. Дружно заявили, что, раз те опаздывают, пусть добираются сами: берут такси или возвращаются из Римини поездом. Потрясающе: как могли «нас не ждать и не искать», а «те пусть возвращаются, как хотят, иначе мы не успеем купить в магазинах то, что собирались». А ведь в магазины собирались все, и только Маурицио знал, где они находятся. Значит те, кто уедет потом без нас, магазины эти не найдут. Неплохо, да?

Естественно, что речь идет о конкретных людях и определенных ситуациях. Не все такие, да и эти, наверняка, тоже бывают разные. Не все, как «мисс Причал» из кинофильма «Плещ Казановы», прозрачны, откровенно демонстрируя на каждом шагу свою тупость и бескультурье, однако это «наше», поэтому и легко узнаваемо. И, представьте, что группа отреагировала на эту ситуацию воспоминанием именно об этом фильме, как бы прочитав мои мысли. Неважно, что вспомнили другие сцены: как три дамы купались в бассейне, как героине Чуриковой был предъявлен счет. Все-таки аналогию событий кто-то почувствовал. Значит, «на воре шапка горит», или «чует кошка, чье мясо съела». Мне несколько раз приходило в голову, что перед тем, как продать путевку в Италию, нашим людям обязательно надо показывать фильм «Плещ Казановы». Уж очень много реальных аналогий в поступках наших туристов, демонстрирующих людей с такой стороны, куда лучше не заглядывать.

А я целыми днями думаю о своих любимых людях. С нежностью вспоминаю всех, хорошо представляя, как бы мы вели себя все вместе, или в любом сочетании

в подобных случаях. «Мы» — это, прежде всего, Володя и сестренка, потом Наташа, Павлик, Вовчик. Других вспоминаю по разным поводам, а с этой «компанией» путешествую по замечательным местам Италии, мысленно разговаривая то с одним, то с другим. Очень люблю. Всем покупаю подарки и сувениры.

Сенигаллия

Сегодня мы в Сенигаллии, поэтому «особых новостей» нет. Была на рынке. Купила кое-что из сувениров домой и овощи для себя. Баночку с креветками никак не могу открыть, что напомнило анекдот, как рыбаки привезли домой бутылку водки, удивив всех тем, что ее не выпили, поскольку не сумели открыть.

Вспомнила, как вчера Маурицио при выезде из Сенигаллии ел бутерброд, держа его в одной руке, а второй жестикулировал, что-то нам рассказывая. Мне стало страшновато, ибо в это время автобус не только ехал, но и самостоятельно делал все виражи довольно сложного маршрута. Оказалось, что машина была включена на автоматическое управление движением, чем в Италии оборудованы и транспорт, и дороги. Меня это удивило, конечно, я не подозревала о таких возможностях. Через некоторое время Маурицио стал насвистывать какую-то мелодию. Мои спутники ему заметили, что свистеть плохая примета — денег не будет. Маурицио засмеялся: «Итальянцы рождаются и уже свистят. Они для того и появляются на свет, чтобы петь и свистеть. Это ваши проблемы — не свистеть». На это кто-то ехидно заметил, что у нас хоть свисти, хоть не свисти, все равно денег не будет. Кстати, это еще одна черта наших людей — прибедняться.

Сегодня видела женщину, говорящую на русском языке. Она обещала узнать, когда на следующей неделе другие группы поедут в Сан-Марино и Флоренцию. Хотелось бы еще в Болонью и Милан, — тут прямые электрички. Но возникают трудности с самостоятельным передвижением. Если бы они были связаны только с незнанием итальянского языка — это не страшно, поговорила бы на смеси англо-немецко-русского. А вот то, что не вижу надписей — это уже серьезная проблема. Даже у Лены, жены Маурицио, узнать, как и каким транспортом можно добраться к главным достопримечательностям, не реально. Она странно реагирует на заданные ей вопросы, производя впечатление, что постоянно находится в нирване: эдакая блаженная расслабленность.

Случайно застала разговор служащих гостиницы о нашей вчерашней поездке в Сан-Марино. Они говорили громко и свободно, уверенные, что я ничего не пойму. В пренебрежительной форме шло изложение наших митингов в погоне за дешевизной, рассказ о беспардонности людей и обо всем том, что и по моим представлениям было крайне возмутительно. Но слышать это из их уст было очень горько. Да и чего стоила их интонация! У меня впечатление, что скоро весь мир будет убежден в нашей третьесортности. Как тут говорят, «товар на распродажу».

Погода портится. Похолодало. На море шторм. Но и в этом есть своя прелесть. Гуляя вдоль моря, вижу признаки окончания сезона: демонтируют сооружения на берегу (палатки, киоски, кафе). Даже некоторые растения укрывают полиэтиленовыми мешками. Закрыты на запор некоторые заборы и ворота.

Я провожу аналогию: заканчивается и мой «сезон». Нет, не в смысле пребывания в Италии, а в широком смысле бытия. Как бы я была счастлива, если бы и меня так нечто укрывало от жизненных невзгод...

Машины все удивительно новые, блестящие и, естественно, чистые. Думаю, что их моют не как у нас — одним ведром воды и грязной тряпкой. Это иногда бывает обусловлено тем, что с высокого этажа не наносишься воды, если лифт не работает. Но

чаще это связано просто с ленью водителя.

Сегодня видела, как убирает в гостинице молоденькая горничная. Моя Наташа это называет «электровеник».

О, входят наши экскурсанты с горами покупок — телевизоры, узлы. И, конечно, в первых рядах «борцы» за дешевые экскурсии. Нет, я не против покупок, тем более видя здесь их разнообразие и некоторую дешевизну. Я и сама с удовольствием смотрю на товары и что-то покупаю. Однако я, естественно, против жлобства и хамства по отношению к радушным хозяевам и обслуге.

Ну вот, как чувствовала, сказав об этом. Сейчас 10 человек отказались ехать в Венецию. Осталось всего четверо желающих. Трудно передать ярость Маурицио: он заплатил 700 долларов за аренду двух автобусов! Эта сумма не вернется ему, так как для отказа нужна уважительная причина. А у них одна причина — дорого! И тут же сели пировать по поводу удачных покупок, заказав курицу, пиццу, накупив вина. Нет слов! Достаточно вспомнить, как возмущались вчера армянки, что их не подождали, поступив с ними непорядочно. А так «кинуть» Маурицио, зная, что ему придется платить такую сумму из своего кармана, — это норма нашего поведения. Господи, стыд-то какой! Не могу ни о чем думать, мысленно возвращаясь к этой теме.

Маурицио же сказал, что нас четверых все равно повезет в Венецию. Ложусь спать, так как рано вставать для достаточно длинной поездки — примерно 300 км, — как до Рима.

Пресвятая Богородица, чувствую твою поддержку. Душа моя наполнена благодарностью, которую трудно выразить словами.

Сегодня уехала наша группа. Не знаю еще, когда прибудут новые люди из Киева. Возможно, сегодняшним рейсом. Интересно, какие они будут. К этим я как-то привыкла, хотя симпатии ни к кому не испытала. А все же, оказывается, страшновато остаться одной.

Впрочем, впереди еще несколько дней, и я уже чувствую, сколько нежного бытия они принесут.

Зато вчера была Венеция. Поразительно то, что почти все так узнаваемо, даже знакомо, и в то же время неожиданно поражает своей новизной. Чувство — Я ТУТ!!! — пронзает до глубины души. Нет, скорее все существо, даже за пределы тела, куда-то в прошлую и в будущую жизни.

Переpravлялись на пароме; ехали на катере; часов 5 или больше ходили пешком по центральному острову, заходили в магазины, кафе; даже прокатились на гондоле дивной красоты красно-черного цвета. Кстати, мы ожидали, что плата за поездку на гондоле будет намного дороже, а оказалось, что всего по 20 тысяч лир с человека. Если сравнить эту цену с аналогичной стоимостью зонтика или перекуса в кафе, то понятно, что я не колебалась ни секунды.

Дома вокруг изумительной красоты. Ни одного современного здания на острове нет. Даже в других местах Венеции новые дома стилизованы под старинные. Из-за сырости на первых этажах почти не живут, во всяком случае в той части, где проходят каналы, заполненные водой. Нижние этажи облуплены, выщерблены, но металлические ворота стоят в целости. Окна всех нижних этажей закрыты решетками. Впрочем, расскажу лучше о том, что не видно на открытках, какие я купила: решетки не ржавые и очень гармонируют с обликом зданий, каналов и гондол. Гармония поражает на каждом шагу: на широких просторах вода чиста и красива по цвету; дома или уже отреставрированы, или реставрируются в данное время; мосты изящны и хорошо отделаны. А вот в узюсеньких улочках нижние этажи ободраны, многие дома вообще

нежилые; вода в каналах не только грязно-болотного цвета, но и с неприятным гнилостным запахом. Однако, как ни странно, и в этом что-то есть, так как присутствует ощущение былого великолепия. Видели дома Казановы, Марко Поло и еще кого-то (или не запомнила имена, или просто их не знала, а прочитать памятные доски я, понятно, не смогла).

На память несколько раз приходили слова: «Если вы не были в Джвари, вы не были в Грузии» по аналогии «Если вы не были в Венеции...»

В целом, эта поездка оказалась самой лучшей из всех предыдущих. Кстати, хорошо, что она была одной из последних. И мне было хорошо от отсутствия некоторых туристов: не портили впечатления.

Поразило, что в Венеции магазины заполнены невероятно дорогими товарами. Золото, платина, бриллианты сверкают как красотой, так и астрономическими ценами. Но, в отличие от музеев, где эти красоты можно посмотреть только глубоко запрятанными в витринах, здесь все сверкает на окнах. Подходи и смотри на дивной красоты колые, серьги, браслеты, толстенные золотые цепи, медальоны величиной с ладонь. Или любуйся драгоценностями ажурной работы. Все очень красиво, включая магазины с обувью и одеждой.

Видели несколько свадебных процессий. Говорят, что сюда едут венчаться молодожены со всего света. Естественно, обеспеченные.

Зашли в Собор Святого Марка. Дивная мозаика; потрясают рисунок и цвет мрамора на колоннах и полу, где в круге выложены известные по психологии фигуры. Но кое-где полы прикрыты толстыми пружинящими коврами, из-под которых видны разрушенные участки. Очевидно, их постепенно реставрируют.

На улице на каждом шагу, в том числе даже на крохотных площадках, свободных от воды, идет бойкая торговля. Кстати, цены резко меняются по мере удаления от центральной части города. Доступных по цене даже для меня вещей очень много, но постоянно приходится оглядываться и на быстро тающие деньги, и на вес моей будущей поклажи. Можно представить, как хочется привезти что-то каждому — ведь всем интересно иметь сувенир из Италии. При нашем огромном семействе лучше вообще ничего не привозить, как шутил Володя. Но я ведь не смогу приехать с пустыми руками.

Разумеется, я полностью заплатила Маурицио за экскурсию в Венецию, не смотря на его готовность свозить нас за свой счет. Это была его реакция на наш туристический «базар» накануне. Не хочу быть униженной подачками «на нашу бедность». И не так уж мы и бедны, раз поехали в такой тур. А вот мои спутницы не заплатили! Ведь хорошо знали, сколько он потерял денег из-за отказа ехать других людей из группы. Сегодня воспользовались тем, что младшая из них понравилась ему. Беря у меня деньги, тактичный Маурицио только развел руками, пытаюсь пояснить, что берет их у меня, так как поездка и так обошлась ему очень дорого. Правда, потом мы тоже сэкономили: воспользовавшись отсутствием контролеров, не заплатили за обратный проезд в электричке. «Будем делать, как на Украине», — пошутил Маурицио. Смеясь от души, идею одобрили.

Приведу несколько наблюдений:

— Итальянцы не признают соленые овощи, не понимая, как мы можем их есть. У них свежие овощи и фрукты круглый год.

— Говорят, что в Неаполь очень опасно ездить. Это один из немногих городов Италии, где в мгновение ока обворуют, вырвут сумку или обсчитают. Объясняют, что там много бомжей. Итальянцы любят танцевать, в том числе все любят вальсы, мазурку и пр. На танцплощадках собираются люди всех возрастов, часто семьями. Все любят эти встречи, много танцуют коллективных танцев. Сейчас модно танцевать что-то

типа «макарена».

— Вода в Сенегалии считается самой вкусной в Италии. Оказывается, она поступает в город из горной речки.

— Магазины в любом городе расположены, в основном, в торговом центре, за пределами которого найти магазин с любыми товарами, в том числе продуктами, очень сложно. Я, например, не нашла около гостиницы ни одной булочной или молочного магазина. Зато во время сезона, говорят, кругом много баров и кафе.

— Водителей машин не проверяют на алкоголь до тех пор, пока он не нарушит правила движения или, тем более, не попадет в аварию. Тогда проверяется наличие алкоголя в крови и наказание серьезно увеличивается.

— На трассах везде установлены отражатели, которые ночью четко высвечивают дорогу. Поэтому водители включают только подфарники и не ослепляют встречные машины. Международные трассы разделены барьером по всему пути, кроме переездов, поэтому создается впечатление, что на дорогах вообще нет встречных машин. На дороге есть широкие белые полосы, которые не только хорошо видны, но и устроены так, что машину зазевавшегося или задремавшего водителя начинает нещадно трясти. Эти же полосы и отражатели участвуют в автоматическом управлении машиной.

— Постельное белье в гостинице меняют через 3 дня, полотенца — ежедневно. Вспомнилось, как в киевской гостинице горничная осуждала немцев, кидающих после купания полотенца на пол. Оказывается, они не снобы, а просто у них такая выработана привычка. Это нам в советское время меняли постели раз в 10 дней. Однако трубу в ванной мне так и не прочистили за неделю. Но остальное драят ежедневно без выходных, включая воскресенье. Не знаю, суммируют ли эти рабочие дни к отпуску, но гоняют хозяева своих служащих «будь здоров!». Зато перед нами все расплываются в улыбках.

Странно, что на улицах практически не встречаются дети, не считая детей туристов. В жилых районах видишь только детей в колясках или подростков на велосипедах или мотоциклах. А где же гуляют или играют дети младшего и среднего школьного возраста?

Зоопарк в Фальконаре

Это всего одна остановка на «катапульте» в сторону Альконы. Лена, жена Маурицио, посоветовала туда поехать, сказав, что найти его легко даже без сопровождающего. Действительно, в принципе, не сложно, если не считать полуторачасового подъема в гору и часового спуска в обратном направлении. Дело в том, что во время сезона, как я поняла, автобусы курсируют достаточно часто. Кстати, по пути наверх к зоопарку даже не предусмотрены пешеходные дорожки. Но я за все время пути так и не встретила ни одного автобуса. И все же, несмотря на такие трудности, походом я осталась довольна. Особенно интересно было идти мимо богатых вилл. Я хоть посмотрела, что это такое. Поразили в них изумительной красоты парки, но удивило, что там безлюдно. Бегают стаями собаки (по 3-4 штуки), во дворе стоят машины. Все это говорит, что в виллах живут. Иногда даже появлялись, видимо, хозяева, садящиеся или выходящие из машин. У одной пары я спросила, в правильном ли направлении я иду в зоопарк. Они подтвердили, но заохали, что это «longo-longo-longo!» Пожилой мужчина хотел было объяснить, где это, но потом махнул рукой и подвез. Жаль, что это был последний километр пути из примерно пяти.

Надо немного вернуться к началу моих поисков зоопарка. Я приехала на вокзал и решила, что зоопарк где-то поблизости. Попыталась узнать у людей на вокзале, но мы

не поняли друг друга. Я пыталась объяснить, что мне нужен «мини-Зоо», а мне в ответ говорили что-то быстро-быстро, размахивая чисто по-итальянски руками, то есть не всегда в сторону зоопарка, ибо движения были направлены во все четыре стороны.

Отказавшись от попыток получить справку, я пошла за людьми с детьми, насколько не сомневаясь, что идем мы все в зоопарк. А зря! Каково же было мое... конечно, не разочарование, а скорее удивление, когда я поняла, что все шли в церковь на воскресное богослужение. Церковь большая. Видимо, главная в городе. Около нее уже была масса людей и машин. Мне очень хотелось зайти, но уж слишком моя внешность не гармонировала с нарядами горожан. Спросила у девочек. Они мне стали быстро что-то говорить, показывая вверх. Поняла я только то, что надо идти в направлении, которое они указали по дороге-серпантину. Еще они говорили о чем-то, называя число «четыре». Опрометчиво решила, что речь идет о четырех поворотах дороги. И потопала мимо тех самых вилок, пока меня не подвезли до входа. Видимо, цифра четыре обозначала километры.

Вход в зоопарк оказался дорогим: 12 тысяч лир (около 8 долларов). Зато как там красиво! На наши зоопарки не похоже. Хорошо распланированы клетки или загородки вольеров. Все они с большим вкусом обсажены деревьями или кустами. Даже внутри загоронок растут деревья, бережно защищенные от повреждений проволочным каркасом типа муфты. Внутри этой сетки только стволы, а ветви деревьев или кустов свободно раскинуты сверху. Интересно размещены тигры. С трех сторон забор густо обсажен деревьями и кустами, и только с одной стороны можно было увидеть тигров через чистейшее стекло размером примерно 4 x 8 метров. Внутри вольера нагромождение огромных валунов и стволов деревьев, что, очевидно, очень нравится тиграм. А напротив «окна» стоит скамейка: сиди себе и любуйся.

Внутри клеток и вольеров уже привычная глазу чистота. Кормить животных, как и у нас, запрещают. Но у нас на эти призывы не обращают внимания, а тут на каждом шагу висят копилки с надписями: «Если вы хотите, чтобы льву (горилле, ламе и т.п.) досталось лакомство, бросьте сюда монетку». И взрослые дают детям денежку, чтобы те сами положили их в ящичек.

В нескольких местах видела игровые залы с автоматами. У входа в зоопарк стоит клетка с куклой-шимпанзе. Она все время что-то лопочет, дразнит, смеется и благодарит за то, что вы пришли. И, между прочим, требует, чтобы вы положили деньги в копилку рядом с ее клеткой.

Интересен вид с вершины горы, на которой расположен зоопарк. Сожалею, что у меня не хватает слов для его описания.

Вспомнила, что, выезжая из Сенегала, я не успела прокомментировать билет, что надо делать не позже, чем за 20 минут до отхода твоего поезда. Но я купила билет только по прибытию поезда. Села. Тут же подходят контролеры. Предлагают заплатить штраф 10 тысяч лир. И только я начала пояснять, что не знала этих правил (так оно и было), как они рассмеялись: «О, Украина, Римини!» Оказывается, это они нам тогда разрешили проехать в вагоне первого класса. Штраф, разумеется, не взяли, но ручкой поставили время проезда на билете. Обратно я уже не рисковала.

В Фальконе я была в воскресенье. Все магазины закрыты. Но это меня не огорчило: хотя в витринах я видела очень привлекательные вещи, весь лимит на покупки я уже исчерпала. Однако, не удержалась и купила 6-7 сортов мороженого в пенопластовую коробочку, заплатив 8 тысяч лир. В гостинице к ним добавила сухого белого вина на 2 тысячи и устроила себе настоящий пир, отметив таким образом еще один прекрасный день.

Рассказала Альберто о своих проблемах, в ответ рассмеялся: — Это же итальянцы! Вы, наверно спрашивали о «мини-Зоо», а они понимают только «Зоо-мини».

Принесли мне в номер телевизор. Теперь будут новые впечатления. Вот одно из первых. Больница, где лежит герой фильма, совсем не похожа на нашу. Во-первых, двери в палаты все разного яркого цвета. Во-вторых, внутри палаты предметы тоже выкрашены в разные, но уже нежные и сочетающиеся по цвету тона, что наверняка приятно для глаз больных.

Фильмы лирические, лжеисторические (весьма условный исторический антураж) и, конечно, детективные. Но никакого секса в уже привычном нам виде нет.

Вчера мне позвонил русский гид, сопровождающий группу россиян. Обещал в среду взять меня во Флоренцию. А сегодня они едут в Сан-Марино. Но идет дождь, а в дождь я уже там была.

Теперь увидела кипельно-белую мусорную машину. Мусор в нее загружается автоматически. Похоже, и это для того, чтобы лишний раз поиздеваться над нами. Видимо, мы идиоты, что не хотим красиво жить. Как у Окуджавы: «Ему б чего-нибудь попроще...»

...Вот и посмотрела внутренние детали собора Санта Мария Мад-жоре. Великолепно, как и в соборе Святого Петра. Понятно, почему наша гид не повела туда: она нас долго не смогла бы вывести.

Опять смотрю телевизор. Поражаюсь, как много у них передач об исторических памятниках, городах и их окрестностях. С какой тщательностью и любовью сделаны эти передачи, с каким тонким вкусом и тактом снят каждый фильм. Какую же гордость и любовь к своей стране они должны вызывать у молодежи! Тут же приходит мысль: а разве у нас нечего показать?! Экскурсии по современным местам Италии проводят изящные, красивые, свободно двигающиеся и улыбающиеся девушки. По местам старины нас «ведут» строго одетые мужчины среднего возраста. Показ древних памятников архитектуры идет исключительно под дикторский текст хорошо поставленным мужским голосом. Жаль, что не все понятно, но все равно интересно.

Еще по телевизору идет масса длиннющих, просто многочасовых, конкурсов, каких-то встреч. И ведущие, и участники много жестикулируют, громко говорят, напоминая ведущего Валдиса Пельша из программы «Угадай мелодию». Правда, есть ощущение, что у них жесты соответствуют содержанию речи. Одна из ежедневных длинных игр-передач: на экране показывают певца, который что-то поет, но без звука. Надо угадать эту песню. Реакция зала точно соответствует нашему представлению об итальянцах: все хохочет, что-то кричат, активно передвигаются по залу.

Среди бесчисленных игр есть музыкальные такого типа. Дается тема, и надо вспомнить на нее как можно больше песен. Маэстро за фортепьяно может подсказать мелодию. И не будет «проколом», если играющий подхватит эту песню. Призом может быть исполнение песни известными певцами. Детям же подсказывают отрывками из мультфильмов. Но что-то не попало, чтобы призом были такие дорогие подарки, как автомобили или телевизоры, что почему-то практикуют у нас.

В одной из программ есть раздел «Mamma mia che pronte», где включены сюжеты, заслуживающие осуждения. Например, корреспондент пытается получить интервью или ответ на конкретный вопрос. Этот человек, окруженный дюжиной молодчиков, сначала улыбается, потом демонстративно отворачивается. Этот сюжет трижды показывается в разном темпе, с паузами и комментариями. Потом его вновь показывают без слов, а на фоне этого отрывка картины ведущий жестикулирует, выражая свое недоумение и осуждение.

Ведущие информационных программ не только сидят, но и ходят во время передачи, изредка заглядывая в текст. И, конечно, в итальянской манере много жестикулируют.

Зная, что все итальянцы хорошо поют, я была уверена, что буду наслаждаться музыкальными передачами почти все время. Но именно их практически нет. Потом оказалось, что они идут на отдельном канале. Правда, как и у нас: 2 минуты музыки, 5 — разговоров.

Сегодня я в гостинице совершенно одна (*una solo*). Вышла в город. Но и там почти никого нет. Странное ощущение, будто ты одна в городе. Даже в проезжающих машинах никого не видно из-за тонированных стекол. Хожу, как в кино или во сне.

Заметила, что некоторые слова легко понимаю. Например, «закрыто» звучит по-итальянски «аперто», «звоните» — «звонаре» и тому подобное.

Сижу и «восторгаюсь» системой обслуживания нашего бюро. Мне сначала планировали поездку с 14 сентября. Как я уже здесь узнала, что до 21-го числа я бы еще находилась во время прекрасной погоды до окончания сезона. А потом до 28-го сентября я побывала бы при хорошей погоде, когда началось закрытие сезона. А вот с 28-го я бы увидела осень во всем ее великолепии, включая и дожди. Конечно, я не особенно переживаю, так как и в моем «соло» есть свой прекрасный неповторимый аромат.

Разговаривала с женой Маурицио. Она подтвердила мои впечатления, что в лес здесь ездят только в определенных местах. Сбирать же ягоды или грибы там категорически запрещено. Это считается браконьерством. Грибы выращивают в специальных хозяйствах и продают свежими в больших количествах.

Вчера, 7 октября, провела почти весь день в поисках почты, чтобы дать телеграмму сестричке, поздравив ее с днем рождения. Огорчилась, так как не смогла выяснить, где я могу это сделать. И только сегодня, проснувшись, поняла, что не у сестренки, а у дочки день рождения! Они бы в Воронеже удивились, а я бы опозорилась! Правда, я уверена, что эта ошибка произошла от огромного количества впечатлений, которые я получила за такой короткий срок. А я действительно за эту неделю набрала столько новой информации, проехав и пробежав такое количество километров, что очень устала. Сейчас хожу, расслабившись. Но все равно от впечатлений никуда не деться. Лишь бы не испортилась погода! Боюсь завтрашнего дождя во Флоренции. Но и вероятность дождя в день отлета тоже вызывает тревогу.

По свежим следам — Флоренция, или, как говорят итальянцы, Фьоренция.

Утро с самого начала встретило очередным ливнем. Прошлый раз я, видимо, покривила душой, сказав, что погода напоминает Ригу. На самом деле здесь ливни были сильнее, с грозой. По дороге с огорчением узнали, что в результате этого ливня Римини сильно затопило. Под водой оказался весь городок Мини-Италия. Наш гид Анатолий оптимистично заявил, что и во Флоренции нас ожидает дождь, поэтому мы вряд ли увидим красивую дорогу туда. Так оно, примерно, и случилось: почти 4 часа шел дождь. Не знаю, помогли ли мои молитвы, но по приезде во Флоренцию не только прекратился дождь, но и выглянуло солнце на абсолютно чистом небе, которое провожало нас до самых гор на обратном пути.

Во Флоренции посмотрели только центр. Здания весьма интересны как внешним видом, так и внутренним оформлением. Так сказать, своим наполнением.

Собор Святого Креста, с которого мы начали экскурсию, выполнен из красивого мрамора. Внутри он чуть меньше собора Святого Петра в Риме. В нишах или фрески, или усыпальницы. Эти захоронения и условные, и действительные: Микелан-

джело Буаноротти, Леонардо да Винчи, Данте, Россини, Савонаролла, Макиавелли, Галилей и другие. Впечатляет? Сами усыпальницы представляют собой прекрасные композиционные скульптуры, выполненные, в основном, в мраморе великими мастерами. Особый трепет вызывает ощущение, что вот здесь, за этими камнями с надписью, находятся останки тех великих людей, деяниями которых мы всегда восхищались. Интересное совпадение: в год смерти Леонардо да Винчи родился Галилей, а в год его смерти родился Ньютон. Галилей родился в Пизе, а умер во Флоренции, где и похоронен. Но жители Пизы считают это несправедливостью, поэтому несколько веков между ними сложные отношения. Галилей, как они утверждают, явился причиной появления достаточно обидной поговорки: «Лучше дохлая собака у твоего порога, чем флорентинец над твоим надгробием».

Узнала, что Леонардо да Винчи умер в бедности. Его похоронили в этом соборе сначала очень скромно. Со временем сделали для него надгробие. Его ученики посчитали, что оно не отвечает верованию, согласно которому в памятнике должно быть предусмотрено место для выхода души, чтобы она не осталась под землей. Они изготовили второе надгробие, которое установлено в соседней нише с приоткрытым саркофагом. Однако останки Леонардо туда не были перенесены.

В соборе ощущение простора и света, который, в основном, пробивается через витражи наверху здания. Роспись собора уникальная. Такой нет нигде в мире: 4 тысячи квадратных метров фресок, причем подлинных, без реставрации. Великолепен огромный купол, сделанный очень оригинально по архитектуре: он состоит из нескольких ярусов без крепления их арматурой.

Зато пол простой, выложен современной плиткой. Дело в том, что лет 30 тому назад речка, протекающая через Флоренцию, по размерам напоминающая Лопань, после нескольких дней проливных дождей вышла из берегов, затопив центр города на 4-5 метров. Погибли полы во многих зданиях, а в соборе пострадали еще и нижние части фресок. Некоторые так и не удалось восстановить. Безвозвратно погибла часть фресок и золотые орнаменты на самом Святом кресте — главной достопримечательности собора, в честь которого он и был назван. К сожалению, смогли выполнить только приближенную копию.

Проходили мимо домов, где жили Данте, его жена, а также его любимая Беатриче. Рядом стоит церковь, где они молились и где похоронены обе женщины. Церковь небольшая, но очень интересная в своей простоте.

Покорил своим великолепием собор Санта-Мария де Фьоре — главный собор Флоренции. Он занимает целый квартал. Выполнен собор из белого и зеленого (типа малахита) мрамора удивительно сложной конфигурации. С купола собора виден весь город. Туда решаются забраться только смельчаки, да и то не больше одного раза в жизни: наверх по крутой узкой винтовой лестнице ведут около 500 очень неудобных ступенек. Я не стала рисковать.

Приятно было побродить по типично итальянским узеньким улочкам, где, в отличие от Венеции, все дома явно жилые и в прекрасном состоянии.

Были и забавные детали. Зашла в кафе, взяла еду: впервые теплое — просто макароны с томатным соусом. Но цена этого простого, как мне кажется, блюда — о-го-го! — 7 тысяч лир, или 3,5 доллара. Получила я их от молодого человека без денег и чека. Смотрю, всех так обслуживают. Понимаю, что не даром. Поела и пошла искать, где заплатить. Еле нашла. А там «под честное слово», то есть просто говоришь, что ела и платишь. Ну и ну! Думаю, что кто-то все же приглядывает за посетителями, и не стоит уходить, не расплатившись. Может, в принципе, и это возможно. Кстати, было еще подобное кафе. Паренек обслуживает, дает чек, но потом так мечется по залу, что

его просто трудно поймать, чтобы оплатить этот чек. Вряд ли в таком темпе он может уследить за неплательщиками. И тут я поймала себя на мысли: может, у итальянцев и не возникает, как у нас, желание что-то получить вот так, бесплатно, как у нас говорят «на халяву»? Значит, и в этом они лучше нас?

Еще инцидент в том же духе. Зашла перекусить в поезде в бар. Вход через вертушку, которая работает только внутрь. Попадаешь в бар, чуть выше расположен ресторан, есть туалет, а вот выхода нигде нет. Узнаю, для того, чтобы выйти, надо спуститься вниз. Иду по винтовой лестнице и попадаю... в супермаркет! А там опять окунаешься в изобилие: десятки сортов мясных изделий, немного поменьше сыров, печенья, конфеты, овощи, фрукты — глаза разбегаются. Касса находится в конце этого лабиринта. Сумки при входе не забирают, при выходе не проверяют. Платишь за то, что показала. Скорее всего, где-то есть следящие камеры, но ты о них не думаешь, а просто чувствуешь себя свободным, уважающим себя человеком.

В качестве примечания. С тоской вспоминаю наши, еще недавно полупустые в течение десятка лет магазины, и длинные очереди за третьесортными продуктами. В связи с этим в нашем лексиконе появились специфические выражения и слова, смысл которых иностранцам понять сложно. Например, типичен разговор о том, что в таком-то магазине «выбросили» определенный продукт или товар. Но слово «выбросили» — это не синоним слова «выкинули», оно означает: появился в продаже, и его можно увидеть на прилавке. А сколько товаров мы «достаем»? Вот это слово, мне кажется, тоже связано с прилавком, потому что даже самые необходимые товары можно было купить по большому знакомству именно из-под прилавка. Мы уже давно забыли словосочетание «Где купил?», заменив его на фразу: «Где достал?» К этому добавлю, что, приезжая в Москву или Киев, часто ловила себя на том, что смотрю на содержание «авосек». И если было то, что я хотела бы купить (например, апельсины или бананы, которых у нас «днем с огнем» не найти), спрашивала, где «достали?» Сейчас у нас и товаров побольше, и через полиэтиленовый пакет ничего не видно.

Ну, ладно. Я хоть и отвлеклась, но практически закончила. Некоторые наши туристы ходили в галерею смотреть подлинники скульптурных и живописных мастеров. А я не пошла, так как не вижу толком ни скульптуры, ни то, что написано на картинах. Даже те огромные скульптуры, что стоят на площадях, «все из себя знаменитые», не вижу толком и на небольшом расстоянии. Они огорожены заборчиками, а с этого расстояния мне мало видно. Ничего не поделаешь, хоть что-то же вижу, а это, как я уже говорила, все равно замечательно и не равнозначно виду на картинке. А значит, все прекрасно!

Итак, основная часть моего путешествия закончена. И хотя немного грустно, уже хочется домой. Жена Маурицио Лена воскликнула, что никуда из Италии не только уезжать, а даже просто поехать не хочет. Считает, что для нее это невозможно. Нет, говорю я, очень даже возможно. Я не хочу жить в Италии, я хочу к себе домой. Правда, я бы очень хотела, чтобы дома все было так же хорошо устроено — в смысле добротно, уютно, красиво. В общем, с уважением к человеку. Интересно, сколько надо времени, чтобы все так устроить у нас? Да и во времени ли дело?

Вдоль дороги, проезжая, видела прозрачные мешки, чем-то наполненные. Оказывается, это песок. Не расслышала, для чего он, но главное — для дела. У нас бы наверняка их растащили для чего-нибудь — авось, мол, пригодятся. А у них лежат, пока не понадобятся хозяевам. Может быть, законы строгие, ибо не верится, что сами люди так уважают частную собственность.

Во Флоренции мимо нас проехала девушка на мопеде. Откуда ни возьмись,

появился карабинер, одетый во все новенькое, с иголки. Бах — штраф. Оказалось, что по этой улице нельзя проезжать на мопеде, надо везти его в руках до другой улицы. Как видите, нарушать правила не рекомендуется.

Не все, конечно, и у них хорошо, даже не все разумно. Например, кассеты и диски продают, а прослушать их в магазине нельзя: не предусмотрено. Я хотела купить что-то из итальянской музыки, но продавец мне не смог объяснить, почему не могу прослушать. Так и ушла, не купив ничего. А в автобусе услышала такое пение, что купила бы такую кассету, не пожалев никаких денег. Я бы ее узнала, прослушав. Но это только один из примеров.

Конечно, это мелочи. Просто существует неповторимый аромат родной земли. Тут вот и леса красивые, а в лес не войдешь. И поля бы обошла, но и туда не войти — у них ведь свои хозяева. Нет там «моих полей». Полоса вдоль моря в сезон общая, а сейчас — частные владения, не побродишь, где захочешь.

И кино у них скучное. И вообще — «в Китае все жители китайцы...»

Думала, что завершились мои путешествия по Италии, но — нет. Позвонил Альберто и предложил меня отвезти куда-то. Куда, когда и зачем, я не поняла. Только расслышала слова «коза ностро» и стоимость 20 долларов. Сначала засомневалась из-за денег, а потом махнула рукой: вряд ли по Украине дорога к дому мне дорого обойдется. Еду!

И не пожалела. Еще одно новое впечатление. Приехали в старую крепость XII века — дивный мрачный замок Средневековья, по-моему, его название Градаре. Могучие стены на вершине горы (типа Сан-Марино), старинные башни и прочая атрибутика. Но прежние крепости мы видели только снаружи, а тут осмотрели музей и внутри. Комнаты в нем разного назначения: столовая, спальни, зал для деловых встреч и прочее. Даже спустились в подвал для пыток во времена инквизиции. Двор, мостки, соединяющие различные помещения. В комнатах старинная мебель, балдахины, покрывала на кроватях, ковры и многое другое. Очень интересно.

Обратно ехали по другой дороге, чтобы увидеть виллу Лучано Паваротти в городе Пизаро. Она стоит на берегу моря. Естественно, со своим пляжем и яхтой. Правда, из-за того, что вилла утопала в зелени, да и со своим зрением, я многое не рассмотрела.

Там же, в Пизаро, недавно построен при участии Паваротти большой спортивный комплекс. Лучано пригласил много знаменитых артистов, и вместе они дали благотворительный концерт, собрав для постройки комплекса большие деньги, уговорив еще кого-то пожертвовать недостающие средства.

Проехали небольшой город, в котором сохранились начальные постройки древнего Рима (две тысячи лет до нашей эры). Сохранилась стена, отгораживающая римские территории от соседних стран. Внутрь не попали, так как было уже закрыто. Но объехать вокруг крепости тоже было интересно.

По дороге, как всегда, домики, дворики и скверы, где не видно людей. А у нас в любое время дня везде толпы народа, вроде никто не работает, в отличие от них. У нас даже в Павловке все равно кто-то идет. А уж в городах...

Утром отправилась на поиски супермаркета. Наверно, не меньше двух километров протопала по городу. Повторю, что не видела людей, как у нас возле универмагов, но, похоже, и не предусмотрено, что тут будет кто-то идти: абсолютно нет пешеходных дорожек. Бреди, как знаешь, по проезжей части. А мимо с немалой скоростью мелькают машины, мотоциклы, велосипеды. Правда, их было не много. Идешь и прикидываешь, что за здание стоит вдалеке — торговый центр или что-то другое.

Ну, а торговый центр... Эх, это надо снимать на видеокамеру. Трудно сказать,

чего там только нет, но еще труднее описать, что увидела. Для интереса пыталась посчитать количество разных сортов одного продукта. Насчитав больше 50 видов сыров, я сбилась. Колбасы вообще не сосчитать, так как одних сортов сосисок больше 40, но тоже запуталась. Мясо разложено по коробочкам и упаковано прозрачной пленкой, и занимает 5 больших витрин. Как расфасованы и упакованы куры, диву даешься: по цвету (белее, желтее), с головой, без головы, разные части туловища, куски на жаркое, отбивные и прочее, и прочее. (С дрожью вспоминаю наших примороженных друг к другу кур, которых по одной-две дают в пайках. И то, если достанется этот паек.) В рыбном отделе больше 40 видов рыб, не считая всяких кальмаров, креветок, лангуст и много чего-то невиданного мною.

Ну, а о булочках, батончиках, пончиках, да и печеньях, вафлях и прочих вкуснотах я уж и не говорю.

В отделе хозяйственных товаров такое изобилие, что нам и не снилось. Даже не буду перечислять. И так в каждом отделе.

О ценах скажу, что не дешево. Вчерашний шофер нам сказал, что иметь в Италии один миллион лир в месяц (соответственно — 700 долларов) — это быть очень бедным. Потому они так и работают. А мы больше бьем баклуши или воруем, считая, что не у себя берем, а у государства.

Я уже говорила, что при выходе из магазина не проверяют сумки. Во всяком случае, при мне не было ни одной попытки. Вспоминая, как осматривают нас с подозрением дома, считая каждого покупателя потенциальным вором, здесь я испытываю странное чувство, видно, ожидая эту унижительную проверку.

Вызывает хорошее отношение к итальянцам то, что кроме уважения к людям, здесь не забывают свою культуру, прекрасно знают историю страны, ценят и берегут исторические памятники.

Наверно, не так и много надо сделать, чтобы поднять голову от нашей навозной кучи, да, видимо, это не выгодно ни тем, кто правит, ни тем, кем правят.

Жаль, что не у кого было узнать об организации системы образования. Лена знает только, что классы в школе небольшие, что учеба построена на интересе, включает массу игр и практических занятий (лепят, рисуют, клеят), много спорта и музыки. А больше спросить было не у кого, так как всю нашу группу интересовали, в основном, «шопинговые», проблемы.

Не могла не обратить внимание, как легко вел машину Альберто, почти не касаясь руля, четко и мгновенно реагируя на другие машины. Ускорял и тормозил потрясая плавно, умудряясь при этом даже на сложных участках дороги и в потоке машин размахивать руками или грызть ногти (этим, как говорила Лена, занимаются многие мужчины-итальянцы). Вспомнила, как Гальперин, побывав в Италии, изумлялся мастерству водителей. Убедилась теперь в этом и я, увидев, что в машине они чувствуют себя так же легко и уверенно, как в привычной и удобной одежде.

Интересно тут сушат белье. Редко по типу армян (веревки протянуты из окон от дома к дому), а в основном ставят во дворе специальные лесенки, которые после сушки убирают.

В специальные распорки, рассчитанные на несколько мест, ставят велосипеды. Иногда прикрепляют цепочкой, но чаще просто воткнут и уходят. В машинах нет сигнализаций от угона. Наш знакомый в Харькове ставит машину на сигнализацию даже на платной стоянке.

В последний свой день гуляю, смотрю, слушаю и благодарю Сенигаллию за

уникальный отдых. Точнее — новое бытие в каком-то особом, открытом мире, где даже дышится легче. Я не знаю, где все время находилась: в далеком прошлом, в современном или будущем мире. А, может быть, в космосе?

Какие новые впечатления? Наверно, больше утвердилось обостренное восприятие прощающегося навсегда человека.

Но было и нечто новое. Я, наконец, увидела много местных жителей, так как попала в центре города на начало перерыва. За малым исключением, он у всех в одно время — с 13:00 до 15:30 или 16:00. Выглядело это замечательно. Одновременно из разных точек пространства раздалась тихие мелодичные перезвоны. Дело в том, что магазины расположены рядом, и у каждого свой звонок на перерыв. В то же время практически одновременно ко всем дверям подкатили автомобили. Из магазинчиков высыпали люди. Думаю, что хозяева и служащие, ибо покупателей в это время мало. Опустили железные жалюзи на двери или закрыли красивыми решетками, замкнули их и покатили кто на чем, но только не пешком. Пешеходов опять не было. А в узеньких улочках за клубились ароматы соусов, жареной рыбы, мяса, слышались голоса и тихая музыка. Кстати, за все время не слышала, чтобы из окон гремела навязываемая всем музыка. И у меня на душе неожиданно наступил покой.

Зашла в небольшой парк с детским городком за вокзалом. Ни одно сооружение не поломано, никаких витых штопором бывших опор. Это не удивило, хотя, как видите, внимание обратила, — здесь такое состояние сооружений в порядке вещей.

Вспомнила, как в Воронеже в детском парке напротив нашего дома пожгли великолепные сказочные домики и заборы из красивых деревянных бревен. Сломали все детские фигуры из металла: лисичку с колобком, Иванушку с жар-птицей и все остальное. А ведь как было красиво и с любовью все сделано! Вот и попробуй не проводить аналогию.

Заметила почти не вытоптанные пространства между качелями, горками, лестницами для игр. Возле каждого сооружения небольшое пространство с песочком или землей, а все остальное засеяно изумительной травой. Вопросов и вариантов ответов на них несколько. Среди них отмела только один — это то, что сюда дети будто и не ходят. Признаков их присутствия было немало. Вывод такого отношения напрашивается сам собой — им не безразлично, где и как они живут. А поэтому и своих детей воспитывают соответственно.

Сейчас по ТВ показали большой зоопарк, где у белых медведей, пингвинов и моржей в воде плавали льдины. На берегу возвышались белые торосы, наверняка из льда. (С этих итальянцев станет! «Аборигены», по мнению «мисс Причал».) В самом деле, почему не обеспечить льдом в жаркой Италии тех, кто к этому привык и любит. И пусть это не люди, а всего-навсего дикие животные. Если уж технически просто решается проблема с наличием белых мусорных контейнеров, то уж проблема льда для них вообще не существует.

Когда я пришла отдохнуть во время обеда, Альберто дал мне ключи от входа в гостиницу, объяснив, что до вечера в нее никто не придет. Это о доверии. Замечу, что на открытой доске висят ключи от всех номеров, в открытом баре стоят всевозможные вина, в незапирающемся холодильнике горы мороженого. Не знаю, нашелся бы человек, который при таком доверии мог бы что-то взять. Не могу отнести на свой счет такое доверие: дескать, я его внушаю. Такое отношение к людям я видела на каждом шагу, где была. Вот вам на деле не решающаяся у нас почти сто лет проблема прав человека в организации общества. Пожалуй, именно это впечатление самое главное об Италии. Я не идеализирую Италию, понимая, что и здесь существуют нарушения этих самых прав. Но их пытаются ликвидировать.

Например, Альберто по дороге показал тюрьму, которая существует со средневековья. До недавнего времени она была действующей. Но не так давно под давлением общественности ее закрыли, так как условия содержания в ней были очень плохие, а улучшить их было невозможно: полы каменные и холодные даже в жаркое лето. Теперь это здание реставрируют под музей. Говорят, что в Москве Лужков тоже взялся за проблему «очеловечения» условий содержания заключенных. Однако я не уверена, что он сможет внедрить это в жизнь, к тому же сомневаюсь, что его пример будет поддержан.

Сложила вещи и поехала, что опять груз явно мне не по силам. Купила колеса: выручат в Киеве, а заодно останутся на память.

Итак, в завершении проведу с собой интервью.

1. Довольна ли я поездкой?

Вне всякого сомнения. Впечатления даже сильнее, чем ожидала. Память останется на всю жизнь. Не жаль потраченного количества средств. Трудно оценить, стоило или нет столько тратить: на фоне этого нового бытия деньги, хоть я их и считала, имели совсем другой «вес». Оглядываясь, теперь я вижу, что можно было распорядиться ими более рационально. Но и нельзя было отложить все расходы на последние дни, так как каждый день был уникален.

2. Не была ли лишней последняя неделя?

Нет, хотя основные впечатления обрушились на меня в первые дни. Если бы пришлось сразу уезжать, в голове и в душе остались бы хаос, сумбур и ошеломление. К тому же не было бы Флоренции, Градаре, даже зоопарка: было бы жаль все это не увидеть! К тому же что-то улеглось, упорядочилось и определилось. По принципу, как писали наши эмигранты, сравнивая «что приобрели — что потеряли». И я с ними согласна, потому что в этом сравнении, с одной стороны, крепнет любовь к родине, но с другой, — растет горечь за нее.

3. Чего-то все-таки не хватало?

Конечно! Главное — это была я тут одна, а так хотелось все время обсуждать виденное то с Володей, то с Натальей, то с Леной. В разные периоды кого-нибудь из них я бы очень хотела видеть рядом. Жаль, что никакие рассказы и откровения не смогут восполнить ни мне их отсутствия, ни им пребывания тут со мной.

4. Мешало слабое знание языков, хотя понемногу то английский, то немецкий выручали. Даже оказалось, что могу строить вполне приемлемые и даже длинные фразы, которые понимали. Да и я достаточно быстро стала понимать многое из того, о чем говорят итальянцы.

5. Можно ли выделить основные впечатления?

Главное, о чем я уже говорила, — это острое чувство удивления от внимания к человеку, от непоказного уважения к нему.

А если говорить о красоте увиденного, то, как ни странно это покажется, каждый раз в душе буквально взрывалось встречное чувство: «А как красива моя земля!». Это потому, что все время шли параллели: это похоже на Сахалин, это — на Северный Кавказ, это — на Ригу, а это даже хуже, чем у нас. Например, что это за лес, в котором запутанным клубком растет зелень практически без полянок? И зачем лес, если он кому-то принадлежит, и посещать его нельзя? Парки леса не заменят.

И еще больше укрепились горечь за то, что мы перестали гордиться своей страной, а, напротив, все больше стыдимся своей истории. Этим мы не только совершаем непростительную ошибку, но и разрушаем то, что составляет сущность нации: связь времен. «Манкурты» — это действительно страшно, и давит бессилие. Не знаю, как уберечь от распада души собственных внуков.

А в конце не могу не сказать о том, что все время светится теплом в душе огромная благодарность Володе за все... Словами это не выразить. Все это бесценно и неизмеримо.

Возвращение

Полно грусти от прощания с Италией и встреч с нашими «прелестями бытия», но и полно приятного ощущения — «вот я и дома!»

Теперь детали.

Альберто отвез меня в аэропорт. Там нас ожидали новости: самолет летит по новому расписанию — не в 13:30, а в 15:30. На деле же вылетели еще на час позже, в результате чего в Киеве я освободилась только в 19:50, пройдя пограничный и таможенный контроль. А ведь у меня был заранее приобретен билет на поезд в 20:10. Явно опоздала. Узнала, что есть еще поезд в 21:30. Примчалась на вокзал на такси за 10 минут до отправления, но билет на него мне не дали — было поздно, так как к поезду надо было идти через верхний переход. Пришлось и от этого поезда отказаться. Сдала билет, получив вместо оплаченных 20 гривен 4, несмотря на отметку опоздания самолета в аэропорту. На железнодорожном вокзале посоветовали разбираться с аэролиниями. Только собралась покупать билет на завтра, как услышала, что прибывает поезд Ужгород — Харьков. Без билета, но зато с помощью носильщика примчалась за 2 минуты до отправления. Проводники взяли меня за те же 20 гривен. Учитывая все потери, включая такси и носильщика, я оплатила тройную стоимость билета. А я-то думала, что на Украине мне деньги не понадобятся. Вот наивная! Почти не было наших купюр, да и долларов тоже «копейки».

Зато в вагоне сразу окунулась в знакомые советские (не итальянские) условия: собачий холод, грязь, вонь, темнота, когда надо устраиваться, и свет в глаза, когда легла спать. К тому же вереница сажающихся и выходящих пассажиров, которые ждали свою остановку, сидя у меня в ногах или на моей голове, когда от холода я повернулась от окна головой к проходу. Это было первое купе плацкартного вагона.

«Радостная» встреча с нашими условиями быта началась еще в итальянском аэропорту хамством тех, кто должен был лететь со мной. Хотя рейс задержали на несколько часов, регистрацию начали вовремя. Несмотря на то, что нас предупредили об этом, пассажиры при оформлении билетов и багажа сумели устроить хорошую заварушку со ссорами, матом, отталкиванием и прочими известными нам взаимоотношениями, особенно заметными после пребывания в Италии.

И все же, вернувшись, приятно было услышать родную речь. Как ни покажется банальным, но, честное слово, — это особое состояние. Как-то Хазанов рассказывал, что, когда он приехал из Израиля первый раз и услышал русскую речь, у него на глаза навернулись слезы. Теперь я поверила.

Дома, конечно, меня ждали с нетерпением. Встреча была очень радостной. Мне только было жаль, что мои впечатления неожиданно вместились в довольно короткий рассказ. Володя даже пошутил: «как я понял, ты во многом так и не разобралась. Придется послать еще».

И в заключение вспомнила. Гостиница Альберто, в которой мы жили, называется «Раковина». Мы должны были жить в другой его гостинице — она более благоустроенная и дорогая. Но наша бандитская фирма, взяв с нас плату за трехзвездный отель Альберто, договорилась о размещении нас в более дешевой, прикарманив, соответственно, разницу. Надежды на компенсацию, естественно, нет.

И все-таки, «вернемся к нашим баранам»: лелею мечту о том, что наша жизнь

станет более достойной; что мы научимся уважать себя, а, значит, и свою страну, и наших соотечественников, а также — своих детей и внуков. Передадим им не только территорию на карте, но и наши традиции, — лучшие, конечно, и нашу любовь к Родине (она для нас остается страной, достойной лучшей доли).

БОГИНЯ

Он любил ее преданно и нежно, мало думая о том, как Она ему нужна. Он просто дышал Ею. Ловил аромат Ее волос, когда засыпал. Утром, прежде чем открыть глаза, наслаждался волной тепла, струящегося от Ее тела. Одним словом, все его дела были Ею. Нет, он не думал о Ней, не произносил Ее имя. Просто пальцы, переворачивая страницы, чувствовали остаток тепла Ее рук. Глаза в очертаниях вскрытия конверта узнавали Ее нервное движение.

Иногда внезапная теплая волна разливалась по телу, возникая где-то в сердце и медленно стекая по коже в землю. Так бывало всегда, когда Она касалась своими руками его груди. Но даже и это ощущение редко пробивалось в сознании мыслями и словами о Ней. Но вся его жизнь была Она.

Она, как Древняя Богиня, ходила за ним всюду. Ласкала нежным лучиком солнца. Лукаво посмеивалась, обсыпая утренней росой. Волшебной палочкой касаясь земли, выплескивала ему под ноги лужу, и хохотала, когда он, не заметив этой шалости, влетал в нее стремительной походкой. Она легонько дула ему в затылок летним утром, забрасывала хлопьями снега зимним вечером. Она играла с ним в прятки, растворяясь в предгрозовой тишине.

Она была с ним везде и всегда. Но он редко думал и говорил об этом. Он страстно работал. Помогал друзьям. С удовольствием дарил мелкие знаки внимания женщинам и с затаенной гордостью принимал их обожание. Но все это его радовало постольку, поскольку ему казалось, что этим он доставляет радость незримой Богине. Все свои успехи он дарил Ей. Она ждала этих признаний, а их не было.

И вдруг пришел Человек. Он хорошо знал Его. Но не знал, что это его враг. Человек сказал, что Ее с ним никогда больше не будет. Никогда. Он молча выслушал все. Казалось, всему миру слышно, как в звенящую пустоту падает его жизнь.

Был ветер. Была пыль. Нечем было дышать. Богиня не шла за ним...

Нет, он остался жить. Жизнь от нас требует много, но не разрешает распоряжаться ею по своему усмотрению.

Он ходил, работал, пил, ел. Бывал в театре. Улыбался. Но не мог смириться с Ее отсутствием. Было много мыслей, много слов. Но теперь их нельзя было сказать Ей.

А Она была счастлива. Без него. В Ее жизни уже не было ему места.

При встречах с Нею его сердце сжимала жгучая боль. Она клубилась и бурлила, постепенно рассеиваясь по всему телу. От нее ныла кожа, особенно на груди, где Она когда-то касалась руками. Потом эта боль снова сжималась в горошинку. И никогда не уходила совсем. Вместо Богини она была с ним везде.

Мир прост и прозрачен. Дело, которое ты делаешь, не стоит того, чтобы отдавать ему жизнь. Люди злы и завистливы. Женщины глупы, злопамятны и не прощают, если ты забываешь им улыбнуться. Друзья думают о тебе лишь до тех пор, пока ты им нужен. Летом слишком пыльно и жарко. Зимой донимают холод и болезни. Любви нет. Есть пружина в сердце, готовая пронзить твоё тело в любую минуту.

Он жил трудно и упорно. И не сразу заметил, как изменилась его жизнь. В нее вошли люди, о которых он стал много думать. Их внимание ему было очень нужно. Они любили. И он их полюбил. Их заботы волновали его. Часами он мучительно искал способы помочь им, и находил. Радость этих людей окрыляла его.

Новыми глазами он видел небо и землю, по-новому звучали слова, новые качества ценил он в людях. Но никто не мог дать любовь к женщинам. Они были милы и

заботливы, он понимал их красоту. Но его сердце не звало ни одну из них. Лишь иногда во сне чьи-то руки нежно касались его груди, снимая боль и усталость. Чьи-то легкие пальцы перебирали его волосы. Чьи-то теплые губы трогали его ресницы. Просыпаясь, он понимал — это было не ожидание, а это была память. Память освободила его мысли, но не отпускала израненное сердце. Он проклинал ее и был ей благодарен.

Страдание покрыло его голову сединой, провело лучики морщинок возле глаз. Страдание зажгло его глаза мягким светом, наградило чуткостью.

Он шел к людям, и люди тянулись к нему.

Жизнь светилась тысячами граней. Он увидел и полюбил это многоцветье.

Год от года крепла его благодарность за то счастье, какое ему пришлось испытать, и даже за те тяжкие часы, которые он пережил для того, чтобы оценить все, что имел, потерял и обрел. Судьба наградила его радостью жизни.

ВЕРШИНА

Идти становится все труднее. Анюта старается крепче сжать костыли, от напряжения деревенеют руки, все время кажется, что вот-вот судорога сведет ослабевшие мышцы. Девочка закусила губу, но глаза ее возбужденно горят. Это ничего, что болит нога и немеют руки, ничего... Просто на ногу надо стараться совсем не наступать, тогда будет легче. Плохо только, что руки стали такие слабые. Анюта остановилась, немного согнула больную ногу, вздохнула. От долгой ходьбы пальцы опухли, будто налились свинцом, — лечь бы сейчас...

Из окна казалось, что вершина горы совсем близко. Долгие дни и вечера она смотрела на нее. Днем она любила наблюдать, как оттуда выплывают облака, причудливо меняясь, текут над головой, а потом исчезают вдаль. Откуда они пришли и куда уходят — об этом можно было думать весь день до бесконечности. А вечером было еще интереснее. Как только начинала спускаться темнота, девочка садилась около окна и замирала.

Ночь всегда приходила оттуда, из-за горы. Широко раскрытыми глазами она смотрела и ждала. Вот, уже идет... Выплывает легкий туман, лениво и медленно переливается через вершину, тает между кустами и деревьями. Сначала даже не поймешь: то ли уже темнеет, то ли устали глаза, а может это туман стирает очертания вершины. Но скоро сомнения исчезают. Снизу под деревьями растут густые тени, поднимаются все выше, окутывая их, и тогда сами деревья перестают быть деревьями — это только их тени. Нет, это слуги ночи идут впереди и охраняют ее путь. Вот они стали, как верные стражи, а ночь бархатной полоской выглядывает из-за вершины. Все шире, шире полоса... Если посмотреть в окна с другой стороны корпуса, то видно, как ночь догоняет день — там еще виден светлый краешек неба. Почему-то грустно смотреть, как день исчезает, тает как сахар в стакане. Его Анюте тоже всегда бывает жалко, даже чуть-чуть больше, чем день, — день ведь завтра вернется, а сахар — нет. Правда, Петр Николаевич говорил, что если очень сладкую воду поставить на огонь и долго кипятить, то вода испарится, а на дне будет сахар. Только, конечно, не куском, а маленькими крупинками. Интересно.

Про сахар спрашивал Сашок. Анюте тоже хочется что-нибудь спросить Петра Николаевича, да не получается: а вдруг он смеяться будет? Скажет: тебе уже десять лет, а ты все еще глупые вопросы задаешь. Вот и молчит Анютка, со всеми боится разговаривать. А иногда так хочется поговорить, особенно с доктором. Он такой хороший, все знает, вот только насмешник. Как только подойдет к ней, смеется: «Все молчишь, Анюта? Может, у тебя уже язык высох? Давай проверю!» Зальется у нее все лицо краской, еще ярче вспыхнут веснушки, а он опять смеется: «Эх, Анюта, Анюта-перепелочка, мы скоро тебя на Красную горку поведем, а ты все молчишь». Не знает девочка, что это за Красная горка, и еще больше робеет перед веселым доктором. Как тут станешь говорить?

Больше всего Анюте хочется узнать, что же там за горой. Может, там дворцы до неба? Нет — два дворца: в одном, черном-пречерном, живет ночь. Весь дворец звездами усыпан, а на башне самая яркая звезда. Она то вспыхнет, то погаснет, и от нее лучи яркие-яркие! Вот тогда Анютка видит, как над вершиной горы вдруг что-то блеснет, будто молния. Наверно, от этих звезд всегда сияние над горой. А в другом дворце день живет. Этот дворец сияет как радуга, а в башне его — солнце. Проснется утром день, выйдет из дворца, откроет в башне окошко и выпустит солнышко как голубя — лети на небо!

Очнулась девочка от своих грез, вздохнула. Уже совсем стемнело, надо идти скорее, а то хватятся в больнице, будет много шума, и станут ругать. Ну и пусть, зато она узнает, что там за горой. Нахмутив брови и закусив губу, Анюта упрямо пошла вперед. Если бы можно было побежать, да эта противная нога не дает. А еще лучше — полететь. Вот было б здорово! Во сне Анюта летала. Хорошо так! Оттолкнешься ногами от пола, расправишь руки, отведешь их чуть-чуть назад и полетишь. И руками махать не надо, — как самолет. Поведешь плечом и завернешь, а голову вверх поднимешь, рванешься и вверх взлетаешь, аж дух замрет. Хочешь — выше полетишь, захочешь — опустишься ниже. И не устает совсем, даже не чувствуется, что нога в гипсе тяжелая.

И когда только она перестанет болеть? Недавно Аннушка слышала, как Мария Федоровна говорила, что придется еще раз чистить. При одной мысли об этом под ложечкой начинает сосать. Уже три раза делали операцию, и это еще не конец. И почему ей так не повезло? Мишка рассказывал, что он с высокого сарая прыгнул и то ничего, только жилу на ноге растянул. А она об сундук ударилась — и все. А теперь вот уж скоро пять лет, как нога болит. Кость гниет. Доктор говорил, что обязательно вылечат, только потерпеть надо. Сразу вспомнилось, что ей нельзя много ходить. Ох, и попадет, если Петр Николаевич узнает, куда она пошла. Лучше и не думать об этом. Может быть, и не узнает. Мишка обещал не выдавать, а так не должны бы хватиться. Вечером ей всегда разрешают в саду посидеть. Нянечка знает, что она любит забираться в какое-нибудь тихое местечко. Лишь бы к половине одиннадцатого успеть, когда закрывают двери. Но ведь еще рано.

Ой, уже близко! Сердце бешено заколотилось: скоро вершина. А здесь, оказывается, сильный ветер, холодно. Девочка начала дрожать. Еще, еще немного.... Хорошо, что дорога ровная. Видно, по ней много ходят. И не круто. Зря только Мишка пугал, что она все ноги здесь пообломает. Врал, наверно, что он здесь сто раз бывал, говорил, что камни тут навалены. А здесь так же ровно, как в саду возле больницы. Конечно, бывают же высоченные горы. Говорят, что там даже всегда снег лежит. Вот там наверняка много камней. А это — маленькая гора, да и Мишка здесь наверняка не был. А почему тогда не сказал, что за горой? Сам не знает. «Секрет, — говорит, — рассказывать нельзя никому». Вот болтун!

Ну, еще, еще немного, совсем мало осталось. Все!

Девочка замерла в восхищении: далеко-далеко внизу во все стороны рассыпались огни. Много-много огней, как звезд на небе, только большие, яркие и разные. Вон голубые, а там — красные, зеленые, будто змейки. Это город. Нянечка говорила, что он близко. Какой же он красивый! Такое Анюта никогда не видела. Она, конечно, была в городе, но так красиво там не было.

А, может быть, он не настоящий? Может, он волшебный? И там живут люди, которые умеют летать... Да. Конечно! У каждого из них есть своя звездочка. Надо им полететь, они отпустят ее, и она взойдется вверх. Если надо домой — она стрелой мчится вниз. Это Анюта видела. Говорят: звезды падают, — так это оно и есть.

Девочка не сводит восхищенных глаз с великолепной картины, щеки ее горят, глаза сияют. Ветер дует, треплет волосы, надувает курточку пижамы — это же замечательно: сейчас и она взлетит! Только где же ее звезда? Она смотрит вниз на город. Одни звезды неподвижные, только мерцают, а другие — и красные, и желтые, и зеленые — движутся. Самые яркие желтые, среди них и ее звезда, она скоро прилетит сюда.

— Аню-ю-ю-та-а! — донеслось сзади. Девочка вздрогнула: ищут. Это ведь голос Петра Николаевича. Что теперь делать? Наверно, надо крикнуть, но никак не получается — в горле застрял какой-то комок: страшно очень, доктор рассердился на нее. Но почему сегодня именно он дежурит? Надо же было узнать. Лучше бы дежурил кто-ни-

будь другой. Ах, что же теперь делать? А голос все ближе и ближе. Надо все же ответить.

Здесь я, — прошептала девочка, замирая от волнения и страха. Голоса ее, конечно, не было слышно, но врач уже увидел ее силуэт. Он замедлил шаг. Его беспокойство улеглось. Про себя он уже представлял, как сейчас отчитает эту взбалмошную девчонку. Подумать только — недавно стала ходить и отправилась так далеко. Еще не известно, чем это все закончится. Да мало того — одна, ночью. Но когда Петр Николаевич подошел к Анюте настолько, чтобы можно было разглядеть ее глаза, желание отругать ее сразу пропало.

Такие испуганные глаза бывают только, наверно, у лани. Огромные и темные они неотрывно смотрели на него, и вся она так сжалась и насторожилась, что казалось, скажи он сейчас не просто сердито, а даже громче обычного, как она метнется в сторону и исчезнет в темноте.

Горячая волна нежности вдруг нахлынула на сердце: милое пугливое существо. О чем эта огненная головка все время думает? Зачем она, такая большая и слабая, лезла на эту вершину? Ей же это не только трудно, но и очень больно. Петр Николаевич ласково обнял девочку за хрупкие плечи, провел рукой по ее кудрям и неожиданно для самого себя почувствовал, что на его глаза навернулись слезы. Он наклонился и от всего сердца нежно поцеловал анютин лоб. Как осиновый листок девочка затрепетала от этой неожиданной ласки. Он представил, как вспыхнуло ее лицо, и не удержал улыбки:

— Ах, ты, перепелочка! Что же ты надумала?

Анютка уткнулась лицом ему в плечо, всхлипнула, но ничего не ответила — опять робость не давала вымолвить ей ни слова.

Петр Николаевич гладил ее по голове. Так приятно было ощущать шелк детских кудрей, чувствовать влагу слез на щеках. Представилось, что и у него может быть такая же дочка, и у нее будут такие же огромные глаза и такое же чуткое сердечко. Как много поэзии должно быть в этой детской головке, чтобы зачем-то ночью лезть на гору.

— Захотелось посмотреть, что дальше, перепелочка?

— Да.

Анютка повернула голову в сторону огненного моря. Глаза ее восторженно заблестели.

— Нравится?

— Очень! Как в сказке...

— Ты ведь сильно устала?

— Не очень.

Врач покачал головой: «не очень».

— Эх, Анютка, Анютка... Бери костыли в одну руку.

Анютка удивленно подняла брови, но спорить не стала. Сильным движением он поднял девочку на руки и понес. Она оказалась неожиданно легкой.

Впервые врач ощутил всем своим существом, что у него не просто больные, а дети — милые, славные, нежные дети со своим удивительным миром. «Как в сказке», — вдруг вспомнилось ему, а перед глазами испуганное личико. Наверно, в самом деле, очень страшно вернуться из сказки в действительность, особенно если ты убежала из больницы, и к тому же тебе нельзя много ходить.

— Испугалась, когда мой голос слышала? — шепнул он ласково девочке.

«Угу». Анютка сильнее прижалась к доктору. Неожиданная ласка прогнала обычную робость.

— Я думала, вы здорово ругаться будете. А мне так хотелось на гору. Все думала разрешения спросить, да вы ведь все равно не пустили бы.

— Не пустил — это факт, потому что нельзя. А, впрочем, — он озорно тряхнул головой, — правильно сделала. Мы ведь, врачи, больше и не знаем других слов, как «нельзя». А если страшно интересно, что за горой, — значит можно.

На некоторое время они замолчали, думая каждый о своем.

— Знаете, Петр Николаевич, а мне все-таки хочется верить, что в том городе живут не настоящие люди, что они умеют летать на звездочках, а город у них полон волшебных чудес. А еще я думаю, что люди там не разговаривают друг с другом, потому что у них вместо слов музыка.

— Музыка? Почему ты так думаешь?

— Я ее по радио слышала. Мне Мария Федоровна наушники принесла, и я ее часто слушаю. Иногда бывает музыка, словно сказка.

— Сказка... — задумчиво повторил врач. — Ты сказки очень любишь?

— Да. Там люди все могут. Живая вода у них есть: брызнешь на рану, и все сразу заживает. Вот бы мне такую воду, я бы всех вылечила! А еще в сказках люди всегда красивые. Принцессы такие, что глаз не отведешь, а принцы очень смелые.

— Но ведь в сказках бывают и злые люди.

— Конечно, бывают. Да только их обязательно побеждают, поэтому все равно хорошо.

Петр Николаевич все больше удивлялся миру, в котором жила девочка. Да, все равно хорошо. Ишь ты, вот тебе и молчунья.

Подшли к корпусу больницы. Нести Анюту стало тяжелее, но опускать ее не хотелось. Неожиданно пришла в голову мысль.

— Хочешь в сказочную страну?

Анюта улыбнулась:

— Да я ведь знаю, что их не бывает, не маленькая. Это ж только придумать можно, а по правде не бывает.

— Ну, так мы и придумаем.

— Тогда хочу.

Войдя в корпус через черный ход, Петр Николаевич не пошел к анютиной палате, а свернул в боковой коридор.

— Куда мы?

— Молчи, перепелочка. Сейчас начинается сказка, а в сказке нельзя разговаривать. Ты — девочка-звездочка, а я — огонек. Я тебе буду рассказывать, а ты молчи.

Петр Николаевич открыл дверь, и они вошли в большой зал. С одной стороны вверх поднимались ступени со скамьями, похожими на длинные парты, а с другой стороны была сцена. На сцене — рояль.

— Что это такое, Петр Николаевич?

— Это зал. Здесь бывают лекции, а иногда концерты, но сейчас нам это неважно. Это наша гора, — он показал на поднимающиеся вверх ступеньки, — а это наш звездный город, — Петр Николаевич показал на рояль.

— Вы умеете играть? — восхищенно спросила девочка.

— Молчи, девочка-звездочка, и слушай!

Посадив Анюту поближе к себе, он начал играть. Наверно, никогда он еще не играл с таким волнением, и, наверно, никогда у него не получалось так хорошо. Время от времени он бросал взгляд на девочку, и потом трудно было отвести глаза от ее лица.

Она слушала, как завороженная, и все понимала. Вот мелькнула на ее личике тревога, глаза широко раскрылись, и она даже подалась немного вперед, сжав кулачки. Правильно, правильно, перепелочка, слушай. Слушай, милая, тревога твоя не напрасна, сейчас будет совсем грустно. И он сам чувствовал, что давно выученные и много

раз звучавшие под его пальцами звуки, им переживаются сейчас заново, как что-то совсем незнакомое, но такое близкое и родное. Казалось, что эти звуки льются из его души. Он ведь огонек, а музыка — его слова, которые слушает чуткое сердце девочки-звездочки. Не печалься так, девочка, ведь в сказке все равно будет хорошо. Жаль, что так не всегда бывает в жизни. А, может быть, мы сами в этом виноваты? Может быть, надо чаще верить в самое лучшее и прислушиваться к музыке в своей и чужой душе? Наверно, было бы гораздо больше счастливых людей, если бы мы умели, несмотря ни на какую боль, карабкаться на вершину, чтобы увидеть свою мечту. Слушай же, слушай, Анюта, — жизнь удивительно прекрасна. Ты идешь к ней через большие муки, которые не всегда по силам даже взрослому, а ты уже умеешь чувствовать поэзию и слушать музыку. Значит, ты непременно будешь счастливой. А когда вырастешь, станешь принцессой такой красоты, что ни один человек не сможет отвести от тебя глаза. С тобой люди будут забывать свои печали, от них будут уходить болезни, как только ты улыбнешься им. И через тысячу препятствий придет к тебе самый красивый и самый сильный принц с такой же светлой душой, как у тебя.

Поздно ночью, когда Анюта уже спала, Петр Николаевич, взволнованный необыкновенным вечером, долго сидел у открытого окна, не в состоянии даже думать о сне.

Вспомнилось, как мечтал стать врачом. Фантазировал не хуже Анютки, как он сильный, умелый спасает всех людей от болезней. Люди в слезах целуют ему руки, а он сдержанно их отстраняет — ему не нужна благодарность, он просто выполнял свой долг. А слава о нем несется по всему свету... Поэтому и пошел учиться в медицинский институт, тайком мечтая о большой славе. Но скоро, как он сам себе говорил, крылышки поникли: учиться было трудно, да и не раз пришлось убедиться, что врачи не всемогущи. Пришло разочарование, в котором боялся себе признаться. Учиться продолжал по-прежнему неплохо, но уже без воодушевления. Назначение в детское хирургическое отделение принял чуть ли не как оскорбление, но гордость помешала выдать свои чувства. Работа со временем затянула, но душа оставалась спокойной. С иронией встречал восторженные речи о красоте и романтике простого труда. Будни, одни только серые будни. Какая может быть романтика, когда сегодняшний день похож на вчерашний, а завтра будет таким, как послезавтра. То же будет и через год, и через два... И так до бесконечности. Какая разница? Он будет всем улыбаться, со всеми одинаково шутить за операционным столом и забывать о больных, уходя домой. И такое настроение было у него постоянно, от чего временами становилось грустно, если честно признаться. До глубины души его задевали рассказы об успехах бывших однокурсников, подчеркивая каждый раз, как ему не повезло.

Сегодня же что-то произошло. Трудно даже понять, что именно, просто стало очень легко, захотелось мечтать, к чему-то стремиться. И почему он внушил себе, что детское отделение — тихая гавань? Разве здесь нет больших проблем и уже все решено? Как могли не трогать его до глубины души судьбы этих ребят? Конечно, дело совсем не кончается тем, чтобы усвоить несколько приемов лечения. Надо бороться за счастье этих светлых головок, и, по возможности, дать им это счастье. Он сейчас вдруг понял, что от него многое зависит.

Петр Николаевич пошел по палатам. Сегодня он с необычной нежностью стал поправлять их одеяла, тихо гладить их милые головки, впервые увидев, какие они все красивые. Вспомнились многие мелочи, с которыми он сталкивался за эти долгие годы работы с детьми, о которых сейчас подумал с теплой улыбкой. И каждый ребенок по-своему хорош, и у каждого, конечно, свой огромный внутренний мир, о котором взрослые не всегда задумываются.

А вот и Анюта. Спасибо тебе, девочка. Кажется, у меня начинается новая жизнь. Петр Николаевич облегченно вздохнул. Пора взбираться на свою вершину.

ВЗРОСЛЫЕ В МИРЕ ДЕТЕЙ

Заметки психолога

(из сборника)

Предисловие

В данном сборнике представлено несколько рассказов, адресованных в первую очередь родителям и учителям. Все они построены на реальных наблюдениях автора за разными по содержанию фактами взаимоотношений взрослых с детьми (порой при его непосредственном участии).

Каждая история проста, события, на первый взгляд, достаточно обыденны, протекают в весьма обозримые промежутки времени (от нескольких минут до нескольких дней). Тем поразительнее, что их последствия в детском развитии имеют отдаленные результаты, накладывая отпечаток иногда на всю последующую жизнь. Такие явления известны, о них написаны тысячи страниц литературных и научных трудов. Практически каждый родитель (а тем более — учитель) знает немало рекомендаций, как должны быть организованы взаимоотношения взрослого с детьми, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия их развития. Однако путь к пониманию того, как описанные законы работают в конкретной ситуации, сложен. Не думайте, что я стану вас уверять, что расскажу, как его упростить. Скорее, я скажу вам: он еще сложнее, чем вы представляете.

Никаких чрезвычайных задач я не ставлю ни перед собой, ни тем самым — перед вами. Своими бесхитростными историями я пытаюсь сказать: ваши дети — сложнейшие и хрупкие создания. Когда вы берете ребенка на руки или ведете его за ручку, когда вы ему говорите самые обыденные слова или рассказываете сказку, помните: именно в эту минуту вы вторгаетесь в сложнейший мир, богатейший, многоплановый, трепетный, в нем можно легко что-то построить. Однако гораздо легче нечто разрушить. Совершенно незаметно. При самом искреннем желании добра. С невероятной легкостью прощания самого себя за нечаянные ошибки. С искренней верой в то, что вскоре вы ликвидируете все негативные последствия, замеченные и осознанные вами. Это наивные представления.

Не вешайте голову и не опускайте руки. Я тут же скажу вам: и, тем не менее, в наших силах сделать многое для счастья наших детей, а с ними — и для нашего счастья. Дети наивны и мудры в одно и то же время. Они бурно протестуют против грубого вмешательства, но в это же время их сердца распахнуты навстречу подлинной любви. Той любви, которая построена на признании права ребенка быть самим собой и воспитывать самого себя, принимая наше мудрое руководство.

Ребенок, еще не умеющий объяснить нам свое желание, протестует против нашего отказа в его исполнении. Поймите, чего он хочет и почему ваш отказ вызывает такой протест. Банальный ответ: ребенок капризничает. Такой ответ не объясняет проблему, а закрывает все пути к ее пониманию, а следовательно, и к установлению добрых отношений с ребенком. Вы лишаетесь, может быть, надолго, а то и навсегда его доверия и уважения.

Вот в сердце ребенка зреет фантастическая мечта. Она, с нашей точки зрения,

нереальна, ее осуществление, даже если и возможно, нами отвергается как нелепое, неразумное. Вы подрезали крылья пламенному воображению ребенка, а потом будете удивляться, что его так трудно чем-то увлечь.

Вы в ответ на многочисленные просьбы дарите ребенку щенка, котенка, попу-гайчика или хомячка. Радость, восторг, благодарность детей греют вашу душу. Но вы не подумали, что в это время возложили на ребенка бремя огромной ответственности за это живое существо, нуждающееся в непрестанной заботе куда больше, чем в играх и ласке. Последствия могут быть трагичными и для животного, а еще важнее — для вашего ребенка.

А вот вы заняты таким привычным делом: смотрите с детьми мультфильм или читаете им сказку. Вы забываете или не знаете, что в ваших руках — вовсе не средство развлечения, а мощный источник творческого развития.

Вот о таких и подобных им проблемах я и призываю вас задуматься при чтении моих бесхитростных рассказов. Пусть размышления над вашими поступками откроют вам неведомые тайны богатейших возможностей полноценного и радостного общения с детьми.

Учите себя быть счастливыми каждый день, каждый год от того, что вам выпала великая награда — вести ребенка по жизни.

Короткие рассказы о маленьких проблемах с серьезными последствиями

Мне навстречу из магазина движется своеобразная пара. Молодая женщина буквально брызжет яростью, свирепо тащит малышку лет трех. Девочка вопит на всю округу, упирается, пытается вырвать свою ручонку из железного капкана маминой руки. Мать молча тянет ее, преодолевая нешуточное сопротивление; время от времени отрывает ребенка от земли, и та повисает на одной руке с отчаянным криком. Женщина в ответ еще яростнее лупит ее по попе. Девочке вряд ли больно: поздняя осень, и на ней много теплой одежды. Зато матери, пожалуй, больно, и это распаляет ее все больше.

Когда они поравнялись со мной, мать зашипела на дочку:

— Да замолкни же ты, наконец, гаденыш! Я же говорю тебе, нет у меня денег на эту чепуху!

Девочка, задыхаясь от крика и непосильной для нее скорости передвижения, что-то пытается сказать. Что она говорит, мне уже не слышно. Они удаляются, но даже при их удалении я слышу все то же: «Я же говорю тебе, нет денег!»

Мне и грустно, и стыдно. Я не вмешалась в эту двойную истерику, и до сих пор не знаю, правильно ли поступила. Конечно, я могла сказать женщине что-то укоризненное, но совершенно ясно: она меня бы слушать не стала. Полная злости, она в этот момент ненавидела и своего ребенка, и свою слепую ярость, и свою неудавшуюся жизнь. Мои же слова наверняка ее разъярили бы еще больше. Ведь не о копеечной трате на детскую безделушку шла речь, а я могла бы говорить только об этом, как и о том, что нельзя так зло обращаться с дочерью. Иного в ситуации не было дано, и лишь догадывалась, что женщине этой очень плохо, что свои большие проблемы она решить не умеет, а это давно и безнадежно давит и ломает ее душу.

Все это так. История совершенно обычная, встречается постоянно в очень сходных вариантах. А я все упрекаю себя за неумение помочь этим двум несчастным существам. Очень хорошо знаю: нельзя вымещать на детях свою злость и ненависть,

взращенные в иных взаимоотношениях. Ребенок не виноват ни в чем: ни в том, что ему так некстати приглянулась игрушка, ни в том, что у вас нет даже на этот пустяк денег. Тем более, нет вины малыша в том, что у вас не ладятся отношения с мужем, вашими или его родителями, что у вас нет времени на отдых или любимое занятие. Остановитесь! Последствия вашей несправедливости будут разрушительными, но вы потом уже ничего не сможете исправить. Почти полная гарантия, что ваши отношения с ребенком будут сложными, а с годами все хуже и хуже. Так же можно сказать наверняка, что ваш ребенок, став взрослым, не сумеет быть счастливым и не сможет безоглядно и преданно любить, в том числе и своих детей.

Но ничего этого тогда я сказать не сумела, как и потом во многих сходных ситуациях. Впрочем, и сегодня не знаю, а возможно ли вмешательство в дела других людей, есть ли на это право — не юридическое, конечно, а человеческое. Может быть, каждому даны проблемы для того, чтобы только самим искать свои способы их решения? Может быть...

* * *

Дети сидят за столом, уплетают угощения: у Кости день рождения. Вдруг Маша, младшая среди всех, делает очень строгое лицо и голосом с железными нотками говорит:

— Это ты, Костя, болтаешь ногами под столом?

— Нет. Я не болтаю.

— Значит, Вова, это ты! — уже не спрашивает, а утверждает грозно девочка.

Вова смеется:

— Что ты? Что ты? И я не болтаю.

Маша резко поворачивается к бабушке (она сидит рядом), таким же резким движением показывает в другой край комнаты:

— Тогда ты иди в угол!

Ее голос звенит, все смеются. Маша, поняв свою оплошность, тоже смеется.

Думаю, вы легко узнали в ее действиях, как с ними в детском саду обращается

воспитательница. Не исключено, что и в вашем родительском опыте вы тоже найдете такую несправедливость. Может быть, узнаете в поступках уже взрослых ваших детей ее отголоски. Совсем не редко в нашем общении с детьми формальные правила важнее чувств ребенка.

* * *

Айова-Сити. Мы с Олей и детьми, Мишей и Егоркой, гуляя по городу, зашли на школьный стадион. Мальчики весело бегают, залезают на горки, виснут на турниках разной высоты. Довольны. Вдруг Оля замечает, что сюда идет группа детей вместе с учительницей. Ясно, будет урок. Оля говорит, что тут не разрешают посторонним детям быть на школьном дворе, надо немедленно уходить, так как сейчас будет урок.

Пытаясь увести мальчиков, мы обе неожиданно наталкиваемся на бурное сопротивление Миши. Он не дает взять себя за руку, уворачивается, убегает, говорит что-то резкое нам обеим. Мы сердимся и, наконец, уводим мальчиков. Егорка смирился сразу, идет спокойно, а Миша всем своим поведением демонстрирует протест. Он не только не хочет идти рядом с нами и упорно шагает именно по тем местам, где идти нельзя, но и достаточно громко произносит в наш адрес грубости. Что уж совсем на него не похоже, он меня обзывает «дурацкой бабушкой». Я сержусь, ухожу от него в сторону и говорю все, что думаю по этому поводу, включая угрозу не разговаривать с ним теперь.

Ссора наша длится и после возвращения домой. Мне очень неудобно. Стыдно, что я фактически не справилась с ситуацией. Не могу придумать, как снять напряжение. Мише тоже плохо: вид у него грустный, играть не хочет, бродит поблизости от меня, однако демонстрирует неприязнь и обиду. Понимаю, пора мне налаживать отношения, и я, присев недалеко от Миши, прошу у него прощения, говоря, что, конечно,

я не права, и мне жаль, что мы поссорились. Из глаз Миши мгновенно исчезает обида, он с облегчением говорит что-то нейтральное. Мир восстановлен.

Несколько минут спустя, когда мы с ним занялись каким-то общим делом, я прерываю его и говорю, что поведение Миши меня огорчило, и мне было очень грустно, потому что он грубил нам, хотя мы этого совсем не заслуживали. Ведь, если нельзя быть посторонним детям на школьном стадионе, надо было немедленно уходить. Миша, помолчав, ответил, что все понял.

Смешно сказать, но я очень долго переживала эту ссору. Было совершенно очевидно, что я и в самом деле виновата перед малышом. Но в чем? Ответ искала долго. Наконец, поняла: мы обе в той ситуации исходили только из правил, совершенно не учитывая переживания детей, особенно Миши. Ему скоро идти в школу, и поиграть на школьном стадионе было особенно привлекательно. Услышав, что у детей сейчас будет урок на спортивной площадке, естественно, захотел увидеть, что это такое — урок физкультуры. в детском саду были «занятия» — лепкой, музыкальные, физкультурные, — но не было «уроков». Что такое — урок? Это же так интересно, да еще у американских школьников. Как же не понять этого? Ведь ему тоже скоро идти тут, в Америке, в школу. Но я и не думала об этом, меня беспокоило только то, что мы можем получить замечание. Как это могло оказаться важнее чувств мальчика?

В то же время выход из ситуации был так прост: отвести детей за границы площадки и задержаться, чтобы они могли посмотреть. Вряд ли на это ушло бы много времени, и никакого неудовольствия со стороны учительницы наверняка бы это не вызвало. А вот, поди ж ты, скрутили своими запретами и требованиями своих же любимых мальчишек. Егорка-то был еще мал, у него и любопытства к уроку еще, наверно, не было. А вот Миша — это совсем другое дело. К тому же он вообще более раним и чуток к ограничениям своей свободы.

Не один год прошел, а история эта все еще меня тревожит. Как же легко поступить неправильно, несправедливо, подчиняясь формальным правилам!

* * *

Мальчик лет пяти несет в кулечке игрушку. Глаза счастливые, улыбается во весь рот, что-то радостно щебечет. Вот я уже слышу, что он говорит маме, не обращая внимания на ее молчание и отстраненный вид.

— Папа мне пообещал на Новый год купить...

Что пообещал отец, мне не слышно, но я невольно прислушиваюсь к его щебетанию: говорит о подарке на Новый год в самом начале июля! Невольно улыбаюсь.

Его мама с недоброй иронией отрывисто бросает ему:

— Слушай его больше! Пообещает, и на том дело кончится.

Мальчик запальчиво:

— Он выполнит! Его слово твердое!

— Вот как?! Твердое? Память у тебя короткая. Уже забыл: обещал он тебе на день рождения самокат — что-то я его не видела!

— Нет, память у меня длинная! Его слово железное. Не купил, потому что это ты виновата! Ты! Ты не дала ему денег! Вот!

С этими словами мальчик вырывает у нее свою руку, отступает назад и дальше идет сзади, размазывая слезы по щекам с громким бормотаньем:

— Длинная у меня память! Не короткая! Это все ты! Ты виновата!

Я останавливаюсь, оглядываясь на них. Женщина молчит, но спина ее так и источает сердитый протест... И они удаляются, разделенные враждебностью...

* * *

Три брата, Павлик, Олег и Алеша, еще дошкольники. Павлик этой осенью идет в школу, Олегу — пять, Алеше — четыре. Их интерес к игрушкам удовлетворяется, в основном, в «Детском мире». Покупают им игрушек немного и нечасто. Они ходят в магазин регулярно, подолгу стоят возле прилавка, берут приглянувшиеся автомобили, танки, солдатиков и тщательно их рассматривают, спорят об их достоинствах и недостатках. Все продавцы отдела их знают и относятся к братьям с большой симпатией. С игрушками обращаются очень бережно, что, конечно, продавцы ценят. Симпатию вызывают и дискуссии братьев: весьма разносторонне и со знанием дела они обсуждают технические характеристики каждой игрушки. Долго выбирают, но покупают чаще всего в другой раз, «в зарплату», как объясняют они продавцам.

Как-то раз с ними была их подруга, соседка по подъезду, Женька. Объекты ее внимания были другие: куклы, посуда, игрушечная мебель. Дольше других игрушек рассматривала маленький утюжок, уточняла, можно ли им гладить и как нагревать. С явным сожалением положила его на прилавок: игрушка стоила копейки, но их не было у детей.

После ухода ребят продавщица обнаружила пропажу утюжка и пошла к ним домой. Дети жили в соседнем доме, и это ей было известно. Разбираться долго не пришлось: Алеша сразу признался, что это он взял для Жени. Отдать ей еще не успел и, покраснев до слез, отдал игрушку. Забирая ее, девушка сказала:

— Игрушка стоит очень немного, я могла бы за нее заплатить, но дело не в этом. Мы вам всем очень доверяем, вы честные мальчики. Я не сомневаюсь, что ты, Алеша, потом бы очень переживал: это ведь все-таки кража.

Алеша, покраснев до ушей, низко наклонил голову, тербя уголок рубашки. Продавщица погладила его по голове и решила ему помочь выйти из трудного положения:

— Наверно, ты хотел в зарплату принести деньги за утюжок?

Мальчик затряс головой в знак согласия. По его щекам хлынули слезы. Девушка ласково прижала его к себе, и Алеша радостно обнял ее. Сомневаюсь, что он планировал принести деньги — скорее всего, он об этом и не думал. Но девушка бросила ему спасительную идею, он в нее поверил, и это помогло ему сохранить достоинство. Он поверил, что непременно все сделает хорошо, и ему больше не будет так стыдно.

* * *

Павлик пошел в первый класс, а Женя — в третий. Это не мешало им дружить. Целыми днями после школы они проводили во дворе, их кипучая деятельность длилась бесконечно.

Однажды, как говорится, «в один прекрасный день» к нам пришла ее мама за советом. Женька далеко не в первый раз что-то утащила без разрешения, то есть фактически украла. Недавно пять рублей из кошелька, теперь же исчезла почти вся бижутерия. Попытки разобраться результата не принесли: на все вопросы Женька упорно молчит. Соседка просит нас устроить, так сказать, семейный совет, учитывая наше хорошее знакомство и Женькину дружбу с Павликом. Привели Женю, позвали Павлушу, приступили к «рассмотрению дела о кражах».

Под влиянием нашего, хоть и строгого, но доброжелательного, разговора девочка во всем созналась, повела маму показывать, где спрятала украшения. Павлик всю беседу очень волновался, то защищая подругу, то требуя от нее честного признания. Когда Женя с матерью ушли, Павлик побежал в соседнюю комнату и начал что-то искать под кроватями. Вылез красный, растерянно смотрел на меня:

— Бабушка, я тоже взял у мамы без разрешения, — его голос от волнения слегка дрожал. — Вот тут я спрятал коробку спичек, сейчас хотел отдать, но не нашел.

Стараясь не улыбнуться, говорю, что мама могла при мытье полов ее увидеть и убрать. Скорее всего, подумала, что она упала из ее фартука. Посоветовала все же объясниться с мамой, раз он коробку прятал. Разговор был недолгим, проблему со спичками обсудили, подчеркнув, что не имеет особого значения, какая вещь взята потихоньку — дорогая вещь или дешевая, — это не так важно, как то, что она украдена. Завершая разговор, Наташа говорит Павлику:

— Видишь, как у Жени получилось: сначала взяла что-то пустяковое, потом — деньги, а теперь — весь комплект украшений мамы. Я не разрешаю тебе дружить с ней!

Павлик, во всем облике которого только что было смущение и раскаяние, отвернулся, напрягся, явно отвергая требование мамы. Она это почувствовала, спросила:

— Так ты понял?

— Нет! — в голосе его почувствовались слезы.

Мы переглянулись, сдерживая улыбку.

— Не понял? Что ты не понял?

— Как же я с ней дружить перестану? Я ведь на ней женюсь, когда вырастем. А как же она будет наших детей воспитывать, если все это время я не буду с ней дружить?!

В голосе мальчика звучало столько горечи и отчаяния, что мы замерли.

— Тогда, с этой минуты, ты должен отвечать за нее! Следи за ней и помогай.

В ответ мы получили сияющий благодарностью взгляд.

Когда в отношениях взрослого Павлика с людьми я вижу непременно доброжелательность, тактичность, безусловное уважение к правам других людей, я невольно узнаю эти черты в его детстве.

* * *

В вагоне метро напротив меня сидит мальчик Ему на вид не больше пяти. Сидит молча, интереса к окружающему не проявляет. В руках у него маленькая игрушка, наверное, машинка, он ее держит, лишь изредка взглядывая на нее.

Мальчик притягивает мое внимание: полное впечатление, что едет один. Один — в метро? Рядом сидят двое — молодые женщина и мужчина. Пытаюсь понять, с ними ли он, но зацепиться не за что: по внешним признакам их ничто не связывает. Проехали несколько станций — изменений нет. Думаю, не надо ли проследить за мальчиком, когда он пойдет к выходу. Но вот мальчик почти робко кладет ручку на колено женщине. Ах, вот оно что, он едет с ней. Она никак не отзывается на его робкую попытку привлечь ее внимание. Картина, прямо скажу, грустная, но все же немного успокаивает, что мальчик едет не один.

Вот конечная станция. Выхожу. Выходят и женщина с ребенком. Его берут за руки и женщина, и мужчина. Идут все так же, молча. Поражает до боли стойкое, видимо, привычное, молчание ребенка. Мне странно видеть это. в пять лет! Ребенок почти полчаса не произносит ни слова! и все это время его нет для родителей?!

Все так же, не видя друг друга, не говоря ни с кем, трое направляются к ближайшим домам. Это не те дома, к которым возвращаются с радостным ожиданием встречи с любимыми уголками. Сейчас они войдут в глухой подъезд, откроют дверь в холодную квартиру, где и летом холодно, и отовсюду повеет одиночеством.

У меня есть маленькая надежда, что им навстречу выйдет гордый кот или выбежит смешная собачка. Мальчик возьмет зверька на руки, прижмет — и сердце затопит долгожданная нежность. Не верю. Вряд ли у них есть дома живое существо. Но, может быть, плюшевый мишка ждет малыша в уголке? Или ему покажется, что плюшевая собачка со смешными ушами радостно замашет при его появлении хвостом? Неужели его ждут только железные машинки с отломанными дверцами и без колес?

* * *

Егорка (6 с небольшим лет) увлечен изобретением летающего корабля. Собирает какие-то винтики, планочки, полоски плотной бумаги. До строительства дело не доходит, но планов и разговоров много.

Однажды, прибежав с улицы, застаёт маму за чисткой пылесоса. Остановился, наблюдает. Вот увидел деталь, с его точки зрения, очень нужную для его проекта. Просит отдать ее ему. в ответ слышит, что она не может ее отдать.

Егор строгим голосом:

— Мама, но мне она нужна в моем летающем корабле.

— Сынок, но у меня без нее не будет работать пылесос.

В ответ раздается возмущенное:

— Мама, тебе что дороже: твой пылесос или мой летающий корабль?!

— Ну, конечно, сынок, твой корабль.

— Ну, вот. Значит, отдай мне это.

— А тебе она уже именно сейчас нужна? И тогда ты достроишь корабль?

— Нет, я еще не все продумал.

— Тогда разреши мне пока ею попользоваться. А как только именно она будет нужна для завершения твоей работы, я ее тебе верну.

Разрешение от Егора последовало. Пылесос работает после этого уже год. Корабль все еще существует только в проекте.

* * *

Анюта на заднем сиденье машины болтает не умолкая. Вот рассказ о том, как они стирали одежду куклам. А вчера они видели огромную собаку и очень ее испугались. Недавно... и следуют новые невероятные события. Это все из области ее общения с подругой, такой же первоклассницей. Отец слушает, улыбаясь, изредка задает вопросы, но это не от особого интереса, а скорее, от желания слушать и слушать ее звонкий голосок.

И вдруг:

— А ты знаешь, больше всего нам нравится заниматься магией.

— Магией?!

Тревога пронзила сердце. Какая магия? Это что, девочек вовлекли в какую-то секту? Кто? Как же это осторожно выяснить? Отец почти равнодушно, скрывая тревогу:

— Я не очень-то знаю, что такое магия и как ею заниматься.

Девочка пожимает плечами (дескать, кто же этого не знает?), легким жестом отбрасывает волосы со лба:

— Просто надо колдовать. Ну, понимаешь, конечно, для этого нужны всякие волшебные палочки, всякие травы, живая и мертвая вода. Еще надо знать специальные слова и танцы.

«Час от часу нелегче», — проносится тревожная мысль.

— Откуда же вы это все узнаете?

— Как откуда? Из книжек всяких.

Нет, пока не стало яснее. Что же еще спросить, чтобы не спугнуть, чтобы не ушла от доверительного контакта? Надо что-то нейтральное.

— И когда же вы занимаетесь своей магией?

— Перед школой. Утром проснемся, позвоним друг другу и договариваемся, что будем делать дальше.

О Боже! Отлегло. Так это — игра?!

— А в игре вашей? — отец делает хитрый ход, — кто-нибудь еще участвует?

— Нет. Ты что? Это же секрет!

Отец немного помолчал, потом, будто внезапно вспомнил:

— Слушай, а у меня ведь есть такой волшебный предмет. Маятник. Пишешь на бумаге вопрос, а ниже, — например, ответ «да» или «нет». Берешь маятник в руку за ниточку и спрашиваешь. При этом руку держишь совсем неподвижно, чтобы маятник сам качался. Через секунду-две он качнется — и будет качаться в направлении одного из заготовленных ответов. С его помощью многое можно узнавать. Я тебе покажу. А еще лучше, спроси у бабушки, она знает много и секреты хранить умеет.

Аннушка даже подпрыгнула на сиденье.

— Где? Где этот маятник? Дай его мне!

— Он дома остался.

— Так давай вернемся!

— У нас времени маловато, можем опоздать.

— Нет, нет, не опоздаем! Давай позвоним, что мы можем чуточку задержаться.

И машина мчится обратно. Девочка радостно щебечет, планируя, какие вопросы они будут с подругой задавать маятнику. Время от времени звучит восторженное:

— Представляешь, как Надюшка обрадуется? Мы с ней и тебя примем в нашу магическую школу, ты будешь задачки для маятника придумывать. А у тебя еще что-нибудь волшебное найдется? Ты вспомни хорошенько! Какой ты у меня замечательный!

* * *

- Павлик, нам уже скоро возвращаться в город, а замок ты не починил.
- В другой раз, мама.
- Опять говоришь «в другой раз». Ты же знаешь нашего соседа по даче, влезет.
- Мама, я сказал: в следующий раз.

Спорить с ним практически бесполезно. Отвечает он всегда так — кратко и категорично. При этом, несмотря на его десять или одиннадцать лет, он главный помощник в семье, делает многое и качественно. Тем более было удивительно просить его не первый раз, и все так же безрезультатно. Пришлось обращаться дома к отцу за помощью:

— Петечка, ну, хоть ты ему скажи, чтобы починил замок. Прошу третий раз и без толку, ведь залезут в дом.

Отец зовет Павлика, спрашивает:

— Что тебе мешает сделать замок?

(Прошу: обратите внимание на эту фразу. Он не начинает с выговора, хотя после жалобы матери это было бы вполне естественно. Но даже не использует, казалось бы, простой вариант вопроса: «почему ты не сделал?». Отец спрашивает, что мешает сделать. Разница в этих вариантах вопроса велика: в первых есть элемент осуждения, выговора, а тут уважительное обращение к мастеру, а не ребенку.)

В ответ следует не оправдание, а объяснение. Сначала не знал, как починить. Узнал, но инструмент, который был у него на даче, не подошел.

— Теперь сделаешь? Все знаешь? Помощь моя не нужна?

— Сделаю.

Павлик уходит. Отец говорит матери:

— Видишь, он не сделал не от забывчивости или лени, не знал правильного способа.

— Да пусть бы сделал, как умел, — лучше, чем ничего.

— Не лучше. Пусть все вытащат из дома, но не приучай его к халтуре.

Спустя года три-четыре, когда мастерство Павлика выросло и поручения он выполнял по критериям взрослого мастера, мать попросила его немного починить колодец. Павлик объяснил, с какими сложностями это сейчас связано, и пообещал сделать позже.

— Павлуша, ну, пожалуйста, сделай пока тят-ляп.

В ответ, как всегда, коротко и категорично:

— «Тят-ляп» — это не ко мне.

Сейчас, когда он стал взрослым, большое удовольствие иметь с ним любое дело. Все четко, основательно, профессионально и, что тоже кажется мне следствием детского опыта общения, — с неизменным тактом и уважением ко всем.

* * *

Антон появился на свет прямо в руки своей бабушки, и та, условно говоря, потом многие годы не выпускала его из рук. Мальчик рос крепенький, здоровый, но, тем не менее, чуть ли не с первых дней бабушка видела свою главную задачу в том, чтобы его накормить. Когда он уже мог сидеть, она, держа его на коленях, одной рукой, как мы смеялись, «мертвой хваткой» прижимала его к себе так, что он не мог никуда повернуть голову. Другой рукой засовывала еду в рот. Соппротивление было невозможно. Даже когда он пытался сжать зубы, ловким профессиональным движением она нажимала возле рта, и малыш непроизвольно открывал рот.

Уж не знаю, по этой ли причине, но так или иначе оказалось, что в еде Антон был невероятно капризен. Чем его накормить, было вечной проблемой. Не сдавая своих принципов, бабушка всеми правдами и неправдами доставала в то трудное время самые дефицитные продукты. В итоге оказалось, что без копченой колбасы или хорошей рыбы нечего было и надеяться накормить его. Мы в семье это не одобряли, но наши замечания отвергались бабушкой категорично. И это — несмотря на отсутствие таких продуктов на прилавках магазинов и весьма скромные финансовые возможности покупать их вообще, да еще и обходными путями с солидной переплатой.

Антошка уже ходил в первый класс, когда однажды, забежав к нам, с порога крикнул:

— Бабулечка! Ой, какой я голодный!

Я, пряча немного ехидную улыбку, говорю:

— Да чем же я тебя накормлю? У меня только борщ, пюре с огурцами и вареной колбасой.

— Давай! — крикнул внук, садясь за стол.

— Так ты ж такое не любишь и не ешь, говорит баба Оля.

— Да это я придираюсь! Давай все подряд.

* * *

После нескольких лет безуспешных попыток «жить в любви и согласии» два хороших человека разошлись. Детей поделили: отцу — старшего, Антона, матери — младшего, Вову. Вскоре оба родителя создали новые семьи. Все вроде нормально.

Но вот вам картинка.

Вова (ему чуть больше пяти лет) едет с бабушкой в поезде. Одна из соседок, покоренная Вовкиной общительностью, задает, как она думает, интересный вопрос:

— А кого ты увидишь на вокзале: маму, папу или обоих?

— Маму. Папа, наверно, будет на работе.

— Так ведь вы приедете в выходной.

Вова погрустнел, но женщина этого не замечает и задает вопрос, достаточно типичный, но бестактный:

— Вовочка, ты кого любишь больше — маму или папу?

— Больше всех люблю Антошкиного папу.

Как вам это? Это же и его отец, теперь живущий в другом городе... Как всег-

да это бывает, развод родителей прошел прямо по сердцу ребенка. И рана спряталась глубоко-глубоко, но так и не зажила. Когда внезапно мама Вовы умерла, отец позвал Вову к себе, тот согласился с огромной радостью, но не ужился и просто сбежал от-туда обратно. Но и к отчиму не пошел, жил то у одной бабушки, то у другой. Не умел прикипеть душой ни к кому — вопреки самому доброму отношению к нему, пока он все не разрушил. Вечной острой болью засело в его сердце неосознаваемое чувство: «Я никому не нужен». И совершенно не имело значения, что реальных оснований для этого на протяжении многих лет не было. Глубоко скрытый в подсознании комплекс в конечном итоге вызвал вполне реальные острые конфликты с родственниками, и Вова с ними не сумел справиться...

* * *

Весной, когда Тоне было полгода, она в яслях заболела диспепсией. Практически для ее лечения ничего особенного и делать не пришлось, выздоровела быстро и полностью. Тем не менее, из яслей ее исключили, сославшись на какие-то правила. Возможно, руководство перестраховалось. Мы не сомневались, что осенью, когда вернемся с каникул, ее опять примут. Однако возникла неожиданная проблема. После такого диагноза выздоровевших малышей помещают в специальные группы для контроля и профилактических мер. Ни в этих яслях, ни в других нашего района мест в таких группах не было. Проблема! Мы заканчивали в этот год университет, предстояла насыщенная работа над дипломом, а оставлять дочь было не с кем. в райздравотделе обещали помочь.

Прошло три недели, у меня уже появилась серьезное опасение по поводу возможности закончить учебу в этом году. Состояние отвратительное. Работа над дипломом идет второй год, сделано много, но еще больше надо сделать, и бросить или отложить невозможно по целому ряду серьезнейших причин, задевающих интересы ряда людей.

И в критический момент меня вызывают в райздравотдел. Есть возможность до конца учебного года определить Тоню в дом ребенка. Меня уговаривают, рассказывают, насколько он хорош. Расположен где-то за «Соколом» в сосновой роще. Чистейший воздух, тишина, в помещениях чистота стерильная. Дети спят круглый год на веранде с открытыми окнами (в холодное время — в спальных мешках). Персонал замечательный, уход превосходный. Дети практически не болеют. Повезла инспектор меня туда на экскурсию.

Условия, действительно, уникальные. И все же... И все же, это означает отдать малышку в ДОМ РЕБЕНКА! Мечемся в размышлениях и сомнениях, перебираем снова и снова вставшие перед нами проблемы.

Не видим другого выхода. Принимаем предложение. Немного успокаивает гарантия администрации разрешить регулярные посещения.

Отвозим. По правилам, две недели ей находиться в изоляторе. Кроме нее, там детей нет, ей все внимание. Персонал занимается ею безупречно. Тем не менее, я умираю от горя: Тоня плачет целыми днями. Мне с ней пока быть нельзя, лишь вижу ее через стекло изоляторного блока. Она плачет там, я — в общежитии.

Прошло уже десять дней. Она все плачет. Глаза опухшие, голос охрип. Видеть это невозможно! Решаем забрать ее, а там будь что будет. Говорю об этом с директрисой. Она меня прекрасно понимает, говорит, что изредка такие случаи бывают: ребенок не может привыкнуть без мамы, и приходится отдавать родителям. Однако советует подождать до истечения двух недель — этот срок критический. Настойчиво рекомендует в оставшиеся дни не появляться совсем.

Приезжаю через несколько дней. Директриса сама выходит мне навстречу, общается с радостью: все в порядке! Тонечка совершенно успокоилась, не плачет, играет, ее переводят сегодня в общую группу. Позволила взглянуть через окошко: все так, дочурка спокойная, ласково теребит медсестру. Оставили.

Это, так сказать, присказка, а сказка... На первый взгляд, прекрасная. Девочка здорова, я ее вижу каждую неделю. Немного смущает, что выходит ко мне каждый раз с опущенным вниз взглядом. На руках сидит молча, ни на какие вопросы не реагирует даже покачиванием головы. Но ведь дома она была шаловливой, подвижной, немало слов говорила... После нескольких таких встреч я, уже встревоженная, спрашиваю: что, она и у них такая тихая и будто подавленная? Воспитательница смеется, советует подойти с улицы к окну их группы и посмотреть, какая она «тихая». Так я и поступила.

А там — прелесть! Тоня бегает по всей группе, что-то лопочет, веселая и бойкая. Уф! Гора с плеч. Успокоились.

Она жила там до того момента, когда мы сдали последний госэкзамен. Все это время ездила к ней регулярно и уже не обращала внимания на ее сдержанное общение со мной. Особенно — после одного случая. Как-то уже весной приехали вместе с Володей. Дети гуляют на улице, и нам разрешили пойти к ним. Там нас ждало радостное потрясение. Тонечка бежит по двору, гоняется за воробьями, весело их дразнит и смеется во весь голос. Мы смеемся вместе с ней и ее воспитательницей, которая с какой-то гордостью нам говорит: «Вот она у нас какая!»

Забрали ее в день последнего экзамена, увезли домой, в общежитие, а вскоре уехали к родителям. Казалось, все печали позади.

Росла она активная, жизнерадостная, наполненная тысячами инициатив. Отношения с ней были хорошими, ровными, доброжелательными. Правда, по мере взросления немного беспокоила ее скрытность. Внешне все хорошо, а основные проблемы в ее жизни как бы закрыты для нас. Относили это за счет характера. Я говорила себе, что нет оснований для особого волнения: такой человек, такой уж у нее характер.

Потом иногда приходилось от кого-то узнавать, что Тоня считает: ее любят меньше, чем старшую сестру. Отмахивалась от таких разговоров — глупости, да и только! Как такое можно думать? Ведь любили мы ее искренне, и понять такие слухи не могли. Не видела особых причин задерживаться на этом: дескать, ну, красного словца ради, сболтнула такое, не может же она всерьез так считать.

Оказалось, может. Ей уже было 32 года, когда она сама мне об этом сказала с огромным сожалением, что ей очень жаль, что такая глупая мысль сидела в ее голове. Обе испытали, поговорив душевно, огромное облегчение.

Жить ей оставалось полгода...

Спросите, а к чему это я так долго говорила про Дом ребенка? А вот к чему. Как-то я прочитала, что в раннем возрасте ребенку настолько важно постоянство контакта с матерью, что прерывание его даже на две-три недели в первые полтора года оставляет глубокий след в подсознании на всю жизнь. Человек живет с чувством, что его могут бросить, что его не любят или любят меньше других. И никакие внешние обстоятельства ничего не могут изменить. Живет эта драма в его душе. Типично еще и нежелание говорить об этом, и опять-таки все по той же причине — неверие в то, что это изменит отношения. Порой это кончается трагически, вплоть до полного разрыва.

В данном случае, на первый взгляд, трагедий не было. Но по сути, разве не трагично, что человек жил с таким чувством в душе? Мы и подумать не могли, что все это не пустяк, что ее что-то мучает. Объективных причин для этого не было.

Смерть ее была неожиданной. Последнее ее дитя появилось на свет в результате операции. Что-то было явно не так, как нужно: держалась небольшая температура, что-то болело, но врачи не видели причин. Так прошли два с половиной месяца. Буквально накануне того дня, когда она должна была лечь в больницу на обследование, ее не стало...

Боль в душе не отпускала меня долго. Кроме всего того, что понятно каждому, — потеря дочери в расцвете лет, оставшиеся сиротами дети, — не уходили из памяти и ее последние слова. Слова о том, как жаль, что столько лет жила с нелепым чувством некой отверженности — причем, вопреки всему, что мы ей делали и как реально относились. Снова и снова думала об этом, видя свою огромную вину, металась в тоске. Как же я не придавала значения редким слухам о ее переживаниях, отметала их... Я ведь знала, что все не так. Надо же было поговорить, убедить, развеять ее нелепые чувства. Но не нашла нужным (или не сумела) позаботиться о ее душевном покое... Она ведь была так активна, общительна, многие ее так уважали и любили. И это успокаивало, гасило редкие предположения о том, что не все в ее душе спокойно.

Утешить бы себя тем, что ученые ошибаются, и нет моей вины, если бы... Ах, если бы не вторая проблема того же типа!

Через пять лет после окончания университета мы приехали в Харьков поступать в аспирантуру. На время экзаменов отправили трех дочерей к бабушкам. Наташа училась в третьем классе, Тоне было уже почти семь лет — их поручили одной бабушке. А другой отвезли Аленку, которой тогда было менее двух лет. О, те же полтора года!..

В аспирантуру поступили, дали даже общежитие, но... по одному месту в разных комнатах, где жило по шесть человек. Девочек привести было некуда. Алену забрали только через год. Все вроде хорошо, все нормально. Немного удивляла ее какая-то суматошная привязанность ко мне. Только со мной, все только так, как у меня, — до слез, до крика. Посмеивались, подтрунивали над ней. Любили, жалели, занимались ею все возможное время.

Ах, все те же критические полтора года! Если бы тогда знать об их коварной силе при разлучении с ребенком. Еще можно было бы исправить...

Прошло несколько лет, и мы столкнулись с немислимой проблемой. Она убежала из дома, а убежав, рассказывала невероятные истории о том, что у нее нет мамы, что живет она то у родственников, то одна. Возвращали ее домой, все как будто выясняли, но так казалось. А на самом деле где-то таилась в подсознании все та же нелепая мысль. И многие годы временами вдруг вспыхивало в ее голове: я ей не родная мать, она приемыш. «Многие годы» — это до 46 лет! Лишь в самые последние годы ее жизни она открыла для себя, что любили мы ее всегда, несмотря на то, какое горе она нам ненамеренно приносила.

Не служит мне утешением ни то, что, оставляя малышей, я оставляла их в очень хороших условиях, ни то, что при этом сама страдала, ни то, что мера эта была вынужденной; ни то, что тогда я не знала об огромном риске.

Почему сейчас пишу об этом, сказав, что надо быть внимательными к миру детей? Да вот потому и говорю! Я всю жизнь хотела своим дочерям только радости и счастья, любила их искренне и нежно. И я же внесла в их душу смуту. Нечаянно, нена-

меренно. Покаяние в этом не дает мне успокоения. Слабеньким утешением является лишь знание о том, что перед уходом из жизни обе дочери простили меня, поняли, что все иначе, чем им мерещилось. Но их нет. И исправить уже ничего нельзя.

Потому кричу, услышьте меня: «Внимание! Вы — в мире детей».

* * *

Алеше не более четырех лет. Он в гостях у прабабушки Маруси на даче. Набегался с братьями по лесу, проголодался, сидит в нетерпеливом ожидании обеда, облизывает пустую ложку. Прабабушка несет на стол пахучее картофельное пюре. Я остаю наливая ее на пороге кухни:

— Ой, мамочка, я не предупредила тебя, Алеша совершенно не ест пюре. Ему надо давать картофелины не размятыми.

— Так что же теперь делать? Я все потолкла.

— Ну, знаешь, есть такой вариант. Алешка признает извинения.

Мама растерянно поморгала, в недоумении держит кастрюлю:

— И что я должна сделать?

— Просто сказать ему: «Алешенька, извини, я потолкла картошку, не знала, что ты пюре не любишь».

Мама, не очень веря в такой вариант, все же так и сказала. Надо было видеть ее счастливо изумленный взгляд в мою сторону, когда в ответ услышала от малыша:

— Ничего, бабушка, я тебя простую, можешь еще хуже делать.

Какие тут комментарии нужны? Это уже характер, и его проявления мы видели потом многократно. Это была для нас хорошая наука. Малыш учил нас доброте и радостному прощению.

* * *

Павлуше пять лет. Сидит, задумавшись. Потом обращается к маме:

— А зачем в семье и мама, и папа?

— А ты как думаешь?

— Ну, мама нужна, чтобы еду готовить, стирать, убирать... (и следует целый список ее дел). А папа...

Замолчал. Глаза выдают напряженное размышление. Вдруг радостно выдохнул:

— А вот, когда мы плыли на байдарке по Ладоге и началась буря... — голос мальчика сорвался от возбуждения, — мама ни за что бы не сумела справиться с парусом.

Лицо сияет, глаза лучатся восторгом.

— И столько рюкзаков мама не смогла бы таскать!

Мальчик выпрямляется, становится даже выше. Он горд за отца, он гордится своими родителями. На его лице написано, что он видит себя таким же умелым и совершенно необходимым в семье.

— Вот, когда я вырасту, я буду сам водить братьев в садик.

Кстати, этот план осуществит он уже вскоре.

* * *

Когда Павлик пошел в первый класс, маме его пришлось уехать в командировку, оставив троих сыновей на попечение отца. Так получилось, что и тому совершенно срочно было необходимо уехать по своим делам. За мальчиками приглядывала соседка. Но по твердому требованию Павлика, они в основном все свои дела решали сами на протяжении нескольких дней. Ходили в магазин, Павлик варил пюре и макароны, Олег разогревал еду на электрической плитке, стоя на табуретке.

Самым сложным оказалось отводить братьев в садик и забирать их оттуда. Несколько раз так получалось, что соседка помочь в это время не могла. Еще до отъезда отец подсказал хороший способ, как избежать поисков одежды по утрам: вечером все складывали в таз, поставленный возле одной из кроватей. Искать не надо ни носки, ни рубашки — лишь бы разобрать, где чье. И все-таки успевать к началу первого урока старшему брату было трудно. Он регулярно опаздывал. Учительница делала замечания, он в ответ не оправдывался и молча садился на место. Однажды ее терпению был нанесен сокрушительный удар.

Учительница назначила какое-то мероприятие на пять часов вечера, предупредив, что явка всех обязательна. Отреагировал только Павлик, сказав, что не сможет.

— Интересно, почему же это ты не сможешь? — в голосе слышались жесткие нотки.

— Мне в это время братьев надо из садика забирать.

— Тебе?! Может, ты еще скажешь, что и по утрам опаздываешь из-за того, что их отводишь в садик.

- Да. Поэтому. Они долго одеваются.
- Ну, конечно, ты один с ними управляешься, родителей у тебя нет!
- Да, сейчас нет.
- Где же они?!
- Уехали, — совершенно спокойно ответил мальчик.
- И, конечно, оба?!
- Да.

Возмущенная учительница, сдерживая себя, ничего не сказала. Но спустя несколько месяцев, передавая класс другой учительнице, дала волю своему негодованию:

— Вот, обратите внимание на этого мальчика. Такого мне встречать не приходилось! Посмотришь — ангел, глаза ясные, но такого наглого вранья мне слышать не приходилось.

И она рассказала все, что происходило в течение этого года.

Новая учительница начала со встречи с мамой этого «ангела» и во время беседы спросила, могло ли быть такое, что мальчик несколько дней один оставался с младшими братьями. Узнав, что именно так и было и что Павлик действительно прекрасно справился со всеми заботами, учительница не могла скрыть своего недоумения, как ее коллега за столько времени ничего не выяснила. Основание для удивления было и у матери, которая неожиданно поняла, почему весь год к сыну проявлялось явно несправедливое отношение: занижались оценки, не включали его в интересные мероприятия, не замечали успехов в трудовых делах. Но так и осталось непонятым, почему учительница во время неоднократных встреч с мамой не заговорила об осенней истории.

Самым удивительным было то, что за все время ни разу Павлик не проявил никакого недовольства действиями учительницы. Уже в этом возрасте у него проявилось то, что называют самодостаточностью: совершая действия, считал важным не чье-то мнение, не оценки со стороны, а свое понимание того, насколько правильно он поступает в соответствии с объективными требованиями.

Когда и как рождается самооценка, при каких условиях она бывает объективной или искаженной, проследить практически невозможно, когда речь заходит не об отдельной операции, а о жизненной позиции. Мне кажется, что даже те вроде бы нехитрые обстоятельства, о которых я в данном случае рассказала, скрывают в себе нечто важное. Сколько же на самом деле моментов, когда так важно участие взрослых, их личные качества, их внимание и отношение к ребенку...

* * *

Миша учится во втором классе. Дали тему сочинения — «Мой самый грустный день». И мальчик пишет о том, как в аэропорту в Киеве у них украли сумку, где среди разных вещей была и его собака. «Ее, — продолжает он, — я уже немного забыл (прошло два года), но грустно до сих пор, что ее больше нет».

У всех, кто видел раньше Мишу с этой собакой, неизменно появлялась ласковая улыбка. Собака была забавная. Беленькая, с черными ушками, когда-то была наполнена пенопластовыми шариками, которые давно высыпались через время от времени появлявшиеся дырки. Теперь же наполнены шариками были только лапки и голова, потому собаку усадить было невозможно, да и лежала она, беспомощно распластываясь всем своим мягким телом. Миша с ней не играл, но и не расставался: ложился с ней спать, носил ее за собой в детском саду и на прогулку, и в столовую, и даже в туалет. Носил потешно. У нее под хвостиком торчала небольшая ленточка, на которой,

видимо, раньше стояло название места ее изготовления. Так вот, именно за эту коротенькую ленточку он и носил ее, мягко повисавшую вниз всем своим тряпочным телом. Конечно, она быстро пачкалась, и Оля вечером стирала ее, вешая на вентилятор, чтобы к утру она была сухая. Лишь однажды собаку не успели до утра высушить, и горе Миши было так искренне и неутешно, что этого раза оказалось достаточно, чтобы больше не допускать такой промашки.

И вот именно эту собаку украли. Миша тогда горевал, но внешне не так сильно, как можно было ожидать. Он видел, как огорчена мама, как она пыталась найти сумку, многократно общаясь с милицией в аэропорту. Правда, вряд ли он догадывался, что эти поиски были вызваны не пропажей собаки, а потерей массы нужных и ценных вещей. Видимо, ему была понятна бесперспективность этих поисков, и он терпеливо ждал результатов, не напоминая о своей потере. И вот, спустя два года выясняется, он ее не только помнит, но и переживает настолько, что этот день считает самым грустным.

Не удивительно ли это? Ясно, что у мальчика нежное сердце, и надо быть очень внимательными к его переживаниям. У него потом появилась настоящая собака, и никто не удивляется, что ходят они друг за другом так, что искать не надо: там, где Миша, там и пес; там, где пес, там и мальчик.

Я вспомнила всего несколько историй, таких разных, как различны дети и обстоятельства, в которые они попадают. Думаю, нет необходимости говорить, что все они убеждают нас в том, что внутренний мир детей богат и многогранен. Думаю, несмотря на то, что вы тоже знаете об этом, все же искренне поддержите меня, и теперь вместе скажем всем: «Внимание! Мы — в мире детей! Мудрые взрослые, будьте рядом!»

Для них все это очень серьезно.

Точно не помню, но, кажется, Тоше было лет пять, когда у нас появилась любимая игра — охота на мамонтов. Не спрашивайте, почему именно на мамонтов, если нет вопросов, почему — «охота». Охота и охота, мамонты так мамонты. Мы выходили на балкон, предварительно нацепив на себя необходимое снаряжение. Мне — старую нелепую шляпу, которая должна изображать охотничью, — нечто вроде тирольской. Тоше, естественно, богатырский шлем из пластмассового набора. К нему еще полагался и меч, но он был для него великоват, и на то, чтобы его засунуть за пояс, а чаще и просто в штаны, уходило немало времени. Да, чуть не пропустила главное — деревянное ружье. Его главная ценность была в том, что его не покупали в магазине, а досталось оно по наследству от Павлика, двоюродного брата Тоши.

Труднее было найти оружие для меня. Нашли выход из положения. Я взяла в качестве (ах, как называют охотничью сетку?) хранилища для подбитой дичи тоненькую сетку, которую сплел мой отец, — старики еще помнят, такие называли авоськами.

Ну, наконец, все готово, и мы выходим на балкон. Это место полно тайны. С него открывается великолепный вид на далеко раскинувшийся внизу город. Нет, это не тот город, к которому мы привыкли, — город многоэтажных домов. Это город до-

мов одноэтажных, отсюда кажущихся почти игрушечными. Они утопают в зелени, и это дает нам основание считать все то таинственное пространство волшебным лесом, который населен многими странными животными. Мы пытаемся разглядеть их, но нужен нам только мамонт. Мы замираем, будто можем его спугнуть. Вот радостно кричит Тоша:

— Бабуленька, вот он! Спускаю курок! Попаа-а-а!

Мы возвращаемся в комнату, бурно обсуждая произошедшее, которое теперь обрывает массу отсутствовавших тогда деталей. Увлекательное действо.

И вот однажды Михаил Григорьевич, дед Тоши, звонит и радостно сообщает:

— Галя, вот послушай, что написано в сегодняшней областной газете.

И что же я слышу? Недавно на территории Журавлевки (так называлось то самое пространство одноэтажных домиков) найдены части скелета... мамонта.

Не скажу, в какой мере Тоша смог оценить это сообщение, — он воспринял его как вполне закономерное. Но нам, взрослым, оно доставило огромное удовольствие. И долго потом смеялись, рассказывая знакомым, не уставая повторять: «Этого не может быть! Но оно есть!».

Сходное развлечение для внука (а, возможно, для себя) придумал и дед. Порой они гуляли по склону холма, круто спускавшегося поблизости от нашего дома вниз. Место было несомненно самое подходящее для наполненного фантазиями пятилетнего мальчишки: по самому верху, казалось, до самого неба густые заросли колючего кустарника; пониже буйные заросли довольно высокой травы; а внизу — массив частных домиков в густой зелени садов, обрамленный на горизонте многоэтажными домами.

В этом волшебном месте сами собой возникали образы притаившихся первобытных охотников, злых коварных чудовищ или, на худой конец, полчища неведомых зверей. Правда, с позиции современного городского жителя, не самый подходящий уголок для прогулки с ребенком, ибо помимо его крутизны, с которой легко, споткнувшись, можно было покатиться вниз, в зарослях попадалось немало мусора (какой современный житель не откажется, пока никто не видит, выбросить кучу ненужного хлама). Временами кто-то производил очистку территории, но это помогало ненадолго.

И вот, наталкиваясь на такую кучу, дед, скрывая улыбку, как-то сказал в ответ на вопрос внука о ее происхождении, что это остатки стойбища «плохого человека». Внуку тут же захотелось немедленно сжечь этот мусор. Идея была дедом отвергнута. Но он предложил другой вариант — собирать мусор в кулек и выбрасывать в мусорный ящик, находившийся сразу за кустами возле домов. Работа закипела, но энтузиазм у внука быстро иссяк.

Уже на следующую прогулку на «стоянку плохого человека» пришли хорошо оснащенные. Бедный дед! Он и не подзревал, насколько осложнилась за предшествующие дни обста-

новка. Количество «стоянок» увеличилось. Пришлось искать выход: главное — убрать кучи «самые опасные». Дед особенно внимательно следил за тем, чтобы не пришлось сгребать мусор с гнилыми продуктами или стёклами. Добавилась и новая работа: инициативный Тоша предложил искать и по улицам города следы «плохого человека».

Прохожие, встречая мальчика, собирающего мусор на улицах, умильно улыбались, за исключением дворника, которого мальчик позвал в помощники. Работая метлой, он бурчал себе под нос:

— Старый дурень! Ишь, что придумал! Не дело это — ребёнку мусор по улицам собирать!

Сметая очередную кучу, потрепал Антона по голове:

— Начальником будешь! Организатор!

* * *

Это было в самом начале 70-х годов, когда слово «дефицит» было прекрасно знакомо даже детям дошкольного возраста. Сейчас трудно объяснить, что в разряде дефицита оказывались ныне самые обыкновенные продукты.

Вот, например, естественная для тех жителей сцена. В овощной магазин завезли лимоны, и тут же выстроилась очередь. Вот мужчина получает завернутый в кулек из газеты (тоже примечательная деталь) килограмм лимонов и тут же со счастливым лицом начинает грызть ароматный лимон, смеясь от удовольствия: «Мечта моей жизни!».

Соседи купили холодильник и тут же примчались к нам с инструкцией в руках. Хохоча до слез, читают, что в морозильной камере нельзя морозить бананы. Соседка буквально трясется от смеха:

— Нет, вы послушайте! Послушайте, что они пишут: «не рекомендуется замораживать бананы». Ой, не могу! А кто их мне хотя бы покажет, что это за штука такая — бананы? Тогда я решу, морозить ли мне их или тут же сожрать. Кстати, вы не знаете, шкура у них съедобная. Я как-то в кино видела, обезьяна чистила банан, отгибая шкуру.

Да что — бананы! Апельсины, да, да, те самые апельсины, которые теперь лежат на прилавках круглый год, я привозила из Москвы, когда бывала там в командировке. Как-то раз привезла несколько килограмм. Вот уж радости было внукам!

Была осень, на балконе прохладно, и я убрала апельсины туда. Правда, не буду лукавить, не только прятала от комнатного тепла, но и от внуков, которые алчно похаживали вокруг сумки с экзотичными фруктами. Но спасти их не удалось.

Через пару дней после того, как апельсины были спрятаны на балконе, стучит к нам соседка:

— Вы только посмотрите, что ваши мальчики делают! Они же прохожим голы поразбивают!

Захожу в комнату и вижу, что мои пятилетние внуки, Павлик и Вова, стоят на балконе и громко хохочут с криками: «Следующий!». Стоя в дверях, понимаю, что это команда для очередного апельсина, который они намерены бросить вниз. Да и он далеко не первый. Там внизу — а мы жили на шестом этаже — яркими оранжевыми пятнами красуется множество апельсинов. Но рассердиться на этих «вождей краснокожих» не было сил: они смотрели на меня совершенно невинными сияющими глазами, даже не сомневаясь, что и мне будет так же весело. Отправляю их вниз собирать, и они, еще не подозревая, какое разочарование их ждет, с гиканьем понеслись по лестнице вниз.

Вернулись вскоре, понуро отводя глаза. Молча положили на кухонный стол

три штуки. Я ничего не говорю, и только тут Павлик тихо промолвил:

— Эти еще можно отчистить от грязи. Вот тут, только в трещинах...

— А что с остальными?

Братья переглянулись. Вовка не выдержал, хохотнул:

— Остальные? Просто в кашу!

Потом много раз вспоминали свой «десант», грустя, что не успели насладиться редким угощением.

* * *

Второкласник Павлик долго ходил в магазин, чтобы узнать, когда можно будет заменить стиральную машину, которая испортилась во время гарантийного срока. Его уже знали продавцы. Одновременно возникла идея купить пылесос, и он стал заодно следить за их поступлением в продажу. Однажды пришел, а продавец сказала, чтобы бежал за деньгами — только что привезли пылесосы. Когда он вернулся с деньгами, в отделе уже стояла огромная очередь, которая подняла шум, увидев, что он сразу подошел к продавцу.

— Что вы возмущаетесь? — среагировала продавец. — Ему очень надо! У них большая семья.

Вскоре Павлик присмотрел для бабушки морозильник, заявив, что это для них очень нужная вещь. Для покупки срочно требовались деньги, за которыми необходимо было отправиться из Луганска в Харьков. Вариант с пересылкой денег по почте был неприемлем из-за неопределенности сроков получения денег. Такие товары в магазине исчезали в течение нескольких дней. в силу занятости родителей Павлик предложил съездить за деньгами. Учитывая надежность и серьезность сына, его отпустили. Приехав в Харьков, по своей инициативе, на полпути до бабушки, он вышел за букетом цветов. в тот же день с довольно крупной суммой денег (260 рублей) его отправили домой. Конечно, переживали, что отправлять ребенка с такими деньгами опасно. Павлик отгел эти переживания, сказав, пожимая плечами:

— Кто же подумает, что у маленького мальчика в рюкзаке большие деньги?

Вскоре морозилка уже стояла у бабушки, и с легкой руки маленького помощника служила ей более тридцати лет.

* * *

Пашу пригласили участвовать в велосипедных гонках по пересеченной местности с очень сложным маршрутом. Для него дело новое, явно, справиться трудно. Тем не менее, согласие дал. Его сын Миша спрашивает, почему он это сделал, если нет никакой уверенности в победе. Паша отвечает, что интересно проверить, что он может, а победа тут не при чем.

Тут же записывают и детей. Для них есть две группы: от 5 до 10 лет, и от 10 до 15. Миша узнает, можно ли записаться в обе (ему совсем недавно исполнилось 10). Оказалось, можно, и он записался, объясняя, что в первой группе он будет одним из старших, там победить легче, а во второй будут высокие и тренированные мальчики, у которых и велосипеды больше. Их не победить. Но все равно интересно проверить, сможет ли он среди них до финиша дойти.

В итоге: в первой группе наградили всех участников, не сопоставляя, в каком порядке они дошли до финиша. Во второй группе из 14 участников он пришел одиннадцатым и этим остался доволен:

— Главное — я дошел до финиша, и был не последним.

* * *

С трудом сходила в магазин. После зимы, когда почти не выходила из-за гололеда, тяжело. Присела на скамейку перед подъездом. Через две-три минуты появляется молодая женщина с мальчиком лет восьми. Он мне радостно говорит:

— А мы догнали вас.

— Так меня догнать легко, хожу медленно.

— Я боялся, вы успеете раньше нас в подъезд зайти.

Меня немного удивляет это. Спрашиваю:

— Зачем же тебе меня догонять?

— Хотел сказать, что все ваши сказки прочитал.

Ах, вот оно что! Вспомнила, что пару месяцев тому назад его мама приходила ко мне за книгами.

— Понравились?

— Очень. А я моему другу сказал, что эта бабушка, которая пишет сказки, живет в нашем подъезде. А он не поверил, говорит, так не бывает. Это просто бабушка продает книги. Я сказал, пусть у моей мамы спросит.

Уже заходя в подъезд, обернулся:

— А вы новую сказку написали?

— Пишу, но никак не закончу. Зрение у меня плохое, трудно читать.

— Ну, ничего. Вы с отдыхом пишите. Я подожду!

* * *

Два брата, Володя и Валя, оба еще дошкольники, остались дома одни. Мамы долго не было, захотели кушать. Нашли в кастрюле суп, но вот проблема: тарелки все на полке высоко. Валентин готов был есть прямо из кастрюли, но старший брат категорически запретил. Пока Володя искал подходящую по высоте табуретку, Валентин, балансируя на крае старенького стула, дотянулся до полки... Полка оторвалась от стены, и вся посуда посыпалась на пол.

Не произнося ни слова, перебирали осколки, стараясь вынуть из кучи хоть что-то целое. Все напрасно: мальчики поняли, что разбилось все. И вдруг радостный крик Валентина:

— Ура! Моя тарелка не разбилась!

Из всего набора тарелок, блюдец, чашек именно его тарелка осталась целой.

* * *

Мы проводим лето в Майкопе. Как-то раз пришли в гости давние знакомые. Наташа, которой четыре года, вежливо ответила на все их вопросы и тактично ушла в сад. Гости восхитились ее серьезностью и необычным достоинством, с которым она давала эти ответы. Ее младшая сестренка Тоня — дитя иного типа. Она крутится возле гостей, болтает без умолку, забавляя взрослых. Гости от нее в восторге. Перед уходом с лукавой улыбкой просят отдать им ее. Бабушка делает вид, что готова согласиться, но надо собрать ее вещи. Вот, дескать, соберем и приведем к вам.

Наташа стоит невдалеке и все слышит. Из глаз ее потекли слезы. Она ушла дальше, не захотела прощаться с гостями. Когда гости ушли, ее обнаружили за домом, где она тихо плакала, размазывая слезы по щекам.

— Наташенька, ты что плачешь? — удивился дед.

— Как же вы отдадите Тонечку? Они же не знают, что она не любит жесткое мясо.

* * *

У меня в гостях семилетний Егорка. Разговор не умолкает. Вдруг Егорка спрашивает, какая у меня фамилия:

— Кузнецова?

— Нет, Репкина.

— А у бабушки Наташи?

— Тоже Репкина. Все остальные Кузнецовы.

Егорка ехидно:

— Это, значит, и все китайцы Кузнецовы?

Мы с Пашей не сразу уловили подвох.

— Ну, наверно, — говорит Паша, — у кого-нибудь из китайцев такая фамилия тоже есть.

Егор опять хитро улыбается:

— Да нет, не у некоторых, а у всех. Бабушка же сказала, что у всех остальных, кроме бабушки Наташи, фамилия Кузнецовы.

Хитер логик! Спрашиваю его тут же:

— А если я скажу, что все, кроме обезьян, люди? Так сказать можно?

Следует ответ:

— Сказать так можно, но это не будет правильно.

* * *

Зашел разговор о талисманах. Миша говорит, что понял так: талисманом может стать любой предмет, который чем-то очень дорог, и он будет защищать того, кому он дорог. На это Егор говорит, что у него дома есть маленькая черепашка, которая ему

очень дорога, и она, значит, может быть его талисманом. Но тут же с хитрой улыбкой:

— А вообще-то мне дороже всего моя голова. Вот она и есть мой талисман. Всегда со мной и всегда защищает меня, чтобы я не делал глупости.

* * *

Миша, школьник четвертого класса, о чем-то мечтательно задумался. Потом говорит:

— Я очень хочу быть космонавтом, это же так замечательно. Надевают на тебя скафандр, потом взлетаешь в ракете, а вокруг огонь, огонь. Долго летаешь высоко над Землей, все видно. а в ракете ты один или вдвоем, никого больше не видишь, выйти нельзя. Еда в тубиках. а чтобы стать космонавтом, надо очень долго тренироваться. Тренировки тяжелые, тебя крутят, крутят. Много надо бегать, прыгать...

Помолчал.

— Лучше, я буду программистом!

* * *

Андрей пошел в первый класс. И однажды пришел домой, протягивает тетрадку и спрашивает:

— Что за каляки учительница пишет у всех детей в тетрадках?

Там стояло «см.» и неразборчивая подпись. Ему объяснили, это означает, что учительница смотрела его работу.

Некоторое время после этого, возвращаясь из школы, он с кривой ухмылочкой говорил:

— Опять «см.»! Когда же она будет настоящие отметки ставить?

И вот настал день, когда он счастливый врывается в квартиру, с шумом захлопывая дверь. Не раздеваясь, торопливо достает тетрадку из портфеля и с торжествующим видом демонстрирует.

— У меня сегодня настоящая отметка!

Взрослые смотрят, а там стоит «2».

— Так это же двойка! Чему ты радуешься? Это плохая отметка.

— Как плохая? Когда я на соревнованиях прибежал вторым, меня хвалили. А Витьке, который пришел первым, даже подарок дали! Я тоже постараюсь и скоро мне поставят «1».

* * *

Сереже около двух лет. Приехали к нам в гости из Мичуринска, где они жили на квартире у деревенской бабки, у которой в холодное время в хате находилось все ее немудреное хозяйство. По всем углам в сенях стояли мешки с овощами, там же хранился и корм для скотины. Куры и поросята бродили по комнате. Сережа к этому так привык, что очень удивился не найдя у нас в комнатах ни кур, ни поросят. Бродил по комнатам, заглядывал под стол, залезал под кровати и недоуменно разводил ручонки, повторяя:

— Ай-ай-ай, нету.

В той деревни семья Сережи впервые в послевоенные годы испытывала серьезные трудности с питанием. Бабушка, к которой они приехали, решила накормить гостей пирожками. Налепила их целую гору и начала жарить. Сережу посадила на подоконник и первый же пирожок, слегка остудив, дала ему. Пока переворачивала следующие на сковороде, он уже тянул к ней ручку и с требовательной интонацией повторял: «Дай, дай!» Смеясь, бабушка дала ему второй. Потом третий. Когда и после этого мальчуган не успокоился, она из опасения, что он может объесться, решила отправить его с кухни. И тут обнаружила надкусанные пирожки у него за спиной. Откусив, Сережа тут же прятал их за спину, запасая на будущее.

* * *

Через некоторое время Сережа с родителями переехал в Ригу. Там он впервые попал в детский сад, откуда он приносил немало занятных обычаев. Вот, например, один из них.

Сели обедать. Бабушка напомнила Сереже, что надо вымыть руки. Резво вскакивая со своего стула, он облизал ложку и плюнул в еще пустую тарелку.

— Сережа, ты зачем это делаешь?

— Чтобы никто не взял мое.

И это при всем том, что рос он весьма разумным мальчиком.

* * *

Сережа с бабушкой были большими друзьями. Частыми бродили по Риге в переплетениях улиц и переулочек, в которых он ориентировался лучше многих взрослых. Он вообще был очень смысленным мальчиком. Рано научился считать, и уже к пяти годам делал это быстро и точно. Бабушка непременно брала его с собой на базар, и мальчуган внимательно следил за тем, сколько ей надо заплатить и сколько дадут сдачи. Бабушка не уставала удивляться этому.

Но вот пришли для них с бабушкой грустные дни.

Отца Сережи перевели в другой город, и семья стала собираться в дорогу. Сережа то-скливо ходил между взрослыми, то собирая свои вещи, то, наоборот, раскидывая их по всей квартире. Бабушка сделала ему замечание. Тогда он отозвал ее в коридор и взволнованно зашептал:

- Я нарочно раскидываю вещи, чтобы мы не успели к поезду.
- Да ты что? Они что же, без нас уедут?
- Да, да, пусть едут, а мы тут останемся с тобой.
- Сереженька, а на что же мы жить с тобой будем?
- Как на что?! На сдачу.

* * *

Наташа, рано научившись читать, мечтала пойти в школу, и среди игр школа занимала особое место. Вот, например, сидит с младшей сестренкой за столом, перед каждой чистые листики бумаги и карандаши. Наташа тоном учительницы говорит сестре:

- Будем рисовать вишенки. Нарисуй кружочек.

Сама на своем листике рисует аккуратный ровненький кружочек. Тем же тоном продолжает:

- А теперь рядом нарисуй второй кружочек.

Бросив взгляд через стол на рисунок сестры, вскрикивает:

- Ой, зачем же ты нарисовала косички?

Тоня спокойно отвечает:

- Это девочка.

Наташа вздыхает, и, не выходя из роли, говорит:

- Ну, хорошо, тогда будем рисовать девочек.

* * *

Осенью Наташа пошла в школу, и теперь Тоня одна оставалась с младшей сестренкой. Для того, чтобы она могла утешить сестренку, когда та начинала плакать, Тоне оставляли печенье. Для Тони это было большое испытание: сама она печенье без разрешения мамы не ела, поскольку в магазинах оно бывало редко. Однажды мама, вернувшись с работы, была удивлена тем, что количество печенья резко уменьшилось. Попросила объяснения у Тони. в ответ Тоня, выразительно жестикулируя, сказала:

— Понимаешь, когда я доставала печенье, кулек упал на пол, и печенье рассыпалось. Нельзя же давать малышке с полу.

* * *

Валера, ученик третьего класса, регулярно опаздывает в школу. Бабушка решила в воспитательных целях описать похожий эпизод в одной из своих сказок. Братья Поросята регулярно опаздывали на занятия и их учитель, Рыжий Волк, ругал их за это,

потому что они мешали остальным. Валера читает этот фрагмент, а бабушка с нетерпением ждет реакции. Прочитав, Валера восхищенно говорит:

— Как мне понравилось!

— А что именно тебе понравилось? — спрашивает бабушка, ожидая услышать, что его привлекло опоздание поросят на занятия.

— А как Поросята пришли и сразу спрашивают, а когда будем обедать? Бабушка потерпела фиаско.

* * *

Миша (около 4 лет) смотрит кукольный мультфильм про мальчика первоклассника, который, вернувшись из школы, съел все, что ему оставила мама, не обращая внимание на котенка, жалобно мяукавшего у его ног. Голодный котенок, оставшись без присмотра, вывалился из окна. Внизу во дворе его успела подхватить девочка, унесла к себе домой и накормила. в этот момент Миша возмущенно говорит:

— У, плохая девчонка!

Бабушка удивлена:

— Как плохая! Она же котенка спасла, накормила его.

Миша в ответ:

— Ну и что, плохая! У нее щеки толстые.

* * *

После долгого отсутствия я в гостях у своих знакомых, в семье состоящей из трех женщин: двух взрослых и девочки пятиклассницы. Слушая мои рассказы о жизни в нашей семье, где несколько братьев, об их шалостях, в какой-то момент Оля восторженно говорит:

— Ой, до чего же хорошо, что у вас так много детей! Я вот очень боюсь темноты, а с братишкой или сестричкой бояться вдвоем веселее.

* * *

Четырехлетний Павлик в который раз смотрит свой любимый мультфильм про Дюймовочку, в какой-то момент весь напрягается, глаза наполняются слезами и он говорит:

— Сейчас будет зло, но его победят и Дюймовочку спасут.

Потешки

* * *

Пятилетний Вова впервые попал в купе поезда дальнего следования. С интересом рассматривает полку, столик. Расстилаем постель, на что он изумленно: «А что тут и спать можно?» Веду Вову в туалет, изумление достигает максимума: «Тут и туалет есть?!»

* * *

Двухлетний Олег не любит мыть голову. Купаться — пожалуйста, а голову — плачет: «Засунь мне мою грязь обратно в голову!»

* * *

Когда Олегу исполнилось три года, глядя на читающего старшего брата, он решил учить буквы. В качестве учителя Павлик, сегодня буква «ё». Олег подбирает слова: ёзик, ёлка, слён.

* * *

Алеша: «Я знаю, где Москва — она у бабушки Гали в квартире». У бабушки висит фотография московской улицы.

* * *

Алеша (около 4 лет) заявил:

— Я вот такой большой... Я хорошо сделан.

Знает уже буквы «о» и «а», поэтому собирается через год в школу. Как-то раз, не сумев справиться с каким-то делом, Леша оправдывается:

— Я еще хорошо не умею, ведь я — будущий, еще вырасту.

* * *

Павлик по поводу правдивости какого-то события:

— Чтобы я в пять лет врал?!

* * *

Шлепнула за что-то четырехлетнего Павлика, а он заявил:

— Детей бить нельзя, даже в книжках написано.

* * *

Утро. Галочка (3 года) из своей кровати следит за тем, как я иду умываться, в трусах и майке и вдруг говорит:

— Посмотри на себя, ты не одета!

Дедушка ей:

— Галочка, что ты хотела спросить у бабушки, спрашивай! — речь у них шла о том, что она не поверила, что меня зовут тоже Галей.

— Нет, пусть сначала оденется, потом и спрошу!

* * *

Трехлетний Витя не любит ходить в садик и утром жалобно говорит:

— Я заболел, что будем со мной делать? Видишь, как я кашляю, — пытается кашлянуть, — и лобик совсем холодный.

* * *

Галя (5 лет) в ответ на вопрос, что она будет пить, молоко или компот, отвечает:

— Молоко. Выбираю мо-ло-ко. Это как в Поле Чудес: что выбираете, приз или 100 тысяч, так я выбираю приз.

* * *

Алеша объясняет маленькому брату Вите, где у человека голова, руки, кисти рук, а он перебивает:

— Ну, ладно, хватит на сегодня!

* * *

Егорка (2,5 года):

— Папа, как ты думаешь, я хочу зеленого горошка?

Надо учесть, что зеленый горошек он обожает и готов есть его в любое время.

* * *

Олег (5 лет): «Бесконечно много все-таки меньше, чем видимо-невидимо, а видимо-невидимо столько же, как мать-мушкетер. Только почему ты говорила, что яблок мать-мушкетер, когда лучше сказать, что их мать-яблочная. Но крин больше, чем видимо-невидимо: больше крин ничего нет». (Крин — это собственное слово, существующее около года и в его понятии обозначающее больше бесконечности.)

* * *

Алеша (3,5 года) поет песенку во время уборки игрушек:

— Я вежливо убираю, я вежливо собираю.

* * *

В другой день:

— Мама, дай хлеба!

Мама переспросила, а он:

— Я обнаглел, ты готовишь, а я хлеба прошу.

* * *

Купили Павлику парту, он страшно доволен. Малыши ходят вокруг и рассуждают. Олег:

— А нам одной парты мало будет, а вдруг много уроков писать?!

На что Алексей спокойно заметил:

— Вот еще, не буду же я себе отдельную парту просить! Надо — подожду. Можно и по очереди.

* * *

Алеша (3 года) влез пальцем в перец, потом сунул палец в рот и долго пыхтел и сопел, пытаясь тем же пальцем убрать горечь. Отправили хорошенько помыть руки и прополоскать рот. Вернувшись, вздохнул:

— Теперь можно начинать терпеть!

* * *

Спустя год Алеша ревет в садике:

— Не хочу умирать! Тебе деньги перестанут платить, если на работу будешь опаздывать, денег станет мало и мы умрем.

* * *

Бабушка с первоклассником Павликом зашла за его младшими братьями в садик. Выходят на улицу, и Павлик говорит бабушке:

— Когда я вырасту, я потом всю жизнь буду сам забирать их из садика!

Бабушка смеется:

— Ты думаешь, ты вырастешь, а они маленькими останутся?

Павлик некоторое время идет молча, потом вдруг вскрикивает:

— Так это же тогда, сколько у нас дядьков будет!

* * *

Дети возражают против уничтожения тараканов. Алеша: «Мама, смотри, вон из-под двери вышли 2 таракана. Они братики, они любят друг друга и не дерутся».

* * *

Павлик, начиная уже с первого класса, сам ходил в школу, и мама ему объясняла, как важно соблюдать правила дорожного движения. Он относился к этому очень серьезно, и так, во втором классе, говорил своим братьям: «Не буду я как попало ходить через дорогу: жалко ведь такого хорошиста!»

* * *

Два младших школьника Павлик и Олег перед сном болтают, лежа в кровати. Перешли на философские темы. Павлик рассуждал о том, что мы все умрем, поэтому лучше долго-долго жить. Олег оптимистично заключил:

— Ничего, мы еще довольно долго будем жить, а может, еще и в новой квартире успеем пожить.

* * *

Павлик: «Мне так нравится вся наша обстановка дома! И трещины нравятся. Даже лучше, чем у бабушки. Совсем по-домашнему».

* * *

По вечерам мальчишки, ученики начальных классов, читают энциклопедию, в которой их внимание особенно привлекла схема кровеносной системы человека.

Алеша Олегу:

— У меня, кажется, мало кровяных шариков вырабатывается. Барахлит это, как его называют, устройство...

Олег:

— Селезенка барахлит. Помнишь, и в «Мэри Поппинз» так написано?

* * *

Олег живет у бабушки, учится там в третьем классе. О своих делах сообщает маме, изредка посылая честные отчеты.

«Хожу в магазин. Убираю игрушки. Я это делаю из-под палки. Олег Кузнецов».

* * *

Первоклассник Алеша делится своими новыми познаниями:

— Я знаю, что такое невесомость. Это в космосе есть такие дыры, в них только проваливаешься, а висеть нельзя.

* * *

Витя ночью во сне стал потихоньку поскуливать, и в ответ на вопрос, что с ним, заявил, что мешает телевизор. Его успокоили, что ТВ выключен.

— Так в том же и дело!

* * *

Маша (3,5 года):

— Эти пирожки с мясом?

— Нет, с капустой.

— С мясом!

— Да нет же, с капустой!

Я разламываю пирожок, а она опять:

— Видишь, с мясом!

Я сдаюсь вопреки очевидному:

— Ну, хорошо с мясом!

Она откусывает и возмущается:

— Они же с капустой! А ты все споришь, что с мясом.

* * *

Иду мимо двух дошкольников, которые собираются поджечь опавшие листья, старательно прячась от дворника. Я им говорю:

— Не делайте это без мамы, позовите ее!

В ответ дружный возглас:

— Разве она умеет?

* * *

Анечка (5 лет) говорит госте: «Тетя, а Вы знаете, что мой папа — очень хороший человек?»

* * *

Братья дошкольники поглощены своими играми. Егорка леж на ковре складывает очередную картинку пазл. Миша пытается починить сломанную машинку. Вот Миша сел, задумался, потом спрашивает:

— Егорка, белый шоколад хочешь?

Егорка от удовольствия даже сел:

— Конечно, хочу!

— А нету!

* * *

Егорка (6 лет) на приеме у врача после травмы черепа. Проверяют наличие сотрясения мозга. На все вопросы молчит. Оля-то знает, он очень застенчив. Тем более вопросы пустяковые, и он ищет подвоха. Но вот спросили, какая у него любимая книга. Ответ удивил: про физику. Еще больше удивились тому, что именно ему там понравилось.

— А вот, — говорит, — в физике сила — это совсем не то, что в «Звездных войнах»,

это про то, что одно тело давит на другое и отталкивает его, а иногда, наоборот, тянет его за собой.

* * *

Анюта (8 лет) на даче:

— Бабушка, тут есть книги?

— А толстые?

— И с твердыми обложками есть?

После всех положительных ответов радостно:

— Тогда я могу листики засушить!

* * *

Восьмилетний Егор мается над сочинением на вольную тему, не может придумать ни одного слова. Скучая, берет листик бумаги, карандаш, проводит дугу посреди листика. Сидит. Потом над ней рисует травку, внизу рисует воду, рыбок. Радостно сверху помещает старика, еще кое-какие детали. И про это начинает рассказывать тут же выдуманную историю. Кладет карандаши, вздыхает и с облегчением говорит:

— Вот теперь я знаю, как писать сочинение, сначала надо нарисовать.

* * *

Егорке выписали очки. Он пришел в восторг: оказывается, он так многого не видел, в том числе то, что птицы при полете не все время машут крыльями.

Через три дня после появления очков, из школы вернулся со сломанной оправой.

— Понимаешь, мама, мой друг случайно бросил мне в голову баскетбольный мяч, а я совершенно случайно его не поймал.

* * *

Девочке 3 года. Ей подарили игрушечный фонендоскоп. Она села на стул и опустила его через спинку вниз.

— Улечка, ты что делаешь?

— Ловлю рыбу.

— Это не для рыбы, это прибор для доктора.

— Хорошо, тогда я буду доктором. Что у вас болит?

— Горло. Вы можете полечить?

— Нет, не могу.

— Почему?

— Я ловлю рыбу.

* * *

— Мама, сшей моему медвежонку Яше штанишки.

— Пойдем, поздравим тетю Галю с днем рождения, а потом сошью.

— Что ж это, мы сразу пойдем домой? И кушать не будем?! Что ж это за поздравление?

* * *

Перед сном мама читает сказку четырехлетнему Алеше. Закончили, пора спать. Малыш просит продолжить.

- Хватит, читатель мой!
- Я не читатель, это ты мне читала.
- Верно, ты слушатель.
- Я не слушатель, я без спроса в коридор выходил.
- Ах, ты мой золотой!
- Не золотой, а дорогой. Я же не из железа.

* * *

- Мама, эта собака овчарка?
 - Нет, это помесь овчарки с бульдогом.
 - А как это?
 - Мама была овчарка, а папа — бульдог.
- Видя у сына вопросительный взгляд, поясню на другом примере.
- Вот у тебя мама русская, а папа украинец.
 - А когда ты была овчарка?

* * *

— Мама, как называются люди, самые главные в стране, ну те, что на портретах, как Вицин и Никулин?

Говорим о разных профессиях. Дошла очередь до тети Гали. Сказала, что она доцент.

— А, знаю — это самый главный вор!
(Незадолго до этого разговора по ТВ показывали фильм «Джентльмены удачи».)

* * *

Мама с сыном идут из детского сада. В ближайшие дни туда не пойдут, там карантин. Мама объясняет сыну, что там дети болеют. Мальчик с важным видом кивает головой:

— Да, знаю, дети болеют грибом и корнем.

* * *

— Что будем делать: пойдем в кино или купим мороженое?

— В кино: там дольше.

* * *

Ульяна (4 года) приехала к бабушке в деревню. Все ей нравилось, но особый восторг вызвали котята. Она их гладила, носила на руках, укладывала спать. Пришло время кормить котят. Им налили в блюдечко молоко. Один из них наелся и отошел в сторону. Уля всплеснула руками и бросилась к папе:

— Папа, папа, он всю мордочку измазал в молоко? Что же делать? Он теперь так и будет грязный?

Папа, не отрываясь от чтения газеты:

— Нет, грязным он не будет. Его мама вылизет.

Девочка бежит к своей маме:

— Мамочка, вылижи, пожалуйста, котенка.

* * *

Дошкольник Алеша, глядя на дворника, мечтательно говорит:

— Хорошо быть дворником: когда подметаешь, можно найти деньги.

* * *

Нелегко разобраться, что в детских головенках происходит. Как то Наташа (4 года) говорит:

— У меня все время разные фразы в голове крутятся, например: «собаки скачут по сугробам, использовать курицу в качестве наездника».

В другой раз рисует. На чистом тетрадном листе почти посередине крохотный петушок, а ниже печатными буквами: «Самый одинокий петух».

* * *

Наташа и Тоня, дошкольницы, иногда оставались дома одни с годовалой сестренкой. У малышки был манеж, в котором та сидеть категорически отказывалась и

поднимала отчаянный крик. Но оказавшись на полу, она подползала к сестренкам и разбрасывала посуду, кукол, мешая им играть. Тогда старшие сестры нашли выход из положения: сами перебирались с игрушками в манеж, а малышку оставляли на полу.

Трехлетнюю Наташу отдали в садик. В первые же дни она возвращалась очень грустная. Пытаясь выяснить причину, спросили, что они делали в садике. Наташа уныло ответила:

— Пели, но я отстаю.

Когда стали выяснять, в чем выражается отставание, оказалось, что сначала какую-то строчку из песни пропойт дети, а потом ее повторяет Наташа.

Четырехлетний Витюша в гостях у бабушки, садится за стол. Ему дали круглую табуретку с мягким сиденьем. Витюшка встал на нее на колени, некоторое время переминался, пытаясь устроиться поудобней. Наконец горько вздохнул:

— На этой табуретке только взрослые сидеть могут!

Ему предложили пересесть на стул, на что он решительно ответил:

— Нет, я на ней останусь, мне учиться сидеть надо.

Андрюша (2,5 года) своему старшему брату, первокласснику:

— Витя, ты тетрадки все собрал?

— Собрал.

— И в папку сложил?

— Да.

— А дневник?

— И дневник положил.

Андрей, хитро сузив глаза:

— А сменную обувь?

— Ой, спасибо, чуть не забыл.

Андрюша качает головой:

— Он такой у нас забывака.

Оля сыну Егорке:

— Я тебя очень люблю.

— А я давно это знаю.

* * *

Витюша (6 лет):

— Мама, я слышал, что курить очень вредно. Ты знаешь это?

— Да, сынок, знаю.

— Так брось.

— Понимаешь, не получается.

— Вот горе-то какое!

Отошел в сторонку, сел задумчивый, потом встрепенулся:

— А я могу чем-то тебе помочь?

* * *

— Егор, я сколько тебе уже раз сказала, что надо идти купаться: два или двадцать два?

— Это последний.

* * *

Два маленьких брата крутятся вокруг любимой лесенки тренажера. Егорка успевает залезть первым, Миша безуспешно пытается его оттуда согнать. Зовет на помощь свою тетю:

— Алена, убери этого дурацкого пупсика!

* * *

Валера рассказывает, что обычно в школу ездит на школьном автобусе, но иногда он опаздывает на него, и тогда его везет мама на машине. Услышав последнюю фразу, его дядя Витя хихикнул:

— Марина за рулем!

В ответ Валера, нарочно округляя глаза, и изображая испуг, вскрикнул:

— Не напоминай, мне уже страшно!

* * *

Полуторагодовая Наташа во всем помогает бабушке, особенно любит кормить кур. Как-то увидела, что курица съела муравья, и после того, как бабушка ей объяснила, что куры любят муравьев, стала приносить их им. Однажды девочка осталась на некоторое время одна дома. Дверь была замкнута. Когда бабушка вернулась домой, то первое, что она услышала, был радостный возглас девчужки:

— Бабушка, я муравья съела!

Бабушка рассмеялась от неожиданности, оказывается, малышка была убеждена, что каждый муравей должен был съеден.

* * *

Мама с любовью гладит дочку по голове и с нежностью ей говорит:

— Красавица ты моя писаная!

Из глаз девочки брызнули слезы:

— Что ты такое говоришь! Ты когда-нибудь видела у меня мокрые штанишки?

* * *

Мама Олеси, Тониной подруги, пришла выяснить, где Олеся сумела подвернуть ногу: «Тонечка, она говорит, вы прыгали с сарая. Что за сарай, где он?» Тоня, не придавая никакого значения событию, отвечает:

— Какой сарай? А что мы только с одного сарая прыгали?

* * *

Сумерки. Тишина. Мы с шестилетней сестренкой уютно устроились на диване. Я рассказываю сказки, она увлеченно слушает. Вот напряженный момент, мой голос взволнованно звенит. Сестра гладит мои волосы и вдруг совсем не кстати говорит:

— Какая ты в темноте красивая!

* * *

Когда Витя пошел в первый класс он стал хорошим помощником не только в семье, но и для соседей. Как-то взбегая на крыльцо, кричит маме в открытую дверь:

— Что такое Марфа Андреевна удумала: тащит целый мешок картошки! Я ей сейчас помогу.

Бросил сумку с хлебом, бегом на огород, взял тачку, довез и вернулся. Пожилая плечами, солидно говорит:

— Почему-то Марфа Андреевна все охала: «Ой, Витенька, тяжело ведь!» И ничуть не тяжело, а она еще кастрюлю с помидорами зачем-то дала.

* * *

В те годы с проблемой дефицита сталкивались на каждом шагу. Когда надо было срочно отправить письмо, выяснилось, что на нашей почте нет ни конвертов, ни марок. Кто-то сказал, что их можно купить на другой почте, которая от нас находилась на расстоянии четырех автобусных остановок. Алеша, — он тогда учился, кажется, в шестом классе, — охотно согласился туда съездить.

Через некоторое время возвращается:

— Почту я нашел, но забыл, зачем она мне нужна.

ЧУНЯ И ЛОТТА

Если когда-нибудь у тебя была мечта иметь дома кошку или собаку, тебе легко представить восторг двух сестренек, Наташи и Тони, когда однажды отец сказал, что завтра утром им принесут котенка. Посыпалась тысяча вопросов: какого он роста, цвета, что он умеет, кто его принесет, как узнали, что им нужен котенок, и так далее до бесконечности. Хотя они получили далеко не все ответы, не дослушав, убежали в свою комнату готовиться к встрече.

До поздней ночи они о чем-то шептались, радостно смеялись, что-то искали, доставали и снова шептались и возились. Эта долгая суматоха не помешала им утром встать раньше обычного.

Было совершенно ясно, что в такую рань к нам не придут, и все же девочки то выглядывали в окно, то выбегали на балкон, а то и выходили на лестницу, услышав шум лифта. Никто не пришел ни в 9, ни в 10, и даже в 12. Сестры поскущели, уныло занялись какими-то совсем ненужными делами. И вот, когда они уже почти перестали ждать, раздался звонок. Мы все кинулись к двери. Да, да, именно все — и девочки, и взрослые, потому что, конечно, ждали все.

На пороге стояли двое, женщина и мальчик. Оба взъерошенные, с разлохмаченными волосами, запыхавшиеся и красные от возбуждения.

— Извините за опоздание, — проговорила женщина, поправляя волосы. — Мы утром его понесли, а он вырвался на улице, и мы никак не могли его поймать.

Мальчик достал из-за пазухи туго завязанный мешочек, который тут же начал биться в его руках, извиваясь и мяукая. Мальчик опустил его на пол, развязал, и оттуда выпал взъерошенный котенок. На несколько секунд он замер, сердито выгнув спину, а потом стремительно убежал в ближайшую комнату и забился под диван. Наши гости облегченно вздохнули. Мы поблагодарили, смеясь над их приключениями, и распрощались с ними.

До самого вечера девочки пытались изловить строптивого котенка. Если это даже и удавалось, то ненадолго, он тут же вырывался, ловко выскальзывая из рук, отчаянно царапался и мяукал. Это не мешало им без устали делиться своим восторгом, вновь и вновь повторять, какой он красивый. Справедливости ради надо сказать, они были правы.

Вечером пришли гости. Девочкам очень хотелось похвастать своим очаровательным котенком. Наши знакомые пытались помочь его найти, но напрасно. Сели ужинать. Некоторое время было очень весело, гости громко разговаривали, смеялись, пели и не вспоминали больше о норовистом зверьке.

Наконец гости разошлись, и девочки возобновили свои поиски. Они громко звали своего пока ещё безымянного кота «кис-кис-кис!», двигали стулья, кресла, совали палку под шкафы, кровати, диваны, хлопали дверью, выбегая на лестницу. Котенка нигде не было. Обе еле сдерживали слезы и уже без сил, лохматые и утомленные, сели на диван.

После долгого непрерывного шума стало тихо-тихо, и в это мгновение раздалось приглушенное «мя-я-я-у!» Звук слышался из-под шкафа, и это было особенно удивительно, так как за шкафом, который стоял на некотором расстоянии от стены (там были сложены всякие вещи), девочки не раз все перерыли, точнее — перевернули вверх дном.

Но сейчас, побежав на звук, обнаружили, что котенок застрял в середине со-

бранной раскладушки, держась всеми коготками за её брезентовую ткань. Его испуганная мордочка выглядывала в щель, и столько в широко раскрытых глазах было отчаяния и доверчивой радости, что девочки расхохотались.

Наташа осторожно раздвинула раскладушку, вытащила котенка, прижала его к себе, ласково поглаживая и бормоча: «Ах ты, чуня эдакий!» Котенок не вырывался, не царапался, затих, зажмурился, вскоре и замурлыкал. Тоня рассмеялась:

— Ну, вот и имя ему есть — Чуня.

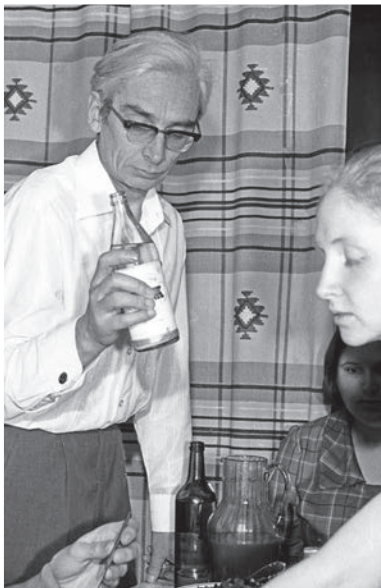
С того дня так его и звали. Он сразу стал общим любимцем. Меня еще радовало то, что Чуня довольно быстро освоил правила хорошего тона, легко понимал, что можно, чего нельзя,

— даже почти не царапал мебель. Впрочем, если уж говорить откровенно, какие-то проблемы иногда возникали, не меняя нашего расположения к нему.

Между ним и Наташей установились особенные отношения: только ей он разрешал в любое время брать себя на руки, подолгу гладить, теревить, а от других тут же вырывался и убегал. Он сразу покори нас своей красотой, и по мере того, как рос, становился все лучше. Чуня грациозно двигался, умел как-то особенно выразительно сидеть и лежать, так что время от времени кто-то из нас звал других полюбоваться им. Надо сказать, что нам нравилась и его независимость. Сердиться на него мы не могли даже в чрезвычайных обстоятельствах.

Однажды мы в ожидании гостей на чей-то день рождения накрывали стол в большой комнате. Принесли мисочки с салатами, напитки, разложили тарелки и вилки, поставили стаканы, а в середину стола водрузили большое блюдо с только что испеченными пирожками. Чуть позже бабушка Мария Григорьевна понесла очередное блюдо, но тут же вернулась в волнении:

— Вы только посмотрите, что там делается!

Картина была живописная: Чуня развалился посреди стола, свалив пару стаканов, положив хвост на ближайшую пустую тарелку, и когтем пытался подтащить к себе пирожок. С этого края блюда было подозрительно пусто, а вокруг на скатерти валялись крошки. На наши возгласы он с трудом приподнял голову, явно обессилев от обжорства. И это тот самый хваленый нами воспитанный кот?! Смеясь, мы сняли со стола и унесли подальше весьма потяжелевшего проказника. Посоветовавшись, оставшиеся пирожки, те, которые он явно не трогал, переложили на другое блюдо, смели крошки, перемыли тарелки, вилки и стаканы. Позже все мы с аппетитом поужинали, вспоминая со смехом безобразие нашего любимца. Лишь Мария Григорьевна так и не притронулась к пирожкам и ела только салаты, не сомневаясь, что их кот не пробовал.

Не надо думать, что Чуня только спал или

лежал, восхищая нас своими царственными позами, — он и поиграть любил. Но, когда играть, сколько времени и чем, это решал он. Играл, если хотел, а во всех иных случаях гордо отворачивался от того, кто пытался его расшевелить «без разрешения», как шутили сестры. Ленивым не был, но и зря не суетился.

Так прошли лето, осень и зима.

Наташа была вполне довольна, но Тоня нередко вздыхала:

— Собака лучше, с ней можно бегать, разговаривать, её легко многому научить, а кот ... нет, это все же не то.

Конечно, мы её понимали, но, с другой стороны, не менее хорошо знали, что собака — не то, что кот: ее необходимо обучать, воспитывать, уход за ней сложен. И надо не только уделять ей много времени, но и многому научиться самим.

И все же пришел день, когда у нас появился щенок, доберман-пинчер, очаровательная «девочка» по имени Лотта. Короткая блестящая шерсть изумительно шоколадного цвета, длинная мордочка, тонкий длинный хвост и нелепо торчащие уши — нет, невозможно было оторвать взгляд. Она была ещё маленькая, нетвердо держалась на ногах, скучала по своей матери и потешно скулила, сев на задние лапы. Картина была трогательная, и все были заняты тем, что пытались её приласкать и утешить. Ночью в поисках своей мамы она забилась между моим диваном и стенкой, застряла там, подняла громкий плач и утихла только тогда, когда я засунула её под свое одеяло.

Суета вокруг Лотты обижала Чуню, вызывала у него явную ревность. Он не шел на зов, выворачивался из наших рук, царапался, прятался в дальние углы. Потом вроде успокоился, хотя и выдавал свою скрытую тревогу тем, что не оставлял Лотту без своего присмотра. Ложился где-то рядом, сидел поблизости, смотрел, как она ест, и норовил пристроиться к той же миске. Чуня немедленно занимал место, на котором она только что лежала, стоило ей хоть на минуту подняться. Дружбой их отношения назвать было нельзя, но жили они мирно, при этом поведение щенка было гораздо доброжелательнее.

Лотта росла игривым щенком, нередко задиралась, стремилась вызвать кота на игру. Кот строптиво уворачивался, как только она решала потрогать его лапой. Чуня любил устраиваться на спинке кресла или дивана, помещаясь точно над Лоттой. Она не обращала на него внимания до тех пор, когда он, то ли нечаянно, то ли намеренно свешивал хвост, слегка постукивал кончиком, будто дразня или заигрывая. Лотта мгновенно подскакивала, поднимала восторженный лай, а Чуня неспешно подбирал хвост, прижимал к лапам и невозмутимо продолжал лежать, не двигаясь с места. После безуспешных попыток вызвать товарища на игру собака снова укладывалась на кресло, и они затихали надолго.

Иногда Наташа брала обоих на прогулку. Чуня деловито лазил по траве, заглядывал в кусты, а Лотта носилась вокруг с веселым лаем. Если она подбегала чересчур близко к коту, тот просился к Наташе на руки, утыкался ей в подмышку, свесив хвост, но быстро поджимал его, как только Лотта снова поднимала громкий восторженный лай.

Сердце Чуни явно дрогнуло от сочувствия, когда Лотте сделали обязательную для доберманов операцию: укоротили хвост и уши. Принесли щенка, обмотанного бинтами и лейкопластырем, и уложили в коробку. Лотта тихонько поскуливала, не играла, не лаяла, и кот улепс по близости, иногда подходил к коробке и очень осторожно лизал мордочку подруги. Собака благодарно облизывала его в ответ и затихала. Однако после того, как бинты сняли, Лотта вновь носилась по комнатам, а кот опять наблюдал за ней, держась безопасного расстояния.

Летом друзей разлучили. Месяц мы с девочками провели за городом на базе отдыха. Лотта с удовольствием бегала по холмам, по лесу, барахталась в реке, и за месяц очень выросла. Когда мы вернулись, с удивлением увидели, что, если до отъезда они с котом были почти одного роста, теперь Лотта величаво возвышалась над ним.

Мы не сразу поняли, что и отношения их резко изменились: Чуня теперь не только соблюдал дистанцию, но явно боялся собаку. Как в самом начале, снова прятался, убегал, не ложился рядом. А Лотта задиралась по-прежнему, пугая его своим лаем, который теперь был грубее и громче.

Не придав этим изменениям особого значения, Наташа однажды, как и прежде, взяла обоих на прогулку. Чуня замер в траве, сделал несколько пугливых шагов, но не перешел к обычному обследованию территории, а попросился на руки. Он ещё не успел убрать свой пушистый хвост, как Лотта вихрем примчалась издали и подняла радостный лай прямо перед носом кота, лежащего на руках Наташи. Она решила, он играет с ней.

Кот ошалел от ужаса, вцепился зубами и когтями в руку так крепко, что Наташа не могла его оторвать. Вместо того, чтобы слезть с руки или хотя бы, как обычно, подняться повыше к плечу девочки, он грыз её все сильнее. Наконец, Наташа сбросила его в траву. Кот отпрыгнул в сторону, издал непривычно яростный звук и в два прыжка перепрыгнул через дорожку и исчез в подвальном окне. В полуобморочном состоянии Наташа обошла вокруг дома,

опустилась на скамейку перед входом в подъезд. Лотта бегала вокруг, норовя лизнуть её пораненную руку. Их увидела соседка, позвонила мне, сказав, что Наташа совершенно бледная сидит возле подъезда.

Нас поразила реакция собаки. В тот день Лотта не играла, мало ела, часто ходила к Наташе, обнюхивала забинтованную руку и клала голову ей на колени.

Чуню искали несколько дней. Я не очень-то хотела, чтобы его нашли, боялась этого срыва, но Наташа упорно его звала, очень волновалась, что с ним что-то случилось. После нескольких дней поисков Чуню нашли, забрали домой. Был он вялый, скучный; на спине и голове царапины, ссадины. Позже появились на мордочке какие-то бугристые шишки, которые, судя по всему, доставляли неприятные ощущения...

Наташа повезла кота в ветеринарную клинику. Вернулась без него часа через два в слезах. Врачи оставили его у себя, сказав, что болен он серьезно и дома мы его вылечить не сможем. Девочки думали, что через несколько дней его им отдадут, и пришли в отчаяние, когда им объяснили, что его усыпили.

Лотта долго скучала. Временами бродила по комнатам, обходя те места, где кот любил спать. На кресло или диван ложилась совсем иначе, чем раньше. Она полулежала, прижимаясь к спинке, подняв голову почти до того края, где размещался раньше Чуня. Иногда Тоня, шутя, говорила:

— Лотта, где Чуня? — собака радостно срывалась с места, бегала по квартире, поднимала лай, а потом, понуро опустив голову, возвращалась. Смешно оттопырив уши, она укладывалась на кресло, долго оглядывалась, а через минуту с громким вздохом прижималась к спинке кресла.

Глядя на все это, мы грустили. Было очень жаль, что нет у нас больше замечательного Чуни, и было жаль Лотту, оставшуюся без строптивого друга. И сердце щемило от чувства вины — что-то мы сделали не так, чем-то виноваты перед нашими животными. Когда Тоня в эти дни читала сказку Экзюпери «Маленький Принц», она разрыдалась, дойдя до слов, что мы ответственны за тех, кого приручаем. Мы её прекрасно поняли, ибо думали об одном и том же.

Между прочим, кошек в нашем доме потом не было много лет.

Лотта со временем, казалось, совсем успокоилась, и лишь по ее доброжелательному отношению к соседским кошкам и котам можно было даже постороннему человеку догадаться, что когда-то она жила вместе и дружно с кем-то из кошачьего рода.

Появление собаки в нашем доме, как я уже говорила, было, по общему согласию, подарком для Тони. Она рьяно взялась за ее воспитание, хотя на весь объем забот ее терпения не хватало: мне приходилось готовить еду, заботиться о соблюдении собачьей диеты и гигиены, устранять разные последствия шалостей или недостаточной воспитанности, да и значительная часть прогулок тоже легла на мои плечи. Зато Тоня охотно водила собаку в школу для щенков, обучала ее и дома основным командам, и не без успеха. Когда Лотте еще не было года, Тоня повела ее на ежегодную собачью выставку. И вернулись они с малой золотой медалью! Правда, испытывая тяжесть выставочного мероприятия, Тоня категорически отказалась готовить свою любимицу к последующим конкурсам. В итоге эта медаль

оказалась единственной, несмотря на высокую оценку нашей собаки тренером этой породы и в последующие периоды.

Нет, не надо думать, что наша Лотта была образцом поведения — не тот характер. Прекрасно зная, как надо себя вести в той или иной ситуации, она могла позволять себе, как говорила Тоня, «выпендриваться». Так, иногда она категорически отказывалась выполнять одну из основных команд — «ко мне!» Ее зовешь, зовешь, а она бегаёт вокруг, но ближе, чем на расстояние вытянутой руки, не подходит. При этом, несомненно, понимает, что это нарушение правил, и, видимо, от стыда начинает лаять на всех прохожих. Естественно, людям это не нравилось, и нам делали замечания: дескать, уберите свою собаку. Ха, легко сказать! Нам оставалось только ласково или заискивающе улыбаться и уверять, что наша собака заигрывает с ними, бояться ее не надо, она совсем не кусается. При этом в моей душе таилось некоторое сомнение: если она не подчиняется, то трудно сказать, что на самом деле у нее на уме. Девочки разделяли мою неуверенность.

Однажды зимой произошло событие, усилившее наши опасения.

Не помню, кто именно вывел ее гулять, но, когда она стала упорно отказываться подойти по команде, с ней по очереди повоевали все мы трое, т. е. я, Наташа, Тоня. Лотта упрямо бегала невдалеке, не подходя к нам, не идя в подъезд. Так прошло ... три часа. Замерзли мы, дрожала от холода собака. Совершенно обессилев, почти потеряв надежду дозваться ее, я послала Наташу принести одеяльце, на котором собака спала. Я не очень понимала, что еще предпринять, — вроде перепробовали все. Не могла бы сказать, зачем нужно это одеяло. Мной двигала неясная мысль: а вдруг удастся ее хоть немного согреть... Наташа принесла одеяло и, не зная, что делать дальше, положила его на скамейку. Я без всякой уверенности в успехе скомандовала достаточно строго: «Лотта, место!», и мы тут же расхохотались, так как собака буквально вихрем вскочила на скамейку и, прижав уши, улеглась на одеяло. Смешнее всего были ее виноватые глаза, которые она не сводила с нас. Тут уж без труда мы прицепили поводок, скомандовали: «Домой!», и Лотта шустро ринулась в подъезд, едва не сваливая Наташу с ног, явно радуясь перспективе согреться. Дома долго тихо лежала, вздыхая время от времени, шумно и виновато, а потом несколько раз подходила к нам, ласково заглядывая в глаза и норовила облизать все лицо.

Общаясь с собакой день за днем, я не раз говорила о своем впечатлении, будто она знает что-то достаточно важное, понимает гораздо больше, чем вроде бы положено собаке. Пусть это покажется преувеличением, оправданным нашей любовью к ней. Но для этого, поверьте, были основания. Вот несколько примеров, и вы поймете меня. Нет, конечно, в них нет ничего нового для опытных собаководов — их воображение я не смогу потрясти. Иное дело — те, у кого собак не было, или те, у кого появилась первая, такая удивительно понятливая, преданная и любимая.

Когда Лотта немного подросла, инструктор сказала, что сырое мясо ей можно давать не больше двух раз в неделю. Для простоты я решила: среда и суббота. Эти

дни собака усвоила очень быстро, и в нужный день, поражая нас неведомыми познаниями, крутилась возле меня, выразительно повизгивая и поглядывая на холодильник. Но иногда хитрила. Не в календарный день она, с легким намеком покрутившись совсем немного возле меня, с явным разочарованием выслушивала мое: «Не мыться!» — и шла к Володе. Тоненько поскуливая, подковыривала его своим длинным носом, буквально выковыривала с кресла или дивана и довольно решительно толкала к кухне. Доведя до двери, пряталась за него, слегка толкала в бедро и, выглядывая из-за спины, очень выразительно смотрела на холодильник. При этом очень тихо и жалобно поскуливала. Володя, смеясь, начинал меня уговаривать:

— Ну, Галина, что уж ты? Ведь сегодня среда (или суббота). Собака тут же радостно виляла хвостом и тоненько посвистывала, с откровенной надеждой глядя на меня. Конечно, это было забавно. Но я часто специально, чтобы повеселиться, отвечала строго:

— С чего вы это взяли? Ничего подобного! И не мыльтесь! (Или что-то в том же духе).

Лотта тут же теряла всю веселость, горбила спину каким-то удивительно жалким образом, растопыривала в разные стороны уши, смешно отвешивала губы и плелась на свое место. Там она с громким вздохом буквально обрушивалась на кресло и лежала, укоризненно поглядывая на Володю: дескать, а я-то надеялась на тебя. Если он говорил ей, что надо попробовать еще раз, она тут же соскакивала с кресла, вставала перед ним, глядя на него с такой надеждой, что он шел снова на кухню. И надо было видеть ее восторг, если я поворачивалась к ним лицом и улыбалась. Она тут же выскакивала из-за Володиной спины и начинала буквально танцевать между своей пока еще пустой миской и холодильником.

Хорошо чувствовала собака и наше настроение.

Например, с Юрой она привыкла гулять, не считаясь с командами: ему нравилось, когда она его тянула за свой поводок изо всех сил. Летом это давало ему возможность быстро бежать, чувствуя одновременно ее сопротивление. А зимой он, обув

кирзовые сапоги, скользил за ней по гололеду. Для меня такое ее поведение было неприемлемым, и приходилось настойчиво требовать от нее идти рядом, пока не спущу с поводка. Но добиться классически правильного шага от нее удавалось далеко не сразу, и я строго корила ее за непослушание. Конечно, своего я добивалась. Но никаких выговоров не требовалось, когда я шла с ней уставшая или в плохом настроении. Лотта буквально приклеивалась к моей ноге и шла спокойно, время от времени бросая на меня взгляды, про которые так и хочется сказать: полные заботы и тревоги.

Бывали у нас с ней и такие, например, забавные баталии.

Место для ее сна находилось рядом с моим диваном, и она обычно спала там вполне нормально. Но иногда, видимо, ей бывало холодно, а то и просто скучно, и тогда она нахально забиралась ко мне на диван. Чтобы я не очень возражала, сначала скромно укладывалась в ногах, свернувшись клубком. Если я еще не спала и говорила ей, чтобы лежала тихо и не мешала, она могла так лежать долго. Но в тех случаях, когда я этого не говорила, она вскоре перебиралась ко мне под бок возле стенки. Проходило немного времени, и она, явно недовольная тем, что я занимаю много места, с громким вздохом вытягивала свои длинные лапы, пытаясь оттеснить меня на самый край. Естественно, я просыпалась и сердито гоняла ее на место. Она подчинялась, но шла к своей постели медленно и неохотно, не ложилась, а стояла там, демонстративно сгорбив спину. Видя, что это не производит на меня никакого впечатления, она возвращалась к дивану, клала голову на край моей постели и стояла, тихо поскуливая, до тех пор, пока я не говорила ей: «Ну, ладно, залезай, только не мешай мне и не сталкивай!» Самое удивительное, это действовало. Не знаю, что уж она понимала, но, свернувшись клубком, теперь долго лежала, занимая минимум места. Уходя потом от меня, непременно лизала мне лицо. Ну, и что вы на это скажете?

Думаю, всего рассказанного достаточно, чтобы поверить мне, когда я говорила, что она прекрасно знала, как нужно себя вести в разных ситуациях, а если и вела себя иначе, то только в зависимости от каких-то своих настроений в данный день. А что, у вас так разве не бывает?

Конечно, что-то я преувеличиваю. Собака есть собака, и многое убедительно объясняется инстинктами и рефлексам. В этом отношении хочу привести забавный пример.

Как-то раз Тоня затеяла генеральную уборку и разбирала вещи за шкафом, в том самом месте, где когда-то застрял в раскладушке маленький котенок Чуня. Вдруг мы услышали ее возглас:

— Посмотрите-ка, что я нашла! Любимый Антошкин лягушонок, — и, нажав на резиновую игрушку, пискнула им на всю квартиру.

Результат нас немало удивил. Лотта примчалась из другой комнаты, подняла какой-то необычный лай, прыгая вокруг Тони и пытаясь достать лягушонка.

— Лотта, ну что ты? Тебе

ведь этот лягушонок на один зуб! Посмотри, какой он симпатичный, жалко ведь, — стала ее уговаривать Тоня.

Но собака не успокаивалась и все норовила вырвать лягушонка из рук. Тоня с сожалением его отдала, заранее представив, как сейчас она начнет, по своему обыкновению, грызть. Но нет, неожиданно Лотта взяла его зубами очень осторожно, унесла на свое кресло, свернулась там клубком, засунув лягушонка себе под живот, и принялась его нежно облизывать, стараясь не нажимать сильно, чтобы он не пищал. Вид у нее при этом был, можно сказать, самый дурацкий: уши в разные стороны, глаза какие-то удивленные.

С той минуты Лотта ничем больше не занималась, а только лежала на кресле, тревожно поглядывая вокруг и полизывая своего лягушонка. Ее с трудом уговаривали поест. Сначала просто игнорировала наш зов, потом шла на кухню, прихватив лягушонка. Клала его рядом с миской, ела торопливо и тут же возвращалась, после чего облизывала лягушонка особенно тщательно. Еще труднее стало выводить ее погулять. Она несла лягушонка с собой и никак не хотела оставить его возле двери. После долгих уговоров положить его на скамейку перед дверью она, натягивая поводок так, что ее было трудно удержать, выскакивала на улицу, быстро делала необходимые дела и так же стремительно мчалась домой.

Не понимая, что происходит и как поступать нам, мы позвонили инструктору. Она объяснила, что это так называемая «ложная щенность», иными словами, нам не только показалось, что для нее лягушонок — не игрушка, а щенок. Так оно и выглядело все это время. Инструктор посоветовала убрать лягушонка подальше, предупредив, что несколько дней собака будет искать его, беспокоиться, но скоро привыкнет, и все войдет в норму.

Так и случилось. Выбросить лягушонка было жаль, и Тоня его надежно спрятала. Лотта действительно несколько дней искала его, но потом успокоилась.

Прошло два месяца. Тоня теперь убирала в том шкафу, куда спрятала игрушку. Она успела забыть об этом, но, когда наткнулась на нее, позвала нас, спрашивая, пока-

зывать ли лягушонка Лотте. Интересно, как собака поведет себя теперь. Тоня пискнула лягушонком — Лотта вихрем примчалась, выпросила его, унесла к себе в комнату. Но теперь она его не прятала себе под живот, а положила недалеко от себя посреди комнаты, как-то сбоку поглядывая на него. Иногда подталкивала его носом, перемещая по полу, и сияющими глазами смотрела в нашу сторону. Мы смеялись: щенок-то подрост, и «его мама» явно им гордится.

Так шли годы, наполненные заботой и нежностью к нашей любимой собаке. Мы были преданы друг другу. Тоня даже как-то в грустную минуту записала в своем дневнике: «Собака, можно я буду твоей собакой?» И что-то еще, пронзительно грустное, такое, что знает каждый человек. И никто не ждал беды, а она, как это бывает всегда, пришла внезапно и неотвратимо.

В тот час дома были только Володя и Алена. Пришло время вывести собаку погулять, Володя был занят, Алена предложила свои услуги, и он, слегка поколебавшись, согласился. Однако ни через договоренные полчаса, ни через час, ни вообще в тот день они не вернулись.

Наша младшая дочь с детских лет страдала после тяжелой болезни так называемой дромоманией, то есть немотивированной склонностью куда-то уезжать. Порой мы ее искали по несколько дней. В этот раз Алена обнаружилась через пару дней в Белгороде, а местопребывание Лотты оставалось неизвестным. Добиться от Алены точного рассказа о том, что произошло в тот день, не удалось. Очень невнятно говорила, как она попала в Белгород из Харькова (а это на автобусе свыше двух часов езды), совершенно не могла подсказать, где Лотта.

И мы начали поиски, послаив всех, кого только было можно развешивать объявления в Харькове и Белгороде о пропаже нашей собаки и награде за сведения о ней. Ездили вновь и вновь по городу, проверяя все места, где бывала Алена или где мы бывали с Лоттой. Несколько раз посещали автостанцию, откуда ходят автобусы на Белгород, разговаривали с водителями.

Собака пропала бесследно.

Почти через три года раздался телефонный звонок. Звонила инструктор и просила съездить к одной женщине, чтобы посмотреть ее добермана. Эта женщина уже около трех лет воспитывает сучку добермана, которую нашла на задворках заводов. По мнению инструктора, это наша Лотта, и если это так, та женщина просит отдать

документы на родословную собаки, считая, что за три года ее воспитания она вполне имеет на это право. Возраста собаки она не знает, но думает, что той меньше четырех лет, и вполне можно иметь от нее щенков. С хорошей родословной им проще найти и хороших хозяев. Кроме того, имея на собаку документы, легче оформлять разрешение на провоз собаки в другие города во время отпусков.

Конечно, мы с Тоней немедленно отправились по указанному адресу, но документов не брали, надеясь, что сможем договориться, чтобы собаку вернули нам, если это и в самом деле она. Ну, а если другая собака, документы можем отдать. Мы почти не обсуждали, зачем им документы. Главное для нас — увидеть собаку.

Ехать надо было на трамвае долго, весь

путь обе очень волновались.

Хозяйка встретила нас настороженно. Похоже, она волновалась не меньше нас. Лотту она предвительно закрыла в соседней комнате. Говорю Лотту, потому что мы, еще не видя ее, чувствовали, что это она.

Сначала мы выслушали историю появления собаки в этом доме. Ее обнаружили знакомые на свалке ХТЗ (Харьковского тракторного завода), тощую, в ранах и болячках, злую и неприступную. Она, по описанию этих людей, была очень похожа на их ранее погибшую собаку. Женщина тут же помчалась вместе с дочерью на свалку.

Собака и в самом деле была похожа на их погибшую любимицу. Долго бегали по огромной заводской свалке, пытаясь приманить собаку. Удалось это с трудом, надели ошейник с поводком, привезли домой, отмыли, вылечили. А дальше начались проблемы с ее воспитанием. С одной стороны, надо было приучить ее к новому имени, поскольку прежнее узнать они не могли. Это получилось без особого труда. Забавно, что они выбрали для нее имя, немного похожее на настоящее: Леда. Основные проблемы возникли в связи с агрессивностью собаки. К хозяйкам она привыкла достаточно быстро, но никого из гостей и близко не пускала, набрасываясь на них с таким яростным лаем, что вскоре все знакомые перестали к ним приходить.

В течение всего рассказа собака за дверью лаяла очень громко, но все же агрессивным этот лай не был. Мы переглядывались с Тоней: по голосу узнали свою любимицу, и встречу с ней ждали со все возрастающим волнением и тревогой. Вот хозяйка открыла дверь, говоря необходимое «фу» и... Выскочило наше шоколадное чудо с дыбом взъерошенной на холке шерстью. Мы замерли, переглянувшись: увидев нас, собака мгновенно замолчала.

Все трое удивились еще больше, когда собака, едва коснувшись наших ног, выскочила в прихожую, сразу безошибочно нашла нашу обувь, нервно ее понюхала, потом так же стремительно вернулась и молча уткнулась мне в колени, бурно дыша и вздрагивая всем телом. У меня навернулись слезы. Я погладила ее, и, лишь слегка опасаясь ее реакции, приговаривала тихо и нежно: «Лотта, Лотта, миленькая, ты жива. Мы так тебя искали». Ко мне присоединилась Тоня, радостно бормоча что-то в том же

духе. Лотта оторвалась от моих колен, переместилась в сторону Тони, так же уткнулась, вся дрожа, в ее колени и снова вернулась ко мне.

Вопросов о том, она ли это, ни у кого не оставалось, и теперь надо было решать главное: чьей же быть собаке. Женщину удивило, что и у нас она жила долго — больше, чем у нее. Это означало, что Лотта гораздо старше, чем она считала. И о щенках думать поздно.

Сложная задача. Нам хотелось забрать собаку, но и нынешней хозяйке было тоже трудно с ней расстаться. Так и не приняв никакого решения, мы стали прощаться. Хозяйка пошла нас проводить до трамвайной остановки, взяв с собой Леду-Лотту. Там немного постояли, в волнении лаская по очереди собаку, которая растерянно передвигалась между нами, прислоняясь то к нам, то к хозяйке. Та просила все же отдать ей документы, но мы меж собой решили не спешить.

И не напрасно.

Прошло немного времени, и наша новая знакомая позвонила, сказав, что ей неожиданно надо уезжать надолго на Север. В самолет в то время собаку брать было категорически нельзя, и ее придется оставить в Харькове. Есть желающие купить ее, но тут, по справедливости, именно нам принадлежит первое право, если у нас есть такое желание. Конечно, мы хотели и без споров заплатили этой женщине какую-то названную сумму. Немного смущаясь, она сказала, что на переезд им с дочерью очень нужны деньги, и она просит как бы компенсировать ее расходы на собаку за эти годы. Мы не стали спорить, хотя сумма была не так и мала. Но, естественно, это не могло иметь значения, ибо к нам возвращалась Лотта.

Тоня в это время жила в другом доме, и я согласилась с тем, что собаку она возьмет к себе. Я была так занята на работе, что не могла даже представить, что смогу ей создать нормальные условия. Целыми днями у меня никого не было дома, а Тоня, напротив, была дома всегда.

На деле все оказалось гораздо хуже, чем можно было предположить.

У Тони в это время было трое детей, в том числе — двое малышей, а жила она на четвертом этаже в доме без лифта. Забирая Лотту, она надеялась, что у нее будет много помощников. Однако, как это часто бывает, то их было несколько, то ни одного, и невозможно заранее угадать, когда появится хоть кто-то. Чтобы вывести детей погулять, надо спустить вниз коляску, а потом (или до этого) вывести собаку. И таким же образом вернуться, каждый раз оставляя без присмотра то детей, то собаку, то коляску.

Ситуация может показаться почти забавной, напоминая знаменитую задачу, как перевезти в маленькой лодке козу, капусту и волка, если все сразу не помещаются.

Нам было не до улыбок. Некоторое время мы пытались как-то помочь Тоне, но обеспечить все заботы полностью не удавалось. Кроме всего прочего, я жила от нее на расстоянии часа езды в одну сторону. В итоге очень скоро коляску украли, пока Тоня бегала по лестнице туда-сюда. Видя, что и у меня положение сложное, Тоня, ничего не сказав заранее, отдала Лотту каким-то знакомым, живущим в частном доме.

С практической точки зрения это было разумное решение. Но только с практической точки зрения. А душа рвалась на части, мучило непреходящее чувство многократной вины перед собакой и размышления о том, нельзя ли придумать что-то

иное, более приемлемое для души. Ведь и для Лотты это была стрессовая ситуация: опять другие хозяева, другие условия, другие требования. Успокаивало только то, что Тоня, проводывая собаку, видела, что той нравится ее новая жизнь, она не выглядит страдающей. В конце концов мы успокоились, вернее, убедили себя в том, что надо успокоиться.

Вся эта история с животными в моем доме оставила очень смешанное чувство: яркие переживания от замечательного общения с ними и горькое чувство от неумения быть до конца им верными. Это, оказывается, очень трудно — «быть собакой для своей собаки». Теперь, когда я узнаю, что кто-то хочет завести дома животных, я всегда говорю, что надо хорошо подумать, готовы ли на беззаветное служение им. Они в нем нуждаются, как дети, но, в отличие от детей, не умеют требовать его от нас и целиком зависят от нашей воли. Красивые слова о нашей ответственности перед теми, кого приручили, скрывают за собой целый мир отношений, переживаний, решений, поступков, и мы, родители, далеко не всегда к ним готовы. Беря животное к себе, мы берем двойную ответственность: за это бессловесное существо и за наших детей, активных, но недостаточно умелых и опытных. Обстоятельства, независимо от нашего желания, складываются порой очень сложно, а то и трагически... Наши поступки органично вплетаются в жизнь детей, влияя на ее духовное содержание. Но знаем ли мы вероятные последствия нашего неумения, беспомощности, а то и безответственности... А ведь такое знание помогло бы уберечь наших близких от страданий и многих ошибок...

ЗАБАВЫ

Сестренке-читателю с великой благодарностью за признание.

14 октября 1970 года

Читай, не критикуя: это не стихи —
Души моей изнанка.
То нежных чувств бушующих стихия,
То кровоточащая ранка.

* * *

Вы меня поймите,
Вы меня простите.

Всю меня, какая есть,
От души примите.
Я вас так люблю,
Вас благодарю.
А за счастье, что мне дали,
Жизнь свою дарю.

Может, грош — цена,
Но она одна,
Ничего-то больше нету, —
То моя вина.

Мне бы не хозяйкой, —
Быть бы мне дворянкой:
В садик — на лужайку,
В лес бы — на полянку;

На палитре — краски,
Иль на струнах — пальцы,
Иль задумчивые глазки —
На рисунке в пальцах.

Хоть от дела не бегу, —
Ранки на ладонях,
Бесхозяйственность-беду
Годы не прогонят.

Мне б о доме думать,
Окружить заботой,
Я же, глядя на плиту,
Размечталась что-то.

И смешно, и стыдно:
Годы ведь проходят,
Да и вам обидна
«Жизнь на пароходе».

«Завтра... мы приедем,
Завтра... жизнь начнется...»
Белые медведи
Жмурятся от солнца.

Это снова сказка
От забот уводит, —
Розовые краски,
Белый пароходик...

Вы меня поймите,
Вы меня простите,
Всю меня, какая есть,
Не сердясь, примите.

* * *

Деревья, как люди, имеют характер.
Недаром же их воспевают поэты.
На юге зеленом, в суровой Арктике
Их уважают, конечно, за это.

Взгляни-ка на иву. Нежные руки
Печально опустит, тревожно их вскинет:
Твоею печалью ей сердце крутит, —
Приди к ней лечиться от горькой тоски.

Вот и береза. Прекрасная девица
Светлой мечтою в роще живет.
К ней приходи, когда юное сердце
Первую песню весне пропоет.

К гордому тополю девушек тянет, —
Строгой и стройной пленяет красой.
Как в сказке любимой, принцем он глянет —
И втайне поверят любви, что восходит.

Каштан — не для тайн. Так, для парада.
Напыщен и горд он даже сверх меры
Своим изумительно пышным нарядом, —
В него и спешит облачиться он первым.
С таким бы пройти под руку по парку,
Чтоб ахнул от зависти девичий люд

Не ждите напрасно вы откликов жарких,
Лишь красоте его славу поют.

Сосна величава и так недоступна, —
Немногих и птиц-то она привлечет.
Как нудно и долго толчет, будто в ступе,
Рассказ об утерях. Смола же — ручьем.

А ель с добротой старушки взирает,
Вокруг расточая души аромат.
Недаром все дети о ней так мечтают,
И каждый с улыбкой ей искренне рад.

Рябину немало пожившие любят,
Узнавшие горе и много забот.
Все лучшее в памяти вашей разбудит,
С надеждой на счастье вперед позовет.

А липа — хозяйка хорошего дома,
Гостеприимна, опрятна, добра.
О ней ты расскажешь с улыбкой знакомым,
Какою отличной подругой была.

Деревья, как люди, имеют характер...

* * *

Нищие ждут подаяния.
Одни беззастенчиво просто канючат.
Другие, краснея, на расстоянии
Ждут, когда милость свою получат.
Первому бросят — он снова бесом
Руку просительно тянет.
Застенчивый (тоже ведь некуда деться)
Стыдливо в глаза ваши глянет,
Будто совсем не за этим он вышел, —
Обычное это гуляние, —
Он просто воздухом дышит.

Все нищие ждут подаяния.

* * *

Жил дракон. Дракон как дракон.
Жевал людей согласно закону.
И на охоту он сам не ходил:
Ему прямо на дом пищу водили.

Утром на завтрак детей он имел —
Умение смеяться у них только ел.
В обед нежных девушек он получал —
Съедал их стыдливость, довольно урча.
А в полдник он юношей бодро закусит —
Как косточку разум забросит за кустик.
На ужин он плотно любил закусить,
Мужчин или женщин всегда он просил.

Такое раздолье — лакомься вволю!

«Сегодня вам что же:

ЧЕСТНОСТЬ ИЛИ ВОЛЮ?

Верность или дружбу? А, может, хотите
Попробовать ломтик умения любить?»

И в царстве том дивном,

ах, как прелестно!

Все люди на месте согласно реестру:

Кто без ума,

Кто без стыда,

Кто — без улыбки;

То жадность одна;

Не кровь, а вода;

Обманщик вот прыткий...

Так и гуляют по белому свету.

Жил дракон. Дракон как дракон.

Не в нем ведь дело: такой закон.

* * *

Иду, иду!

Бегу, бегу!

Зовите, паровозы!

В тайгу, в тайгу!

Ну, не в тайгу...

А просто — в лес

Сентябрь нас возит.

* * *

Многое вокруг не приемлю.

Многое серьезно волнует.

Но если сначала, то непременно

Хотела бы жизнь такую же

Со всеми ее волнениями,

Со всеми ее ошибками,

Тяжелыми сомнениями,
Душевных мук ее пытками,
С прозрачной радостью светлой,
С любовью всепоглощающей,
Трудами большими и неприметными,
И добротой, все ошибки прощающей.

Пусть повторится нелегкое детство
И юность с ее идеалами —
Таковыми, которые светятся
Сквозь розовое покрывало.
Пусть снова придет влюбленность,
Светлейшая радость открытия
С девичьей мечтой потаенной,
Тревожащими событиями.

Лишь бы конец был такой же:
С волшебной твоей привязанностью,
Дочуркиных глаз покоем
И... всеми моими обязанностями.

* * *

Иду, спешу. Нет, нет — лечу!
А рот — с портрета Буратино.
И песню каблучками простучу
Седым домам:

«Я вихрем — мимо!»
И вдруг
я руку
тебе сжимаю:

Такого чуда
вовсеки
не было!

Не дом —
мечта голубая! —
С улыбкой
дарит
седьмое небо.

А потом мы с дочкой
Все вокруг обходим.
Разик — за разочком
Шумным хороводом.
Обе рады сказке —
Как же тут уйти.
Ласковые глазки:
«Дяденька, пусти!

Ну, пожалуйста,
 пустите,
Лишь войдем в него.
Мы — из общежития,
Никогда мы не имели
 дома своего.»

Подняли вверх крылья
Нас, таких счастливых.
Дух перехватило:
Как же тут красиво!
И не важно, как тут, —
Вижу я мечту одну:
В собственную «хату» —
Шум и тишину.
Будет тут веселье —
Радость через край.
А в грустные мгновенья
Сядь и помечтай.
И не будет
 больше
 мучить,

Что в грусти и веселье
Ты
 голый
 перед
 лучшими,
Добрейшими
 соседями.

А потом мы с дочкой
Вновь вокруг обходим.
Ну, еще один разочек
Шумным хороводом.

* * *

По самой хорошей,
Центральной улице
Иду без калош я
Мокрой курицей:
Пятки — в стороны,
Брызги — вверх.
Знакомая история!
Зла до предела.
Люди хорошие,
Мокрую курицу
Учите попроще,
Ходить как по улице.

* * *

Думы человека так эгоистичны,
Видит мир
 через свою печаль
 и радость
 каждый.

Надо обойти тот путь привычный
И о другом задуматься однажды.

* * *

Радует глаз золотая сеточка
Тронутых весной
Ивовых веточек.
Нежная грусть глаза застилает
Зыбкой волною
Слезы запоздалой.
Светлую каплю этой грустинки
Заметил прохожий —
«Попала соринка»...

* * *

Простите, люди,
 куда вы идете?
А чувством
 каким
 глаза ваши светятся?
Скажите,
 зачем
 вы живете?
Очень прошу вас
 сегодня
 ответьте.
Молчите.
 Спешите.
 Свои заботы.
Подарите
 одну
 минутку.
Дайте мне руку.
 Постойте!
Ответьте улыбкой
 на добрую шутку.

* * *

Тоненькая девочка
С золотой косичкой,
Ты приди из детства,
Час пришел проститься.

Не ищи отгадки
В числах твоих лет, —
Взрослые поступки
Натворили бед.

Никогда ты, скромная,
Чувств не выдавала,
Но в беде ты первая
Руку подавала.

То же сердце нежное
У тебя осталось,
Только гордость прежнюю
Где-то потеряла.

Как же ты позволила
Разжать кулаки?
Знала ж, это больно,
Горечью платить?

Тоненькая девочка
С золотой косичкой,
Возвращаясь в детство,
Все ж приди проститься.

* * *

Если сегодня ты одинок
И не находишь верных дорог,
Если к счастью не видишь пути,
Выход ты все же обязан найти.
Может быть, друга будешь искать;
Может быть, губы ты станешь кусать;
Бывает, конечно, и пуля — в лоб...
Но выход один — прикажи себе: «Стоп!»
До алой крови сожми кулаки,
Взглядом суровым мир свой окинь,
Чувства по полочкам разложи,
Заставь себя снова вернуться в жизнь.

Часы и справа, и слева,
И на руке. Еще бы на пятках висели!
И все же — какое нелегкое дело
Поднять себя утром с постели
Без спешки и с «терапией»,
Той самой, которая «психо».
Часы же баюкают: «мы-ли-бу-ди-ли»,
И вновь засыпаю я тихо.

Стучат каблочки:
мо-ло-да, мо-ло-да.
И счастье — тенью рядом,
Пусть радость светит тебе всегда, —
Желаю чуть грустным взглядом.

Бешеный ритм нашей жизни
Ворует здоровья капли.
Надо, чтоб мы решились
Рядом искать остров Капри:
Зачем вам небо Италии?
Чтоб легкие солнцем проветрить, —
Свою лишь согните талию,
Срывая цветок на рассвете.
Поймайте солнышка лучики,
Ладони свои им подставьте —
Недуги не будут мучить
До самой глубокой старости.

Взгляд изумительно нежный,
Самый, самый нужный.
Как летом — солнце южное,
Зимой — покровы снежные
Фрукты под солнцем на юге зреют,
А снегом хлеба согревает.
И знаю только одна я,
Как взгляд твой лечить умеет.

* * *

Как ей хотелось любить,
Задохнуться от этой любви,
Но сердце спокойно билось
В тоскующей груди.
Для всех он такой хороший,
Такой изумительно правильный, —
Принцессою на горошине
Соседки ее называли.
И, разумом все понимая,
Сжимала руки в отчаянии.
Во сне мечту обнимая.
Проснувшись, едва не кричала.

И я ведь ее осуждала:
Считала, что сделала мало
Для счастья. Но жалость
Нередко мне сердце сжимала.

Рассудок в критериях непримирим,
Оценки его очень строги, —
Мы можем гордиться им, —
Он судит так правильно многих.
Других-то судить очень просто,
Но как же помочь беде,
Если на сердце короста
И боль с тобою везде?

Быть может, лучше измены,
Романтика тайных встреч?
Нет, совесть кипит по венам,
Не сбросить ту тяжесть с плеч.

...Как ей хотелось любить,
Задохнуться от этой любви!
Но сердце все тише билось,
Сжигая надежды в груди.

* * *

Стайки,
Стайки птиц друг друга дразнят,
Обгоняя облака.
Встаньте,
Проводите добрым взглядом,
Бьется жизнь в груди пока.
Солнце,

Солнце нитями струится
Меж крылами быстрых птиц.
Руки,
Свои руки протяните
Теплым каплям этих брызг.
Счастье,
Счастье полными руками
Уноси с собой скорей.
Мчатся
Птицы рядом с облаками,
Открывая в радость дверь.

* * *

Хочешь, я расскажу тебе сказку?
Однажды козу-лупоглазку...
Не хочешь? Слишком простая?
Я про Снегурочку тоже знаю.
Снегурочка-льдинка весну упросила
Любовь подарить, чтоб стать ей счастливой.
Тоже не хочешь? Старая очень?
Да полно твердить, слушать сказки не хочешь.
Ах, правду ты хочешь! Была бы смешная?
Но правду я грустную только знаю.
Тогда расскажу я про бабу-ягу,
Бабу-ягу, костяную ногу.
Как-то коза Ягу упросила
Сделать Снегурочкой, очень красивой.
Лениво за ухом Яга почесала.
Когда-то рецепт замечательный знала.
Лишь выпьешь то зелье и станешь красивой, —
Такой, чтобы самый придирчивый милый
Навек полюбил.

Склероз: позабыла.

И вот та коза-дереза лупоглаза
Хлебнула иного питья больше таза
И стала с тех пор беззаботно счастливой:
Ведь свято поверила, стала красивой.
Тебе не смешно и от этой сказки
О глупо счастливой козе-лупоглазке?
Лишь правду ты хочешь, была чтоб смешная?
Сегодня я только печальную знаю.
Быть может, ты завтра заглянешь ко мне?
Забудется грусть та в сиреневом сне,
В глазах не увидишь и искорки горя,
Тогда и услышишь смешную историю.

* * *

Рассыпь ты крупую свою печаль —
Пусть клюют ее голуби и воробьи.
Станешь рядом и будешь молчать,
Наступивши на горло нелепой любви.
Что-то потеряешь в этой борьбе,
А во что-то перестанешь верить.
Иль забудешь что-то на радость Судьбе, —
Просто новой меркой
что-то станешь мерить.

* * *

Вела меня жизнь по своим дорогам.
Тебя показала. Подарком немногих
Меня наградила — пронзительным чувством.
Но вот я решила, конец той «экскурсии».

Ну, что же, мой друг, нельзя раз иначе,
Пусть жизнь меня сделает эльфом удачи.
Пусть, не ломаясь,
Спичка зажжется,
А в путь отправляясь,
Нога не споткнется.
Дорога прямая —
До самого солнца!
Забота любая
Сквозь пальцы струится,
Вода питьевая —
Живая водица.
Мечта золотая —
И ей всегда сбыться!

Ну, что же, мой друг,
нельзя ведь иначе.
Прощаясь с тобой,
желаю удачи.

* * *

Короткое слово «прощай»,
Но много оттенков имеет.
Кто скажет его, не дыша,
От черной тоски немея.
А кто-то другой — с облегчением,
Сказав это слово, вздохнет:

Вот наконец-то решение
С души его сбросило гнет.
Иной же — завидная доля, —
Как «до свиданья» — не более,
С улыбкой прощанье пошлет.
А кто — в тех оттенках невежда —
Напишет, чуть дрогнув рукой,
«Прощай», — но звенит в нем надежда,
Что новое «Здравствуй» его успокоит.

Я попрощаюсь с вами без боли:
Ведь тысячу раз все отболело.
Но тайная грусть мое сердце колет
Намного сильнее, чем я бы хотела.

* * *

От всей души шагаю по земле,
Смотря на мир открытыми глазами,
И сколько б испытаний не выпадало мне,
За радость улыбаться жизни благодарна.
Нет, не могу сказать, что мне легко живется, —
Немало трудностей в пути встречала.
Но ведь, наверно, это счастьем и зовется,
Когда улыбкой прогоняем мы печали.
От нас самих почти всегда зависит,
Какою стороной судьба к нам повернется:
Иль черной меланхолии развешивает нити,
Иль щедро все расцветит радутою солнца.

С прекрасным чувством шагаю по земле,
Встречая мир улыбкой лучезарной,
И сколько б испытаний ни выпадало мне,
Судьбе своей я неизменно благодарна.

Прочитала свои «сочинения».

*С поэтической точки зрения очень слабы, но забавно, как в них отражается многое.
(10 июня 1991 года)*

ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГАЛИНЫ РЕПКИНОЙ

Из цикла «Сказки Бабушки Галины»

Сборник «Маленькие истории из жизни обитателей Большого Леса и его Опушки»:

«Веселая семейка»

«Пожар в муравейнике»

«Игры Рыжего Волка»

«Лесная школа выживания»

«Заячья охота»

«Сказка-задача»

«Счастье Птицы Феникс»

Сборник «Замечательная жизнь и удивительные приключения Дрони, Проглота и их друзей»:

«Поход против Дракона»

«Необычные события на Опушке леса обычной осенью»

«Подарки Деда Мороза»

«Большая спасательная экспедиция»

«Дела, заботы и праздники Бабы Яги»

Сборник «Легенды Большого Леса»:

«Счастье Птицы Феникс»

«Лесная школа Рыжего волка»

«История большой семьи Волка по имени Дядька Ван»

Отдельными изданиями вышли:

«Планета Радость»

«История большой семьи Волка по имени Дядька Ван»

«Морские приключения Зайчат»

«Странная история»

«Прекрасная родина Качима-Перекасти-Поле»

«Поверьте, почти всё так и было»